

Приокские зори

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2

07

Приокские зори

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2007 — 2(6)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА.....3

ТВОРЧЕСТВО ЮНЫХ

Дмитрий Ткачев. Что есть истина?.....5
Юлия Макеева.....28
Маргарита Калинина.....29
Юлия Соломатина.....31
Ольга Аникеева.....32
Валентина Морозова.....33
Татьяна Мартынова.....34

ПРОЗА: ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ ЭПОХИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ

Алексей Яшин. Тайное и явное.....35

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА. ПОВЕСТЬ

Мария Наумова. Телефонный роман (Глава из романа).....56
Сергей Норильский. Разрыв (Глава из романа).....66
Лина Бендера. Гадкие люди (Повесть).....73

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ

Роман Романов. Короткие рассказы.....89
Виктор Бек. Сказки Бека.....100
Александр Хадарцев. Дорога на Домодедово.....113

ПОЭЗИЯ

Валентин Киреев. *Personalia*.....117
Виктория Ткач.....131
Александр Новгородский.....135

Владимир Сапожников.....	143
Ян Шильт.....	144
<u>ПРАВОСЛАВИЕ В НАШИХ ДУШАХ</u>	
Анна Ключева. Молитвы.....	149
Дарья Тимофеева. Я никого на свете не обижу.....	152
<u>У НАС В ГОСТЯХ</u>	
Юрий Орлов. Мое послание.....	156
Владимир Малаховский. Стихи.....	159
<u>ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ И БИБЛИОГРАФИЯ</u>	
Виктор Пахомов ...Дело рук утопающих.....	162
<u>ВОЙНА И НАША ПОБЕДА — ВЕЧНАЯ ТЕМА</u>	
Аркадий Георгиевич Шипунов. Были ли мы готовы к войне?.....	165
Николай Дронов. Секреты «Пакта о ненападении».....	169
<u>РУССКИЙ ЯЗЫК</u>	
Алексей Третьяков. Повреждение нравов (реплика грамотея).....	180
<u>ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИЕ ЭССЕ</u>	
Алексей Ситников. Непрописанные истины.....	188
Владимир Васин. Предисловие. Система оценок человека.....	205
<u>ВЕЛИКАЯ ДРУЖБА</u>	
Гюлаб Мартиросян. На тернистых дорогах истории.....	211
<u>ДОКУМЕНТЫ ЭПОХИ: ВЛАСТЬ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС</u>	
Александр Яковлев. Против антиисторизма.....	225

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на дискете и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи объемом менее одного авторского листа не возвращаются. Требования к рукописям — см. на 4-й стр. обложки. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены

Вниманию читателей: журнал распространяется преимущественно в библиотечной сети.
Адрес: 300026, Тула, а/я 1842, А. А. Яшину.

Главный редактор Алексей ЯШИН

Редколлегия:

Вячеслав БОТЬ
Виктор ГРЕКОВ (Белев)
Валентин Киреев (Новомосковск)
Олег КОЧЕТКОВ (Коломна)
Валерий МАСЛОВ — координатор межрегиональных связей
Николай МИНАКОВ — зам. главного редактора (публицистика)
Наталья ПАРЫГИНА
Виктор ПАХОМОВ — первый зам. главного редактора
Валерий САВОСТЬЯНОВ — зам. главного редактора (поэзия)
Владимир САПОЖНИКОВ
Константин СТРУКОВ — отв. секретарь
Александр ХАДАРЦЕВ
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва), вице-президент Академии российской литературы
Наталья ХАНИНА

Учредители:

Редколлегия журнала «Приокские зори»
Тульская писательская организация Союза писателей России
Тульский государственный университет (ТулГУ)

Технический редактор Марина Баланюк

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Наш журнал вступил в третий год своего существования, надеемся, небесполезного для литературной жизни Тулы, ее области и соседних регионов, учитывая продекларированный статус «Приокских зорь». По-прежнему нетверда материальная база издания; увы, это прерогатива нашего времени. Но не иссякает энтузиазм и подвижничество издателей журнала, его авторов и многочисленных читателей. По крохам, но растет и тираж. Сразу отметим, что сейчас прошло время массовых периодических литературных изданий, потому, чтобы сделать журнал доступным максимально возможному числу читателей, мы ставим акцент на библиотечном распространении «Приокских зорь». Эта работа ведется планомерно и достаточно успешно.

Уже с прошлого года имеется договоренность с тульским бибколлектором: все десять городских библиотек регулярно получают номера журнала. Активисты Тульской писательской организации Союза писателей России доставляют их в библиотеки различных учреждений культуры города. Наконец решается вопрос о регулярной доставке «Приокских зорь» во все районные библиотеки области, а их почти три десятка.

Другое направление нашей работы в части популяризации журнала — это установление творческих контактов с другими периодическими изданиями на уровне обмена «редакционных портфелей». Соответствующие договоренности уже имеются (и реализуются!) с Независимым литературным агентством «Московский Парнас», издающим известный в стране и за рубежом одноименный альманах, а по сути и журнал с периодичностью восемь номеров в год. Аналогичную форму сотрудничества мы имеем и с одним из старейших периферийных изданий — журналом «Подъем» из Воронежа. Ищем новых коллег. А внутри города таковыми изначально являются газеты «Тульский литератор» и «Тульская правда» — пожалуй, единственная областная газета, имеющая постоянную литературную страницу.

К изданию настоящего номера сформирована, как нам представляется, работоспособная (не формально-представительская) редколлегия. С учетом межрегионального статуса журнала, в нее введены не только представители нашей области (Тула, Белев, Новомосковск), но и всероссийски известные литераторы Москвы и Коломны.

Как мы уже сообщали в рубрике «Колонка главного редактора» в «ПЗ», № 3—4, 2006, текущий год должен явиться для журнала знаковым в том смысле, что весь комплекс мероприятий (финансовая сторона, творческая, популяризационная и пр.), понятно, успешно выполненных, должен подготовить издание к значительному увеличению тиража, всероссийскому признанию и известности, получению свидетельства о регистрации средств массовой информации и международного индекса ISSN и включению в подписной каталог «Роспечати». Несомненно, что все названные мероприятия намного облегчатся при условии поддержки издания областной и городской администрацией. Увы, здесь пока подвижек мало (см. «Колонку...» в «ПЗ», № 3—4, 2006).

Все это, конечно, хорошо и внушает определенный оптимизм, но в итоге-то «вес» журнала и его востребованность читателями в рамках литературного процесса определяется авторами публикаций. Еще раз подчеркнем: «Приокские зори» дружелюбны, абсолютно «не элитарны», открыты для творческих людей любого возраста, объединенных в литературные союзы и кружки, самодеятельных авторов, придержи-

вающихся различных политических и религиозных ориентаций. Мы не приветствуем только пресловутую «групповщину» и на все и вся озлобленных обывателей. Впрочем, им и некогда творить разумное, доброе, вечное...

А теперь к делу. Как это ни выглядит странным (впрочем, это объяснимый в психологии поведения человека момент), но слишком хорошо уже и не хорошо... Организуя издание журнала, инициаторы этого доброго дела слышали многочисленные стенания людей пишущих типа «а вот если бы у нас был свой журнал!». И так далее.

Но вот и объявился журнал, а ведь круг-то авторов узковат, признаемся себе. Начнем с профессионалов пера, так сказать. В городе и области имеются отделения двух творческих союзов страны: Союза писателей России (в обыденной речи именуемого «большим союзом») и Российского союза писателей (именуемого «альтернативным»). В первом из них состоит где-то за сорок литераторов. Но — честно признаюсь себе — где-то на виду, то есть в печати, их не более десяти... Чем занимаются остальные? Что пишут и декламируют? Где печатаются? — Увы, то мне неизвестно. А редакция не устает, возопяя: «Где вы, мастера пера, почему вас так мало на страницах «Приокских зорь»? Молчат тульские литераторы.

Совсем непонятная ситуация с «альтернативщиками». То ли их отвращает давняя, уже забытая вражда двух союзов первой половины 90-х годов, учитывая, что журнал издается под эгидой «большого союза», а может, и нечто другое, inferнальное? Но в «Приокских зорях» эту группу литераторов и вовсе не видим. Неоднократно я разговаривал с С. И. Галкиным, ответственным секретарем областной организации Российского союза писателей. Сергей Иванович горячо заверял: примем активное участие, будем готовить «журнал в журнале» — подборки авторов и так далее. Но воз и ныне там...

Далеко не в полную силу и мощь представлены на страницах «Приокских зорь» литераторы-профессионалы из Новомосковска, составляющие активную и не малую числом часть членов Тульской писательской организации СП России. Конечно, они издают — и довольно регулярно — свой альманах «НЛО» (Новомосковское литобъединение), но ведь это не журнал с его возможностями? Надеемся, что с введением в состав редколлегии «ПЗ» руководителя «НЛО» Валентина Киреева ситуация изменится к лучшему...

Более активны самостоятельные авторы, особенно поэты и члены многочисленных в Туле и области литературных объединений и кружков. Неоднократно редколлегия обращалась к наставникам этих объединений представлять в журнале подборки произведений своих подопечных. — И опять какое-то сопротивление. Откликнулось только литобъединение «Светозарник» из Плавска; здесь инициатором выступила Ирина Пархоменко, сама автор журнала.

...Так и хочется порой вскричать в манере Маяковского:

*Литераторы!
Где вы творите?
Закрывать не надо
В мелкотемье
Междусобойчиков...
Марш на страницы «ПЗ»!*

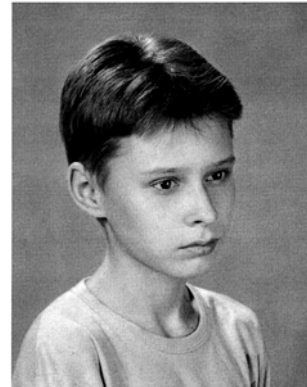
Конечно, литераторы не коты, а редколлегия не хозяйка оных, загоняющая своих питомцев домой с уличной вольницы. А вольному — воля, но литературный процесс есть дело не только личное, ибо творческий человек по определению уже принадлежит своим читателям. Для того и издаются журналы, чтобы литератор мог в полной мере реализовать себя.

...Похоже, что это уже не «колонка», а проповедь, поэтому ограничимся вышеизложенным. Имея в виду сказанное, солидную часть настоящего номера журнала отдаем творчеству юных и самостоятельных авторов, ибо они — залог продолжения и развития великой русской литературы.

ТВОРЧЕСТВО ЮНЫХ

Дмитрий Ткачев

ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА

*Все, что можно написать —
уже написано.
Все, что нужно сказать —
сказано.
Остается лишь искать
истину,
Миллионы лет назад
найденную
Да невеждами украденную.
Как много мы сделали
Как много мы сделали
в жизни ошибок.
Как много нам сделать
еще предстоит.
Ошибки нужны,
но нужны ли сомнения?
Сомнения?...
не знаю.
Быть может, нужны?..*

Сомнения

Мне тринадцать лет. У меня, наверное, трудный характер. Скорее всего не «наверное», а точно, хотя внешне это ни в чем не проявляется. Сколько себя помню, во мне всегда что-то протестует. Для меня в жизни много непонятного. От этого мучаюсь, пытаюсь разгадать события и явления. Мои противоречия начались с раннего детства, даже с самого рождения. Мама рассказывала, что если проснувшись я тот час же не находил поставленную бутылочку с питанием, начинал истошно кричать и совсем отказываться от еды. Когда подросток, пользовался обиходными словами: «папа», «мама», «баба», «тетя», «дай».

Остальные слова плохо получались, поэтому я их вообще не говорил. Бабушка

терпеливо учила меня разговорной речи по книге «Русский язык в картинках», но я упорно молчал. Стали беспокоиться, смогу ли вообще заговорить. Но в один прекрасный день, когда, видимо, созрели мои «умственные способности и речь», я взял книгу и стал «читать» все, о чем меня так долго и упорно учили, чем привел в шок всю семью.

А вот этот протест я уже помню. Все домашние окружали меня вниманием и заботой. Среди старших членов семьи были прабабушка и бабушка. Вот тут я никак не мог понять, почему я должен их обеих звать «бабушкой». Одна действительно была бабушкой — старенькая, в платочке, в очках, возлежащая на кровати и постоянно угощающая меня чем-нибудь вкусеньким. А вторая, с красивой прической, молодая, гуляющая со мной в парке, читающая мне книги и все что-то объясняющая — тоже бабушка? Я решил твердо: буду называть ее Томой, как называл дед. Вот с тех пор я и зову свою бабушку Томой.

Мне легче все воспринимать на слух. Я слушаю речь и удивляюсь красоте звуков. Они, звуки, для меня живые, как солнце, которое дотрагивается до щек, как птицы, что снуют меж листьев деревьев, как дуновение ветра. И вот придя в первый класс, узнаю, что слова пишутся не так, как слышатся. Приходится учить правила, подчиняться им. Почему? Почему уже с первого класса меня заставляют «подчиняться»? Я же не делаю ничего плохого. Я люблю эту речь, эти звуки: «девица», «синица», «неспица» (в смысле «не спится»). И я должен подчиняться этим правилам. И я подчиняюсь. Но душа моя протестует. И чем дальше, тем больше подобных протестов.

Очень люблю природу и стихи. Меня волнует произведения Льва Толстого, Пушкина, Лермонтова, Есенина и других русских гениев. Поэзию Пушкина воспринимаю как музыку, как картинную галерею, как чудесный сказочный фильм с яркими красками, освещенными солнцем. После чтения стихов Лермонтова тут же хватаюсь за кисть. Мне хочется нарисовать «каждое произведение». Помню, когда мне было пять лет, и Тома прочитала стихотворение «Утес», я сделал около 5—6 иллюстраций с плачущим утесом. У него были глаза, нос, рот и по «щекам» катились огромные капли слез. Поразили меня стихи Есенина. Так чувствовать Природу может только он.

Но когда я со временем узнал о судьбах поэтов, для меня это открытие стало болезненным протестом против человечества. Как можно ему, человечеству, так обращаться с великими дарами природы? Откуда на Земле зависть, зло, клеветничество? Зачем, зачем все это существует? Зачем войны, ненависть? Ведь жизнь такая удивительная! А природа так необыкновенно разнообразна, что и всей жизни не хватит, чтобы все увидеть и услышать. Если даже каждую минуту рассматривать экземпляр, созданный природой, то на это, уж точно, не хватит жизни. А каждый экземпляр — это уникал, это непередаваемая таинственная красота. Каждая травинка, листок, цветок, насекомое, зверь имеют свою индивидуальность.

А человек? Что же ты, природа, сделала его таким несовершенным? Он так жесток к тебе, так алчен, так охоч к твоим дарам, что поступает хуже зверя.

Зверь добывает пищу, чтобы насытиться. Остатки тщательно уничтожаются микробами, для удобрения почвы. А человек занимается непомерным чревоугодием, используя твои запасы для безмерного личного (а нужного ли?) обогащения, внося в жизнь планеты замусоренность, хаос, войны, терроризм. Да, ты, природа, отчаявшись, наказываешь человечество бурями, грозами, цунами, извержениями. Но ведь это бесполезно!

Люди тотчас восстанавливают разрушенное и продолжают свое никчемное существование. И ничего нельзя поделать. Остается надежда на учение Оригена, который еще во втором столетии новой эры писал, что человечество из века в век проходит

«школу жизни» и что придет такое время, когда оно повзрослеет. Но до этого очень и очень далеко. А пока слишком дорого обходятся для тебя, природа, эти жестокие «детские» шалости.

Но может «взросление» стоит начать с нашего XXI века? Может, стоит отменить все правила, что навывдумывало за столько веков человечество, а всем стать жить по твоим законам, природа? Тогда только люди смогут очиститься от злобы, сквернословия, зависти и будут выходить из своих жилищ на воздух, как в храм. А храм-то за каждой дверью — это ты, природа! А пока люди понастроили тысячи приходов и церквей. Небольшими группками ходят туда, ища искупление грехов и истину.

Ты, природа, как заботливая, здоровая телом и духом мать, дала людям все необходимое для жизни: разум, несметные богатства — живи и радуйся, человечество! Учись, чтобы стать мудрым, трудись, чтобы создавать шедевры, отдыхай, чтобы восстанавливать силы! А человечество забыло о всех твоих науках, природа. Человечество, как больной сын-наркоман, приносит тебе только горе, растаскивает и уничтожает твои богатства. Что делать? Да лечить нужно. И как можно скорее, пока оно не погубило себя, да и тебя заодно, природа.

Где-то с третьего класса, я стал излагать свои мысли в дневниках, записывая то, что волновало. Но не было системы, а часто времени. Перечитав свои записи, раздражался и рвал написанное. Опять же эти сомнения: почему все не так, почему я такой? Задумывался: а может, и окружающие в глубине души тоже в вечном сомнении, но вот установленные людьми «правила» заставляют их вести себя не так, как хочется, а подчиняются принятому этикету.

Я очень внимательно всматривался в лица сверстников и ловил себя на мысли, что они не сомневаются, а смеются и резвятся от души, что их ничто не мучает, они счастливы по-настоящему. Понимал, что им дела нет до моих проблем и исканий.

Мое отношение к соклассникам самое уважительное. Каждый из них интересная, разносторонняя личность. Я даже счастлив, что нахожусь в окружении этих людей, потому что чувствую, что и они ко мне относятся уважительно. Мы вместе учимся уже семь лет, и каждый раз я вижу их чистые глаза и помыслы. Конечно, это и влияние наших педагогов, которые стараются, даже не стараются, а стремятся посеять в наши души доброе семя. И у них это получается, так как многие из них, как говорится, «учителя от Бога».

Что подвигло меня написать все это, выразить свои мысли на бумаге? Во-первых — у меня потребность что-либо писать. Во-вторых — хочется знать, есть ли у меня единомышленники, которых также грызут вечные сомнения?

Случилось так, что я впервые оказался оторванным от друзей и родных на 22 дня. Это была поездка в Анапу. До этого я никогда не видел моря. Обрадованный представлением случаем, стал собираться в дорогу, боясь, как бы что не сорвалось. Заранее приготовил чемодан, собрав минимум вещей: фотоаппарат, блокнот для записей, плеер и книгу со стихами русских поэтов. Особое место в этой книге занимало стихотворение Лермонтова «Смерть поэта». Я знал его наизусть с третьего класса, оно так поразило мое воображение, что я постоянно, из года в год мог его перечитывать, цитировать наизусть. Окинув взглядом все книги, произвольно выбрал именно эту.

Поездка состоялась. Эти 22 дня стали для меня временем плотных размышлений. Представилась возможность каждый день писать дневник, выражать свои мысли и сомнения, искать ответы на вечно терзаемые вопросы.

Вот все это я хотел бы отдать на суд читателей. Сомневаюсь только, будет ли кому интересно? А может быть, у меня нет единомышленников? Если же таковы найдутся, то хочется, чтобы они стали моими друзьями. И не только друзьями, а единосотрудниками предложенного мною Мира.

Отъезд

Декабрь 2004 года. Автобус с нашей группой выехал из Тулы. Через тридцать минут что-то случилось с мотором. Водитель занимался ремонтом минут десять. В автобусе пятьдесят человек, не считая водителя и трех сопровождающих. По приезде в Москву вышли на Казанском вокзале, отправились в зал ожидания. За это время я успел перекусить бутербродами с соком и двумя мандаринами. Позвонила Тома, спросила, как дела. Я ответил, что все в порядке.

В поезде мы с Антоном — познакомились на вокзале — заняли две верхние полки. Разложив вещи, умывшись, я лег спать. Долго не мог заснуть, хотя было около двух часов ночи.

Утром проснулся в девять часов, но заснул опять и проспал до одиннадцати. После завтрака стал общаться с ребятами: Антоном, Женей и Павлом. Всего интереснее оказалось беседовать с Павликом, несмотря на то, что он был самым младший (десять лет). О чем бы с ним не начинал разговаривать, было интересно. Он отлично знал историю. Но не ту, что проходят по школьной программе, а ту, что изучал самостоятельно. В основном его интересовали войны: кто, когда и с кем воевал, как проходили сражения, какая тактика использовалась противником, сколько было жертв. К тому же он замечательно ориентировался по карте. Меня очень заинтересовали его суждения о происхождении человека. Он знал, что ученые предполагают о существовании пяти людских рас. Зная гипотезы о происхождении человека от обезьяны, придерживался их, но сказал, что в них много выдуманного и поэтому не отрицал и другие мнения о происхождении человечества. Так мы проговорили с ним почти до вечера.

Все легли спать, а мы с Антоном решили посидеть еще, так как проезжали мимо Ростова-на-Дону. Из окна поезда был виден Дон. Я не мог оторвать от него глаз. Дон был настолько прекрасен, что даже в темноте поражал своим величием — могучая широкая река, протянувшаяся почти на две тысячи километров. В этом могуществе и величии чувствовалось что-то родное, до боли знакомое, раздольное, как песня. Мне ужасно хотелось остановиться и побыть наедине с Доном. Я уснул приблизительно через час после того, как исчезли яркие огни города Ростова.

На следующий день, встав в шесть часов, мы собрали сумки и покинули душный, но уже полюбившийся вагон. На платформе был сильный гололед и моросил дождь. Наша группа сложила багаж в ожидавший нас автобус, и мы, заняв места, поехали в Анапу. Поездка была недолгой — около часа. Остановились прямо напротив санатория «Надежда». При выходе из теплого автобуса мне стало ужасно холодно, видимо с непривычки, т.к. в дальнейшем в этой же одежде я чувствовал себя комфортно. Воздух показался мне очень влажным. Зайдя в помещение, я с трудом обогрелся.

Встреча с морем

Не буду рассказывать, как освоился на новом месте, скажу только, что поселили меня с тремя четырнадцатилетними великорослыми подростками, с которыми я сразу нашел общий язык и стал им вроде младшего брата.

Не терпелось увидеть море. Наконец, после тихого часа, наша группка (под номером одиннадцать) отправилась к причалу. Воду я увидел примерно за сто метров, но когда спустились на берег, усыпанный щебнем, я был поражен. Сложно передать чувства, испытанные мною, в этот момент. Увидя (увидев) взволнованные волны, бьющиеся о берег, огромные массы воды, которые уходили далеко за горизонт, ощутив влагу и ни с чем несравнимую свежесть бриза, дующего в сторону города, я был просто изумлен этим великолепием. В этот момент показалось, что волны хотят мне что-то сказать, доверить очень важную Истину, настолько простую и ясную и в то же

время загадочную и тайную. Я подошел к самой воде и вдруг... И вдруг что-то случилось. Что-то замечательное и в то же время печальное. Как будто море поведало мне все то, что оно знает, все то, что чувствует, все то, что его тревожит и пугает, все то, что его радует. В этот момент во мне что-то изменилось. Мне хотелось рыдать, кричать как младенцу, хотелось полюбить все и всех.

Неожиданно эти чувства сменились порывом дикой злобы на ребят и на себя. Я с трудом сдерживал эти эмоции. Дети из нашего отряда стали набирать камни и бросать их в море. Любой скажет, что в этом нет ничего особенного. Но в этот момент мне казалось, что они кидают камни в близкого мне человека. Человека, которого я люблю всей душой, человека намного старше и мудрее нас, которого мы все должны защищать, лелеять, оберегать.

Все это произошло в одно мгновение. В одно мгновение моя жизнь в корне изменилась. Мне стало ясно, ради чего мы живем. Я раньше это только чувствовал, но не знал. Здесь, на берегу моря, я почувствовал себя таким маленьким и ничтожным. А мне хотелось стать великаном и оградить море от несправедливого отношения к нему. Вдруг волны стали как бы наступать на меня. Это было похоже на прилив. Вода надвигалась стремительно, а мне казалось, что море просило меня, как своего лучшего друга, объяснить людям, что самое главное на Земле — Природа, а не величие многонаселенных городов. Объяснить доступным языком, что в наши дни человечество не развивается, а самоуничтожается. Уничтожает не только себя, но и все окружающее, всеми возможными и невозможными способами.

Мои размышления прервал голос нашего сопровождающего. Нужно было возвращаться. Я был бесконечно благодарен морю за эту встречу и, попрощавшись, пошел дальше от берега. Солнце уже начинало садиться. И без того пасмурное, затянутое тучами небо, стало еще мрачнее. Заметно похолодало, подул сильный ветер.

Сон

Возвращались мы по берегу, мимо причала, на котором стояло много кораблей, катеров и небольших лодок. Увидя (увидев) военный корабль я подумал: «Зачем нужны людям войны? Ведь земля такая большая!». Мне было это непонятно. В эту ночь мне приснился странный сон, который я, видимо, не смогу забыть. Этот сон был похож на фильм. Я смотрел на происходящее как бы со стороны, сверху.

Лабиринт, по которому движутся люди. Некоторые из них уже добрались к выходу, а некоторые только начали свой путь. Те, кто вначале движутся быстро, ударяются о стены, постоянно попадают в тупик. А те, кто рядом с выходом, идут не торопясь, тоже попадают в тупик, но быстро выбирают. Казалось, что все они просто глупо бьются о стены и, наконец, достигают выхода. У меня создалось впечатление, что вся эта безумно движущаяся толпа не может понять чего-то очень простого, того, что она должна знать. Но кто-то или что-то ей мешает. Все эти люди не знают какую-то истину, а может, и не хотят знать. Даже, если бы им открыли эту истину, они бы ее отвергли, не пытались понять, выкинули бы за ненадобностью. Иногда казалось, что некоторые способны понять и даже хотят этого, но не могут. Люди были не готовы...

Внезапно меня разбудил чей-то голос. Надо было идти в столовую. По дороге я обдумывал сон. Мне стало ясно: вся жизнь человека — это огромный лабиринт, по которому он должен пройти достойно, учась на своих ошибках. Тогда истина к нему будет ближе.

Судить о том, как человек прожил жизнь, можно по пути пройденного лабиринта, потому, сколько раз он попадал в тупик, и сколько раз находил верный путь. Обдумывать каждый шаг будет глупо. Нужно жить так, как подсказывает тебе твоя интуиция, важно быть честным перед самим собой. Душа человека — главный

путеводитель в жизни. Я понял, как никчемны те люди, которые хотят быть как все, подстраиваясь под толпу, не имея своего мнения. Они мечутся от одного тупика к другому и не осознают, что подстраиваясь, только увеличивают хаос жизни. В жизненном лабиринте все продумано. Попадая в тупик человек становится мудрее, но если он попадает на всю свою жизнь (а не в молодости), то он ничему не научился. Он не понял, как и зачем живет, зачем вообще появился на свет.

Начало лабиринта — это рождение, конец — смерть. Вот только все ли доходят до конца? Наверное, нет. Например, при самоубийстве человек находит для себя легкий выход, но в итоге этот выход оказывается неверным. Что же случается с его душой? Не знаю. Видимо, в жизни приходится преодолевать трудности, которые представлены судьбой — это твой лабиринт. Путь, который нужно пройти от начала до конца, чтобы узнать истину предназначения. И для этого не обязательно, как многие считают, ходить в церковь, молиться, давать монашеский обет, быть абсолютно безгрешным. Нужно жить по совести, как подсказывает тебе интуиция.

Придя в корпус, я сел и записал все свои мысли, пока остальные были на дискотеке. После чего сходил в душ и лег спать, но долго не засыпал. В голове рождались строки. Пришлось встать и записать то, что навеяли размышления:

*Не спрашивай,
зачем пришел на Землю,
Явился в рай
аркадской красоты.
Планета настороженная
внемлет,
Оценивает,
чем займешься ты.
Ты одарен
луной, травой, цветами,
Водой и солнцем,
звездами, дождем.
И важно,
чтоб не растерял с годами
Уверенность,
что верным шел путем.
И, уходя
к забвению причала,
Когда уже лишишься
жизни сил,
Ты бойся,
чтоб вослед не прозвучало:
«Зачем на эту Землю приходил?»*

После, уже дома, я возвращался к записям в дневнике, а именно о жизненном лабиринте. Сначала размышлял над вопросом, не дававшим покоя: что случается с душой, если она не добирается до выхода,— но ответа так и не нашел. Правильнее всего, как мне казалось, было предположение Павлика. Он сказал, что, скорее всего, душа так и остается в лабиринте, метаясь из стороны в сторону, не находя выхода, но это при самоубийстве. В том случае, если человека убили, душа выбирается, но с большим трудом. Кроме того, мне кажется, эти мятущиеся души вносят сумятицу в идущих, вторгаясь в их мысли. Ведь души — это те же сгустки энергии, волны, которые мы не видим, так же, как мы не видим радиотелефонные волны. По-моему это самый логичный вывод. Вот только правильный ли?

Вдруг я вспомнил еще одну мысль, пришедшую ко мне в поезде во время размышлений о духовной чистоте природы. Жизненный лабиринт животных больше похож на тоннель, т.к. природа не имеет злых мыслей, а следовательно, не попадает в тупики. Хотя, может быть, и попадает, но это не тупик, а что-то вроде объезда, запасного пути, по которому нужно пройти, чтобы научиться выживать.

В начале человеческий и животный пути были похожи, но люди стали развиваться и все чаще и чаще попадать в тупик, тут-то и стал образовываться лабиринт. Человек, в отличие от животных, постоянно стоит перед выбором, т.к. путей и выходов у лабиринта много, но путь к сожалению, чаще всего, оказывается неверным, а все потому, что человек оторвался от природы в погоне за материальными ценностями. Топчется, бессмысленно хватая все вокруг для себя и только для себя, не гнушаясь даже тем, что под стопы его ног попадают его сородичи в результате жизненной толчеи. Тут уж нет речи о внутреннем голосе, к которому следует прислушаться, который безошибочно подсказал бы выход из любой ситуации.

Неожиданно пришла мысль, что лабиринт имеет форму шара. Он не плоский, как я думал раньше. И выходов в нем, как углублений от падающих капель в талом снеге, очень много. И в том странном сне я видел не плоскость, а как бы огромный шар в разрезе. Невольно возникает вопрос: как человек будучи венцом природы, может быть настолько бездушен и грешен? И вообще, с какой целью все мы живем на этой замечательной планете, где все взаимосвязано между собой, а люди, как вирус, занесенный непонятно откуда.

Грустное море

День очень пасмурный. Почему-то грустно. То ли из-за беспокойных волн, ожесточенно бьющихся о берег, то ли из-за хмурого неба, слегка морозящего мелким дождиком. Я заметил, что море тоже грустит. Грустили и деревья, низко опустив ветви, грустит вся природа о чем-то неуловимом, что нельзя понять разумом, а только почувствовать сердцем. Видимо, я один разделял эту грусть. Ребятам, находившимся рядом, было весело. Они о чем-то громко разговаривали, смеялись, бегали друг за другом.

А мне захотелось уединиться и в тишине разделить грусть моря. Не спеша, я уходил все дальше и дальше от беззаботно щебечущей стайки ребят. Вскоре их голоса стали едва слышны. Я остановился и с удовольствием любовался картиной сливающихся воедино воды, суши и неба. От этого зрелища невозможно было оторвать взгляд, особенно в тот момент, когда небо слегка окрасилось заходящим солнцем и отразилось прозрачно-синеватым оттенком в воде. Цвета менялись ежеминутно: от сине-голубых до фиолетово-розовых. И вдруг мне показалось, что какой-то невидимый, хорошо слаженный оркестр наигрывает удивительную мелодию. Она льется постепенно и широко, охватывая все морское пространство, из этой сине-голубой дали. То взмывая высоко в небо, то затихая, а волны вторят ей своим шумовым эффектом.

Грустная музыка моря. Грустная и торжественная. О чем ты хочешь поведать? О какой тайне, скрытой в твоих глубинах? Ведь море хранит столько неразгаданного, недоступного человечеству. Море — это самая величественная и таинственная загадка Земли.

Дискотека

Вечером все отправились на дискотеку. Конечно, испытываешь определенное удовольствие от того, что гремит музыка так, что тебя не слышит рядом стоящий. Даже если ты закричишь во весь голос. От полной темноты, которая периодически прерывается яркими вспышками света ультрафиолетовой лампы, выделяется все бе-

лое, даже зубы. Становится дурно, мутится рассудок. Создается впечатление, что кто-то невидимый сверху, из темноты, ожесточенно дергает за тысячу нитей, приводя все в однообразное, нелепое, неестественное движение. А глаза! Их надо видеть! У всех одинаково застывший, бессмысленный взгляд и неестественная улыбка на губах. Похоже, что в зале собралось большое количество оживших манекенов.

Зачем все это? Разве не лучше реальная жизнь? А сколько создано прекрасной музыки, которую можно слушать часами. А что может сравниться с вечерней музыкой грустного моря! Да, человеку нужна разрядка, ритм, темп, но не в таком количестве и не в таком оформлении.

Вернувшись с дискотеки, наша комната долго и возбужденно шумела. Никто не мог уснуть. Угломонились далеко за полночь. Сквозь сон я вновь услышал мелодию грустного моря. Приоткрыв глаза, я взглянул в окно и с удивлением отметил, что небо стало за такой короткий срок совершенно чистым. Звезды кружились в медленном танце. И я подумал: «Перед величием природы отступает все на второй план. Кто-то недобрый придумал тот гром и грохот дискотеки, чтобы отвлечь людей от прекрасного, естественного. От того, для чего человек пришел на эту планету: наблюдать, любоваться и восхищаться созданным природой, слушать музыку ветра, разглядывать картины облаков, разгадывать тайны и бережно относиться к каждой былинке». А небо сияло и переливалось вечным светом звезд.

Голуби

Сегодня с утра прекрасное настроение. Ярко светит солнце. После завтрака и процедур — прогулка к морю. Дул теплый ветерок. Казалось, что наступила весна. Мы шли по набережной, выложенной брусчаткой, находившейся над морем на высоте около пяти метров, в квадратных промежутках росли деревья, вокруг которых зеленели газоны. На площадке разгуливали голуби. Это были не те пугливые и вечно голодные голуби, которые летают по улицам и скверам Тулы в поисках пищи, постоянно испуганно вспархивающие от приближающихся прохожих. Это были анапские голуби — сытые и горделивые. Они шествовали, высоко подняв голову и выставляя вперед длинную шею.

Рассматривая голубей, я невольно натолкнулся взглядом на небольшие хвойные деревца, высотой не более метра, окруженные газонами. При малейшем порыве ветра каждая хвоинка шевелилась. Казалось, что им холодно. А может быть, эти маленькие модницы просто хотели, чтобы на них обратили внимание. Со смотровой площадки открывался замечательный вид на море и на большие камни, лежащие на берегу. Было видно множество чаек, плавающих неподалеку от берега. Спустившись по массивным ступеням и пройдя через огромные ворота, наша группа вышла на пляж, усыпанный влажным песком вперемешку с камнями и множеством ракушек у берега.

У моря сегодня было замечательное настроение. Оно играло, веселилось, переливалось на солнце всеми цветами радуги. Увидев большое количество ракушек, все сразу набросились и стали их собирать. Я так увлекся, что не заметил, как приблизилась большая волна и окатила мои ноги почти до колен. Вдруг я опять увидел подошедших совсем близко голубей. Я вынул горсть семечек из кармана куртки и протянул руку голубям. Каково же было мое удивление, когда голуби без всякого страха стали клевать семечки прямо с ладони.

«Наверное, они такие ручные потому, что местные жители хорошо к ним относятся», — подумал я. Спокойно, не боясь вспугнуть голубей, я достал фотоаппарат и сделал снимок. Внезапно приблизилась большая волна и все, кто находился рядом, отбежали на несколько метров. Голуби тоже взлетели, но с отливом волны опять опустились на песчаный пляж.

Набрав большое количество ракушек и получив массу впечатлений, все построились и пошли на Казачий рынок, который находился недалеко от пляжа. Там я надеялся купить шапочку для плавания в бассейне (свою забыл дома), но, обойдя весь рынок, так ничего и не отыскал.

С рынка сразу отправились в столовую, не заходя в корпус. Вернувшись из столовой, я почувствовал, что сильно болит горло. Думал, что к вечеру все пройдет и сел писать дневник. К ночи горло прихватило, боль стала сильнее и вдобавок заболела голова, поднялась температура. Меня направили в изолятор, находящийся на первом этаже. Пробыл в изоляторе три дня, благо погода в эти три дня была хмурая и ветреная.

Утро. Звенит сотовый — мама. После осмотра разрешили вернуться в отряд. Ребята встретили меня с радостью. Происходящие события смешались в голове, создавая путаницу. Думал о том, что попадая в новый коллектив, не стоит сразу заводить знакомства с понравившимися тебе людьми. Первое знакомство — это как стакан с водой с примесью песка и глины. Поначалу это мутная жидкость, в которой все частицы движутся беспорядочно. Затем песок и глина оседают, вода поднимается на поверхность. Так и среди людей. Когда образуются группы, становится ясно, с кем интереснее общаться. Но тут встает вопрос: а захотят ли общаться с тобой? Не будет ли твое общение кому-то в тягость?

Анапа — Новороссийск — Анапа

После обеда отправились в Новороссийск. В салоне автобуса было очень уютно: мягкие кресла в чехлах, чистый пол, небольшой обогреватель под каждым креслом, динамики на потолке, из которых раздавался четкий, поясняющий маршрут, голос. Женщина-экскурсовод по пути следования рассказала, что в этих краях выращивают виноград, в основном для получения вина, а также грецкие орехи и многое другое.

Виноградники похожи на лианы, расстилающиеся по земле. Рядом с кустами стояли небольшие столбики, как нам сказали, из бетона. Раньше столбики были деревянными, но из-за влажности климата постоянно менялись, что приводило к вырубке лесных территорий. Проезжая анапскую границу, я заметил, что поля постепенно стали сменяться горными хребтами. Теперь большая часть дороги проходила по возвышенности. С высоты открывался замечательный вид на зеленеющие просторы, кое-где покрытые лесами. Порой казалось, что это все видится с высоты птичьего полета, особенно когда автобус проезжал через горный перевал. Узкая извилистая дорога буквально взмывала в небо.

Через некоторое время началось снижение, и автобус въехал в тоннель. Тоннель представлял собой ров, не имеющий крыши. Стены — четырехметровый срез горной породы, в которой преобладал камень желтого цвета. Экскурсовод сообщила, что из этого камня получают цемент и рассказала о русском ученом, впервые открывшим способ изготовления цемента в этих местах. По всему пути от Анапы до Новороссийска было очень много монументов, воздвигнутых в честь памяти погибших воинов в годы Великой Отечественной войны. Большую часть пути экскурсовод рассказывала о боях, происходивших в этих местах.

Наконец автобус прибыл в Новороссийск. Бросилось в глаза, что город разделен на две части. Первая — старый Новороссийск, построенный в конце восемнадцатого века, а вторая поражала однообразием современных многоэтажек. По всему городу, как и по дороге к нему, было множество обелисков и памятников. Один из них — памятник Л. И. Брежневу.

Автобус остановился напротив огромного крейсера «Михаил Кутузов». Крейсер не действующий. Он выполняет роль музея, стоящего на воде. В голове не укладывалось: как можно создать такую громадную конструкцию и зачем? Обойдя корабль,

рассмотрев его пушки, зайдя в трюм, я все еще задавал этот вопрос — зачем? Зачем эта мощь? Чтобы люди уничтожали друг друга? А зачем? Зачем нужна эта тяжелая железная память, унесшая жизни тысячи и тысячи людей? Спустившись по трапу с крейсера, мы сели в автобус и поехали на Малую землю.

Малая земля — это место героических сражений за Новороссийск. Там во время войны высаживался десант, освобождавший город от фашистов. На Малой земле погибло много людей: солдат, партизан, а также простых, ни в чем не повинных, мирных жителей. Зачем все это? Для чего человеку дан разум? И кто управляет им? Готов ли кто-либо ответить на этот вопрос?

Подъехав к берегу, мы увидели два огромных монумента. Один из них находился на берегу и представлял собой нос катера, высовывающийся из воды. Высота его была около шестидесяти метров. Одним концом монумент уходил в море, а другим — врезался в сушу. На левой стороне монумента были высечены девять солдат-десантников, ростом около девяти метров. Второй монумент, находящийся недалеко от автобуса, был менее массивен и сложен, но столь же впечатляющий. С берега казалось, что он держит на себе заходящее солнце.

Спустившись к воде, я стал собирать камни. Каких только форм и цветов они не были! От мелких галек до огромных булыжников. Некоторые симметричны, другие — причудливой неправильной формы. Одни гладко обточены морем, другие со множеством шероховатостей. Но всех их объединяло одно — они были прекрасны. Прекрасны, как все, созданное природой. Казалось, что море, желая поделиться с людьми этой прелестью, специально выносит по волнам эти камни на берег. Но люди этого не понимали. Они брали эти предметы изыска в руки только для того, чтобы бросить их обратно в море, не оценив благородство поступка. Было обидно это видеть.

Возвращаясь в автобус, я увидел выставку военной техники. Стоявшие внизу танки и пушки были нацелены в небо и огорожены решеткой. За вход надо было платить. Зачем, если все и так прекрасно видно. На этом экскурсии закончились, и мы направились в Анапу. Экскурсовод молчала, и я уснул, а проснулся только тогда, когда подъехали к санаторию. День был очень насыщенный и познавательный. Я получил массу впечатлений от увиденного. За ночь просыпался несколько раз, но только потому, что в комнате было душно.

На пляже

После завтра Новый год, а сегодня ходили на пляж. Шли обычным путем, через смотровую площадку, рядом с которой стояли палатки с сувенирами. В одной из палаток я купил две ракушки с изображением дельфинов на морской волне. Я заметил, что небо стало затягиваться тучами, образовавшими темный занавес на протяжении всего горизонта. Стало неуютно. Лишь массивные железные столбы стояли с непоколебимым равнодушием, поглядывая на море. Группа медленно спустилась к пляжу. Затянутое тучами, но просвечивающее кое-где лучами солнце, не торопясь и как-то сонно садилось, отчего становилось все темнее и темнее.

Подойдя к воде, мы стали рассматривать ракушки, выброшенные волнами на песок. Вдруг я увидел небольшого моллюска, лежащего на земле. Его створки были плотно закрыты, поэтому стало ясно, что моллюск живой. Сначала решил взять его на память, но потом передумал и закинул в море это маленькое, прочно защищенное существо. Проходя обратно мимо лавки с сувенирами, услышал возмущенный голос продавца-грузина, что-то доказывающего нашей сопровождающей. Оказалось, что кто-то украл с прилавка зажигалку и сто рублей денег и что, кроме нашей группы, никто не подходил. Но все дали честное слово, что не брали, и инцидент был разрешен.

Вечером не было ничего особенного. Разве что хотелось побыть одному в тиши-

не. Дождавшись, когда все уйдут, я сел писать дневник, но вдруг остро почувствовал, что соскучился по дому. Вспомнил маму, постоянно поздними вечерами склоненную над книгами. Вместо дневника стали приходить строчки стихов.

Мама

С мамой у меня всегда доверительные отношения. Она мой большой друг. Я могу с ней поделиться самым сокровенным. Она всегда меня поймет и правильно все рассудит. Я поймал себя на мысли, что, когда смотрю как бьются о берег волны, вспоминаю маму. Вспоминаю потому, что в это время хочется, чтобы она была рядом и видела то, что вижу я. Но главное я не понимал, и это понятие пришло только сейчас, когда я сижу один и во мне слагаются стихи — это ритмы бьющихся волн.

Я не считаю себя поэтом, ибо им нужно родиться. Жизнь у них — «ни дня без строчки». У меня не так. Ко мне стихи приходят неожиданно, сами. Нужно только их записать. Часа через два заглянуть на написанное и, может быть, изменить два-три слова. Вот и все. Такое случалось со мной и тогда, когда я еще не умел писать сам. Я бежал к Томе, требовал, чтобы она быстрее записывала и продолжал игру. Вот и сейчас я записывал:

*Мне не хватает здесь тебя,
Как снега перламутро-белого,
Где солнце, нежно теребя,
Ласкает щеки загорелые.
Где от занятий жизнь вольна,
Где море Черное, но синее.
Мне чудится, что ты волна,
Такая хрупкая, но сильная!
Мне не хватает умных глаз,
Зеленых, с дивной поволокою
И вспоминаю я подчас
Тебя веселою иль строгою.
Ты, наклонившись над столом,
Сидишь до полуночи с книжками,
И умиляюсь я тайком
Твоей мальчишескою стрижкою.
Мне не хватает твоих слов:
«Какой ты, все-таки, упрямый».
Мне не хватает даже снов,
В которых ты приходишь, мама.*

Решил, что это будет моим новогодним поздравлением. Ночью плохо спал, так как мучил кашель, появившийся ни с того ни с сего и прошедший только под утро.

Новый год

Совсем не чувствуется, что сегодня наступит Новый год. Какой же Новый год без снега, да еще при температуре плюс десять, при зеленеющей траве и с пушистыми изумрудными деревьями? Встал, как обычно, в полвосьмого. Вышел пораньше из корпуса, чтобы подышать свежим воздухом и полюбоваться на причудливые формы деревьев. Деревья действительно были великолепны. Разные формы в своем сочетании представляли живописную картину. Насмотревшись и надышавшись, я прогулочным шагом направился в корпус.

Вечером, когда все ушли на дискотеку, решил навести порядок в комнате. Хотелось, чтобы перед Новым годом все было чисто. Часов в одиннадцать все стали ходить из комнаты в комнату и поздравлять друг друга с Новым годом. Потом собрались в холле смотреть новогоднюю программу и слушать официальное поздравление.

За окном прогремел салют, осветивший все небо. Целую минуту палили непрекращающиеся залпы, вызывающие возгласы восторга. Это было действительно ослепительное зрелище. Оставалось пять минут до Нового года. По телевизору выступал Максим Галкин, политкорректно пародируя президента. Закончил словами: «А теперь предоставим слово президенту России — Владимиру Владимировичу Путину». Его слушали очень внимательно. Забили куранты. До Нового года оставалась одна минута. У меня в кармане зазвучал телефон. Звонила мама. Мы поздравили друг друга с Новым годом. За окном вновь запылали салюты. Стало светло, как днем. Продолжалось это великолепное зрелище до часу ночи.

Девочки пригласили в гости к праздничному столу. Они успели всем запастись для стола. Было уютно и весело. Досмотреть новогоднюю программу нам не позволили. Спать! Позвонил домой. Пожелал всем счастья и удачи в Новом году.

Две прогулки

Сегодня все встали на час позже обычного. На улице непривычно светло. После завтрака группой отправились на прогулку. По дороге купил для мамы ракушку. Ракушка была настолько белоснежная, что ослепительно сияла на солнце, а коричневые выступы делали ее удивительно красивой. Какие шедевры создает природа! Шедевры и только шедевры! Как же за это не поклоняться ей?

Небо было довольно чистое и ясное, кое-где груды облаков, медленно и лениво передвигаясь, превращались в причудливые скульптурные изображения. Время от времени они прикрывали солнце, но от этого небесный свод становился еще сказочней. Сегодня пляж со смотровой площадки выглядел необычно. Он был похож на булку, усыпанную маком — столько на пляже было гуляющих моряков. Во всем черном, они резко выделялись на желтом песке пляжа.

Мы решили изменить маршрут и отправились на центральную площадь, где стояла большая новогодняя елка. По дороге я заметил массивный камень, уютно пристроившийся среди зелени и обросший мхом. У него был вид приятно отдыхающего в шезлонге толстяка, накинувшего на себя махровый темно-зеленый халат. На площади возвышалась елка метров девяти, красиво украшенная. Я отметил, что она явно проигрывает в сравнении с тульской. Тульская елка была намного величественней и ярче, чем эта анапская красавица. Но все равно хороша!

Под влиянием праздника или в силу еще чего-то, честно сказать, было стыдно за нашу группу, когда возвращались по городу назад в корпус. Разболтанные, несобранные, не умеющие спокойно идти, делающие глупые выкрики, оскорбляющие уши прохожих, ломающиеся, плюющие шелуху семечек во все стороны — так выглядела большая часть нашего отряда. Не знаю, быть может, я очень строг в оценке и необъективен, но это резко бросалось в глаза в сравнении со спокойными анапчанами.

Проходили мимо памятника Ленину. Памятник возвышался на огромном пьедестале, хотя сам был метров трех. В этот день мне очень сильно захотелось домой. Ощутил, что жутко надоело жить в таком состоянии — быт был не на высоте. Но вспомнив, что главное в жизни — преодоление тупиков и что следует выходить из них достойно, не думая о легких путях, успокоился и даже обрадовался, что чему-то научусь, пройдя эти испытания.

И в этот же день состоялась вторая прогулка (не полной группой). Было уже темно, но небо освещалось постоянными вспышками салютов, запускаемыми семьями,

пришедшими на пляж. Подойдя к воде, я сильно удивился тому, что волн практически не было. Море было удивительно спокойное. Казалось, что оно спит. Наша сопровождающая сказала, что все волны ушли на цунами, обрушившись сегодня на тайваньский город и практически смыв его с лица земли.

«Да,— подумал я,— а море, оказывается не такое уж беззащитное. Оно долго терпит плохое отношение к себе. Но ведь любому терпению приходит конец». Стало совсем темно. Нужно было возвращаться. Задумавшись, я не заметил, что отстал от группы. Пришлось догонять. Вечером писал дневник. Скоро домой.

Святые места.

Сразу после обеда три тульских отряда сели в автобус, отъезжавший в святые места. Экскурсовод предупредила: что все, о чем будет рассказывать — с религиозным уклоном. Многое из Библии. Если даже есть неверующие, слушать будет все равно интересно. И, вправду, мне было очень интересно. Особенно когда она рассказывала о том, что творилось и кто жил в этих местах две тысячи лет назад, а то и больше. Экскурсовод рассказывала о святых монахах, священниках, царях и простых людях. Запомнить все услышанное было сложно, но кое-что в голове осталось. Оказывается, в Краснодарском крае около четырехсот действующих монастырей. В одном из них служит монах, обладающий уникальным даром изгонять беса.

Проехав около часа, наш автобус приблизился к небольшой часовне, стоящий рядом с источником святой воды. По легенде, много веков назад по этой земле проходила женщина. Она присела отдохнуть на камень и вдруг заметила приближающуюся к ней нечистую силу в облике змеи. На помощь пришел храбрый юноша, сразивший змею. Женщина в благодарность прикоснулась рукой к земле, и на месте ее прикосновения появился источник со святой водой. Тогда юноша понял, что перед ним святая.

Подойдя ближе, я увидел, что нахожусь перед почти вертикальной стеной, уходящей далеко ввысь. Это оказался высокий крутой склон, был густо заросший кустарниками, а я принял его за стену. У подножия склона стояла часовня. Вершины не было видно, так как ее окутывало облако. Кстати, когда автобус вез нас сюда, он проезжал сквозь это облако, из-за чего было впечатление, что летим на самолете.

Больше всего мое внимание привлекло подножие горы, состоящее из плоских, выступающих из грунта камней, которые использовались в качестве подставки для свеч. По-видимому, когда строили часовню, эти камни были специально установлены, но, возможно, они природного происхождения. Набрав воды из бетонированной трубы, выходящей в квадратное сооружение в виде колодца, я решил зайти в часовню. Перекрестившись, вошел в открытую дверь. Меня охватило волнение, как будто я попал в какой-то другой мир. Мир, в котором нет плохих и злых мыслей, а только чистые, идущие из глубины души. Ощувив все это, стал думать о чем-то возвышенном. Попытался направить мысли в другое, реальное русло и понял, что стало неуютно и даже жутковато.

Я понял: в Божий храм нужно заходить с чистой душой и светлым разумом. Или же с желанием очистить их. В противном случае будешь отвергнут. Сюда человек приходит за духовной поддержкой, в которой почти каждый нуждается. Вышел из часовни как бы заряженный энергией, стал осматривать близлежащую местность.

Рядом с источником находилась купальня, соединенная с ним каналом. Еще стояло какое-то странное сооружение, похожее на небольшую башенку, пустую изнутри, значение которой я так и не понял. Это место мне особенно понравилось. И, вообще, мне было комфортно и уютно, как у себя дома. В сердце вливалась какая-то благодать. В теле ощущалась необыкновенная легкость. Хотелось взлететь. Неожиданно

данно откуда-то подул холодный ветер, и я вспомнил, что еще не сфотографировал всю эту красоту. Но меня как будто кто-то остановил, не позволил достать фотоаппарат, словно предлагал оставить увиденное в моем сердце. Я не торопясь направился к автобусу. Следующим пунктом назначения был монастырь, находившийся высоко в горах. По пути экскурсовод рассказала про него много интересного. Например, что вокруг его стен растет трава барвинок, зеленая круглый год, хотя в остальных местах в этом климате она просто не выживает. Особенно прекрасна трава весной, когда расцветает синим цветом.

Еще в монастыре находится колодец со святой водой. Выйдя из автобуса, я сразу увидел ступеньки. Поднявшись по ним, наша группа оказалась в небольшом тоннеле, метров десяти, пол которого был залит жидкой грязью. Пройдя по нему и основательно выпачкав обувь, стали подниматься по крутому склону. Зелени вокруг практически не было. Но каково было удивление, когда я увидел монастырь, вокруг которого сплошным ковром расстилалась сочная зелень. Это и была трава барвинок.

Рассматривая монастырь, мой взгляд устремился на большую икону, стоящую у дороги. Подойдя ближе, я вдруг испытал жуткий трепет. Стало страшно. Я чуть было не закричал. На иконе была изображена женщина с младенцем на руках. Женщина была очень красивая и немного грустная. А жутко мне стало от вида младенца, точнее его глаз. Эти глаза пронзали насквозь. Казалось, они знали все, когда-либо совершенное тобой. И глядя в них, невозможно было солгать. В один момент этот взгляд заставил вспомнить все то неправильное, что я совершил за свои тринадцать лет и ощутил раскаяние... Я думаю, что рукой художника писавшего эту икону, управлял сам Бог. Заметив, что все уже поднимаются по лестнице, я тут же побежал.

Открыв массивную дверь и зайдя во внутрь, я увидел множество икон на стенах, горящие свечи, прилавок, заставленный разными церковными принадлежностями. Меня привлекли свечи с медовым запахом. Купив десять штук, решил еще приобрести понравившийся мне деревянный светлый крест с темным распятым на нем и отсвечивающем телом Христа. Затем вслед за группой вышел на улицу. Неожиданно подумал: «А нет ли среди такого множества икон — иконы тульской святой — слепой Матроны, о которой я не так давно читал». Икона оказалась в продаже. Купив ее, приобрел еще и масло.

В моем понятии — святые, это люди, которые посланы на Землю творить добро, учат жить людей по законам Природы, помогают находить и открывать тайну предназначения человечества. Но люди, имея разум, почему-то противятся этому. Что мешает им? Вот вопрос. Почему не понимают они, что от зла, сквернословия, мести, алчности — горе и страдания на Земле. Человек изобрел телевизор. Это ведь такое чудо, такая сила! Сколько замечательных познавательных программ можно увидеть и услышать. У меня проблемы со зрением, и поэтому я не могу много читать. Но с каким наслаждением слушаю передачи, которые чему-то учат, просвещают. Это экономит время на чтении и я не чувствую своего неполноценного зрения.

Так почему бы эту силу не направить на воспитание человечества? Это ведь так легко сделать. Доводить мысли святых до сознания людей. Вот мне, лично, хочется найти истину, но это так трудно. А вот все вместе могли бы ее найти.

В автобусе меня уже ждали. По пути в Анапу дремал под легкую музыку, доносившуюся из динамика. Вспоминал прошедший день. Остался доволен. Жаль, что больше не поедет в святые места. Там так хорошо... А, впрочем, каждое место на Земле — святыня.

Плачущая скала

После завтрака и лечебных процедур опять почувствовал эту навязчивую противную боль в горле. К тому же заложило уши. Давление и температура оказались в норме. Мне отменили прогулки и гимнастику на сегодняшний день. Писал. После процедур стало легче. Намечалась поездка к Плачущей скале. Узнав об этом, я тут же побежал за фотоаппаратом. Оставалось только два кадра.

Сначала шли по обычному маршруту, но потом свернули на усаженную высокими деревьями аллею. Чувствовался тщательный уход за каждым деревом и газоном. На протяжении всей аллеи стояло множество скамеек и урн, причем все было в отличном состоянии. Заканчивалась аллея еще строившейся набережной, с которой открывался замечательный вид на море. Нарушало красоту стоящее в стороне аллеи обшарпанное здание, стена которого была полностью из стеклоблоков. Это был, как нам пояснили, большой анапский бассейн. По сравнению с тульским, он был раза в два меньше. Неподалеку от бассейна стояло здание причудливой формы, в котором выдавали минеральную воду для всех санаториев Анапы. Спустившись по крутому склону к воде, я увидел огромную кучу щебня, которым планировали удлинить пляж. Дальнейший путь пролегал по берегу, но шли мы почему-то не по рассыпанному щебню, а по дороге, залитой слоем грязи.

И вот перед нами Плачущая скала. Сопровождающая объяснила, что в центре скалы находится подземное озеро и вода под большим давлением пробивается сквозь мельчайшие трещины в глинистом грунте. Подойдя ближе, преодолев лужу грязи, я увидел, что скала высотой метров двадцать и всюду испещрена глубокими бороздками. Она действительно плакала. И мне показалось — от боли. Нет, не напрасно природа создала этот необычный памятник. Это воззвание к людям о милосердии.

Эта скала зывала к сердцам людей доказывая, что все окружающее — живое. И мне неожиданно пришли на ум слышанные когда-то слова: «Имеющий глаза, да увидит. Имеющий уши, да услышит». А тяжелые большие капли стекали и падали, падали в накопившуюся внизу воду. Спустившись к морю, я заметил, что волны как-то беспокойно бьются о камни, лежащие вдоль берега. То они исчезали совсем, то вдруг окатывали весь берег, оставляя после себя много пены, похожей на выпавший снег. Вода казалась зеленой. Мне неожиданно ясно представились мамины глаза, такого же цвета.

В голове стали складываться стихи. Легкие и простые. Я их не записывал. Просто это говорила моя душа, к которой я часто прислушиваюсь, или со мной разговаривала в этот момент природа, которую я люблю до глубины своего сердца. Попрощавшись с Плачущей скалой и взяв на память три камешка, с небольшим отрывом от группы шел обратно, размышляя и анализируя увиденное.

С ужина возвращались в полной темноте, ибо в пять часов в это время года в Анапе уже темень. Сделав запись в дневнике, прилег. Не спалось.

Вспоминал Плачущую скалу, оставившую в душе жалость и грусть. Вспоминал свой дом. Как я завидовал младшей сестренке, которая, как всегда, с умным видом готовит сейчас своих кукол ко сну. Потом бежит к маме и крепко целует ее в щеку, пожелав ей спокойной ночи.

Твори Добро

В каждом человеке есть начало, чистое и светлое, заложенное природой. Но существуют силы добра и зла, которые постоянно борются между собой, заставляя человека вести себя не так, как следовало бы. Но ведь говорится: спасение утопающего — дело рук самого утопающего. Значит, нам всем следует приложить немало усилий,

чтобы творить на Земле добро. Я пишу это к тому, что когда люди, особенно дети, чувствуют Добро, они становятся совсем другими. Я сам это видел. Я видел прекрасные лица и глаза, излучающие свет одновременно.

День начался как обычно. Меня неожиданно попросили почитать стихи в пятнадцатом отряде. Немного побаливало горло, из-за чего приходилось делать перерывы, чтобы откашляться. Слушали внимательно. Долго аплодировали.

Я пошел отдыхать, но тут попросили почитать еще в одиннадцатом отряде. На этот раз я прочел почти все свои стихи. В ходе чтения я видел, что ребята внимательно слушают. Чувствовал, как ниточки понимания связывают меня со всеми сердцами, и от этого становилось тепло. Какое-то спокойствие разливалось вокруг. Я понимал, что этими стихами, которыми непроизвольно и изредка награждали меня какие-то высшие силы, я внес к собравшимся здесь маленькую капельку добра. От этого чувствовал себя удовлетворенным и благодарным за понимание. Мне так хотелось верить в этот миг, что всех моих сверстников не коснется то зло, что повисло сейчас над Землей. Что наше поколение станет очень богатым духовно. Что каждый из нас станет понимать значимость человека и вносить, пусть маленькую долю добра, в оздоровление такой, на этот час больной планеты. И чтобы с нашего поколения начались другие ценности и запросы. С нас началось взросление человечества...

Тамань

После обеда отправились на экскурсию в Тамань. Зайдя в автобус, я увидел, что экскурсовод — та же женщина, которая сопровождала нас при поездке в Новороссийск. Сразу поднялось настроение. Знал, что услышу интересный обзор и узнаю много нового. Как только автобус тронулся с места, экскурсовод начала рассказывать. Сообщила, что едем в г. Тамань, который находится на границе России с Украиной.

На его территории когда-то стоял греческий город, где проживало множество народностей: греки, скифы, осты и другие древние племена. Сейчас здесь ведется множество археологических раскопок. Настоящий музей под открытым небом. В Тамань когда-то был сослан Лермонтов за стихотворение «Смерть поэта». Вернее он был сослан на Кавказ, а в Тамани был проездом всего несколько дней, где чуть не погиб. Это была его первая ссылка. Но, будучи человеком умным и мудрым он не унывал, а извлекал пользу из каждого прожитого дня. Об этом я напишу подробнее, когда буду рассказывать о музее Лермонтова в Тамани.

Выглянув в окно, я заметил, что проезжаем мимо залива. Экскурсовод сказала, что это лиман, глубина которого менее двух метров, хотя протяженность — шесть километров. На дне лимана множество полезных ископаемых, которые очень легко добывать. «Вот здорово! — подумал я, — Можно стоять в центре такой громадины, а вода будет только до плеч».

Был сделан десятиминутный перерыв. Я отметил такую особенность: с одной стороны дороги трава была зеленая, как газон на футбольном поле, а с другой — пожелтевшая, по-видимому, от недостатка влаги.

После перерыва экскурсовод пояснила, что сейчас мы проезжаем по осушенному два века назад устью Кубани, и указала на видимый вдали поселок, названный в честь реки. Когда же показала, какое было расстояние от одного берега до другого, я был поражен. Как можно осушить такую широкую реку? А ведь двести с лишним лет назад она проходила вдоль границы двух государств и ее берега выполняли роль важных стратегических значений.

Полтора часа прошли незаметно, и автобус, въехав в город, остановился перед памятником Лермонтову, который установлен на очень высокой, почти отвесной на-

бережной. С нее к морю вели ступеньки, выходившие к песчаному пляжу. Стоящий на пьедестале Лермонтов смотрел на море с какой-то ностальгией. Я сделал снимок и пошел к дому, в котором когда-то жил поэт. Пройдя через низкую калитку, очутился в очень уютном дворике. Слева был крутой обрыв. С него был виден пляж и у берега лодка. Впереди возвышалась небольшая побеленная изба, крыша которой была покрыта из связанных между собой пучков камыша. Справа от нее стояла большая изба такой же конструкции. Весь дворик был выложен дорожками из камня, по которым можно было добраться в любой конец. Пройдя по одной из таких дорожек, я оказался на зеленой полянке, где расположены были колодец, небольшая печка вроде буржуйки и телега, прикрытая навесом.

Глубина колодца, выложенная камнем, составляла около пяти метров. Телега, стоящая неподалеку, как мне показалось, была рассчитана на одного человека. Сама она деревянная, а колеса железные. Печка служила, видимо, для приготовления пищи в летнее время. Весь участок, кроме спуска к морю, со всех сторон был огорожен невысоким, но очень солидным забором, выложенным из камней и плетеных веток.

Теперь расскажу об избах, стоящих на расстоянии примерно четырех метров друг от друга. Нас всех разделили на две группы. Наша группа пошла осматривать большую избу. Войдя в открытую массивную, но небольшую деревянную дверь, я увидел, что изба разделена печкой на две комнаты. В первой, отгороженной веревкой, как в музее, стояли две лавки со множеством кувшинов и ковшиков разнообразной формы. Во второй, более просторной, было так уютно, что даже не хотелось уходить. Напротив печки было расположено окно. Под ним стоял стол и две лавки вдоль стен.

Между лавкой и печью с гордым видом воцарился большой сундук, занимающий приличную часть комнаты. Больше всего мне понравилась печь. Ее уютная лежанка сразу бросилась в глаза. У меня появилось странное, назойливое чувство, как будто я здесь уже был и даже жил долгое время. Казалось, что я вернулся в этот дом после долгой разлуки. Мне до боли здесь было все знакомо: и этот сундук, скамейки и особенно лежанка, на которую так и хотелось взобраться и отдохнуть. Даже подумал: не страдаю ли я дежавю. Попрощавшись с большой избой, я отправился в малую, но осмотреть ее не успел, т.к. нужно было пройти в музей с вещами Лермонтова, находившийся в этом же дворике. Я оказался в уютной зале, оформленной в виде палатки. Первое, что бросилось в глаза — измятый клочок бумаги, висевший на стене, слева от входа.

Вот этот-то листок меня просто поразил. Это был оригинал стихотворения «Смерть поэта», написанный самим Лермонтовым! По почерку было понятно, какие чувства испытывал поэт во время его написания. Первая часть спокойная, практически без единого зачеркивания, каждая буква ясна, но после слов: «А вы надменные потомки» — сложно что-либо прочесть. Чувствовалось, что при написании этих строк Лермонтова переполняли эмоции, он испытывал ненависть, которую невозможно было скрыть. Но последние две строки написаны жирным шрифтом и очень четко. Первая и вторая части были написаны на разных листочках. Я минут пять не мог оторвать глаз от этих листков, не слышал, о чем рассказывал экскурсовод.

Теперь расскажу о зале. В самом центре размещался котел, подвешенный на перекладину, опиравшуюся на две рогатины. В правом дальнем углу находилась пушка, возле которой лежало пять ядер диаметром около пятнадцати сантиметров. Все стены были заставлены стендами с портретами, фотографиями, рисунками Лермонтова. В левом углу, за стеклом, разложены вещи, которыми он пользовался.

Нас пригласили в следующую залу, где были выставлены картины, написанные поэтом. Переступив через порог, я увидел большое количество картин, с изображением гор Кавказа и удивился тому, насколько они точно отражали действительность. Лермонтов вложил в них, как и в стихи, всю душу. К тому же было видно, что все

они написаны очень грамотно, со знанием дела. Невольно вспомнилась присказка: «Талантливый человек талантлив во всем».

Экскурсия закончилась, и мы, сев в автобус, поехали осматривать церковь, построенную казаками, когда Екатерина пожаловала им эти земли. Но по дороге, чтобы сэкономить время, решили сначала посетить музей, где хранились разные ископаемые давних времен. После чего направились к церкви. Я был удивлен ее видом. Снаружи церковь выглядела как Большой театр, только без скульптуры лошадей. На их месте висела большая икона с изображением Божьей Матери. Экскурсовод объяснила, что казаки строили эту церковь в греческом стиле. Перекрестившись, я вошел в широко открытые высокие двери и увидел множество икон, которыми были завешены все стены. Помещение церкви было огромным. Здесь чувствовал себя свободно. В центре потолка находился вырез наподобие купола, только треугольной формы, состоявший из окон, единственных во всей церкви. Постояв минут десять, я вышел и обошел церковь по периметру, насчитав двадцать четыре колонны.

Группа уже разместилась в автобусе, и мы поехали обратно в Анапу. За окном темнело, и я задремал, но неожиданно проснулся и уже не засыпал до конца пути. Путь проходил исключительно по равнине, иногда вдалеке мелькали едва различимые горы, но спустя немного времени — все за окном покрылось мраком. В Анапу автобус доставил нас к самому ужину. Несмотря на некоторую усталость, сел писать дневник. Ложась спать, я благодарил судьбу за этот счастливый день моей жизни.

Рождество

Накануне Рождества, начиная с десяти часов вечера били колокола. Их звон закончился только в час ночи. Это в церкви, расположенной неподалеку, проходила большая служба. В полночь отправил маме эсэмэску, поздравил с Рождеством.

Утро. Проснулся от звука колоколов — Рождество! После завтрака отправились на прогулку. На улице бой колоколов слышится четче, т.к. церковь находилась рядом с морем. В звоне различалось повторяющаяся много раз приятная, ласкающая слух мелодия. Казалось, что звон идет откуда-то с неба и разливается по земле и морю. И чувствуешь себя, будто стоишь в этом звоне, как в тумане. Стоит протянуть руку, и ощутишь этот звон на своей ладони.

Звон имеет какую-то определенную власть: успокаивающую, возвышающую, волнующую и очищающую душу. Я всматривался в лица ребят и видел совершенно новые, умиротворенные выражения. В их глазах светилась какая-то тихая радость. Невольно вспомнилась дискотека — грохот, безумные лица, бессмысленные улыбки, дергающиеся тела. Неужели это те же самые ребята? А погода была празднично-рождественская! Светило яркое солнце, лучи которого сильно прогревали одежду. Стало жарко. Дул легонький ветерок со стороны моря.

Я направился к мосту, находящемуся в пятистах метрах от входа на пляж. Песок, усыпанный ракушками, стал сменяться выброшенными на берег водорослями. Казалось, что идешь по перине. Наконец, я добрался до моста. С берега он смотрелся не очень уж большим. Но от его начала до конца прогулочным шагом я затратил минут десять. С моста открывался завораживающий вид на город. Пляж в форме полумесяца переливался на солнце, а волны ласково поглаживали его.

С моста, как сквозь чистое оконное стекло, виднелось дно, усеянное большим количеством ракушек разнообразных форм и оттенков, моллюсками, крабами. А до дна было метров десять. Стаи рыб суетно металась, как бы резвясь и играя. Ну просто огромный экзотический аквариум! Время неумолимо напоминало о себе, и я нехотя стал возвращаться обратно, любуясь окружающим ландшафтом. В кроссовках хлюпала вода, попавшая в них от набежавшей волны. Пришлось спешить.

Перед отъездом

Остается три дня до отъезда. Очень хочется домой. За время пребывания здесь, в Анапе, я много передумал, переосмыслил. Но самое главное — стал смотреть на жизнь и на людей по-другому. Увидев новые красоты Земли, стал еще больше любить эту замечательную планету. Вот только грустнее стали раздумья над несправедливостью человеческих отношений. Мне нетерпимо больно видеть бедных, нищих, стариков, влачащих жалкое существование, пересчитывающих гроши в кошельках. Я смотрю телевизор, листаю глянцевые, в ярком разноцветье журналы, где показывают сказочно-богатую жизнь другой половины человечества наших сограждан, выбрасывающих неимоверное количество денег на какие-то пустые, дикарские проекты, увеселения, игры, лотереи, и ничего не могу понять. Как можно жить, резвиться, видя вокруг нищету, собственноручно созданную?

Нет, эти люди не живут и не резвятся, не наслаждаются, а просто бестолково бьются о стены лабиринта. У меня нет к ним зависти, а только жалость. Отчего они так слепы? Ведь по их вине бродят по Земле нищие, голодные, оборванные дети. Сколько беспризорных, отчаявшихся детей, не знающих материнской ласки, живут попрошайничеством или воровством, скитаясь по всей земле. А разве природа не для всех готовила свои богатства? Разве мать может двоих детей одарить лаской и вниманием, а троих выгнать скитаться? Кто позволил вам, господа, красть у других то, что не вам одним принадлежит?

Я решил испытать то, что испытывают эти нищие, обездоленные дети. Говорят у меня неплохой голос — занимаюсь вокалом. Прихватив шапку, я пошел к подземному переходу. Я пел, а проходившие кидали монетки. Кто-то останавливался, смотрел сочувственно, слушал. Только потом бросал мелочь. Это, как правило, были, судя по одежде, люди небольшого достатка, с мятыми пакетами в руках. Понимал, что брошенная монета — это часть зарплаты или пенсии. Кто-то, даже не глядя, бросал более крупную сумму, как бы отделяваясь или заглушая совесть. И, как правило, прилично одетые люди вообще не обращали внимания. Вернее они «бросали» удивленный взгляд. Видимо, их смущало только то, что я такой щуплый и в таком возрасте исполняю вокальные произведения, но монеты не бросали. Набрав рублей около пятнадцати, я представил, что у меня нет крыши над головой, нет семьи, в тепло которой можно вернуться.

Человек не может быть один. Одиночество ему необходимо только тогда, когда нужно подумать, поразмыслить. Но за спиной этого одиночества должно постоянно ощущаться дыхание близких, надежных друзей, защищающих тебя от того же самого одиночества. Повторяюсь: в природе все взаимосвязано.

Собрав определенную сумму, неважно каким способом: пением, трудом, воровством — я должен сейчас идти к своим сверстникам-оборванцам, многих из которых такая жизнь уже ожесточила, и разделить с ними ночлег. Что станет со мной, когда я вырасту? Тут, я надеюсь, граждане взрослые, вам не надо объяснять.

Да, некоторые «выживут» в прямом и переносном смысле. Но основная масса — озлобленная, дикая, презираемая обществом или погибнет, или достигнув взросления будет жестоко мстить тому же самому обществу, а может, пополнит новую волну террористов-смертников. Вот только жертвами террора станут не виновники дикой жизни униженных, а простые, ни в чем не повинные граждане. Но ожесточенному уму и сердцу неподвластно руководить собой.

А сколько из этой обездоленной массы могло бы быть замечательных художников, поэтов и просто людей труда, которые делают великое дело — строят, создают уникальные вещи, радующие глаз и высоко ценящиеся из века в век. Все прекрасное на Земле создано руками трудового народа, а не владельцами миллиардов

и миллионов. На человеке труда, на его неистощенном таланте держится жизнь на Земле. Разве это не понятно? Почему же человек труда нищенствует? Почему не получает за свой труд достойную оплату? Почему одаренные хитростью и алчностью паразитируют за счет труда масс? Человек-механизм, не знающий и не ищущий истины предназначения его на Земле, накапливающий миллиарды и миллионы, наживающий их на несчастье сородичей и на дарах природы — всего лишь удовлетворяет свое тщеславие. Отпивается власть над более слабым? Нет, скорее его несовершенный ум как раз тешит себя тем, что он покорил не слабых, а сильных талантом, трудом, духовностью. И мстит им своей непомерной алчностью за то, что сам слаб и несчастен и не готов понять истину.

Кроме того, эти люди становятся тормозом для новых открытий, для продвижения всей земной расы вперед. Ведь если бы не они, уже давно не было бы загрязнения атмосферы. Не было бы машин, работающих на бензине и прочее. Им новые открытия не выгодны. Поэтому, ради наживы, они тормозят все научные процессы.

Прервав размышления, я подумал: какое счастье, что у меня есть, хоть небольшой, но уютный домик в Туле. Есть родители, друзья, школа, учителя. Что меня там любят, ждут и что этот маленький мир я должен очень любить, беречь и дорожить им. А самое главное — жить по законам природы. Каждый человек под солнцем имеет право на свой дом, кусочек земли для сада и пищу на каждый день. Это совсем не значит, как кричат некоторые: «забрать и поделить». Нет, это обязанность каждого на земле заботиться друг о друге, особенно о детях и стариках. Здесь не нужна никакая благотворительность — это очень унижительное и оскорбительное слово. О какой благотворительности речь? Благотворительность — это Солнце и Земля, это — Высшая сила. Или люди не готовы еще этого понять?

Размышления

Я возвращаюсь домой. На душе светло и спокойно. Ведь столько времени мне было отпущено, чтобы любоваться Природой, размышлять и писать. Благодарен всем окружающим за то, что никто не лез в душу, когда хотелось побыть одному. Опять вспомнились слова Оригена о взрослении человечества от века в век. И я подумал, что человечество уже почти повзросло. Остается сделать небольшой шаг.

Возможно, эти фараоны, цари, короли и нынешние магнаты посланы свыше, для воспитания живущих на Земле, как доказательство, что никакое богатство не сделает человека счастливым, если он живет, нарушая законы природы. А что такое быть богатым? Это понятие относительное. Где-то читал, что один миллионер, имеющий много миллионов, обанкротился. У него остался только один миллион. И он повесился... Вот ведь, плутает его душа где-то по лабиринту, натываясь на тупики и смущая живущих. Вспомним историю.

Богатейший египетский фараон. При виде его трепещут. По его приказу тысячи рабов строят сказочные дворцы и пирамиды. Он сочиняет умные гимны, слова которых умелые каменотесы высекают на граните. Но природа делает свое дело. В один прекрасный день фараон умирает. И вот народ, как маленькие дети от большой обиды и накопившейся ненависти, крушат, как игрушки, дворцы фараона, превращают в пыль камни с его гимнами, ликуют. Но постепенно человечество взрослеет. Исчезает рабство на Земле в той форме, что было при фараонах, хотя по-прежнему живет в нищете. Продуктами его труда пользуются единицы — ухватистые люди. Кончается народное терпение — начинаются революции, драки, убийства, терроризм, войны. Нет, не повзросло еще человечество. Наступил двадцать первый век. Новый виток взросления.

Сейчас выпущено бесчисленное количество изданий о том, как стать богатым.

Целая армия предсказателей и магов самым бессовестным, обманным путем выуживают у людей деньги. Доверчивые, а чаще всего сводящие концы с концами люди, надеясь на помощь, отдают свои последние сбережения. И вся эта куча брошюр, магов и предсказателей, учат, как обращаться с просьбами к высшим силам, чтобы пришла удача и деньги.

Я тоже верю в высшие силы — энергия не исчезает, а переходит из одного состояния в другое. Поэтому, сколько бы ни предсказывали демографические катастрофы на Земле — их не будет. В природе — полное равновесие. Так вот эти высшие силы следует молить не о богатстве, а о том, чтобы жить по совести и перестать лгать себе и другим. Жить с Богом в сердце. А природа и есть Бог. Человек же часть природы — значит и он Бог. Вот что должны понять все люди планеты.

*Ты не родился христианином,
Ты не родился иудеем,
И даже идолопоклонником —
То все придумали отцы.
Тебе природою подарена
На миг Земля обетованная,
Единственная во Вселенной,
Где люди — Боговы творцы.
А Бога ты нигде не встретишь —
Ищи хоть ночью или днем.
Прислушайся... и ты заметишь —
Он в сердце собственном твоём.*

И вот когда каждый заметит в себе Бога, тогда и повзрослеет человечество. Тогда оно поймет, что жить нужно не для наживы, а друг для друга. Беречь и любить свою планету Земля. И еще. В наше время, высочайшего подъема цивилизации, существует страшное слово «терроризм». Оно такое же страшное и даже страшнее, как «рабство», «революция», «война».

Вот тут и следует задуматься: если терроризм расплывается по Земле, приобретает невиданный размах, значит в нашем Мире не все в порядке. Природа просто так ничего не создает. Значит нужно остановиться и задуматься: а так ли мы живем? А книги под названием «Как стать богатым», заменить: «Как стать честным перед самим собой», «Как стать богатым душой», «Как сделать мир счастливым», тогда богатство придет само — ведь богатство, это не только деньги. А деньги существуют для того, чтобы их тратить. Если появился терроризм на Земле — значит природа недовольна человечеством, значит преподносит ему новый урок для взросления. Заставляет искать истину.

Думай! Думай человечество! Ведь ты уже достаточно повзрослело. У Толстого есть такие слова: «Если сила плохих людей в том, что они вместе, то хорошим людям, чтобы стать силой, надо сделать то же самое». Я не делю людей на хороших и плохих. Так на Земле существуют волки и овцы. Но каждый хорош по-своему. Я бы перефразировал эти слова и сказал бы так: «Если сила бездумных людей в том, что они вместе, то думающим людям, чтобы стать силой, надо сделать то же самое».

Гимн природе

*Природа!
Я пою тебе гимн сегодня,
За твою несравненную красоту и непредсказуемость,
За твою бескорыстную щедрость,*

*За раздольные поля и величественные горы,
За великолетие деревьев и разнообразие цветов,
За алмазные росинки в изумрудной утренней траве,
За бескрайнее бездонное небо и яркое Солнце,
поддерживающее жизнь на Земле,
За причудливые картины облаков,
За сказочно прекрасные ночи,
За мерцание вечных звезд и Луны,
За таинственную, волшебную смену дня и ночи,
За залиvistое пение птиц и их парящий полет,
разнообразие животного мира,
За мудрое, таящее миллионы тайн и загадок,
волнующее воображение море.*

Я пою тебе гимн сегодня и прошу только одного: чтобы в каждом человеческом сердце открылась истина его предназначения на Земле.

Эпилог

*Если сила бездумных,
бесдушных людей в том,
что они вместе, то
думающим, людям, чтобы
стать силой, надо сделать
то же самое.*

Весенний день. Ослепительно светит солнце. Деревья еще не зеленеют, но уже благоухают весенней свежестью. По краю асфальта шаловливо бегут, переливаясь на солнце, апрельские ручейки. Природа оживает. По дороге идет юноша. Его волосы развеваются, покрывая весь лоб. Он счастлив вместе с природой, но несчастен сам по себе. Ему хочется веселиться, но душа противится веселью. Ему хочется грустить, но у него не получается. Ему хочется вспорхнуть к небесам, как птица, но он не может... Глаза его устремлены и что-то ищут поверх деревьев.

Неожиданно порыв ветра подхватывает его легкое тело и отрывает от земли. На лице юноши восторг. Он летит! Летит как птица и даже лучше птицы! Он летит с огромной скоростью, прекрасно владея своим телом, поднимается и опускается, поворачивается в разные стороны, как это делал раньше в бассейне. Тело послушно любому его желанию.

Вот он подлетает к роскошным дворцам с просторными, богато убранными залами, уютными диванами, в которых утопают тела владельцев. А вот сказочно-прекрасные, как стая лебедей катера. Здесь веселье и смех, гремит музыка, танцуют и кричат. Хорошо! А вот какие-то лачуги с дырявыми крышами, изможденные люди с тоской в глазах, грязные дети, копошащиеся возле помоек. Внимание отвлекают выстрелы, плач... Он видит, как выносят на носилках раненых и убитых детей... Юноша готов ринуться на помощь. Картина до боли знакома. Он уже где-то все это видел...

Неожиданно слышит голос: «Это было, было... Это Беслан... Это незабываемый укор... Урок людям...» Со слезами на глазах юноша взмывает ввысь.

Внизу видит огромный город, затопленный водой, умирающих людей, крики и стоны детей, взывающих о помощи... Что? Что это? «Это будет, будет...» — слышит он голос. Юноша в растерянности мечется над утопающим городом. Он кричит изо всех сил, он призывает на помощь человечество. Неужели не слышат? Гибнут люди! Но ему не внемлют ни те, кто утонет в мягких диванах, принимающих форму те-

ла — видно, слишком прочна изоляция дворцов, ни те, кто веселятся на роскошных, безопасных катерах — видно, из-за гремящей музыки, ни те, кто подсчитывает прибыль от сэкономленной зарплаты пострадавших.

Голос юноши осип. В глазах, полных слез, отчаяние и горе... Нет, не повзрослело еще человечество. «Люди! Очнитесь! Идите на помощь друг другу!» — вырывается последний крик из обессиленного и больного горла. И его уже больше не радует легкость неожиданно приобретенного полета..

Он понимает, что надо спуститься на Землю. Идти из города в город, из села в село и как можно скорее. Сбирать единомышленников и спасать человечество от равнодушия, алчности, паразитизма, пустословия, глупости и непонимания надвигающейся катастрофы. Только по вине всего этого на Земле царят голод, болезни, нищета, терроризм, гибель ни в чем не повинных людей. Разве это не понятно? «Ведь все мы люди. Недаром нам дан природой рассудок. Пора понять, что так больше жить нельзя», — думал юноша, спускаясь на Землю. Он шел в поисках единомышленников...

*Люди двадцать первого века,
опомнитесь!
Вы стоите на краю
пропасти.
Наступает конец
повести.
А поможет глоток чистой
совести.*

Юлия Макеева

ОСЕНЬ

Отчего так много в слове «осень»
Затаенной нежности, печали,
Легкости, что ветер вновь приносит,
И дождей, что лить не перестали?
И тепла, оставшегося с лета,
И туманной утренней прохлады,
И друзей, теряющихся где-то
Очень далеко за листопадом?
Стаи птиц уже нас покидают,
Грустный крик их слышится в округе,
Ведь они, конечно, точно знают
Осень — это время для разлуки.

* * *

Я жду тебя на том пути,
Где наши судьбы расходились,
Не думая, сожгли мосты,
На время долгое простились.

Холодный воздух все слова
Запомнил и отнял у ветра.
Мы встретимся едва-едва
На перекрестках меньше метра.

Но отражение двух миров
В один зеркальный мир сольется.
Осталось несколько шагов
Еще пройти, и выйдет солнце.

* * *

Я уходила девочкой
К солнцу и свету ясному.
Я убегала девушкой
К чистой любви, к прекрасному.
К ласковому и грозному,
Да и подчас жестокому...
Вновь устремлялась непознанной
К вечному и далекому.
Весь этот мир оставила
Ради познания истины,
Я не жила по правилам —
Жить по ним разве мыслимо?
Ради любви и вечности
Биться сердца направила.
Я возвращаюсь — Женщиной
В мир, где тебя оставила.

* * *

Каждый раз протирать зеркала
И не видеть закрытого мира.
Помнить сны, понимать — не спала,
Своего разбивая кумира.
И опять протирать зеркала...
Чуть касаюсь преграды я тонкой.
Что же нового в мир принесла
Незнакомая эта девчонка?

* * *

И снова меня тянет ввысь,
Душою стремлюсь к полету,
Хочу обрести свободу,
О, лето, прошу вернись!

Нельзя возвратиться назад —
Уже улетаю птицы,
И осень... Листья кружится,
Печалью наполнив сад.

Но время, полет и мечта
Когда-то уйдут в былое,
И в памяти, как святое,
Останется красота.

Маргарита Калинина

На ветру — золотые монеты —
Бьются листья березок осенних.
Небо синее, полное света,
И вечерние легкие тени.

Это осень загадкой своею
Приукрасила город старинный.
Прохожу, от восторга немея,
По дороге широкой и длинной.

Только что-то лишает покоя,
Что-то здесь не такое, как надо.
Закружило меня золотое
Солнце тихого листопада.

Клен безумной багряною шалью
Одарил городские аллеи.
За высокой синеющей далью
Все темнее и... все светлее...

Осень, осень, молю о пощаде!
Не томи лишь своей тишиною.

Я сама уже вовсе не рада,
Что на свет появилась зимою.

ПЕСНЯ ПРОЩАНИЯ С ЛЕТОМ

Дождь заплел седые косы —
Зеленеющие ветки
Наклонились, опустились,
Словно маленькие дети,
К матерям своим прикинув.
На лугу, сходящем к пруду,
Вся зарделась рябина,
И цветочки золотые —
Ароматы слаще меда —
Кинули кругом осколки
Предосеннего сиянья.
С опозданием пронзает
Боль-мечта о ярком солнце,
И к рябине над водою
Тянутся бессильно руки...
Как губами б я прижалась,
Обожгла своим дыханьем
Эти искры поздней страсти!
А в шаманстве меланхолий,
В сумерках, под грохот ливня
Тихо косы мокрых веток
Пламенеют и сгорают,
Чтоб все женщины на свете
Полюбили той любовью,
О которой грезит лето,
С их ресницами прощаясь.

* * *

Прохожу, руки не задевая,
Светлых глаз своих не отводя.
Много ближе призрачного рая
Тростники в объятиях дождя.
Гнет любовь — я тоненькой былинкой
Падаю на грудь родной земли.
Мы свои вторые половинки
Отыскали, но не обрели.
Слово, дело — цепь противоречий,
Кликаю улыбкою беду...
И при нашей следующей встрече
Горький взгляд опять не отведу.

* * *

Болью в сердце — свет слепящий...
В небе полная луна
Радостью ненастоящей

Напоила допьяна.
Но душою ослепленной
Все-таки осознаю:
Лучше быть в аду плененной,
Чем блистать в чужом раю.

Юлия Соломатина

СВЕТЛЫЙ ДЕНЬ

...Снова представь белоснежные перья,
Взмах легких крыльев под шепот берез...
Край, где когда-то по строкам поверья
Ива склонилась над озером слез.

Всплеск! ...И качнутся вдруг ветви, роняя
В сонную гладь драгоценный убор...
От суеты городской убегая,
Стелется хвои душистый ковер.

Здесь веерами листвы изумрудной
Манят каштаны в прохладную тень.
Не унывай, если жизнь будет трудной,
Вспомни меня и вернись в этот день!

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ.

Школьные воспоминанья —
Светлый праздник для души!
Торопить час расставанья
Нет, не надо, не спеши!

Жаль сейчас понять не сможешь —
К знаниям нелегкий путь
С легкостью в судьбе проложишь,
А вот годы не вернуть!

НЕМОЙ КРИК

*О чем, душа, так горько плачешь,
Зачем печаль в улыбке прячешь?*

Душа зовет по имени его,
В огне сгорая, мучаясь в страданиях.
Кричит, в ответ не слыша ничего,
И замирает в грустном осознанье.

Он далеко, потерянный навек.
Тревожит сердце ласка песен птичьих.

Любимый, милый сердцу человек!
Ты не увидишь слез в глазах девичьих.

В тебе душа — прекрасна и чиста.
И сердце бьется с нежной добротой.
История банальна и проста:
Ты увлечен, конечно же, не мною.

Ольга Аникеева

* * *

Я отдаюсь в который раз
Судьбе своей на растерзанье.
Твоей холодной паре фраз
Я не искала оправданье.

Ты уходил, и я ждала,
Ты возвращался — я любила...
И ночью, плача, не кляла,
Но с трубки глаз не отводила...

Опять скользнул в глухую ночь,
И только в спину мне молчанье.
Привычно удаляясь, прочь,
Махнув рукой лишь на прощанье.

И поняла я: жизнь пуста...
И глупо ждать еще иного,
Я остаюсь всегда одна,
И нет пути уже другого...

* * *

Размытый силуэт
Потерянного счастья,
И наш фотопортрет,
Разорванный на части...

Я молча ухожу,
Но в силах ли прощаться?!
Тебя в другом ищу,
Не смея оправдаться.

Размытый силуэт
Последнего свиданья.
И наш фотопортрет
Как эхо расставанья...

Валентина Морозова

* * *

Я за слабость прощенья прошу.
Пред тобой не могу оправдаться.
Я от слез и от боли дрожу,
Но себе не позволю сдаваться.

Кто несчастней, тот больше любим,
Несмотря ни на что, он сильнее.
Малодушным тепло, а другим
До огня дотянуться сложнее.

Чем тернистее жизненный путь,
Тем на небо светлее дорога.
И яснее становится суть
Отведенного строгого срока.

ПРО МЕНЯ

Я бездомная кошка и, сколько
Меня ни пытались согреть —
Не выходит из этого толка
И на самую малую треть.

Предлагали жить в теплой квартире,
Каждый день молоко, но опять —
Я сбегу и на кухне в трактире
Буду мясо тайком воровать.

Обещали и нежность, и ласку,
Предлагали диван и кровать.
Лучше нюхать буду я краску
И на стройке под лестницей спать.

Называли принцессой, ценили,
Целовали и гладили, но...
Мерить лапами годы и мили —
Я от вас убегу все равно.

И однажды где-то на крыше,
Сидя с серым блудливым котом,
Я пойму: что все пойманы мыши.
Вот мой кот, вот мой мир, вот мой дом...

Татьяна Мартынова.

Какая она — любовь?

Я думаю, что ответ на этот вопрос у каждого свой. Любовь помогает нам взрослеть, пробуждает таланты... доставляет радость... причиняет боль. Любовь бывает нежной, бывает страстной, бывает дружеской, бывает безответной.... Да, любви в нашем мире очень много. Посмотри направо, посмотри налево, посмотри прямо — вон там сидит парочка, которая смотрит друг на друга такими глазами, что замирает сердце, а вон там спит малыш на руках у папы, который боится пошевелиться, чтобы не разбудить его... Наверное, трудно было бы нам без любви, но иногда, когда любовь причиняет ужасную боль, от которой жжет в левой части груди, люди проклинаят ее. Становится сложно жить, сложно думать. Люди меняются: кто-то в лучшую сторону, кто-то в худшую. Иногда люди становятся стервознее, грубее, раздражительней. Может быть, в наше время это полезно... Я не знаю... Проходит время. У некоторых эта боль исчезает, некоторые к ней привыкают, а некоторые просто прячутся, прячутся под маской... Так сложно сделать правильный вывод...

Да, любовь — это загадка. Загадка, ответ на которую таится где-то очень глубоко, в самой сердцевине жизни. Наверное, не имеет смысла искать его.. все равно бесполезно. Жизнь будет заводить в тупики, а из них очень трудно выбираться, а порой просто невозможно. И люди погибают, выпрашивая спасения. И именно в этот момент приходит смерть, приходит чтобы получить удовлетворение от того, что люди могут быть такими жалкими. Да, жизнь и смерть ходят рядом, они очень крепко связаны (красной?) лентой. Будьте осторожны, когда поступят предложения спасения вашей души, проверьте, от кого они — от жизни или от смерти...

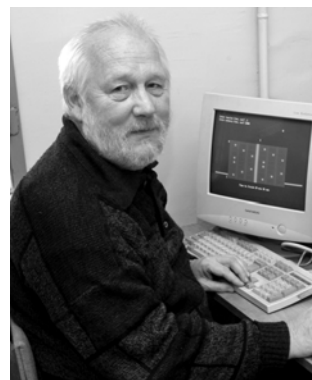
* * *

Как долго боль внутри
Хранила верность честно,
Ты тихо-тихо мне скажи,
Как умирать прелестно.
Не знать предательства любви,
Людей всех этих презирая,
Ты тихо-тихо мне скажи,
Как выглядят ворота рая.
Они, наверно, в облаках,
Их ангел нежно охраняет,
Они открыты нараспах
Для тех, кто жизнь не презирает.
Нас Бог зовет туда любя,
В аду нас видеть не желает.
И вот душа уже моя
Тебя навечно покидает.

ПРОЗА: ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ ЭПОХИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ

Алексей Яшин

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

Фрося ему ничем не отвечала, и даже когда Нефед Степанович говорил ей про маркизет и про искусственный шелк в Свердловске, дочь не поинтересовалась его словами. «Фашистка она, что ль? — подумал про нее отец. — Как же я ее зачал от жены? Не помню!»

Андрей Платонов. «Фро»

♦ «Не верь коню леченому, вору прощеному и кому-то крещеному» — гласит несколько подзабытая в наше демократическое время русская пословица. А как быть с женщинами? «А при чем тут женщины?» — тотчас встрянет скептик. «А как же мы без женщин?» — ответим мы. Потом пословицу эту не следует, конечно, понимать «в лоб», тем более сейчас, во времена высшего развития демократии на Руси, когда коней всех на колбасу перевели, воры в законе миллиардерами значатся в списках журнала «Форбс»... А вот третий персонаж пословицы? — Во-первых, мы не виноваты, что пословица сочинена где-то в веке девятнадцатом, когда граждане из «черты оседлости» стали массово принимать Христову веру, чтобы можно было проживать в Москве, Петербурге, Рязани и так далее. Во-вторых, опять же не наша вина, что в том же девятнадцатом веке так называлась почтенная, ветхозаветная национальность, причем не только грубыми крестьянами и мастеровыми, но и в сочинениях великих русских писателей: от ксенофоба Достоевского до гуманитариев и человеколюбцев Тургенева и Толстого.

Что же теперь нам делать с зловердными и едкими русскими пословицами? Переписывать их в иной терминологии, как, например, в Америке либералы приказали негров называть афроамериканцами; глядишь и у нас скоро появятся афрорусские... Но в том-то и богатство русского фольклора, что он уже успел посмеяться и над модернизаторами пословиц. Помните, как в одном анекдоте советских времен, приуроченному к 600-летию Куликовской битвы: дескать, Верховный Совет издал указ о переименовании известной пословицы о незваном госте? — Отныне пословицу читать: «Незванный гость лучше татарина!»

Однако, хватит на щекотливые темы витийствовать. Тем более, как пугают добрый наш народ (который любит соринки в чужом глазу рассматривать) прокоммунистические газеты: 37-й год на дворе! Суть же неудобной пословицы в том, что надо настороженно относиться к людям, которые стараются казаться не теми, какие они есть в душе и характере, которые якобы изменяются к лучшему и так далее, и все в том же ракурсе. Таким образом, и получается, что все персонажи этой пословицы... переодетые в мужское платье женщины?!

«Позвольте, милейший,— снова встрял скептик,— с чем-то можно согласиться, например, страсть женщин косметикой или чем иным свои недостатки — от некоего идеала что ли — маскировать, но вот религиозное чувство присуще женщине изначально!»

Да, женщины склонны к мистическому, а это в любой религии важный момент. Еще любят они золотые крестики на золотой же цепочке сейчас носить — напоказ, как украшение (правда, говорят злые языки, что женщина за цепочку Родину продаст...). А вообще-то после пушкинской «Сказки о золотой рыбке» ничего нового про женский характер уже и сказать нельзя.

«А религия?» — все талдычит скептик.

А вот возьмите такую женскую черту, как способность адаптироваться ко всему и всея. Та же религия. Я как-то шел по тротуару и никак не мог обогнать двух подружек; тротуар узок, а две женщины умеют и неширокую улицу занять собой, своими сумками и, главное, опасно для стороннего жестикулирующими руками. Примирившись, понуро поплелся вослед, поневоле слыша их беспредметный разговор. Запомнилась фраза: «Вот у нас в церкви стоять все время приходится, а у католиков сидят!»

А я развил мысль в духе пушкинской сказки. В православном храме благолепно и чинно, хор поет, священник рокошет приятным баритоном, золото опять же со всех сторон... Но вот хорошо бы в нашем городе восстановить некогда бывший костел. Там удобнее: люди покойно сидят, ксендз или аббат нравоучительные беседы ведет, запахи горящих свечек и ладана к разумному минимуму сведены...

Хорошо в храме католическом, а в протестантском, например у баптистов, в модельном доме проще, душевнее: люди вольно расселись, служба тихонько на фисгармонии наяривает, пастор по-семейному беседует, не утомляя чтением малопонятных текстов ветхозаветных писаний...

А еще лучше в такую церковь ходить, где посетители возлежат на диванчиках с подушечками, пьют кофе и беседуют с настоятелем на домашние темы, а тот зачитывает им наиболее интересные заметки из скандальной местной газеты «Толковище»...

Тут уже недалеко и до церкви-клуба: возлежат на диванах, пьют вино, лучше всего итальянское «асти» по восемьсот рублей за бутылку, закусывают шоколадом... Нет, не на диванах возлежат, в двuspальных альковах; рядом — усатый конногвардеец. А где священник этой либерализованной церкви? — А он тут лишний.

«Охальник! — восклицает скептик. — Зачем за перо берешься, если, как сам сказал, Пушкин уже все о слабом поле написал?»

Действительно, зачем? А вот одна черта женского характера интересует.

♦ В этом году, хотя и високосном, наверное в ознаменование наступившей в стране политической и иной стабильности — и Дума справная подобралась, и президента переизбрали с энтузиазмом — эпидемия гриппа случилась вялая: старый гонконгский вирус выдохся воевать с человечеством, а нового еще не вывели в секретных лабораториях... Это так народ невесело шутит после малопонятных вспышек *САРСа* и куриного гриппа.

В нашем городе, хотя и рядом со столицей, хворь эта и вовсе незамеченной про-

шлась. Может, поэтому народ потерял бдительность. Совсем забыла о гриппе и Вера Тимофеевна, старший менеджер местного отделения известной московской фирмы «Светоч-плюс», тем более что по установившейся традиции к началу весны накатывала трудовая горячка.

Так и получилось, что трудовая горячка на исходе вялой эпидемии перешла у Веры Тимофеевны в горячку гриппозную. Свято исповедуя телевизионную рекламу «Нам болеть некогда», старший менеджер перенесла хворь на ногах, дотянула до единственного в фирме выходного воскресенья; думала за сутки отлежаться, не отвлекаясь на домашние дела. Вроде как полегчало, только суховатый кашель по вечерам беспокоил, и она относила это на счет своего греха: покуривала, что неудивительно при ее сложной работе. А утреннюю ломоту, ощущение то жара, то холода во второй половине дня объясняла неустойчивой погодой начала ранней весны.

Однако к концу недели сам шеф, Андрей Денисович, порекомендовал сходить к врачу:

— Всю работу не перелопатишь, всех денег не заработаешь. Вид у тебя, извини великодушно, неважнецкий. Сходи в поликлинику, лекарства попей, дня три-четыре дома полечись.

Вере Тимофеевна стало неудобно, что подводит фирму в такое напряженное время, но кашель и озноб допекли. Вообще-то говоря, в их коллективе не было принято болеть, благо молодежь в основном работает. В свои 37 лет она, как порой с горечью думала, самая старшая в фирме.

Однако воспользоваться благорасположенностью шефа ей не удалось. Врач объявил острый бронхит в нехорошей форме и выписал направление в больницу — бывшую медсанчасть завода сельхозмашиностроения, куда пациенты должны являться со своим постельным бельем, покупать на трудовые лекарства и с прочими удобствами.

Андрей Денисович, досадуя в душе, тем не менее одобрил рекомендацию врача, но относительно бывшей медсанчасти имел свое мнение:

— Нечего в этом клоповнике тебе делать, Вера Тимофеевна, да и не последние мы люди. Давай в областную пульмонологию, у меня там дядька лечился. Хвалит.

— Да ведь просто так в областную больницу не пойдешь, надо еще в их поликлинику попасть...

— Ве-ера Тимофеевна, голубушка, ты ведь сама в позапрошлом году готовила документы по офисной мебели для новой кардиологии облбольницы — помнишь, мы тогда перехватили заказ у «Стройсервиса ЛТД» и выступили комиссионерами от питерских мебельщиков, им заказ перебрали и обслужили в порядке шефства наших медиков с минимальным нашим наваром.

— Да-да, припоминаю. Думаете — помнят еще?

— Ха-ха, а для чего я это все делал? У меня, видишь ли, слишком много родственников преклонного возраста. Да и сам, не дай бог, с такой перегрузкой какую-нибудь хворь подцепишь. Значит так, иди скоренько сдай дела своему заму, а я пока с Семеном Иосифовичем, замом главврача по финансово-хозяйственной работе, созвонюсь.

Вера Тимофеевна за четверть часа ввела в курс дела своего неофициального заместителя Сережу, благо тот после окончания университета работал в фирме третий год, сам по образованию компьютерщик, особо и не надо было объяснять. Выглянул из своего кабинета Андрей Денисович и сделал рукой зазывающий жест.

— Все в порядке, Семен Иосифович распорядился. Прямо сейчас поезжай, в приемной назовешь фамилию. Там уже знают. И в палату попримечнее поместят. Да-а, в понедельник у нас зарплата, а ты зайди в бухгалтерию, я распорядился, получи. Пригодится на фрукты-соки. И возьми у главбуха стодолларовую карточку на мобиль-

ник: чем еще в больнице заниматься, как не звонить. Главное — не торопись с выпиской, не шути со здоровьем, даром что молодая...

Вера Тимофеевна на последние слова в душе поморщилась, однако вполне искренне поблагодарила за заботу.

Андрей Денисович проводил ее до двери кабинета, чуть помедлил, притянул к себе бывшую подругу. Вера Тимофеевна вспыхнула и уткнулась лицом в плечо некогда *ее Андрея*.

— Держись, Верунчик, еще повоюем!

С чуть покрасневшим лицом Вера Тимофеевна зашла в бухгалтерию, потом еще в несколько комнат к отдельно сидящим сотрудникам, затем в общем зале попрощалась со своими и не своими подчиненными, заглянула на выходе из офиса в каморку к охраннику Славе. На улице ее уже поджидал, облокотившись на дверцу «тойоты», шофер фирмы «на разгоне» Василий, бывший сорокапятiletний инженер из ракетного НПО «Меткость».

Так Вера Тимофеевна, ранее из медучреждений знавшая только роддом, оказалась в больнице.

♦ Как и во всех отделениях громадного по провинциальным масштабам здания облбольницы, в пульмонологии, кроме общих палат, имелся одноместный «люкс» и рядом с ним, через стенку, двухместный номер. На «люкс» Вера Тимофеевна явно не тянула, тем более что его в данный момент занимал крупный начальник из НПО «Меткость». В двухместном же номере ее соседкой оказалась старушка, дочь давно почившего генерала, именем которого названа одна из улиц города — в память о военных годах. Старушка, хоть и древняя годами, но в меру бодрая, за сутки, оставшиеся ей до выписки, успела ввести соседку в больничные порядки.

На следующий за заселением день Вера Тимофеевна осталась в палате одна и все неполные две недели оставалась хозяйкой довольно поместительной комнаты, даже с небольшим холодильником. Лечивший ее заведующий отделением Сергей Федорович, склонный к практическому юмору, на осторожный вопрос пациентки о будущей соседке заметил в том смысле, что в его отделении в основном лечатся пожилые женщины-хроники. А они люди прагматичные, разумно сочетают заботу о здоровье и о семейном благополучии. Поэтому на лечение ложатся поздней осенью и зимой, а только солнце повернет на весну-лето, как все выздоравливают и устремляются на дачные участки. «Так что, уважаемая пациентка, думаю, вас никто не беспокоит. А вы у нас проделаете все положенные процедуры — дней десять-двенадцать, не более. А потом — для закрепления успехов — рекомендую пару недель провести в оздоровительно-терапевтическом отделении».

Более всего при поступлении в больницу Веру Тимофеевну беспокоил вопрос о курении, ибо еще в приемном отделении с нее взяли подписку: такая-то извещена, что в больнице, включая нежилую территорию, курение запрещено. Нарушители без предупреждения досрочно выписываются с сообщением по месту работы.

Однако в первый же день убедилась: грозное это предупреждение в русле национальных традиций, где законы суровы, но не выполняются. Как ни зайдешь в туалет, так сизый дым под потолок (туалеты здесь индивидуальные, без «М» и «Ж», с задвижкой изнутри); прямо напротив большая палата, где пробуют избежать призыва в армию подростки по направлению военкомата. То и дело шныряют из комнаты в туалет с пачкой сигарет.

А ей, сам-одна в палате, и выходить никуда не надо: солнечная сторона, днем с закрытым окном даже жарко.

Ближе к вечеру второго дня навестил муж; Вадим Аркадьевич, работавший зав. сектором в областном департаменте связи и коммуникаций, палату одобрил, сказал,

Русский народ — имперская нация, поэтому такое разнообразие эпитетов нагоняйства: разогнать, пропесочить, выдрать (словесно), разъ... (тоже словесно), продавить (у моряков) и прочая, прочая. Это вовсе не означает, что все начальники хамы, невоспитанные люди, шизоиды или невротики. Просто народ наш вольнолюбив, с ним сложно работать без мата и угроз. Это же есть и высшее выражение гуманизма: выматерит и простит. На гнилом Западе не матерятся, а просто увольняют с работы. На заре российской демократии полагали, что и мы пойдем цивилизованным путем: без мата, но с увольнениями без предупреждения. Однако забыли, что классом-гегемоном нового общества оказались бывшие уголовники и бандиты комсомольского возраста. Итак, форма собственности в стране изменилась, но нравы остались прежними.

что ему такая не по чину. Извиняющимся голосом сообщил, что завтра на три-четыре дня с шефом уезжает в командировку в Рязань, а послезавтра мать (свекровь жила с ними) придет навестить с детьми. «Да-да, знаю, я им только что звонила». Скоро муж заторопился: неудобно, шеф свою служебную машину дал, а еще надо в департамент заехать, документы кой-какие отобрать для поездки. Муж выглядел озабоченным, оно и понятно: на службе все в мандраже, через неделю губернаторские выборы, жена в больнице, у детей переходный опасный возраст, да еще — что за времена, что за нравы? Все чертов телевизор виноват — мамаша в начале седьмого десятка дружка себе, видите ли, завела, полковника-отставника овдовевшего!

♦ Свято место пусто не бывает, тем более в лечебницах с их вечным дефицитом мест. Уже вечером второго дня, после ухода мужа, после ужина, к ней в палату пришел кот. Молодой, чуть больше года, черный без единого пятнышка, лоснящийся

короткошерстный, чуть удлинённый, словом, масштабная копия настоящей пантеры. Вере Тимофеевне сразу показалось: это маленький перст судьбы. Между тем кот ознакомился с палатой, из вежливости — видно, только что поужинал на раздаточной кухне отделения — скушал кусочек колбасы, что вместе с прочим принес муж, оценивающе посмотрел на хозяйку комнаты и вспрыгнул на свободную кровать. Вера Тимофеевна погладила ласково котика, почесала за ушком. Кот свернулся клубком и покойно уснул.

В десять часов пришла с последним за день уколом медсестра Нина Митрофановна, работавшая только в ночную смену. Одобрительно посмотрев на кота, медсестра, завершив короткую процедуру, присела к нему на кровать и рассказала короткую еще биографию будущего истребителя грызунов.

Больница, в точное огромное больничный комплекс, строился в золотые 70-е годы, денег не жалели, тем более их тогда не воровали, строили по самому того времени современному проекту. Даже в Москве завидовали. Все здания комплекса связаны подземными тоннелями-переходами, которые под зданиями заканчиваются лифтовыми площадками. Соответственно, все сообщение между корпусами, перевозка больных в каталках, неодушевленных грузов, особенно зимой, выполняется по этим тоннелям.

Понятно, что в полутемных тоннелях тотчас появились мыши и крысы, которым никакие меры дератизации* не страшны; к отравленной пище они не подходят после того, как для «пробы» дают поесть ее уже обреченной, больной крысе. Да и не будешь постоянно раскидывать яды по тоннелям, где постоянно ходит медперсонал, где везут на операцию больных... На счастье, сразу за больничным забором располагался большой пригородный поселок, построенный в послевоенное время выселенцами из западной Украины во время чистки в бендеровских районах. Поскольку поселок сплошь состоял из частных домов, то два-три раза в год образовывался излишек подрощенных котят. Тотчас они нашли дорогу в больницу и заселили круглогодичные теплые и сухие тоннели.

Следуя инструкциям, соответствующая служба периодически отлавливала наиболее неосторожных мурок и васек. Однако все прекрасно понимаю, что без них крысы и мыши расплодятся неимоверно. Но все равно жить котам и кошкам в подземных переходах приходится настороже и регулировать свое стадо. Умные кошки стараются распихать свое подрастающее потомство по корпусам, поближе к добросердечным больным, медсестрам, кухонным работникам и равнодушным, в силу своей профессии и низкой зарплаты, ко всему и вся врачам. Здесь единственный их враг — злющие старухи-санитарки.

Так и Черныш, это имя поселившегося у Веры Тимофеевны кота, попал в главный корпус больницы, осваивая этаж за этажом, поднимаясь все выше и выше по боковым лестницам, где медицинское начальство не наблюдается. На месяц, тогда еще шестимесячным котенком, Черныш задержался на втором этаже в отделении общей хирургии, потом, поднимаясь все выше, достиг шестого этажа и застрял в гостеприимной пульмонологии.

— Жаль только,— завершила рассказ Нина Митрофановна,— если попадется на глаза кому из начальства, его у нас в больнице много, часто с инспекциями ходят. Тотчас прикажут выбросить да еще и проверят... А кот необыкновенно красивый и умный. Пока врачи в отделении — на глаза не показывается, а насчет туалета сам сообразил. У нас одну из процедурных, что в конце коридора рядом с ординаторской, уже полгода капитально перестраивают, весь пол в стружках. Туда он и ходит. Кто только научил? Впрочем, как у людей все — захочешь жить, всему научишься...

* Меры по массовому уничтожению грызунов от англ. *Rat* — крыса.

Ну, отдыхайте с котом, спокойной вам ночи.

В субботу приходила свекровь с детьми Ольгой и Димой, школьниками престижной первой городской гимназии. Дети сразу запросили кота домой. Да и сама Вера Тимофеевна понимала, что в доме уже пятый год пустота после смерти добермана Тиля. Обещала детям подумать, тем более что Черныш и не собирался уходить с обжитого места.

Но совсем покорила Черныш сердце своей обретенной хозяйки невероятной сообразительностью. Субботу и воскресенье кот преспокойно спал, вставая только поесть и сходить в ремонтируемую процедурную. Дышал он ровно и спокойно, абсолютно здоровый кот. Самое интересное, что подметила наблюдательная Вера Тимофеевна, в выходные дни без врачей и все больные старушки словно отдыхали от своих недугов, даже особо не кашляли. Но ровно в восемь утра понедельника из всех палат отделения, исключая комнату с допризывниками, как по команде, начинался неумолчный кашель, который и продолжался по пятницу включительно с восьми до четырех дня с перерывом на завтрак, обед и тихий час.

О причинах регламентированного кашля больных Вера Тимофеевна догадалась тотчас. Усмехнулась добродушно. С тем большим изумлением ровно в восемь утра понедельника она услышала, как Черныш, оторвавшись от «вискаса», специально в воскресенье принесенного девятиклассницей Ольгой, нарочито и трудолюбиво закашлял. И так он делал по несколько раз за день с понедельника по пятницу включительно с восьми утра до четырех часов пополудни...

В следующее воскресенье Ольга пришла со специально купленной пластмассовой корзинкой с крышкой и унесла Черныша домой на ПМЖ*.

♦ За время пребывания в отделении Вера Тимофеевна ни с кем знакомства не свела: контингент не тот, а когда болезненные симптомы почти исчезли, то и вовсе почувствовала себя отдыхающей во внеплановом отпуске. А если учесть, что последние два года в фирме отпусков плановых и вовсе не было, то настроила себя на отдых с минимумом общения с окружающими. Тем более что рядом тихо урчал засыпающий после кормежки Черныш. Телевизор она и дома почти не смотрела, нагледевшись уродов по служебным делам, поэтому сразу отвергла предложение мужа привезти из дома маленький, тот, что летом брали на дачу.

Зато попросила дочь принести почитать из того, что сейчас «вообще народ читает». Ольга и принесла ей несколько книг из числа популярных среди старшекласников их элитной гимназии: толстенный том «Властелина колец», пару книжек Пелевина, очередной детектив под женской фамилией и последний роман Татьяны Толстой.

Почти отвыкшая за последние суматошные годы от чтения чего-либо, кроме местных бульварных «Толковища» и «Юного ленинца», Вера Тимофеевна заново училась читать нечто связанное, сюжетное. Впрочем, более или менее прочитала только детектив, в котором главная героиня через каждую страницу рассуждает о цвете и консистенции кала своей любимой собачки.

А более всего она предавалась сладострастному ничегонеделанью, благо ранневесенняя погода и тишина за окном навевали легкий сон в любое время суток. К полудню комнату ее на солнечной стороне разогревало, Вера Тимофеевна приоткрывала окно, накрывалась одеялом и дремала, вдыхая очистившимися бронхами свежайший воздух городской окраины с самыми верными предвестниками разгара весны: запахом разогревающейся земли и сжигаемого на частных огородах растительного мусора. Эти волшебные запахи навевали сладкие сны о юности, лете, любви... Какое тут общение с вечно кашляющими (по будням до четырех пополуд-

* Постоянное место жительства; из лексикона эмигрантов из России.

ни) больными! Правда, последние дни — после уноса Ольгой Черныша — иногда возникало желание с кем-либо поговорить, но благоприобретенная лень тела и души прогоняла это желание... А к ночи ей просто хотелось мужчину, желательно не мужа, в мыслях которого, по всей видимости, и в минуты столь редкой в последние годы близости все крутились перипетии административных пакостей мелкого чиновника.

Все же на процедуры и в отделенческую столовую выходить из палаты приходилось не раз и не два за день. Из более или менее достойных внимания Вера Тимофеевна отметила молодую женщину из третьей палаты, которая считалась почти привилегированной — на три кровати. Звали ее Светланой. Даже в больничной простоте она выделялась своим атласным халатом и легким, но постоянным макияжем: прическу также держала в порядке. Они с ней иногда перебрасывались парой слов ни о чем. Всего и узнала Вера Тимофеевна: Светлане только что стукнул 31 год, в больницу она попала на день раньше ее по подозрению на бронхиальную астму (к счастью, ограничилось тем же послегриппозным осложнением). И еще курит.

По всей видимости, как и она сама, Светлана в больнице тоже склонялась и ленивому отдыху, а для неумолительных бесед у нее была партнерша — совсем молоденькая девушка, студентка, соседка по палате и по обеденному столу. Словом, дежурная *vis-a-vis*.

...Выписывая Веру Тимофеевну из отделения, Сергей Федорович, как всегда задумчивый и отрешенный от мирской суеты, велел на будущее остерегаться осложнений и легко получил ее согласие полторы-две недели побыть в оздоровительно-терапевтическом отделении. «Это только на пользу, закрепите лечение, процедуры там все больше физкультурного порядка, режим вольный, даже рекомендуют днем гулять на улице. Условия хорошие — комната на двоих вас устроит? Почти санаторий... Да это и есть бывший профилакторий химкомбината на нашей территории. Теперь комбинат к частникам перешел, а тем только бабки нужны зеленые, вот всю социалку и сбросили».

Лень полностью завладела Верой Тимофеевной: отдыхать так отдыхать! Тем более такой загадочно-обаятельный мужчина рекомендует...

♦ В день перевода в бывший профилакторий Вера Тимофеевна получила от старшей медсестры нужные бумаги, презентовав в свою очередь приятной даме флакон приличных духов, собралась и присела — на дорожку — в ожидании санитарки, что должна проводить ее (оздоровительное отделение в дальнем углу больничного городка, за общим забором, под пологом ближнего леса) и передать тамошнему персоналу.

Вместо разлапистой старухи-санитарки явилась молоденькая медсестра Настя, тоже получила от Веры Тимофеевны пачку «vogue» и приличную зажигалку и сообщила: пойдем, мол, втроем; Светлану из третьей палаты Сергей Федорович тоже определил в оздоровительное отделение.

Действительно, у двери своей палаты их поджидала Светлана, одетая явно не по больничному; не то чтобы вызывающе роскошно, но по всему чувствовался устойчивый хороший вкус, как неременная составная часть ее образа жизни, круга общения — почти овеществленная черта характера.

— Решили продолжить отдых? — спросили они друг друга в унисон и рассмеялись. Дождались лифта, перегруженного в это время дня, и вышли из корпуса.

Шли они до трехэтажного здания бывшего профилактория с четверть часа, не торопясь. Вера Тимофеевна со Светланой по понятной причине для выздоравливающих больных в погожий апрельский день, а Настя вовсе не торопилась возвращаться в отделение к своим кашляющим подопечным. Она же во всех деталях описала специфику места их будущего пребывания и дала массу полезных советов.

— ...Одноместных палат всего две, но обе сейчас заняты. В одной какой-то полковник, не армейский, не знаю, сейчас много всяких в формах появилось, по взяточному делу — может в «Толковище» читали на той неделе — от следствия отмазывается. Каждый вечер к нему подчиненные являются, водку пьют, совещаются.

А другую занимает настоящий больной, бизнесмен крутой — ему операцию по пулевому ранению в нашей хирургии делали. Но он после утренних процедур сразу уезжает на своем «мерсе» с водилой и возвращается к вечеру. Но вы не беспокойтесь, двухместные не хуже, все же профилакторий бывший. А Сергей Федорович о вас по телефону созвонился, сама слышала: дескать, примите двух очаровательных девушек из моего отделения... Да, при вселении попроситесь на солнечную сторону, днем оконную дверь на лоджию открывать можно, да и выходят там окна на территорию, а с другой стороны только хоздвор.

Да, еще, есть у них манера пытаться выписать через неделю, но если хотите побольше полежать, отдохнуть, то можно напрямую с Галиной Андреевной поговорить, она женщина понятливая, либо в процедурных с тамошними медсестрами — чтобы расписали процедуры через день на две недели. Ну, вот и пришли. Вы здесь в холле подождите, а я с вашими бумагами к старшей медсестре поднимусь.

Дежуривший в здании молоденький милиционер при появлении роскошных молодых женщин мигом сбросил свою сонливость и даже попробовал заигрывать, но они отошли к ряду диванчиков, присели.

— Да, Светлана, вы не против нашего соседства?

— Отчего же, в таких ситуациях вредны два качества: храп и телевизор в палате. Я избавлена от этих напастей...

— Я, к счастью, тоже.

— Ну и прекрасненько. Думаю, решим и с солнечной стороной. Вон Настя спускается, судя по всему со старшей: типаж располагает к договоренности.

♦ Настя дала верную ориентировку. Палата на солнечной стороне второго этажа оказалась свежестроенной. Обстановка — почти санаторная, процедуры неумолимые, а столовая вообще поразила неким намеком на зимний сад. Выход на улицу с утра до семи вечера — свободный. Лес для прогулки еще не просох, но в трехстах метрах начинался городской микрорайон, кстати, одинаково незнакомый для Веры Тимофеевны и Светланы. Там же располагался рынок и конечная остановка нескольких маршрутов автобусов и автолайнов. При желании можно сесть в нужный и через полчаса выйти на другой стороне города. Чем на второй же день обе и воспользовались, побывав дома.

В первый же день после ужина к ним явились знакомиться два подвыпивших мужика из палаты напротив, но были легко и словесно вышиблены Светланой. Вера Тимофеевна и опомниться не успела, хотя и сама полагала себя бойкой на язык, а в ситуациях с нагловатыми мужичками имела достаточный опыт: работа старшим менеджером научила.

— Ха-ха-ха! Ловко вы их, Светлана, выпроводили. А вроде как ужин без свечей и шампанского обошелся?

— Вера, давай, если не против конечно, без «выканья», а то за пару недель и до бальных туалетов дело дойдет!

— Конечно, конечно, Света... я и сама хотела предложить.

— Ну и прекрасно, а по такому случаю и новоселью давай на малый брудершафт; у меня бутылочка мартини припасена — настоящего, не подмосковного разлива.

— Замечательно, а у меня коробка конфет вполне приличных... только вот к отбою медсестра что-то, наверное, должна измерять? Давление, температуру...

— Ну-у, дорогая, многого хочешь. Здесь медсестры такие телки крашенные по-

добрались, что давление померить и кому необходимо не допросишься! А насчет температуры — как принесут градусники, так и заберут. Вон мужики, что свататься приходили без фраков, нимало не беспокоятся! Пожалуй, они тоже не явятся.

Действительно, их малый брудершафт никто не потревожил. Где-то в половине десятого впорхнула медсестра; ее угостили конфеткой, она понимающе кивнула и градусников не предложила.

♦ Настоящий мартини и новое место подействовал: за полночь, а сна как ни бывало. Как это принято у женщин вообще, а опытных в жизни тем более, разговор новых подруг велся вокруг до около, осторожными нащупываниями, со стороны слушая — беспредметный.

—...Ты вот, Вера, несколько себе же и противоречишь. Неспроста детей в элитную гимназию отдала, подальше от улицы, двора, дискотек этих сумасшедших, словом — подальше от реального мира.

— Интересно ты говоришь; в смысле речи, как роли разные исполняешь: давеча мужиков шуганула — решила, что ты продавщица, извини. А сейчас с почти мужской логикой, что твой профессор, рассуждаешь.

— Это все по жизни. Вообще-то я филолог по образованию, Ленинградский университет закончила, то есть Петербургский, но в Питере долго к новым наименованиям-переименованиям привыкают. В аспирантуру оставили, но через год пришлось по ряду обстоятельств домой в Т. вернуться.

— Надо же? А я еще в советское время наш заочный финэк окончила; начинала рядовым плановиком на заводе. Потом разное было. Сейчас вроде бы в жизни стабильно, фирма наша — филиал московской, пока не шатается.

— А чем ваш филиал занимается?

— Сложно, Света, сказать. Я стараюсь за пределы своего места не выходить... Сейчас вроде как готовим для продажи «под ключ» мебельные магазины. А там кто знает?

— Понятно. На отмывке, значит, столичной наливки от наркоты, древнейшей профессии и прочего. Впрочем, не задумывайся. Так спокойнее.

Вера Тимофеевна не сочла тактичным поинтересоваться: чем в жизни занимается ее соседка? Захочет — сама расскажет. В наше время не принято интересоваться излишне и навязчиво: и профессией, и доходами, и семейным положением.. даже местожительством порой. Потому и скоренько отвела разговор на другое.

— Я заметила: здесь медсестрички как на подбор, все молоденькие, красивые... Что они дальше думают делать? Зарплату их даже пособием по безработице язык не поворачивается назвать.

— Да вроде как за них беспокоиться не стоит. Наиболее умные, то есть самые глупые в жизни по-нынешнему, пойдут дальше учиться в мединститут. А остальные присматриваются.

— Это как же?

— А просто. Сама что ли молодой не была? Ах, да, ты же в другое время жила. Я и сама его краешком глаза застала. Просто проходят жизненную стажировку: год-другой — и рванутся в самое пекло нынешней борьбы за место под солнцем. Даже если это солнце тухловатое... А здесь самое место для приучки: народ разный проходит чередой, вроде как уже и не больные.

— Так все откровенно и расчетливо?

— Давай, Верочка, допьем на сон грядущий. Пора и поспать, а то утром тяжело вставать.

Самый уродливый исторический тип соотечественника — умственный онанист с патологией бесплодной зависти и неумного оптимизма. В наше счастливое время он представлен как мужским, так и женским началами. Урод-мужик, как правило, молодой, бросает художбно, но устроенную жизнь в провинции и едет в Москву чинить унитазы за две тысячи рублей в месяц. Зато, приехав на побывку домой, восторженно рассказывает: какие там казино, рестораны, а витрины магазинов? Да-а, жизнь у нас кипит... Женица же из этого сословия, обычно рядовая бухгалтерша в сиротском бюджетном учреждении, восторгается: дескать, как скверно мы жили при коммунаках? — Выстоишь очередь, купишь десять кило колбасы и буженины и холодильник подвязку набьешь. Зато сейчас, хоть и дорого все, но безо всякой очереди подойдешь к прилавку и купишь граммов сто колбаски к празднику...

◆ Ни наступившая тишина и темнота с отблеском полной луны на оконном стекле, ни приятная теплота от выпитого вина не навевали на Веру Тимофеевну сон. Что-то разбередил душу легкий, ни к чему не обязывающий вечерний разговор. И чего она к девчонкам-медсестрам привязалась? Действительно, сама, что ли, не грешна в этой жизни?.. Да и в той, советской. Живой ведь человек!

Потаскухой не была; это точно. Голый разврат всегда отвращал. Была любовь? — Конечно, но ведь и безо всякой любви бывало, даже удовольствие получала; так сказать, приятное с полезным совмещала. И в страшном сне не могло присниться ей, чтобы Ольга узнала, как мать ее потеряла девственность в нынешнем, пятнадцатилетнем возрасте дочери. Но это девичье любопытство было. А через два года влюбилась; год целый счастья, ревности, слез и восторга. Заодно и первый аборт с громким домашним скандалом. Однако, опомнилась, по рукам не пошла. Пошла учиться в финансово-экономический.

На дворе тогда стоял восемьдесят пятый, начало горбачевщины: идиотизм водоч-

ных очередей, первые кооперативы, с телеэкрана Мишка с Райкой чередуются; один все про «консенсус» толкует, вторая красуется в привезенных из Лондона и Парижа нарядах. На что неизбалованные советские девчонки, а хихикали над нелепым сочетанием красно-золотых туфель и черных колготок... Надели на корову сарафан! Но уже потихоньку приучались завидовать всем и вся: потом и Родину за видик продали всем скопом; даже и не поймешь, кого жадность больше обуяла, баб или мужиков?

Тогда же и пресловутый секс объявился, и разделилась приязнь мужчины и женщины друг к другу на любовь и «занятие любовью», то есть откровенное бл... И пошло, и поехало на упрощение нравов. Даже сейчас, закаленная жизнью в стаде волков, прошедшая огонь, воды и медные трубы безысходности и всеобщего бардака последних полутора десятков лет, она слегка краснела в тесноте палаты, вспоминая студенческие годы: и днем на работе в плановом заводском отделе, и вечером в институте, и после занятий — вечером и ночью («Мам, я сегодня у Наташи заночую, нам курсовую делать!»). На красивую девку, как мухи на сладкое, мужики, особенно матерые, липнут. Да и ситуации выбирают — отказать нельзя! И время пошло такое: не до высоких моральных принципов... хочется не просто жить, но жить без особых хлопот и напрягов.

Откажешь плотоядному начальнику отдела на работе, перетрававшего всех своих починенных — от восемнадцати до сорока пяти лет, так уволит, времена самочинства наступили. Уже трудно стало куда-либо устроиться, а в институте еще продолжают справки, что работаешь, требовать. И доцент гнилозубый привязался; однокурсницы посоветовали: лучше под него пару раз лечь, чем до отчисления доводить. У кого парни крутые имелись — те отвергались; у Веры же его не было.

А дальше собственный темперамент разыграл: один — другой — третий... Но как и все ее сверстницы, уже выбирала с деньгами, шампанским в кабаках, с тачкой — для куража. И успокаивала себя: ведь не проститутка, не за деньги — из рук в руки, — а либо по крайней необходимости, либо же для удовольствия. Да и тайно все, пройдет и забудется. На третьем курсе опять взяла себя в руки, а мать сосватала ее за подающего надежды инженера из городской телефонной сети. Был он не местный, из Куйбышева, где закончил электротехнический институт связи, старше Веры на четыре года. Вадим ей очень нравился, тем более, что вскоре после женитьбы ему дали вполне приличную квартиру, благо к получению ордера Вера была уже на девятом месяце беременности Ольгой. После рождения дочери взяла в финэке академический годичный отпуск.

А через три года и сына родила. Многие и сейчас спрашивают: ладно, первый ребенок, еще советская власть не рухнула, в вот второго-то в треклятом девяносто втором? Да, родила, и самые эти беспокойные годы жили они относительно (других) неплохо, нет, не то слово — относительно спокойно; здесь спасибо мужу и своим родителям, их профессии даже в годы всеобщего развала что-то значили...

Однако ближе к середине девяностых, когда всю страну охватила неумная алчность, а женщин и вовсе повело, оставив детей на мать, Вера Тимофеевна бросилась во все тяжкие торговые, моталась в Турцию, стояла на блошином рынке, приучилась пить водку «для сугрева», освоила торгово-спекулятивную феню, спала с опекающими братками... И неизвестно, до чего бы докатилась (известно до чего!), но судьба ее хранила и снова вернула на стези своя, хотя и преподала урок жестокий. Как-то случилась едва не в один месяц: дефолт и наехавшие братки свели к нулю все плоды трудов ее; мать забастовала — давай, занимайся детьми! А она наградила тихого своего супруга гонореей, где-то благоприобретенной. Развод не состоялся только благодаря святой терпимости мужа.

Но на вольной торговой жизни был поставлен крест. Благо муж получил при новом губернаторе пост в департаменте связи и коммуникаций. А Веру Тимофеевну,

после годичного перерыва — наверстывала упущенное в воспитании детей, он же устроил в фирму «Светоч-плюс».

Сон все же сморил ее.

♦ На следующий вечер продолжение беседы не состоялось, поскольку обе обитательницы палаты, как и порешили накануне, после утренних процедур разъехались по домам — привилегия этого заведения, а вернулись только к восьми вечера, слегка нарушив режим: Вера Тимофеевна приехала первой, спустя четверть часа — ее соседка. Впрочем, сегодняшний дежурный мент Боря недовольства красивым дамам и не собирался высказывать, тем более, получив «за беспокойство» от одной плоскую бутылочку ординарного коньяка, а от другой — на закуску — плитку шоколада.

Обе с непривычки больничного безделья устали в накопившихся домашних делах (так обе друг другу объяснились) и улеглись еще до официального отбоя. Светлана выглядела несколько мрачноватой, а Вера Тимофеевна успела только рассказать о занимательной встрече.

...Удачно сев в набитый в этот предвечерний час автолайн, следующий по замысловатому маршруту до облбольницы, она с приятным изумлением узрела в своем соседе по сиденью Сергея Федоровича, как всегда с модной уже который год трехдневной щетиной *а ля Абрамович*. Который Рома.

Тот без предисловия пояснил: был, имея ученую степень, на защите диссертации в университете в качестве члена соответствующего совета, потом, как положено, пообщался с коллегами на банкете. Сейчас едет, «как и очаровательная соседка», в «родной дурдом» — сегодня в ночь дежурит по корпусу, то есть почти по десятку отделений. Поинтересовался житьем-бытьем на новом месте, спросил о Светлане, при этом чуть улыбнулся.

Вера Тимофеевна охотно вступила в разговор с приятным мужчиной, хвалила нынешнее свое и Светланы житье, благо и рынок, магазины рядом, можно самим себя побаловать, не беспокоя приездами домашних.

— Хотя и жизнь сейчас непонятная, порой страшная, но хоть товарное изобилие наступило, не надо по три часа за колбасой в очереди толкаться или из Москвы сумками волочить.

— М-да. Оно может и так, но вот недавно в той же Москве на конференции по своей специальности встретил давнего приятеля; он главным диетологом в одном из управлений Минздрава трудится, в люди вышел. В перерыве зашли перекусить в буфет... ну, слово за слово, он мне и рассказал про все это изобилие. Ничего хорошего. Пищевая химия одна.

А вот полгода тому назад наше промышленное, или как там оно сейчас называется, министерство упразднило государственные стандарты на любую продукцию: съедобную, машиностроительную, просто строительную, словом, на все и всея.

— Это как понимать? Я когда-то работала плановиком на заводе, так там без *ГОСТов* и *ОСТов* шагу не ступишь!

— Вот так и следует понимать, особенно в части продовольствия. Не секрет уже давно, что наш рынок здесь почти полностью захвачен зарубежниками, а они гонят всякое, извиняюсь, дерьмо. Стандарты им были единственной помехой. Вот теперь его и нет больше. Да не только импортеры; свои тоже начали этот же самый «продукт» в лаковой упаковке на прилавки мегатоннами вываливать.

— Но ведь что-то должно регламентировать качество, так и чистую отраву начнут продавать?

— А хитро придумали, скорее с западников собезьянничали: вместо стандартов ввели сертификат соответствия. То есть производитель обязан на этикетке продукции точно сообщить ее состав. А покупатель сам решает: покупать или мимо проследовать.

Давайте пофантазируем. Опять же извиняюсь за некоторый волонтеризм, но так нагляднее. Допустим, некий ловкий *бизнесментер* решил занять свою нишу на модном нынче рынке пищевых добавок, якобы полезных для здоровья. Но как? Вроде все уже смешали, по упаковкам рассовали, рекламу бешеную на радио и телевидении сделали. Но парень наш бизнесментер не без юмора и придумал жидкую пищевую добавку в виде витаминизированного шипучего напитка «*Поллитра здоровья*» — в изящной полулитровой посудине в форме графинчика.

Договорился с фермой по разведению ослов близ Алма-Аты о поставке ослиной, пардон, мочи в цистернах, а в пригороде, например, нашего города, по дешевке арендовал в разорившемся колхозе небольшой заводик, точнее цех, по переработке молока, кое-что из неразворованного оборудования восстановил, что-то прикупил. Заказал на ближайшем заводе стеклотары изящные графинчики... И процесс пошел!

Мочу фильтруют, осветляют, пастеризуют. На 100 литров жидкости замешивают килограмм витамина «С», то бишь дешевой аскорбиновой кислоты, добавляют для аромата десять граммов лавандового масла, разливают по графинчикам и по цене 120 рублей за посудину развозят по всем коммерческим аптекам. На рекламу не поскупились. Бабки рекой потекли, а на красочной этикетке с видом на высокогорный каток «Медео» крохотными такими буквами, без лупы не прочтешь, точный, безо всякого обмана, состав обозначен: «Биологическая жидкость *Asinus domesticum* — 98,5 %; витамин «С» — 1,0 %; масла и экстракты лаванды, горной ромашки, элеутерококка — 0,05 %; консервант пищевой — 0,45 %».

Вроде как все по-научному написано; народ наш уважает науку. А если какой умник попробует права качать, то никакой суд или инспекция санитарная ему не помогут. Извините, скажут, гражданин хороший: все соответствует в напитке этикетке; моча это и есть биологическая жидкость на медицинском языке, а в переводе с принятого в той же медицине латыни *Asinus domesticum* означает «осел домашний».

Вера Тимофеевна от души рассмеялась. Здесь автолайн подкатил к конечной. Сергей Федорович учтиво проводил спутницу до прямой дорожки к профилакторию, раскланялся и отправился на ночное бдение.

Светлана, уже лежа в разобранной постели, выслушав рассказ, тоже посмеялась, но скорее из вежливости.

♦ Света-то уснула тотчас; и где-то это она, бездетная, так утомилась? Впрочем, это ее дело. Не хочет — пусть не рассказывает. У каждого сейчас своя жизнь, свои заботы. А ее опять посетила бессонница, родная сестра вчерашней.

Конечно, моделью добропорядочности она не стала — в том смысле, что влюбилась в своего шефа, на пять лет ее моложе. Как она в минуты самобичевания понимала: это последняя большая любовь, раз на молодняк потянуло... Именно тогда она четко — для себя — поделила жизнь на две части: с Андреем во время редких свиданий в его загородном коттедже не вспоминать мужа и детей, и дома — забывать о любовнике.

Однако, все закончилось паскудно: ее возлюбленный как-то попробовал подложить ее под московского своего шефа, любителя блондинок бальзаковского возраста. Она отказалась, Андрей Денисович ее зауважал, отношения прекратил, а Веру повысил в должности до старшего менеджера. Хоть и молодой, но хорошо знал психологию людей. А себе завел «для здоровья» молоденькую операторшу ЭВМ из своей же фирмы.

Господи! Думала порой она, уже близко к сорока, а я все не угомонюсь... Гормоны что ли у меня такие? Или кто-то в предках страдал неумейной любвеобильностью? Как-то по душам поговорила со своей теткой, бывшей когда-то завмагом, женщиной многоопытной... потому и оставшейся незамужней. «Детка,— рассмея-

лась та после рассказа-исповеди племянницы,— не городи на себя напраслину. Баба как баба. В молодости с кем не бывает, а потом одно на другое наложилось: муж слабоват по этой части оказался, а времена наступили паскудные, дразнящие, из нормальной жизни выбивающие; трахнуть стало, что бутылку пива выпить! В прежнее время таила бы все в себе, от силы — завела на стороне мужичка, раз в месяц на квартире у холостой подруги с оглядкой услаждались. А летом в один санаторий ездили бы... А теперь все вокруг прямо-таки подталкивает. Как тут женщине в соку, красивой, устоять? Известно ведь, что баба слаба на передок...»

Подумав, Вера Тимофеевна согласилась с доброй и опытной в жизни теткой.

Захотелось курить. Встала с постели, укуталась в теплый махровый халат до пят, осторожно, чтобы не потревожить соседку, приоткрыла дверь на лоджию, выскользнула в весеннюю полночь, еще не теплую, но уже и не холодную. Сыроватые, с подпалиной, волнующие запахи ранней весны закружили ее голову, зябко заныло тело, набирающее сил после болезни. Она зевнула, сладко потянулась. В бывшем кулацком пригороде с порядками освещенных луной одноэтажных домов частного сектора свистали и орали невразумительное хулиганистые подростки. Им вторил девчоночий визг. Лаяли собаки, а со стороны уже гражданского микрорайона доносилось мягкое шуршанье автомобильных шин и откуда-то негромкая музыка. Природа и люди готовились после зимней спячки к торжеству любви.

♦ Из-за ночных дум и курения на лоджии Вера Тимофеевна проспала утро. Разбужившая ее Светлана даже пошутила насчет бурно проведенной ночи... в мечтаниях.

— Да, Светочка, так оно почти и было. О нелегкой женской доли размышляла.

— «Все мы, бабы, стервы, послушай милый мой...» — пропела явно повеселевшая с утра соседка.— Вставай, подруга, пойдем в «зимний сад» завтракать; горячая каша с утра — первое дело!

Однако рисовая каша в это утро оказалась едва не замерзшей. Завстоловой популярно объяснила: пищу у нас готовят централизованно, развозят по отделениям, мы только разогреваем, а у нас сегодня электроплиты не включаются, электрики только к полудню подойдут.

Вернувшись в палату, сами сгоношили завтрак: электрокофейник накануне привезла Вера Тимофеевна, а у Светланы изначально имелся электрокипятильник. Сварили яиц всмятку, сделали бутерброды с сыром и ветчиной, заварили кофе.

— Это все, конечно, хорошо, можно и баночку икры открыть по случаю ремонта в столовой. Понятно, что здешние электромонтеры вряд ли и к вечеру починку сделают... А не прокатиться ли нам после процедур, а? Доедем до центрального парка, погуляем; дорожки там уже просохли. На птичек посмотрим, воздухом подышим. А затем в один приличный ресторанчик заглянем и пообедаем... там электроплиты постоянно исправные.

— Это, Света, заманчивое предложение. Но — извини, как-то отвыкла здесь уже от хлопотных поездок. А потом... в ресторане кто из знакомых, врачей, наконец, увидит? Как-то нехорошо получится...

— О, об этом не беспокойся. Я вызову машину; никаких автобусов и «лайнов». Ресторанчик же за городом. О нем и знает кто мало. Вряд ли твои коллеги, опять же департаментские сослуживцы супруга, не говоря уже о наших добрых врачах, там бывают. Соглашайся, а?

В конце концов, думала Вера Тимофеевна, хотя и в больнице, но нельзя лени позволять овладеть собой полностью. Потом и любопытство: новые места, как-то связанные с соседкой. Сама она о себе почти ничего не говорит... может, обстановка что объяснит?

Светлана чуть-чуть улыбнулась на ее согласие, догадываясь о мыслях соседки и

временной подружки. Пощелкала по клавиатуре мобильного и отошла к раскрытой двери на лоджию. Вера Тимофеевна дипломатично вышла из палаты — помыть посуду из-под завтрака.

♦ В половине двенадцатого, приведя в полный восторг так симпатизировавшего им дежурного милиционера макияжем «по полной программе» и тщательно подправленными прическами, они вышли из здания, а Светлана по-хозяйски подвела подругу к сиявшему черным лаком джипу из числа тех, что язвительный наш народ называют бандитскими. Дверцы им предупредительно распахнул водитель Гена.

...Но еще больше изумился милиционер Боря на своем суточном дежурстве, когда в семь вечера тот же джип лихо развернулся в каком-то метре от стеклянной двери корпуса, а вошедшие дамы весело приветствовали стража шикарными прическами — порадовали себя после обеда в загородном ресторане — и бутылочкой шотландского виски.

После общего отбоя Светлана покойно заснула, а Вера Тимофеевна, терпеливо дожидаясь неспешного сна, проигрывала в голове богатые впечатления минувшего дня.

Кое-что в нынешней жизни она понимала, но этот мир — от джипа по загородному ресторану и элитной парикмахерской — был явно иного, качественно более высокого класса. Кстати, роль Светланы в этом мире по-прежнему оставался для Веры Тимофеевны непонятна.

В ресторане при загородном же клубе, где царила деловая дневная обстановка, в салоне красоты Светлану знали, но как-то... Вера Тимофеевна подыскала нужное слово: вежливо и безлично. Шофер Гена — само воплощение корректности и предупредительности, словом, на службе.

Разговор сегодняшний завязался еще на прогулке по парку, продолжился за обедом, в салоне, неспешных прогулках по только что открывшемуся торговому центру, в машине, где шофер отделен от пассажирского отсека с диванчиками слегка затонированной перегородкой.

А тему задали сопливые девчонки, старшие школьницы или студентки-первокурсницы, что попарно или по трое, по четверо заняли все парковые лавочки по причине солнечного дня, хохотали в голос, прикладываясь к горлышкам пивных бутылок. Вера Тимофеевна кстати вспомнила: во времена ее юности, когда даже алкаши стеснялись пить из горла, таких называли горнистами — по сходству с гипсовыми садово-парковыми аляповатыми фигурами пионеров, трудолюбиво выдувающих из своих инструментов общий сбор...

♦ *«Мне снятся незаконченные сны —
Дождь за окошком... сигареты «Прима».
И вдруг, прекрасна и неповторима,
Возникшая из гулкой тишины,
Идешь ко мне ты и... проходишь мимо», —*

тихонько пропела незнакомую мелодию Светлана, улыбаясь и глядя на хохочущих девчонок.

— Это чьи стихи?

— Местный поэт. Его стихи часто на музыку переключают. По городскому радио раз-другой слышала. Когда мозги начинают сохнуть от центрального телевидения, читать желанья нет, а поговорить не с кем, то включаю местное радио. Как в детство-юность на время возвращаешься!

— Ушли мы, Света, от сентиментальности, ох, как далеко ушли... А вот эти девчушки ее не знали и знать не будут. Без надобности! Порой с опаской и на своих благовоспитанных детей поглядываю: что их ждет? Особенно за Олю страшно. Сколько

Раньше гражданин, он же товарищ, если в его доме протекла крыша и залило квартиру, шел с жалобой на ЖКО в райком партии. Сейчас он идет туда же; там теперь размещается охранный агентств-во «Динозавр». Узнав, что протекла «крыша», охранник по такому важному делу направляет прямо к пахану в 117-й кабинет. Узнав, что протекла «крыша», пахан Вован уточняет: «Какая? Солнцевская?» Поняв же, что протекла именно крыша дома, полистав внутренний справочник, Вован хватает мобильник: «Это ты, Живорез? Что ж ты, падла, не выполняешь своих обязанностей куратора квартала «Ц-12», не заботишься о нашем электорате? Ты, сука семибатюшная, шес-терка подкандальная, если к вечеру не починишь крышу в пятнадцатом доме по Деникинской улице, то завтра же положишь на стол золотую цепь!» Проситель доволен; у народа всегда найдутся заступники...

опасностей у девочек, девушек, молодых женщин в этом уродливом мире? Однажды под плохую погоду, под нездоровье, а может, телевизор на ночь пересмотрела... словом, нехорошее про дочь приснилось. Потом полдня с дурной головой ходила.

— Это ты про нынешний разгул сексуальной раскрепощенности?

— Нет, хуже намного. Как вспомню тот сон, так мысленно перекрещусь; на па-нели она мне привиделась...

— Ну-у, это крайний случай обыденного явления.

— Не поняла, Света?

— Знаешь, давай без политкорректности и по-английски: джентльмены присут-ствующих в виду не имеют. Кстати, только британцы и могли ввести в практику об-щения этот замечательный принцип: говори о чем хочешь, а собеседники тут как бы не присутствуют. Как и их дети, мужья, жены и так далее, конечно.

— Ну, это понятно. Правда, я полагала, что для женщин этот принцип не годит-

ся: женщина все одно примеряет на себя. Наверное, логики мышления нашему полу не хватает.

— Я бы не сказала. Это не от отсутствия логики, а от излишка самонадеянности. Тоже вид распушенности. Логика у женщины сверх меры, но только в том смысле, если это приносит ей практическую пользу: деньги в первую очередь, здоровье детей, возможность полениться и подурить. Кстати говоря, и любовь, и пресловутый секс здесь почти что на последнем месте, как это ни печально.

— Послушай, Света, а тебе не кажется, что ты не совсем права в отношении любви и секса? Понятно, что в наше ненормальное время это почти так, но ведь это временно? Вспомни свою юность, литературных персонажей, старое кино и театр...

— А как же золотое правило логики: исключения подтверждают правило? Все опять же и тот же крайний случай обыденного явления. Впрочем, пошли к выходу, поедем обедать. Там днем, а впрочем и в любое время суток, тихо, уютно и располагает к отвлеченным беседам.

◆— Знаешь, здешнее заведение с оттенком здорового консерватизма, нечто вроде губернского римейка английского клуба, поэтому экзотической кухни здесь не держат — традиционная русско-французская в стиле дореволюционных купеческих трактиров Москвы... не Петербурга с его эклектикой, именно Москвы Гиляровского. Это я к тому, что особо смотреть в меню не следует, а закажем — в компенсацию больничной каши — совсем вредное для фигуры: оливье с крабовым мясом, сборную солянку, зразы здесь изумительны, осетрину на углях, сыр, кофе и бутылочку рейнского. Может, еще что закажем. Идет?

...Разговор на тему продолжился на веранде за десертом; веранду еще не расстеклили на лето, но камин уже погасили. Однако полуденное солнце и без того затопляло просторную веранду.

— Купринскую «Яму» читала, конечно. Многие в разговорах на подобные темы относятся обычно к этой повести, а самой рассудочной героиней полагают ту самую проститутку, что имела гимназическое образование. Помнишь, сифилисом преднамеренно клиентов заражала, мстя мужчинам вообще, как классу потенциальных насильников и сладострастцев. Что-то в этом есть, но мыслить следует несколько в ином плане, а точнее — в сочетании биологического и социального в человеке. Степень образования здесь особой роли не играет.

— Нет, Света, как же не следует степень образованности, воспитания учитывать?

— С воспитанием сложнее, хотя женская воспитанность — это либо обман, либо самообман, но чаще всего корысть. Как ни прискорбно, но редкая женщина контролирует себя в том смысле, чтобы не дать в себе некоей разумной доли потребительства перерасти в безрассудную жадность. В конечном итоге, роль образования и воспитания только в разборчивости и некотором антураже. Понятно, что это мое личное мнение.

Ты никогда не задумывалась: в чем разница между женщиной, считающей себя проституткой, и, так сказать, добропорядочной девушкой, женщиной, семейной матроной?

— Ну, Света, и вопросы ты задаешь; наверное, во многом: социальном и биологическом, как ты говоришь.

— Немного те так. Биологическое и социальное определяют лишь степень того, что принято называть проституцией.

— Но ведь на панель толкает крайняя нужда, безысходность, нищета и голод.

— Ой ли, Верочка! Это ты, наверное, про Катюшу Маслову вспомнила из школьной программы? Оглянись, дорогая, и не лукавя скажи самой себе правду... И времена здесь ни при чем; проститутки и в золотые советские шестидесятые-семидесятые

водились, когда нищих-то не было. Здесь все просто и ясно, хотя и прискорбно для нашего пола: явная, профессиональная проституция — крайнее выражение биологической сущности самки. Не зря же это — древнейшая профессия.

— Можно подумать — мужики лучше!

— Они не лучше, они другие, исключая, конечно, голубых. У них проституция не между ног произрастает, а в голове.

В этом месте беседы на веранде Вера Тимофеевна вспомнила давнюю малопривлекательную домашнюю сцену, когда мужу позвонила какая-то сучка (она ее сразу вычислила) и прямым текстом сообщила: «Твоя благоверная недотрога трахается со своим шефом». Муж по своей природной тупости устроит скандал. Не могла же она сказать этому дурню, что на его нищенскую зарплату они не проживут, а ей нужно место старшего менеджера, чтобы вовсе не вылететь из фирмы (сейчас же она даже и оправдывала себя: «деловое» начало с Андреем Денисовичем переросло в любовь; по крайней мере, с ее стороны...). Поскольку же у супруга никаких прямых доказательств не было и быть не могло, она огрызнулась: «Это я-то проститутка? Настоящая проститутка — это ты, лижешь зады, цепляясь за жалкое чиновничье место... не стыдно при двух детях и работающей с утра до ночи жене штаны в своем департаменте протирать? Был бы мужиком, вкалывал как все, давно свою фирму открыл бы. Нормальные люди сейчас коттеджи имеют и счет в банке!»

♦ Новый импульс теме дала неспешная прогулка по магазинам.

— ...Естественное биологическое начало, то есть чтобы мужчина содержал женщину, а она продолжала род, уродливо превращается в свое социальное отображение. Это не мои слова, а из умной книги, но в них сухая правда. Как только социалка и экономика в стране, неважно в какой, падает в пропасть — появляются толпы уличных и... так сказать, иных жриц любви. Как порядок в государстве наводится — они исчезают.

Но ведь если понимать проституцию как предел падения, хуже бомжей и нищих, то вот сейчас, в середине первого десятилетия двадцать первого века, даже в несчастной нашей России, разве в проститутки идут из-за куска хлеба?

Обрати внимание: в какой одежде и как идут молодые девицы по улице? Правильно, в предельно обтягивающих джинсах или брюках. А главное, поступь, вся походка такая, что она несет нечто драгоценное, а все остальное — ноги, голова, туловище — обрамление для перемещения этой драгоценности в пространстве и времени. И в глазах читается, и вслух говорится, а на телевидении смакуют: скорее бы окончить школу или институт, уехать из *этой* страны, подцепить богатого старого идиота и наслаждаться жизнью.

Вся ее надежда на свою единственную драгоценность в обрамлении остального тела...

— Света, но ведь эти-то девушки, продавщицы, все как фотомодели, а работают в магазине?

— Не смей меня! Это наши красотки-медсестры работают, хотя и востро ухо держат. А эти девочки уже давно ангажированы. То-то вид у них у всех томный, довольный и ко всему безразличный.

— Что-то не похоже на ночных бабочек?

— Они не на панели работают; это более высокий класс: содержанки купчиков средней руки, братков, милицейских и иных полковников, чиновников районного и городского масштабов.

— Тогда для чего эта комедия — торчать целый день в магазине?

— Так содержатели их не совсем дураки; во-первых, чтобы форму, экстерьер, так сказать, держали. А во-вторых и в-главных: под присмотром того же хозяина магазина,

а если без дела оставить — шашни со всеми подряд будут заводить, обленятся, растолстеют. А купчикам они нужны исключительно в полную частную собственность, как их лавки, магазины, машины, счет в банке...

А вообще в этих самых салонах, магазинах или как их там, все уже перетраха­лись друг с другом от скуки жизни. Но и деловой момент обязательно присутствует.

Но главное, в нынешней нашей жизни — это целенаправленный разврат из теле­ящика, глянце­вых журнальчиков, «женских романов» в мягких переплетях. Да и не только в нашей несчастной стране, во всем так называемом «цивилизованном мире». Видно, действительно, пришло время белой расе уйти в небытие.

♦Прокрутив в высоком темпе долгую дневную беседу, Вера Тимофеевна неза­метно переступила порог занимательного, страшного в своей откровенности и логич­ности построения сна. Самое скверное — сон застрял в памяти на несколько недель. Она никому о нем не рассказывала.

Наутро Вера Тимофеевна проснулась с большой головой. Но то было на это утро не последнее событие. Вернувшись с умывания, она застала соседку заканчивающей телефонный разговор, разобрала только последние слова: «...Хорошо. Через полчаса врач будет, попрошу бумаги поскорее оформить, а то и бог с ними!»

— Ну, дорогая моя, сожалею, что больше не могу поддерживать компанию. Тру­ба зовет — на этот раз в Токио. Там и долечусь в цветении, как говорится, тамошней сакуры.

...Распрощались они сердечно, обменялись номерами телефонов и обещаниями не забывать эти короткие, но насыщенные больничные дни.

Вера же Тимофеевна трудолюбиво пробыла положенное время в оздоровитель­ном отделении. Заведующая Галина Андреевна подобрала ей в новые соседки тихую, аккуратную пожилую учительницу, нехрапящую. Самое же главное — вволю наго­ворившись за сорок лет в школе, Ирина Степановна за день произносила не более двух десятков слов...

Минула весна, потом не очень жаркое лето. Осень с ее легкой грустью окутала город вечерней дымкой. Вера Тимофеевна почти забыла о больничном житье-бытье. Светлана ни разу не позвонила. И она ее также не беспокоила.

Как-то приятным раннеоктябрьским вечером, переделав домашние дела, Вера Тимофеевна присела перед телевизором. Супруг в соседней комнате корпел над при­несенными со службы бумагами. Дима в дальнем — от телевизора — углу гостиной тоже мучался с уроками повышенной сложности, а Ольга задержалась у подружки, что жила в соседнем подъезде, о чем и предупредила по телефону. Кот Черныш от­дыхал.

По всем центральным каналам шли бесконечные «менты» и игры навроде «Как украсть миллион». Наскучившись добрым лицом Дука­лиса, Вера Тимофеевна пере­ключила на местную коммерческую программу, где показывали презентацию элит­ного клуба с рестораном японской кухни, с саунами, казино и отдельными бизнес­кабинетами. Камера ловила наиболее значимых людей города: мэра, местного нефтя­ного магната, владельца сети супермаркетов... Вот голос за кадром почтительным полупшепотом представил очередного гостя — владельца крупнейшего в области бан­ка и нескольких заводов, бывшей гордости оборонпрома.

С тем большим изумлением углядела Вера Тимофеевна в его спутнице, роскошно одетой даме, Светлану. На ее восхищенное восклицание вышел из своей комнаты Вадим Аркадьевич, а Вера Тимофеевна, торопясь, пока кадр не переместился, расска­зала про свою больничную соседку. Супруг близоруко наклонился к экрану.

— Да? Что же раньше не говорила? Эта дама оч-чень даже известная.

— Ты-ы-ы знаешь ее? Откуда?

— Понимаешь,— Вадим Аркадьевич покосился на угол, где зубрил математику сын, приглушил голос,— лично, конечно, не знаю, но ведь у нас в департаменте такие бабенки! Чего только не знают, даже то, что и знать не положено, а фотки ее на светских раутах печатают в «Толковище!». Ты вот ее не читаешь, а из желтой прессы многое можно узнать...

— И чем же Света знаменита? Сама она не говорила, да мы с ней только три дня в одной палате находились. Я так прикинула: наверное, в банке на какой-нибудь средней должности.

— И хорошо, что не любопытствовала. Все равно ответа не получила бы. А начала она свою карьеру в середине девяностых, окончив университет в Питере, референтом и «для представительства» — здесь ты отчасти угадала — при директоре филиала московского «Бета-банка», большом любителе натуральных блондинок. Банк скоро погорел, хозяин, прихватив содержимое банка, смотался в Европу; там своих блондинок хватает.

Но это твоей, так сказать подруге, пошло только на пользу. Стала разборчивей и начала неуклонно подниматься по «служебной» лестнице. Теперь же, как только что видела,— официальная содержанка и *VIP*-дама у самого Арнольда Ефимовича, а выше его в городе и области человека и нет.

...Засыпала в тот вечер Вера Тимофеевна со сложным чувством, а тут еще супруг, распалившись собственным рассказом о великосветских прелестницах, полез хотя и с редкими, но все равно надоевшими ласками. В самый интересный момент, который Вадим Аркадьевич со скучным канцелярским юмором называл «моментом истины», она зевнула и некстати вспомнила о давней сослуживице, еще в бытность работы на заводе. Та весело рассказывала на весь отдел, что установила оброк своему скуповатому мужу: брать с него за каждый интимный момент по червонцу «на шпильки».

Кот Черныш, самое невинное существо в доме, плавно перешел от отдыха ко сну. Чисто биологическое создание, он и не помышлял ни о чем другом.

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА. ПОВЕСТЬ

Мария Наумова

ТЕЛЕФОННЫЙ РОМАН

(Глава из романа)

Зима прошла слякотно-суровая. За сутки мороз достигал тридцати градусов и падал до нуля. Едва провели Масленицу, как наутро вдруг завьюжило, заметелило и среди этой неожиданной мартовской кутерьмы грянул гром, и снежную круговерть ослепила молния. Даже напал суеверный страх перед матушкой-природой. Но всему свое время. Снег на редкость сошел рано. И только успели обрадоваться ранней весне, как на сухую землю легли десятиградусные морозы. Однако апрельское солнышко не обмануло и согрело продрогшие розы. В одночасье набухали почки на деревьях, и, прочувствовав наступившее тепло, березка вперед тополя распустила свои косы. Все вокруг было удивительно красиво-зеленым.

На работу шагалось легко, назад — невесело. Стоило зайти в дом, как стены обрушивались одиночеством, и камнем на душу ложилась тишина. Судьба выгнала ее из родного города в деревню и сохранила. Поначалу Татьяна металась: тяжело дышалось от избытка свежего воздуха, хотелось привычной загазованности и уличной суеты, раздражала даже городская благоустроенность ее сельской усадьбы. Только благоухание роскошных роз, вишен и яблонь несколько успокаивало, но не надолго. Утомленная долгими зимними вечерами, она пыталась сбросить обиды, тоску, женскую неустроенность, раздражение и накопившиеся слезы в весеннюю землю грядок. И ей это удавалось, но до порога. Сняв усталость теплым душем, она садилась в уютное кресло у телефона и молчала. За два года она обросла многочисленными знакомыми, которые звонили, уходили, забегали, суетились со своими проблемами. Татьяна благодушно всех принимала, улыбалась, хмурилась, негодовала, сетовала, поила не только чаем. Все считали ее за веселого, компанейского товарища, умеющего утешить душу в любом ее состоянии. Но никогда не думали, что за веселостью и гостеприимством скрывается глубокая грусть и усталость, что Татьяна ждет не дождется их ухода, что хочет остаться одна и сама боится этого.

В тот вечер все шло по-прежнему. Даже черемуховый холод отдавал рутиной бытия. Татьяна, высадив домашнюю рассаду в тепличный грунт, по своей установившейся привычке перед работой за письменным столом, сидела и молча смотрела на невключенный телевизор. Междугородний звонок заставил вздрогнуть. Она неторопливо сняла трубку.

— Мне Олега,— не здороваясь, проговорил мягкий мужской баритон.
 — Какого?
 — Большого.
 — Нет такого.
 — Найдите. Это срочно.
 — Где? — вяло ответила Татьяна.
 — Где хотите.
 — Здесь нет Олега.
 — Где он?
 — Не знаю.
 — Узнайте, черт вас побрал.
 — Слушайте,— рассердилась Татьяна,— здесь не проживает Олег.
 — А кто?
 — Какое ваше дело? Вы ошиблись номером.
 — Не мог. Я куда попал?
 — Сюда. Вы понапрасну тратите деньги. Сегодня это дорого стоит.
 — Деньги цены не имеют.
 — Зря вы так считаете. У денег великая цена — здоровье.
 — А вы философ.
 — Нет. Практик.
 — Так позовите Олега.
 — Я же сказала, что вы неправильно набрали абонент,— Татьяна назвала свой. Оказалось, что баритон ошибся в одной цифре. Она прервала разговор и положила трубку.

Казалось, ничего не произошло. Ну, ошиблись номером, ну, неудачно поговорили. Однако Татьяна долго ходила по комнатам, что-то бесцельно переставляла, поправляла: растревожил ее баритон. Поваяло от него далеким-далеким, защемило, заворожило. На письмо у нее не было сил: мысли разбежались.

— Господи, помоги мне выстоять,— вырвалось у нее. И впервые она помолилась, неумело сложив щепоть. И здесь невольно проскользнуло: «А почему щепоть, а не двоеперстие, как на иконах?» Но эта мысль так же быстро убежала, как и пришла.

Она, намаявшись, заснула.

Долгожданное субботнее утро на редкость было приятным и легким. Сделав неотложные домашние дела, она с удовлетворением растянулась на диване. Только хотела лениво почитать, как позвонили друзья, пригласив на шашлыки. Она беззаботно согласилась. Положив в машину необходимые вещи, поспешно уехала. Вернулась лишь в сумерки, устав от заливистого шума голосов, раздражающей бабьей болтовни и детских капризов. Дом странным образом встретил ее непривычно тепло, снимая усталость и давая приятную негу напряженному телу. Покосившись на телефон, Татьяна озорно показала ему язык и впервые за время своего вынужденного заточения улыбнулась не кому-то, а самой себе. Телефон ответил резким трезвоном.

— Мне Олега,— узнала она приятно-вкрадчивый голос Баритона.

— Большого?

— На этот раз маленького. У него день рождения. Я привез ему обещанный подарок.

— Так вручайте.

— Не могу. Без спутницы неловко ехать на пикник.

— Возьмите жену.

— Не имею.

— Я устала от Вас.

— Когда?

— Целую неделю,— выпалила вдруг Татьяна.

— Я был в командировке.

— Зачем?

— Бизнес.

— Счастливого отдыха.

— Не кладите трубку. Ну, пожалуйста, не кладите. Не кладите...

Татьяна молчала. Он тоже. Каждый боялся потерять контакт. Пауза затягивалась. С другого конца зашептало:

— Вы находитесь где-то в двух километрах от города. Можно я заеду? Просто посидим под вашими яблонями. У Вас есть яблони?

— Какие?

— Любые.

— Они отцветают.

— Что ж, поумнели: пережили буйство цветения.

— А если внутри еще много нерастраченного огня?

— Прекрасно. Наверняка он вырвется в ароматные яблоки.

— А если они червивые?

— Червь предпочитает сочные плоды.

— Вы когда-нибудь здороваетесь? — уходя от скользкой темы, спросила Татьяна.

— Только при личной встрече.

— Привет обоим Олегам.

Татьяна бросила трубку. Дышала учащенно. Выпила валерьянки. Начала мыть недавно вымытые полы. Во дворе послышался лай собаки: значит, кто-то шел. Забегала соседка:

— Ты чо?

— Мою, как видишь.

— Ты с утра мыла.

— Запылились.

— Вот чудная! У меня вторую неделю руки не доходят. То огороды распроклятушие, то скотина, дети. Да, я что,— спохватилась многодетная Иринка,— загоняю я скотину. А ты где была?

— С друзьями ездила на шашлыки.

— О-о-о! Мне бы... Так вот, загоняю я скотину. И тут к твоему дому подъезжает машина, я тебе скажу-у-у! Да ладно с машиной-то. А из нее выходит мужик — это да-а-а! Высокий, поджарый, седой, красивый!

— Ну и что? — выдохнула Татьяна.— Мало ли ко мне приезжает гостей.

— Не скажи... Гости-то сразу идут в калитку, звонят, как к себе домой, а этот,— заторопилась высказаться Иринка,— оглядывался, смотрел номер дома. Ходил-ходил, но не зашел. Я уже пошла до него, да Кирюшка заревел, за ноги хватается, да телка не идет. А тут он сел в машину и уехал. Вот... Кто был-то?

— А я знаю? Может, кто ошибся?

— Могет и так. Но не похожа,— задумчиво пробормотала Иринка и опять спохватилась,— ну, я побегу — постирушки надоть сделать.

Плотнее закрыв за соседкой дверь на ключ, Татьяна присела прямо на порог.

«Господи, неужели Баритон? Как узнал? А что? Можно по справочнику — номер телефона знает. Зачем?!»

Домывать полы уже не было сил. Она легла. Сон не шел. Стояло полнолуние и довольно хорошо освещало испуганное лицо молодожавой женщины. Ей панически не хотелось никаких интимных встреч с мужчинами. Они насытили ее болями и физическими, и душевными. К несчастью, никто не принес хотя бы малого удовлетворения. Только не угасал даже с годами единственный поцелуй ее первой любви. Она

могла в любой момент возвратить его из прошлого. Память цепко держала и его запах, и его дрожь, и растворенное слияние двух вырвавшихся на свободу огней. Но тогда, к сожалению, пылали они по-разному: один опытный, нетерпеливый от многолетнего испепеляющего желания, второй,— по сути, еще ребенок, хотя уже и родивший другой огонек.

Воспоминания нахлынули на Татьяну. Резкая боль набросилась на нее. Сначала охватила пламенем, потом побежала-побежала и развалилась повсюду. В который раз приходилось ей сжиматься от судорог неудовлетворенного годами тела. Она застонала уже не столько от боли, сколько от возникшего желания. А луна издевалась в полный голос своего колдовского света. Часы били полночь. Резко ударил телефонный звонок, возвращающий Татьяну в реальный мир.

— Как вы? — почти страдальчески заговорил Баритон.

— У Вас совесть есть? — выкрикнула Татьяна.

— Поэтому и звоню. Помощь нужна?

— Нужна. Только не от Вас.

Его голос был совсем некстати. Татьяна отсоединилась, боясь, позвонить ему сама.

— Кажется, я схожу с ума. Ведь я не знаю ни его номера, ни имени,— бормотала она, уже стоя под прохладным душем. Но это не помогло. Холод только усилил пламя. Ее начало трясти. Пришлось обратиться к противоположному, но последнему варианту. Наконец, потеряв и оставшиеся силы, она застонала от частичного удовлетворения.

— Мужики! Где вы?! — тихо выла Татьяна, утирая слезы и размякшее от стресса одинокое тело.

Она долго не подключала телефон. Только по своей необходимости. Для всех аппарат был испорчен, требовался ремонт. Соседи, конечно, испытывали неудобства: им пришлось оценить Татьянину снисходительность к их частым визитам, так как другие соседи, у которых имелся телефон, не очень радушно позволяли им воспользоваться. Жалея людей, однако, она стойко держалась своего решения. Ей никого не хотелось видеть. Проводила свободное время со своими грядками — благо требовалась, почти ежедневная поливка, так как дожди напрочь затерялись. Зачастую уходила в лес: мысли можно привести в порядок, да и писалось потом без правок. Выбиралась и в город, но к друзьям не заходила, сказываясь, то больной, то занятой своим писательским трудом. Те понимали важность ее уединения и старались не беспокоить.

А Татьяна действительно много работала. Почти готова была рукопись новой книги. Оставалось решить один немаловажный вопрос: где искать спонсора. Деньги, доставшиеся вместе с домом по наследству от бабушки, не расходовала, да их бы и не хватило. Издатели — проголоты. Странное настало время: художникам платили, редакторам тоже, а писателю — не только кукиш, но и масло для него доставай сам. Одно было отрадно, что этот изнурительный труд увидит свет и найдет своего читателя. Деньги. Обтекающе-объемное слово заворачивало в кокон, гасило и порой затягивало в петлю многих талантливых поэтов, писателей, художников, музыкантов. Сколько их ушло, и сколько потеряла отечественная культура от их ухода. Говорят, талант пробьется сам. Какая дикая ошибка. Попробуй-ка, пробейся, если у тебя семья, дети, нет даже собственного стола и порой приходится работать в туалете, пока он свободен. Да если ко всему и навкалываешься на копеечной службе, то и для творчества остается одна лишь ночь.

Сегодня она читала новую главу своему тонкому критику — Иринке. Та необыкновенно чувствовала любую фальшь, оказывая этим большую услугу. Ее дети уснули и теперь та, могла слушать спокойно. В одном месте Иринка замахала руками:

— Что за выть такая? Можно яснее сказать?

Они поспорили, и Татьяна признала, что, употребив заковыристое слово, нару-

шила гармонию читаемого отрывка. Иринка торжествовала: «Пиши хорошо, чтоб простому человеку понятно было, и чтоб песня оставалась!» Телефон оборвал ее едва начавшуюся речь. Машинально она схватила трубку.

— Я у телефона,— пропела Иринка.

— Мне хозяйку.

— Я хозяйка! — решила она пококетничать.

— Не здесь. Дайте хозяйку!

— Тебя,— с разыгрываемой обидой Иринка передала трубку.

— Вот так лучше,— начал Баритон.— Я Ваш голос не спутаю, запомните это.

— Я еще ничего не сказала.

— И не надо. Я слышу Ваше дыхание. Куда Вы пропали? Черт побрал бы ваш телефон!

— Вот он-то и забрал! Ремонтировали линию.

— Могли бы сами позвонить.

— С какой стати? И куда?

— Ко мне. Ах, простите, записывайте мой номер.

— Не надо.

— Надо! Записывайте. Ну, пожалуйста, на всякий случай,— и, не останавливаясь, продолжал называть цифры.— Почему не взяли ручку? У Вас, что нет денег на карандаш?

— Вы ужасаете меня своей чуткостью.

— Я позвоню чуть позже.

Она без ответа положила трубку. Стоило большого напряжения сделать беспечный вид перед всепонимающей Иринкой.

— Ухажер? — все-таки спросила она.

— Нет, издатель.

— Значит, напечатают?

— Напечатают, наверно, если деньги достану. Только гонорара я не пощупаю.

— Грабеж!

— Да, в нынешнее время даже тираж сам продавай, где хочешь и как хочешь: по углам, по друзьям, по базарам. Раньше государство не только издавало, но и продавало в магазинах по всей стране. Так с новыми книгами люди и знакомились, подбিরали по вкусу целые библиотеки.

— А сейчас что подберешь? Одни детективы. Мой-то пристрастился к ним. Проглотит целую книжку, пока начальник занят. А вечером попросишь его рассказать, а он и не помнит, о чем читал. Одно твердит: разбой — и все. Вот, когда я ходила с первенцем, читала много. Мой-то берег меня, к скотине не подпускал. Не то, что сейчас — все свалил на мои кости,— совсем разоткровенничалась Иринка и со слезами на глазах пошла к двери.— Пиши про нашу бабью долю, Татьяна Максимовна. Крепко пиши, чтоб забирало,— и, махнув рукой, ушла.

А Татьяне сейчас не хотелось писать. Ее одолевали другие думы. Она вымыла любимым шампунем голову, наложила крем на лицо, руки, слегка подкрасила губы и, в ожидании чего-то чудесного, села в любимое кресло. Минут через пятнадцать она попыталась подняться и уйти из дома, но осталась. Сидела еще минут тридцать: новые строчки мелькали, убегали. Татьяна их возвращала, неоднократно пропускала через сердце, что-то отбрасывала, чувствуя фальшь, восстанавливала и снова мысленно писала, но ручку не брала, потому что за ней надо было идти к столу, а она боялась встать и отключить на ночь телефон. И все же через некоторое время она уже дала себе команду «все». Телефонный звонок бросил ее в неизведанное.

— Одна?

— Да.

— Хорошо.

— Кому как.

— Я приеду?

— Куда?

— К Вам?

— Это исключено. Нашей встречи не будет никогда.

— Кто Вас обидел?

— Судьба-злодейка, — попыталась пошутить Татьяна.

— Я серьезно. Поделитесь. Может быть, и я поумнею.

— Не могу. Отвыкла.

— Предавали подруги?

— Я от них отказалась. По природе своей женщина на дружбу не способна. Знакомые, друзья, — да, но не больше. Дальше опасная грань.

— Так что же произошло?

— Где?

— Вероятно, в юности.

— Сразу не расскажешь. Один случай вылился в целую мучительную жизнь.

— Безответная любовь?

— Скорее трусость в любви.

— Что-что?

— Любимый оказался трусом.

— Ребенок?

— Как банально мыслят мужчины. Нет. Испугался огня ребенка.

— Пожар?

— Вы глупеете на глазах. Я говорю о любовном огне двадцатилетней женщины. А это в принципе еще ребенок. Ко всему на ее дороге встал еврей.

— Вы меня хотите оскорбить? Сказали с такой интонацией, что вся нация виновата.

— Вы — еврей? Простите, не хотела. Но уж если захотели слушать, то я буду беспощадна. Надоело выворачиваться, лгать. Вы не против? Молчите! знаю, что не против. Любопытство съедает? — не давая ему говорить, Татьяна заговорила быстро-быстро, словно испугалась, что остановится или он остановит ее.

— Сразу оговорюсь, что уважаю вашу нацию: общинная, выносливая, умная. Но трусливая.

— Осторожная, — тихо попытался вставить Баритон.

— Спорно, — отрезала она. — Помните старый анекдот. У мужчин трех национальностей спрашивают, где они предпочитают проводить время с женщиной. Англичанин сказал — в постели, француз — на природе, а еврей — в подъезде. Мол, если что, то ничего не было. Это осторожность, да?

— Нет уж, берегитесь, если меня прорвало. Представьте декабрьскую ночь, пушистую. Я люблю ночные города, поэтому гуляла. Случайно он шел с работы. Помните, авралы квартальные, годовые на заводах? Было такое — все в последнюю минуту. Так вот случайно, хотя случайного в этом мире ничего нет, встречаются двое, заговаривают, прогуливаются, не замечая, как постепенно покрываются мягкими огромными снежинками. Поэтично, да? Эта поэзия сыграла со мной злую шутку...

Татьяна замолчала. Ей расхотелось ведать то, что с болью прорывалось из небытия.

Попыталась стряхнуть видение, но его доверительный тон, прорезавшись сквозь пелену сознания, остановил.

— И они поцеловались?

— Нет, к сожалению. Было бы всем лучше, если бы это случилось именно тогда, когда ей шел восемнадцатый год. Началась нежная дружба. Ее несло к нему. Он осторожничал,— скрипя зубами,— добавил Баритон.

— Наверное,— не обращая внимания на его реплику, она продолжала,— ведь он был на десять лет старше, а она школьница. Потом вместе комсомолили. Ах, эти восторженные шестидесятые. Гагарин! Я получила от этого известия по радио такой импульс, что отключилась. Мама оставила на меня новорожденную племянницу. Я легла рядом после сообщения по «тарелке» и провалилась в такой сон, что соседям пришлось ломать дверь из-за крика ребенка, а я лежала и ничего не слышала даже тогда, когда все ворвались в спальню. Мама тронула меня за плечо, и я мгновенно очнулась. Стресс был колоссальный! А Куба! Помните, дети горланили Пахмутовскую песню «Куба, любовь моя!», идя под дробь барабанов, чеканя шаг в пионерском строю. А я — вожатая — в красном галстуке впереди, конечно, на виду у всей улицы.... А потом красные транспаранты на всех высотных домах «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» Какое ликование было в душе, какие надежды на будущее, какое стремление сделать что-то большое и хорошее для всей страны. И вдруг в эту душевную благодать вползает брезгливое слово — сионизм. Как червь в том красном яблоке. И поехали-побежали ваши собратья в свою землю обетованную. Ох, как я негодовала. Да, не я одна была такая. Многие плевали им в след, перешептывались, показывая чуть ли не пальцем, когда знакомые-перебежчики входили в трамвай. Миллионный город уже знал их в лицо.

— Почему такое презрение?

— Там их Родина.

— Родина, говорите! Значит, по-вашему, выходит, что мать, которая вскормила, воспитала, дала образование, можно бросить? Поменять на ту, которая вряд ли с умилением ждала их? Это благодарность?

— Им хотелось увидеть землю своих предков.

— Ну, так купили бы билет в два конца.

— Тогда не давали такой возможности.

— Тогда сиди дома и цени то, что имеешь.

— Любопытство. Желание более хорошей жизни для своих детей. Поманили свободой. Простите их.

— Не признаю тех, кто бежит. Порядочному человеку это всегда претило. Что собственно было плохо у нас? Я помню только светлое. Да, было немного голодно, не стильно, но в каждом сидела беззаботность за завтрашний день, месяц, годы. Строили планы, осуществляли их. Пусть малые. Нас учили бесплатно, лечили в любых клиниках и тоже бесплатно. Мы недоуменно узнавали слово «безработные» только по радио, телевидению. Да что говорить! В советское время я посещала театры каждый выходной день, не стесняясь ни одежды, ни амфитеатра. А сегодня нет денег даже на билет. А я к Вашему сведению, живу на несколько порядков выше многих. Так уж повезло, к несчастью.

— У Вас странное сочетание: везение — несчастье.

— Дедушка умер, оставил мне деньги и дом. Просто и трагично. И добывает то, что все это случилось кстати.

— Часто видел, как живые обижаются на мертвых — ненотариусных, но чтобы переживать из-за полученного наследства?.. Не помню. Так. Мы далеко ушли от трусости,— добавил Баритон.

— Совсем нет, даже побывали в конце.

— Разгадайте.

— Телефон уже два раза отключался.

— Соединимся снова. Это же не междугородний. Так что?

— Жизнь проста, но мы это понимаем поздно. История банальна. Пока она сдавала выпускные школьные экзамены, он вынужденно женился под песню «Бьется в тесной печурке огонь». Я не ревновала. Мне не присуще это чувство. Поразило предательство. Правда, он ничего не обещал, но я-то любила и надеялась. И он не мог этого не видеть. Хотя бы объяснил, нашел нужное слово для девчонки. Черствость — мужская черта характера. С ней я встретилась впервые и не могла контролировать себя, не научилась еще. Меня просто понесло. У него был друг-музыкант, который ухаживал за мной. Это знали все. И когда я заявила, что тоже выхожу замуж, за Славика, то новоявленный молодожен начал меня отговаривать: мол, тот хороший парень, но пьет. Я же твердила одно — отучу. И вышла. Родилась дочь. Муж окончательно запил. По правде было с чего: талантлив, но невезуч. Концертные залы отдавались за взятки, а у нас денег не было. Кое-какая клубная работенка находилась всегда, но органически не сочеталась с духовными потребностями. В конце концов, дружеские компании, рестораны перешли в повседневность. Я перешла на заочный, дочь поселилась в круглосуточном детском саду. Моих газетных гонораров едва хватало погасить его долги. Хотя две зарплаты на еду хватало, умудрялись даже брать в кредит необходимые вещи. Жили, как все. Благо была своя кооперативная квартира. Но Славка так и не смог справиться со своей бедой, только все больше увязал в ней. Я не видела выхода. И в этот момент произошла поистине роковая встреча. Представьте себе взбудораженный райком комсомола в воскресный день по поводу приезда цэковской комиссии. Подчищали, что называется, все. Были вызваны самые доверенные и активные. Среди них оказались и мы. Ко всему нам дали один квартал на двоих — надо было срочно снимать с учета самовольно выбывших из комсомола. Мы шли по умытым улицам, оживленно осуждая тех, кто выходил из организации и тех, кто допускал это. И тут без перехода он объяснился мне в любви, в желании встретиться где-нибудь. Я знала, что он неважно живет с женой, что не позволяет себе развода только по той причине, что в их родне такого позора не было никогда. Но я не думала о далеко идущих планах, да и не умела использовать такие моменты. Мне хватило слов признания. Недельку мучилась, но пригласила к себе домой. Знала, что нехорошо, что нечистоплотно, однако, джин был выпущен, а опыта никакого.

И знаете, он пришел. А ведь мог сам организовать нашу встречу на нейтральной стороне. Пришел и повесил на ручку двери авоську с мясом. По анекдоту: те-с, ничего не было. Бросился меня целовать, раздевать, а я сжалась, сопротивлялась. В этой никчемной пятиминутной борьбе его покинули силы. Так он мне сам сказал. До моего ума еще долго не доходило значение данной ситуации, хотя я и была уже женщиной. Помню только стыд, свое раздражение. Отчего? Я ведь так любила его все эти годы, так хотела, так ждала? Долго я отвечала себе на этот вопрос. Вместо ответа стояла перед глазами авоська с мясом.

— И он ушел с просьбой прийти еще?

— Да. А я почувствовала себя виноватой. И было так противно. Господи, ну почему вы, мужчины, считаете нас взрослыми. Мы — девочки до тридцати лет, хотя и рожавшие и оступившиеся. С нами нужно осторожно обращаться, как с горным хрусталем.

— И это все обвинения в трусости? — изменившимся голосом спросил Баритон.

— Вам мало? Есть и продолжение. Однако на сегодня хватит,

Татьяна, не прощаясь, положила трубку. Разговор так вымотал ее, что пришлось пить снотворное. В полдень ее разбудил звонок. Сонно подбежала к телефону, что-то подакала-поблагодарила и засуетилась сначала в ванне, потом на кухне. Спohватившись, все бросила и выскочила на улицу.

— Иринка-а,— крикнула она через забор. Та, спасибо, была на своем месте, в огороде.

— Чо, Татьяна Максимовна?
— Звонили — мотор на башне погорел. Набирай воды.
— Оеньки! Это, как пить дать на месяц,— всколыхнулась та и кинулась к флягам.

Открывая кран, запричитала:

— Да разве мне хватит этого. Поросятам сварить, корову напоить, ребят помыть, обстирать. Вон они за день, как угваздакаются. А обед сварганить. Охо-хо. Бочки сама не наберу. Дура. Вчера воду израсходовала, а набрать силушки не хватило.

— Помочь?

— Мы и вдвоем не справимся, только спины наломаем. Петька на обед нонче захал. Пока не наполнит проклятые бочки, пусть хоть лопнет его начальник. Петя, Петенька, золотко мое, беда — беда! Беги скорейчки, подмочь надоть.

Из окна выглянул жующий сельский красавец-мужчина: конопатый, белобрысый, лопоухий, но с удивительно васильковыми глазами: «Чо опять случилось?»

— Воду отключили, бочки иди наполняй.

— Мне ехать надо. Совещание скоро кончится.

— Я тебе дам совещание. Я чо кобыла тебе? Где ж мне управиться одной,— запричитала Иринка.— Дождь совсем запропастился. Огород горить, не успеваю поливать... Ой, сухмень заворожила ветер, и тот даже тучки пригнать не может...

— Тащи шланг. Будем с кухни в одну тянуть, под другую ведры становь. Да скорее же, скорее пошевеливайся.

Татьяна, видя, что у соседей заладилось, пошла суетиться сама. В огороде запасливо притулились недалеко от крана две большие бочки. Она тоже протянула шланг в одну из них и пошла делать запас в доме. Было слышно, как Иринка кричала через забор следующей соседке о наступившей деревенской проблеме.

— Слава сарафанному телефону! Теперь все оповещены,— успокоилась Татьяна.

Но известно: беда любит компанию. Где-то через пару часов с грохотом ввалилась в дом необъемная баба Лиза.

— Татьяна Максимовна, голубушка, скорейчки вызывай милицию! Полинку убили! — взвыла она.

— Спокойно. Где, как, когда? — спрашивала Татьяна, увлекая бабу Лизу к телефону.

— Полькины гуси с выводком повадились уходить на трассу. Ну, она и пошла искать. Меня, дуру, кликнула подмочь. Как откажешь? Выходим на тропинку к остановке. Впереди затормозила легковушка. Выходят оттудова два здоровенных мужика и писают прямо в нашу сторону. Ну, хоть бы два шага сделали в посадку. Полька рассерчала: остановку-то вчера покрасили. Сломала на ходу хворостину и на одного.

— Срамцы вы этикие! Кто вас породил бесстыжих — отойти не можете,— закричала и тикнула на одного. И по морде его, по морде. Второй, не закончив своего поганого дела, убежал в машину. А тот, что по роже получил, выхватил у Польки хворостину да как стеганет ее. Поля-то, охо-хо, батюшки, так и упала. Те сразу уехали, а я подбегла к ней, а кругом кровища!..— голосила баба Лиза.

Татьяна набрала сначала «скорую», потом сообщила милиции, обсказав все услышанное вкратце. Подхватив бабу Лизу под руку, они побежали на место происшествия. К автобусной остановке бежали люди. На асфальте лежала ничком добрейшая баба Поля. Татьяна, не обращая внимания на остальных, приподняла ее, сняла сбившейся платок и вытерла им восковое лицо.

— Ну, ничего-ничего,— уговаривала она прерывисто дышавшую старушку.— Ничего, обойдется. Похоже, голову рассек. Сейчас доктора приедут, укольчик поставят.

И, правда, слышались сирены «скорой» одновременно с милицейской. Служители правопорядка увели в сторону голосившую бабу Лизу, попробовали что-либо выведать, но та бестолково мотала головой, потом враз успокоилась и четко выдохнула: «Сиреневая была. В нашем поселке такой нет. Полчаса, как тиканула». Ничего больше не добившись, милиционеры подошли к медикам, хлопотавшим около пострадавшей.

— Ну, что?

— Сотрясение. Сильно рассек голову. Сволочь. Крови много потеряла да шок возрастной,— на ходу пояснял врач, заканчивая перевязку.

— Уносите,— бросил он санитарам.

Бабу Полю увезли. Уехала и милиция, записав, все данные Татьяны и бабы Лизы. Все угрюмо возвращались к своим жилищам.

— Найдут прохвостов? — спрашивали сельчане.

— Вряд ли. Время ушло, номера и марку машины не запомнили, а тут до другой области пол часа езды. Пока то да се, и Украина рядом. Иди — свищи. Государства теперь разные, видите ли, а семьи все переплетены натуго и не в одном поколении. Вряд ли,— повторилась Татьяна и обреченно вздохнула.— Разгулялись, идиоты. За коровой бабы Поли присмотрите, дом закройте. Ну, что я, сами знаете.

— Не волнуйся, голубушка. Все сроблго. Полькина душа довольна будет,— гордо заявила баба Лиза. Остальные щебетали около нее, требуя подробностей.

Все разошлись, каждый, вздыхая о своем. Слава богу, в тот день больше ничего не произошло. Только вечером из Полинкиного сарая по всему поселку слышалось громкое мычание недовольной Звездочки, не подпускавшей к себе бабу Лизу. Но скоро и там все смолкло. Наступило, наконец, бабье затишье. Начиналось время молодежи, которая уже стайками собиралась на школьный двор. Все шло своим чередом.

Сергей Норильский

РАЗРЫВ

(Глава из романа)

Глубокая осень двадцатого года. Лев Львович Силантьев только что вышел из тюрьмы, куда был брошен уездным ЧК. Щеки и шея в темной бороде, карие глаза настороженны. Немногим удавалось тогда выйти из застенка. Льву Львовичу повезло.

В юности революционное поветрие его не миновало. Романтика революционных порывов, мечты об осуществлении счастья людского, за поиски которого так много заплатили народники, народовольцы и их идейные наследники — социалисты-революционеры, — увлекли сына сельского священника. Примкнул к эсерам. Из-за того вынужден был отчислиться с четвертого курса Санкт-Петербургского императорского университета и покинуть столицу. Однако бомб на царских чиновников Лев не изготавливал и не бросал, да и в вихрь февраля семнадцатого особенно не вовлекся, призванный на воинскую службу, исправно исполнял долг по защите Отечества от немцев. Тем более не рвался в центр смерча в октябре.

Три года большевистской власти прояснили: поповское происхождение — не лучший пропуск на стройплощадку нового мира. Да и оценивая себя, полагал бывший студент, что не нашел своего места в кипении событий. Хватало ума и объективности правильно взвесить силы и возможности. Понял вовремя, что человек он не высокого ранга и не стоит пыжиться.

Потому и не прихлопнули его чекисты. Не числили за ним активных действий и, подержав месяц, выпустили без всяких последствий.

На Поволжье надвигался голод. Предстоящая зима не предвещала ни малейших просветов. Гражданская война захлебывалась кровью на Дальнем Востоке. Местные сельские активисты в истрепанных фронтовых шинелях и буденовках при встрече ошпаривали поповского сынка, побывавшего в ЧК, темно-недоверчивыми взглядами. Лев Львович вернулся в школу, продолжал учить ребятишек. И наслаждался семейным счастьем. Были минуты, ночи и дни любви безоглядной, не задающей вопросов. Шел Силантьеву тридцать восьмой, его Шуре — тридцать пятый. Молодость позади, но жизнь не только не исчерпана, а может быть, еще на взлете.

— Эх, Шура, Шура. — вздыхал он, успокаиваясь от любовных ласк, — новую жизнь надо принять. С самодержавием покончено. Напрасно некоторые пытаются бороться с Советами. Можно остановить часы — нельзя остановить время.

За окнами хлестала декабрьская вьюга, усталые бревенчатые стены двухэтажного бывшего поповского дома вздрагивали под ударами ветра, сотрясались в безнадежности.

Утром, наскоро проглотив завтрак, приготовленный женой, Леваша отправлялся в школу и втолковывал ребятишкам азы арифметики и физики.

— Отзвонил — и с колокольни долой! — весело провозглашал Шуре, возвраща-

ясь на обед. А потом и вечер, и метель утихла, глядишь, завтра и солнце осветит наметенные сугробы.

...Как далеко теперь все это! Александра Ивановна вспоминает те ночи и дни в селе Ляхи, и горький хмель одиночества терзает бедное измученное сердце. В тот двадцатый год навалилась на нее еще одна тяжелая утрата — умерла Наташа. Не затянулись раны от смерти отца, матери, сестры Маруси, и вот пришлось хоронить младшую. От большой крестьянской семьи остались они с Таней. Осиротел красный кирпичный домик в родных Новоселках, совсем еще недавно такой оживленный населенный.

С тяжелой горечью убеждалась Александра Ивановна: со старшей сестрой что-то неладное. Прежде такая работающая, теперь сидит Татьяна на табуретке, взгляд неподвижный, покачивается-кланяется и шепчет одно и то же: «Батюшки, что с нами случилось! Батюшки, что с нами случилось!»

В отличие от незамужней Татьяны у Шуры была своя семья, новая жизнь. Только не радовала она озябшую душу. Первоначальная любовь и общность воззрений, жизненных целей, освещавшая их с Левашей, слабела и никла, не хватало дров в сердечной печке. Хотя и с мужем и с сыном, а одинока была Шура в Ляхах. Суровая молчаливая старуха-свекровь, все более раздражительный Леваша...

Что мешало им? Ведь было самое главное: рос хороший, ласковый мальчик. Но сорняки раздора заглушали побег любви и согласия на семейной полоске.

Началось с самого рождения Коли. Леваша воспротивился крещению. «Что ты, Левушка? — тревожно удивилась Шура. — Как же можно нехристом?» Лев замкнулся, обиделся: как это она не поймет? Новая жизнь наступила. «Мы же православные. Больше того, — твой отец был священник. Ты сам духовную семинарию окончил. Что ты, Лева, опомнись!» — не сдавалась она. «Что же, что священник, — отвечивал Лев. — Разве мы с тобой не говорили об этом? Разве не соглашалась ты, что семейная принадлежность человека не определяет его сознание, поведение, взгляды? У каждого своя голова на плечах».

Да, Шура соглашалась с этим когда-то. Да, много говорили они на ту тему еще до того, как стали женой и мужем. Но то, что произошло с тех пор, по-новому осветило ее душу. В один год бог взял отца и мать, затем одну сестру, и другую. А такой любовью наполнено было сердце, такой отзывчивостью!

Да и в стране... Что хорошего возникло за безбожные годы? Разлив вражды и злобы, половодье ненависти. Грабежи, убийства, брат на брата, сын на отца.

— Шура, милая, это все давно было посеяно, гнетом самодержавия, обманом веры. Мы пожинаем теперь горькие плоды. Революция — не трагическая случайность.

— А дальше что сеять будем? Какие семена-то от этих плодов? Ядовитые они. Еще более ядовитые, чем те, которые раньше вызрели.

— Не в вере слепой — в образовании, просвещении народа вырастут семена новой жизни. Ну, допустим, воспитаем мы с тобой еще одного попа...

— Ну почему же обязательно попа? Разве я против того, чтобы Коля вырос помирскому, образованным, просвещенным?

— И для чего же его окунать в воду? Не церковь дает просвещение, — изрекал отец.

— Не только церковь. Но кто еще? Пушкин с его «Гавриилиадой»? Лев Толстой? — заражаясь раздражением, теряла Шура нить логики.

— А что — Лев Толстой? Ты считаешь, его отлучение — не позор церкви? Церковь, как и монархисты, расплывается сейчас за свои преступления перед народом, перед нашей историей.

— Так можно и Христа в инквизиции обвинить. Что, кстати, безбожники и делают в кошунстве своем. Вон — Демьян Бедный...

— Я — атеист. Но не кощунец.

— Ты слишком категоричен,— пыталась она успокоиться, загасить разгоравшуюся ссору.— Говоришь о преступлениях церкви. А заслуги? Разве не православная вера сплотила Русь и тысячу лет держит?

— Держит в темноте и невежестве. Русь в ее исконности не может быть вечной. Можно остановить часы — нельзя остановить время.

— Заладил! — Шуру бесило повторение его любимой формулы, которая когда-то ей казалась удачной.

А он продолжал:

— Время кондовой Руси прошло. В ворота жизни стучится новая эпоха.

— Стучится пулеметами.

— Что поделаешь, насилие — повивальная бабка истории.

— Повивальная, повивальная... Не хочу я, Лева, чтобы наш Коля пулеметом прокладывал путь в светлое будущее.

— А если нет другого пути?

— Ну, если нет — и не надо.

— Да я бы согласился с тобой, но это же утопия. Оглянись: из чего складывается вся история человечества? Борьба за существование. БО-РЬ-БА ЗА СУЩЕ-СТВО-ВАНИЕ! — Лев Львович поднимал указательный палец и потрясал им перед лицом супруги. И ей казалось, вытряхивает он последние крохи любви из ее сердца.

Четыре года назад, когда родился Коля, Леваша все-таки уступил жене и своей матери, Колю окрестили, хотя отец в этом не участвовал. Но все, что было потом, расхолаживало семейное счастье. Все эти споры, философские рассуждения не приближали к истине, а лишь отдаляли мужа от жены. «Не могут жить вместе атеист и верующий в Бога»,— думала Шура. «Да, идейные расхождения — не питательная среда для семьи!» — ожесточался Леваша. Такие мысли супругов были страшны, вели к гибели любви.

В очередной церковный праздник Шура собиралась к обедне, надевала на Колю только что сшитый костюмчик из темно-синего бархата, прилаживая на плечи связанную на днях кружевную перелинку. В окна светило солнце. А родитель сидел хмурый, читал газету. И казалось жене, исходят от него невидимые, но вполне ощутимые миазмы отчуждения, чуть ли не вражды. Шуре стало так больно, так обидно, так невыносимо, обняла она стоявшего на стуле сынишку и разрыдалась. Заплакал и он. Солнце зашло за тучу, в комнате потемнело. Дрогнуло ожесточенное сердце отца. Но не победил он гордость, не бросил газетный лист, не подошел к родным людям, не обнял, не поцеловал. Выдержал характер.

Шура с трудом взяла себя в руки, отправилась сыном в церковь. Молилась там: «Прости меня, Господи, прости и помилуй, грешницу». Бог есть любовь,— помнила она. Только большая светлая любовь способна примирить людей. Она сильнее противоречивых убеждений.

Лев Львович в иные минуты пытался звать к разуму супруги, доказывал:

— Ну вот, стоишь ты в церкви, поешь вместе со всеми: «Верую во единого Бога Отца Вседержителя, Творца неба и земли, видимым же всем и невидимым». Ну, задумайся, ты же образованный человек, гимназию окончила, учительница. Что такое Троица? Как может быть, чтобы один — в трех лицах? Для чего? Какой смысл? А ведь то — один из главных церковных догматов. Или причастие. «Тело Христово примите, источника бессмертного вкусите»,— слышится с клироса, и батюшка ложечкой всовывает тебе в рот кусочек просфоры, размоченной в воде и кагоре. Ведь это все дикость, остатки язычества. Я не призываю разрушать церкви, не запрещаю молиться, кто верит, каждый имеет право на свое мнение. Но надо просвещать людей, а не укоренять их в ложных убеждениях. Если ты сам прозрел — помоги прозреть другому.

— Ты уверен, что прозрел?

— Уверен.

— А твой отец, твоя мать — что, они были такие уж темные?

Шура поднялась с постели, зажгла огарок в подсвечнике, взяла с полки потрепанную книжку «Епархиальных ведомостей» и прочитала:

«ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ.

Нередко и мне приходилось встречать таких мудрецов, которые силятся доказывать, что никогда не бывало и нет чудес, но что все в мире бываемое происходит по естественным законам жизни. В доказательство того, что Божественная Благодать, всегда немощная врачующая и оскудевающая восполняющая, и доселе в немощах совершается, я, как служитель Бога, считаю долгом своим, во славу Его, благодетеля нашего, рассказать следующее истинное происшествие, бывшее в приходе моем, минувшего, 1864 года.

У отставного рядового Г. Д., проживающего в селе нашем, есть дочь девица А. От самого рождения своего она была столь нездорова, что родители не ежегодно, а ежечасно ожидали ее смерти. Между тем она жила и понемногу росла; с возрастом ее росла и более и более день ото дня и год от году усиливалась и болезнь ее. Достигла наконец А. до семи лет, и в эту пору от постоянной болезни была так расслаблена, что когда ее снимали с постели (сама встать решительно не могла от рождения) и ставили на ноги, которые были у ней, как у однолетнего ребенка, тонкия и сухия, она не только вся не могла приподняться, но не могла поднять вверх даже головы своей. Хребет же ее был ровен со скамейкой или лавкой, близ которых, по моему совету, ее иногда ставили, чтоб сколько-нибудь облегчить так называемые пролежни. Беспременно почти отец ее и мать ездили к лекарям, но не получали ни малейшей пользы. Между тем в каждые семь недель, по просьбе родителей, ожидавших ее смерти, как неминуемой, я напутствовал ее Св. Тайнами. Наконец, Милосердный и Единый истинный врач, Господь Иисус Христос, исцеливый тридцатисемилетнего расслабленного, вложил мысль родителям больной принять в дом св. иконы. Они попросили меня с храмовыми св. иконами прийти в дом и отслужить с водоосвящением молебен Нерукотворному Спасу и Матери Божией, именуемой — Всех скорбящих радость. Прочитав Св. Евангелие на водоосвящении, я обратился к плачущим родителям больной с вопросом: «Веруете ли вы, что действительно в Иерусалиме была и есть купель, в которую Ангел сходил и возмущал воду, и кто из больных первый влазил в нее по возмущении, — делался здоров, како бы ни был одержим болезнью? Они отвечали мне: «Как же не верить, батюшка, когда нам говорит о том Св. Евангелие?» Веруете ли, что и сия освященная вода по Благодати Божией может произвести подобное действие над каждым из вас? Веруем, батюшка, веруем, иначе мы не просили бы вас и воду освятить, отвечали они со слезами. Освятив воду, по чину, я приказал дьякону, подавая икону, прежде всех — подать воду с Св. Креста — болящей. Она помочила в воде руку свою, помазала водою голову, глаза и несколько испила с блюда, как ей велели; а я между прочим окропил св. водою ее и весь дом; и, дав поцеловать св. крест ей, родителям ее и бывшим при сем, — приказал поднимать иконы обратно в церковь, а сам отправился из дому. Едва успел сойти с крылечка, как вдруг бывшие при мне причетники говорят мне: «Посмотрите, батюшка, — ведь девочка-то идет за нами!» Обернулся я, — действительно, она шла за нами, хотя с заметно осторожностью, как будто только учится ходить, — но никем не поддерживаемая. Бог мой! Спаситель мой! Колико ты милосерд! Так, возлюбленные мои, сказал я окружавшим нас, — так и должно быть, ибо Господь Иисус Христос не одному, не двоим, а всем и каждому из нас рек: «По вере вашей буди вам!»

Чрез две недели я опять увидел бывшую больную. Что с нею? Она бегала по улице и играла с своими сверстницами так, как будто и больна не была никогда. Не чудо

ли это? О, поистине,— и в сердце своем никто да не дерзнет решить: несть Бог! Ибо каждому такому живому на небесах посмеется и Господь поругается».

— Вот, смотри,— заключила Шура,— подписано: Священник Лев. Это твой отец, покойный Лев Евграфович напечатал.

— Думаю, тут какое-то недоразумение, какая-то ошибка,— сказал Леваша.— Это написано за девятнадцать лет до моего рождения, за тридцать два года до смерти папы. Девочка выздоровела по каким-то другим причинам. А молва связала это с водосвящением. Вера в чудеса присуща темным людям. Лев Евграфович поддался ей. Тем более — долг священнослужителя того требовал.

— Какая у тебя самоуверенность,— покачала головой Шура.

— Не самоуверенность это, а убежденность. У-беж-де-е-нность! Не я открыл все это, о чем тебе говорю. Но я убедился в правоте всего этого, убедился путем долгих мучительных размышлений, сомнений. Поверь, нелегко все это было. И сейчас нелегко идти против многих близких, уважаемых людей. Но теперь меня уж не перевернуть, назад дороги нет.

— Очень, очень жаль,— грустила Шура.

— Что же касается моих родителей, то — при всей любви моей к ним, особенно к матери,— я ведь понимаю, что она была человек необразованный, ее дело было детей рожать, что она и делала исправно, тринадцать человек произвела на свет. С отцом — сложнее. Я его мало помню, мне было тринадцать лет, когда он умер. Несомненно, он был человек мыслящий, одаренный. Но не уверен я, что он искренне верил в то, что проповедовал. Кроме того, есть одна загадка в финале жизни протоиерея Льва. В шестьдесят один год он был уволен за штат по прошению. Кто-то из родственников говорил мне, еще когда я был мальчиком, что прошение было вызвано болезнью. Действительно, вскоре он и умер. Но еще рассказывал мне кто-то, будто бы сочинил он какую-то поэму, чуть ли не антирелигиозную, и это дошло до епархиального начальства и стало причиной увольнения. Не знаю уж, правда или чья-то выдумка, не могу утверждать. Но дыма без огня не бывает. Возможно, поддался он проповедям Толстого. Так случалось кое с кем из священнослужителей, вспомним случай, описанный Куприным в рассказе «Анафема».

— Жаль, очень жаль,— повторяла Шура.

— В Священном Писании масса поводов для сомнений. Возьмем Книгу Иова,— доказывал Леваша.— Конечно, это великая поэма. Именно — поэма! Философская глубина и поэтичность ее завораживают. Но в то же время эта книга, может быть, больше, чем прочие разделы Библии, заставляет задуматься. Бог противоборствует с сатаной — человек страдает. Человек — поле борьбы Бога с дьяволом. Даже еще чудовищнее: Иов страдает в результате тактического сговора Бога с сатаной!

— Что ты говоришь! — ужасалась Шура.— Как можно так кошунствовать!

— Какое же это кошунство?

Леваша взял Библию, полистал тяжелый фолиант в поисках нужного места.

— Вот, смотри: «И сказал Господь сатане: вот все, что у него (у Иова) — в руке твоей. Только на него не простирай руки твои». И сатана погубил все богатства Иова, убил его детей и их семьи. Ну, ладно, сам Иов. А при чем тут его дети, их семьи? За что они-то страдают? А спор между Богом и сатаной разгорелся из-за чего? Из-за того, что сатана утверждал, что Иов не бескорыстно благословляет Бога, а в благодарность за то, что Бог одарил его богатствами и всяческой удачей. Стоит все это отнять, и Иов вместо благодарности проклянет Бога, доказывал сатана. А Бог был уверен, что Иов так не поступит, выдержит все испытания, а от господина не отречется. Ради чего завел Бог этот спор с сатаной? Выходит, ради собственного тщеславия. Этот спор напоминает состязание двух бездельников, решивших потягаться силой от нечего делать.

— Что ты говоришь! — восклицала верующая женщина. — Как ты осмеливаешься так кощунствовать? Разве может быть тщеславие у Бога? Ты богохульствуешь.

— Но разве я искажаю Библию? Я осмысливаю то, что там написано, делаю вывод из сказанного там. Бог хочет доказать сатане, что Иов не отступится от него, не возропщет. И тогда он вернет Иову былое благополучие. Чтобы доказать это, Бог позволил сатане лишить жизни детей, внуков и других родственников Иова. Чем же они-то провинились? За что лишены самого главного — жизни? Да и сам Иов — чем он провинился? Богу захотелось поиграть с сатаной. Выходит, люди для Бога пешки в его тщеславной игре.

— Леваша, Леваша, помнись! — увещевала Шура, заливалась слезами, прижимала к груди судорожно сцепленные ладони. — Какое богохульство! Боже мой, какое богохульство! Как ты можешь?!

— Да причем здесь богохульство? Ну, возьми и прочитай еще раз. Прочитай внимательно и подумай. Непредвзято. И учти, что эту книгу не Бог написал, а древние люди. Вот таким они представляли Бога в своей дикости. Они трепетали от страха перед ним, как трепетали перед грозными стихиями погоды и несчастьями, наседавшими на них. Какое же тут богохульство, Шура?

— Побойся Бога, накажет он тебя, — стояла на своем жена.

Лев Львович разводил руками и глядел на нее жалостливо.

А она представляла муки ада, какие ожидают его на том свете за безбожие и кощунство, и было ей страшно и жалко любимого. Представляла, как корчится Леваша в черном котле с кипящей смолой в бесконечных невыносимых мучениях.

— Шура, милая, — пытался он доказать ей то, что так очевидно было ему самому, — пойми, религий на свете множество, христианская — лишь одна из них, и каждая старается убедить приверженцев и противников, что только она правильная. Буддизм, брахманизм, иудаизм, ислам тоже считают истинными только своих богов, всех других считают ложными, а их последователей — заблуждающимися, «неверными». Да и внутри каждой религии идут бесконечные распри: православие не признает католицизма, протестантства, сунниты враждуют с шиитами и так далее. Богословие каждой религии старается облечь в научные одежды свои утверждения, свои догматы, выдумывает законы, якобы единственно истинные, решительно и жестоко осуждая думающих по-другому, клеймя их еретиками, отступниками, ренегатами, ревизионистами, последователями дьявола. Были времена, когда противников убивали, жестоко мучили, сжигали на кострах, бросали на растерзание львам и тиграм, распинали, как и самого Христа, живыми в землю закапывали, на кол сажали, — каких только пыток и истязаний не выдумывали дикари! Да и атеисты тоже немало потрудились в нетерпимости к инакомыслящим, разжигая вражду.

Шуру все эти доводы не убеждали. И все чаще споры заканчивались взаимным раздражением, оно лишало супругов выдержки, услужливо подсовывало обидные слова и предлоги для перебранки, перебранки перерастали в озлобление. Противостояние взглядов превращалось в противоборство воли, характеров, темпераментов, интеллектов. И по мере нарастания разногласий и взаимного упорства, Шура все сильнее и болезненней стала ощущать одиночество. Пропало желание делиться с мужем мыслями, внутренними переживаниями. Она замыкалась в себе. И хотелось поделиться, да не надеялась на понимание, на интерес, на сочувствие. И потому боялась открыть Леваше свои вопросы, раздумья. Так росло отчуждение.

Единственным светом в окошке был сын. Ласковый, хотя и упрямый («в отца!» — раздраженно думала Шура), Коля тянулся к матери тем сильнее, чем больше ощущал нелады. Мальчик был для женщины главной радостью и целью жизни. Но все равно, порой отчаяние охватывало. Душа рвалась к Богу. Вот где истинный свет, вот спасение.

В один унылый темный вечер после очередной размолвки собрала Шура самые необходимые вещи, свои и малыша, сложила в купленный Левашей в Питере мягкий чемодан, обтянутый клетчатой тканью, надела на Колю ватную курточку, сшитую недавно, стала одеваться сама.

— Ты куда? — спросил Лев Львович.

— На пристань. Поеду к Николаю Ивановичу. Примет брат на первое время. Не получается у нас с тобой жизни. Одно мученье. Поживем порознь, может, так будет лучше.

Захлестнутый обидой муж не стал уговаривать. Молчал, насупившись, раздражение сжимало грудь.

Четырехлетний сынишка чувствовал неладное, хныкал, капризничал, цепляясь за мать. Если бы он мог высказать свое отношение к происходящему! Если бы был в силах сказать родителям: «Что вы делаете?! Милые, опомнитесь, возьмите себя в руки, пока не поздно. Папа, милый, пожалей маму, не отпускай! Подойди, обними, поцелуй, скажи ласковое слово, согрей сердечко».

Не мог ребенок сказать всего этого. Но чуял: свершается непоправимое.

Покинула Шура бывший поповский дом. Заглянула по пути к Сарафановым, попросила Клавдию донести чемодан. На дебаркадере купила в окошечке билет третьего класса до Муром. Пароход подошел вскоре и все трое — единственные этим вечером на маленькой пристани — спустились по шаткому трапу в дрожащее от стука машины чрево судна, в полутемное помещение. Несколько пассажиров дремало на вдвоенных коричневых лавках. Клава поставила чемодан, прижала к груди мальчика, поцеловала, на глазах слезы.

— Иди, иди, Клавдинька, — торопила Шура, — уж второй звонок подали.

Лина Бендера

ГАДКИЕ ЛЮДИ

(Повесть)

* * *

Дом стоял на окраине. Длинный, одноэтажный, выкрашенный облупившейся от времени зеленой краской, окнами выходил на реку, уныло булькавшую мутными водами о деревянные мостки лодочной станций. Летом тут хорошо. Не боявшиеся заразы горожане осмеливались купаться, но в межсезонье было грязно, а зимой отвратительно тоскливо. Иногда в половодье река разливалась, затопляя ближайшие кусты и опасно подбираясь к корявому фундаменту старого барака, у которого и крыша местами протекала, и углы пообвалились, но, выстроенный до революции на кровные купеческие, держался крепко и под снос не числился. А это означало: улучшения жилищных условий его обитателям не дожидаться и до второго пришествия.

Внутри оно тоже не радовало глаз. Еще сильнее обшарпанное, чем снаружи, встречало изволившего забрести в единственный подъезд гостя грязной, кишевшей рыжими прусаками общественной кухней. Тараканы свободно разгуливали по выстроившимся рядами, как на параде, столам, мойкам и газовым плитам. Красоты коммунального сервиса шокировали свежего человека наповал.

Впрочем, культурная публика приходила сюда редко. Не зря гласившая пословица: «Каковы сами, таковы с вами» — предполагала к жильцам точно таких же и гостей. В четырех квартирах из семи пили по-черному. Одну снимали братья-хачики, базарные торговцы. В шестом уныло доживала одинокий век старуха Мироновна, содержавшая в сарае облезлую козу, почти не дающую молока и зазря проедавшую свое сено.

В угловую квартиру полгода назад по размену въехала молодая семья.

Эти считали себя интеллигентами. Супруг-художник нигде не работал, но иногда малевал что-то на берегу реки или в ложине за городом. Щуплый, заросший многодневной щетиной и схваченными резинкой в куцый хвостик сальными волосами, видом напоминал козу Мироновны и тоже пил, но потихоньку, в глухом одиночестве, пагубных пристрастий не афишировал и потому плохо вписывался в общий контингент закоренелых в многолетнем потреблении ханки соседей. Художник носил заковыристое имя Максимилиан, сильно зазнавался и с соседями дружбы не водил, ограничиваясь коротким высокомерным «здрассте».

Жена его казалась вообще не от мира сего. Она, правда, не пила и где-то работала, но сплетничать с бабами на лавочке брезговала, встречаясь, молча кивала и тихой мышкой проскальзывала к себе, где тотчас запиралась за три замка. Заглядывавшие в плохо зашторенное угловое окошко злоязыкие тетки видели дамочку часами просиживающей за пишущей машинкой. Судили-рядили, но понять не могли, чем она конкретно занимается, а на расспросы девица невнятно мямлила о подработке. Но лишних денег у супругов не водилось. В глухие сталинские времена на чудачков сразу

донесли бы в КГБ, но сейчас просто недолюбливали. «Малахольные»,— таково было мнение общественности относительно жильцов из седьмой квартиры.

* * *

Майские праздники объединились в четыре долгих выходных дня. Замотанная тянувшимися чередой житейскими неурядицами Ольга твердо постановила себе использовать свободное время с максимальной пользой и закончить, наконец, конкурсную повесть. Великолепный замысел созрел давно, но события последних нескольких месяцев мешали воплотить задуманное на бумаге. В этом году Ольга рассчитывала занять пусть не первое, но обязательно какое-нибудь из последующих мест. Ее считали начинающей и подающей надежды, но часто критиковали за односторонний идеалистический подход к сюжету. Жизнь, говорили ей, многогранна, в ней есть хорошее и плохое, а еще множество оттенков того и другого. Но плохого Ольга упорно видеть не желала, полутонов не признавала и считала себя неисправимой оптимисткой. Выходившие из-под ее пера повести и рассказы воплощали все достоинства мыльных опер и самой невероятной фантазии относительно времени и событий. Упоминание о низменных страстях старательно избегались, житейские проблемы, по глубокому убеждению автора, у витавших в мире высоких чувств и переживаний благородных героев случиться принципиально не могли. Проза грубой реальности презиралась и старательно изгонялась со страниц произведений.

Но, к сожалению, не из жизни. Не зря гласит библейская мудрость о некоем абстрактном домашнем враге. Тут, к сожалению, дело обстояло запутанно и трагично. Максимилиан возмутительно не оправдал возлагаемых на него больших надежд. Десять лет назад Ольга выходила замуж за талантливого студента художественной академии, с пафосом рассуждавшего о собственной индивидуальности и открытии никому не известной, но грозившей потрясти мир искусства, манеры письма. Максимилиан смотрел на окружающих презрительно и свысока. Юная Ольга писала восторженные стихи и посещала все тусовки, где появлялся будущий гений.

Ей удалось сначала обратить на себя его внимание (кто бы знал, чего это стоило), а затем залучить в гости. Но маме с папой новый дочкин друг решительно не понравился, о нем Ольге с привычной прямоотой и резкостью заявили. И посоветовали обратить внимание на соседа Федора, бывшего одноклассника, с первого класса таскавшего за ней портфель, а после школы поступившего на серьезный экономический. Ольга расплакалась, нагрубила родителям, обругала тюленем ни в чем не повинного Федора и пообещала утопиться.

Конечно, топиться она не пошла бы, и родители могли настоять на своем, но вмешался самолюбивый Максимилиан, высокомерно улыбнулся, протянул руку и увел подругу. За ушла, не оглянувшись, целиком отдавшись служению кумиру и вдребезги разбив сердца родителей и незадачливого Федора.

Наверно, со временем папа и мама простили бы непослушную дочурку и приняли в дом экстравагантного зятя, но не успели, погибли в тот же год в автомобильной катастрофе, освободив молодоженам квартиру в панельной девятиэтажке.

...Шли годы. Подающий надежды талант превратился в разочарованного изгоя, не ставшего ни профессионалом, ни обычным рабочим от кисти и краски. В мастиные художники он не выбился, в рекламу, как многие сокурсники, не пошел, считая ниже своего достоинства. Но стал часто прикладываться к бутылке.

Ольга писала стихи и прозу, но в качестве хобби. В пролетевший отрезок времени уместились ее страстная любовь и преданное обожание, последовавшее затем разочарование и постепенно накапливающееся презрение к несостоявшемуся гению, в конце концов вылившееся в откровенную неприязнь. Такие случаются метаморфозы чувств, не встречающих ответного дуновения. Максимилиан беззащитен-

во пользовался привязанностью жены, ничего не давая взамен. Ольга разочаровалась, но спохватилась слишком поздно. Процесс прожитой жизни превратился в необратимый. За долги пришлось продать сначала родительскую трехкомнатную, затем доставшуюся Макс в наследство от бабушки однушку. Результатом явилась обшарпанная коммуналка, мерзкий гадюшник, населенный пропившими собственные благоустроенные жилища изгоями.

Но ни Ольга, ни Максимилиан не причисляли себя к окружающему их стаду быдла, втайне надеясь на удачно повернувшееся колесо фортуны, однажды способное возвратить утраченное благосостояние, хотя никто из них не приложил ни малейших усилий исправить бедственное положение. И потом возвышенные чувства ушли безвозвратно, унеся с собой стимул к существованию, но остались у Ольги на бумаге.

А наяву представала иная картина. Тесная комната выходила обеими окнами во двор, где за самодельным столиком с наступлением теплых дней с утра до позднего вечера распивали вино и резалась в карты не обремененные работой и интеллектом, потерявшие человеческий облик бытовые пьянчужки, недавно «откинувшиеся» уголовники из квартиры в противоположном конце коридора. В палисаднике орала привязанная за ногу коза Мироновны, имевшая обыкновение перегрызать привязь, как собака, забредать в дом и ронять по полу сухие катышки помета. В унисон надрывавшейся от скуки козе ревел блаженным шансоном до полуночи не смолкавший магнитофон. Иногда нестройным хором подпевали упившиеся вдребезги алкаши.

На фоне праздничного бесчинства за окном в угловой комнате царила мрачная идиллия, мирно храпел высосавший полбутылки самогона Макс. Зелье гнала старуха Мироновна в качестве приработка к козе и скудной пенсии. У крайнего окна, ничем не прикрытый, с прошлого месяца торчал мольберт с засохшим пейзажем, недописанный масляными красками. Картина удручала размытыми тонами и общей незаконченностью сюжета. Художник писал пикник у реки. Ольга хорошо знала это место. Там берег полого спускался к воде, в просвете между деревьями открывая утопанную площадку со следами кострища и лежащей неподалеку корягой.

Заложив руки за спину, Ольга долго рассматривала картину, потом брезгливо сморщилась. Вечно похмельный художник катастрофически терял мастерство. Закат получился размытым, деревья таяли на сероватом фоне, проливаясь над водой длинными размазанными нитями ветвей. Коряга казалась вытасненным на берег утопленником, возле которого, ничуть не стесняясь, запалила в тумане костер веселая компания. Девушки в разноцветных купальниках напоминали бесстыжих русалок, парни выглядели готовыми пуститься в пляс вокруг огня дикарями. Один брэнчал на гитаре, а может, бил в шаманский бубен. Второй бегал с шампуром, но выглядело это так, будто с длинным ножом в кулаке подкрадывается к утопленнику, собираясь резать его на шашлыки.

— Тьфу! — вслух сказала Ольга, и остатки привязанности к супругу испарилась из ее оскорбленной души окончательно и бесповоротно.

Ведь, что ни говори, в их прежней любви большую роль сыграло искусство. Она бы и высказала мужу свое мнение, не откладывая, но тот при всем желании не услышит. Третий день запоя предполагал глубокое погружение в нирвану хмеля, и Ольга в таких случаях уже не пыталась вырвать пьяницу из крепких объятий зеленого змия.

Праздники только начинались, даже гуляки за столиком сидели относительно трезвые и вели оживленный разговор. Максимилиан не соблюдал ни выходных, ни буден, о хлебе насущном не беспокоился и безмятежно спал, посвистывая носом. Деньги в семейном бюджете кончилась, и обед Ольга с чистой совестью решила не готовить. Не хотелось идти на кухню в разгар соседских баталий. Она уселась за стол и положила перед собой перо и стопку бумаги.

Черновые наброски Ольга предпочитала делать по школьной привычке, от руки. Она еще не знала, как озаглавить повесть, но предполагала нечто возвышенное и прекрасное, поэтому оставила место на потом, ожидая озарения в процессе творчества, а пока ограничилась коротким обозначением глав. И, поскольку основным и почти единственным действующим лицом в довести являлась музыка, заглавия представляли собой приведенные к месту цитаты из знаменитых произведений.

«ТАНЕЦ БЕЛОГО МОТЫЛЬКА»

Эльвира играла на скрипке, Чудесная музыка плавно лилась из распахнутого окна в бельэтаже и, овевая нежным благоуханием сирени, невольно привлекала внимание редких прохожих, то и дело останавливающихся посреди тихой улочки и задравших головы вверх. Эльвира играла Шестую симфонию Бетховена и грезилась наяву. Полузакрыв глаза, легко водила смычком по струнам, не замечая кучкой собравшихся под окном слушателей.

Сегодня она видела ЕГО во сне. У НЕГО еще не было имени, лицо неясно и расплывчато, но, пробудившись, Эльвира ни мгновения не сомневалась — это ОН. Тот единственный, предназначенный ей ласковой Судьбой, и их встреча наяву предстоит скоро. Очень скоро!

Эльвира верила в сны.

Опустив смычок, она обвела взглядом широкую комнату с огромным черным роялем посередине. Стены почти до потолка закрывали сплошные ряды стеллажей, заполненных книгами. Жилище юной девушки представляло собой чистый и светлый храм служения единственному Божеству — Музыке.

Ощущая необыкновенный прилив сил и ту особенную приподнятость настроения, появившуюся в предвкушении счастья, Эльвира положила скрипку и потянулась закрыть окно. Все. Утренние упражнения закончены, пора приниматься за повседневные дела, среди которых для нее нет скучных и неинтересных.

Задергивая кисейную занавеску, бросила короткий взгляд на улицу. Случайные слушатели разошлись, когда смолкла музыка. На опустевшей мостовой остался один из них, самый упорный. Застыв в ожидании новых аккордов, внизу неподвижно стоял мужчина.

Эльвира улыбнулась, достала скрипку и, распахнув окно, заиграла...

* * *

Ольга перестала писать и бросила ручку на стол. Время приближалось к обеду, а удалось вымучить лишь полтора листа скудного текста. У нее оставалось несколько дней в запасе, в противном случае не успеет сдать рукопись. Но вдохновение пропало. Она и так тянула до последнего, не желая марать бумагу через силу, ждала некоего озарения, помогавшего ей воплотить в слова собственные фантазии. Но грубая проза жизни, врываясь в сложный творческий процесс ежедневно, ежечасно — подавляла его на корню, и Ольге уже не удавалось в один присест создавать шедевр, как оно бывало раньше. Пусть придирчивые критики единогласно вопят, будто ее произведения не соответствуют реальности, герои вымышлены, а события надуманы. Так что ж!

Поставив себя на место главной героини, Ольга с удовольствием давала полный простор фантазии. Ей хотелось однажды создать нечто настолько возвышенное и прекрасное, чтобы сухие и чопорные члены писательского жюри прослезились, восхитились и наконец поняли, что идеальные герои, сполна получающие все возможные подарки судьбы просто так, по стихийному замыслу автора, имеют полное право на существование. И награду. Поскольку человек приходит в жизнь для счастья и радости.

Ольга упорно старалась убедить себя в этом долгие унылые годы, пока вслед за спивающимся Максимилианом катилась в глубокую пропасть разочарования. И ее рассказы о благородных героях почему-то не пользовались успехом на литературных гостиницах.

Как и героиня повести, Ольга тоже верила в сны. Но на днях ей приснилась совершенно непристойнейшая гадость, вспоминать стыдно и мерзко. Но сон положил начало длинной череде неприятностей наяву — мелких, но досадных, надолго выбивших из колеи. Сначала у себя в рабочем столе Ольга обнаружила дохлую кошку и подозревала в неслыханном коварстве вечно злопыхавшую сослуживицу. «Подарочек» успел протухнуть и зачервиветь пока его обнаружили, и, зажимая нос, Ольга полдня возилась с ведром и тряпкой под насмешливыми взглядами всего отдела.

В тот же день ее подстерегал еще один досадный сюрприз. Возвращаясь домой, на автобусной остановке встретила бывшего своего поклонника Федора, с толстой, необъятного размера супругой и парой детишек-погодок, прокатившего мимо на новеньком «мерседесе», купленном вскоре после того, как они перестали быть соседями. И, промокая под дождем, в забрызганных грязью колготках, Ольга почувствовала себя униженной и тощей в невыгодном сравнении с сытым и тучным семейством, хотя всегда горделиво лелеяла свою отлично сохранившуюся фигуру.

Как правило, убегая от житейских обид и невзгод, она с головой погружалась в вымышленный мир созданных ею же самой героев, но сегодня проверенный метод психотерапии не действовал. Ей не удавалось победить грызущее внутреннее беспокойство и с головой окунуться в приятный процесс свободного творчества.

Не сразу Ольга поняла, что именно ее тревожит. Ну конечно же, Максимилиан! Ритмичное посапывание за спиной раз за разом сбивалось, сменявшись хлюпаньем и кашлем, следом раздавался долгий тягучий стон и ворчанье. Пьяница соизволил проснуться.

— Чего тебе? — не оборачиваясь, холодно поинтересовалась Ольга.

Праздники не принесли ей ни малейшей толики радости. В силу молодого возраста обязательные походы на демонстрации она не застала, но в родительском доме Новый год, Восьмое марта и майские торжества встречали пирогами и подарками. Максимилиан не выносил мещанства, и за десять лет брака Ольга успела отвыкнуть от положенного между родными людьми нежного внимания. Правда, в другое время она могла встать пораньше, приготовить любимому вкусный завтрак. Потом вместе сели бы за стол...

Увы, любовь и бескорыстное служение кумиру сошли на нет, задавленные насмешками и пренебрежением. Денег, этого презренного металла, вернее, бумажек, почти не осталось и на кулинарные изыски не хватало. Впервые за многие годы домашнее хозяйство очутилось в пролете. В кухонном шкафу уныло скучали макароны и гречка, а в холодильнике досыхал недоеденный тараканами кусок сыра. Почему-то противные рыжие твари обожали прохладжаться в выше названном кухонном агрегате.

— Плохо мне! — с натугой воззвал Макс

— Естественно, — по-прежнему не оглядываясь, согласилась Ольга.

— Не догадываешься, корова? Сходи к Мироновне! — чужим, непохожим на собственный, голосом рявкнул Макс и схватился за горло, словно его начинал душить зеленый змий.

— И не подумаю! — возмутилась оскорбленная Ольга.

Никогда прежде подчеркнуто вежливый Максимилиан не позволял грубых выражений, считая матерщину позорной привилегией плебеев. Но в этом доме, определенно, негативная аура. Пьянки, ругань и драки следуют нескончаемой чередой. То уголовник Лапшин буянит, то соседи Леха и Витек выясняют бурные отношения со

своими толстыми в скандальными половинами. А чаще бабка Мироновна орет на всех подряд из часто старческой стервозности. Не успев отпраздновать одно событие, жильцы начинают готовиться к следующему, и у Мироновны нескончаемым потоком варится а льется самогон. На глазах Макс морально деградировал, заражаясь замашками, словечками и образом жизни новых соседей.

— Никуда я не дойду,— повторила Ольга, вспомнив наглых хачиков, недавно шумной гурьбой вернувшихся с рынка.

Один из них, самый настырный, по имени Вахи о первых же дней соседства проявлял к ней неприлично двусмысленное внимание. Да что там говорить, прямым текстом зазывал в комнату под предлогом попробовать шаурмы. О шаурме Ольга знать не хотела, соседей не терпела и вечерами в коридор выходить опасалась.

А вчера после обеда на лестнице набили чью-то морду. Закапали ступени красным, а на площадке, под дверями общественного туалета валялись выбитые зубы числом не менее пяти штук. Кому-то в гостях крупно не повезло. А мыть в конце недели коридор, между прочим, ее очередь.

Ольга тяжело вздохнула и обернулась к мужу.

— Ничего больше не получишь, понял, пьянь забутыльная? Уже третью сотню прокатил. В зеркало на себя посмотри, на человека не похож!

На реплику супруг не отреагировал, сосредоточенно рылся в шкафу, куда она вчера спрятала последнюю купюру. До полочки оставалось несколько дней. Впрочем, коварный маневр пьяницы был замечен сразу.

— Не смей! А ну, положи на место!

Ольга кошкой метнулась на перехват и обеими руками сильно толкнула грабителя в грудь. Пьянчужка утробно взвыл, не глядя, ткнул вперед кулаком и со звериным рыком, согнулся в три погибели. Успевшая отнять бумажку Ольга с визгом опрокинулась в кресло, зажимая ладонями сыпавший искрами глаз. Мерзавца тошнило у порога. Яблоко раздора, желтенькая сотенная купюра, валялась в аккурат посередине между враждующими. Ольга опомнилась первой, схватила деньги и была такова.

Когда, пересидев полчаса на улице, она возвратилась в комнату с очаровательным фингалом на лице и зажатой в кулаке добычей, муж успел уползти, оставив после себя большую мерзкую кучу. В комнате явно чего-то не хватало. Не сразу Ольга сообразила, что подоконник, прежде заваленный кистями и красками, опустел. Горе-художник унес на пропой все атрибуты своего умирающего ремесла.

«Ну и пес с ним!» — о досаде подумала Ольга в посмотрела на неоконченную картину в мольберте, успевшую внушить ей стойкое, до дрожи, отвращение.

На улице смеркалось, и в скудном свете из окна пейзаж приобрел зловещий оттенок. За мутной пеленой дождя, либо тумана компания отдыхающих дикарей готовилась свершить кощунственный ритуал над вытащенным из воды бревном, еще больше напоминавшим утопленника. У нее появилось короткое, но сильное желание выбросить мольберт вместе с картиной на улицу, но природное уважение к любому виду искусства победило. Она только подняла с пола безрукавку мужа и повесила на мольберт, прикрыв полами непристойное зрелище, а на том успокоилась. Без Макса в комнате дышалось намного легче. Где его носит на ночь глядя? Ну да и фиг ним! Впервые за долгую историю любви и разочарования ей не хотелось видеть супруга.

За окном горланила пьяная компания, после окончания дождей и предпраздничного потепления облепившая столик во дворе, но Макса с ними не было. «Погуляет и вернется», — решала она, зажгла настольную лампу и раскрыла тетрадь с рукописью. Сюжет повести давно определился и вертелся на кончике пера, но слова не шли на бумагу. Автору не удавалось войти в образ своей героини и настроиться на описание событий. Слишком разошлись реальные и вымышленные обстоятельства, создавая досадный диссонанс в стройном процессе сотворения ше-

девра. Раздражали гортанные голоса за окном, рев включенного на полную громкость магнитофона.

Ольга вяла кусочки ваты и аккуратно заткнула оба уха. Наступила блаженная тишина...

«ТАНЕЦ МАЛЕНЬКИХ ЛЕБЕДЕЙ».

Они встретились ранним вечером, когда солнце едва начало клониться к закату, и вся улица провожала молодую пару заинтересованными взглядами, когда они медленно шли к ажурным воротам парка, где у пруда с лебедями Эльвира любила сидеть, задумчиво глядя на воду и извлекая из любимой скрипки свободные звуки импровизации.

Они шли и болтали ни о чем, оба старательно обходя наболевшее. Прошло три недели со дня их знакомства, но друг для друга они успели стать центром Вселенной, и давно случилось жаркое словесное объяснение в любви.

Тогда он остался стоять под окнами, а случайные слушатели поспешили по своим делам. Она вышла и просто, без лишних церемоний, спросила: «Кто ты?» Так сразу завязались их отношения. Оба удивлялись, как, предав, могли жить и дышать самостоятельно. Его проблемы стали ее проблемами, и наоборот. Принц розовой мечты носил замечательное имя Артур и ради своей единственной готов был снимать звезды с неба. Но ей не требовалось много звезд. Сияла всего одна, близко, совсем рядом и носила вполне земное название ежегодного фестиваля молодых талантов, но была недостижима, подобно светилам небесным по причине простой и до унижения банальной. Участие в конкурсе стоило больших денег.

И Эльвира запретила Артуру тешиться разговорами. Слишком болезненным было напоминание, а скромный бюджет обоих молодых людей исключал всякую мысль о несбыточном. И, по негласной договоренности, они больше молчали, хотя сказать хотелось очень много. И задумчиво слушали мелодичное журчанье стекавшего по нагромождениям позеленевших от времени валунов водопада.

А может, так звенело у влюбленных в ушах...

Увлечшись, Ольга воочию представляла себе разыгрывающееся действие. Видела цветущие деревья и гладкую, чуть зеленоватую воду пруда с белыми силуэтами лебедей в отдалении. Слышала нежные слова и томные вздохи под звонкие трели разбивающегося о камни водопада. И, конечно, прекрасный принц с вымышленным именем никогда не явится к возлюбленной вдребезги пьяным и не сунет кулаком в глаз, отнимая последнюю, оставшуюся от полочки сотню...

Сейчас бы описать с причудливым вкусом неожиданный и оттого вдвое блее восхитительный поступок благородного героя, но все хорошие дела и помыслы бесследно испарились из ее писательского арсенала, вытесненные нахально лезущей из каждой щели мерзейшей реальностью. Лишь продолжало настырно звучать в ушах отдаленное журчанье придуманного водопада...

..Не вдруг и не сразу Ольга сообразила, что журчит не в грезах и не во сне, а натуральным образом наяву. В комнате происходило нечто, непонятное и оттого пугающее. Соседи залили? Из раковины урчит? Писательница очнулась от чудесного вымысла, вытащила из одного уха комок ваты. Второй выпал в процессе жаркого творчества, позволив грубой реальности разбить хрупким мир фантазий. Ольга внимательно оглядела комнату. Так, с кухней порядок, в крохотном помещении негде спрятаться злоумышленнику. Но пока она, отгородившись от внешнего мира, вдохновенно творила, в незапертую дверь прокрался пьяный в стельку Макс и без лишних церемоний шмякнулся на аккуратно застеленную супружескую постель. Оттуда же и урчало, и журчало, струйкой стекая на постеленный коврик. В воздухе разлился едкий запах — нет, настоящее зловоние.

— Негодай! — чуть не плача, проговорила Ольга.

Очарование красивой сказки исчезло, сменившись убогими декорациями коммунального сервиса с обгадившимся алкоголиком в центре. На заднем плане, в коридоре, шумовой фон создавали хмельные выкрики и песни разбредавших из гостей гуляк.

Зажимая нос, Ольга, как младенца, выпростала супруга из мокрых простыней, стянула испачканные брюки и подтерла салфеткой зад. Подобного унижения ей в жизни испытывать не доводилось.

— Чтoб тебя черти забрали, урод окаанный! — в сердцах вырвалось у нее.

Свернула грязное белье и, не в силах выносить запах, выставила куль за дверь. Но пока одевала плащ и обувалась в резиновые сапоги, кто-то спер из коридора приготовленный к стирке тючок. И хотя не жалела украденного белья, но от обиды на людей в на судьбу проплакала остаток вечера и постелила себе на диванчике. О том, чтобы лечь в оскверненную супружескую кровать и помыслить не хотела.

Она уже погасила свет и натянула до груди одеяло, считая лимит сегодняшних приключений выбранным до дна. Светящийся циферблат электронных часов показывал десять минут полночи, когда восцарившуюся наконец тишину снова нарушили шум и хруст, теперь в палисаднике, и за стеклом чуть повыше подоконника показалось чье-то мерзкое лицо с бородой и рогами. Опять стукнуло, брякнуло, зазвене-ло — и вылезли копыта. «Оно» бесцеремонно ломилось в закрытое окошко, определенно явившись за грешной душой несчастного алкоголика, опрометчиво посуленной «ему» разгневанной супругой. «Ой, говорят, пьяниц «они» прямо живьем таскают!» Ольга уже не помнила, где слышала расхожее утверждение, но в ужасе закрыла глаза и покорно ждала, когда страшилище целиком ввалится в комнату. О выключателе над головой она напрочь забыла. Как назло, ночные гуляки ушли из коридора, и с улицы не доносилось ни звука, кроме тех, которые издавало «оно». Недаром покойная бабушка говорила: «Помяни нечистого, а он уже здесь». Но не бегом же прибегать! Ольга верила и не верила собственным глазам...

— Иди сюда, тварь такая! — доносился с улицы хриплый, кашляющий голос. Мерзкая рожа отпрянула от окна так быстро, словно ее оттащили за шкурку, и по мелькнувшей в темноте белой косынке Ольга узнала старуху Мироновну, ругаясь и приговаривая, тащившую от чужого окна сорвавшуюся с привязи козу.

Ольга с облегчением перевела дух и нырнула под одеяло. И обнаружила там мокрую простыню. Максимилиан, естественно, был тут ни при чем.

* * *

Утро третьего праздничного дня не принесло Ольге ровным счетом ничего нового, не говоря уж о давно покинувшей эти стены радости. Повесть так и не была дописана, а Максимилиан не подумал протрезвиться. Вчерашним вечером он ухитрился свести дружбу с местными пьяницами, и спозаранок сосед Леха из числа двух пьющих супружеских пар принес бутылку.

— А жрать у вас и совсем нечего? Пошли к нам, моя Танька сейчас курицу жарит. Ольга, хочешь с нами?

Леха обладал широкой душой и замашками бесшабашного, не по средствам, кутилы. Ольга прищурилась и посмотрела на него почти с ненавистью.

— Ну, как хочешь, — тотчас стушевался сосед, незаметно прихватывая презент и собутыльника. — Да ты не волнуйся, мы тут рядышком будем.

Они замешкались на выходе, а когда Ольга, заподозрив неладное, сунулась проверить заначку, последняя сотенная исчезла, ушла вместе с горькими пьяницами. И процесс сей, увы, необратим, поскольку пускаться в погоню оказалось поздно.

Ольга села за письменный стол, но сегодня ей не творилось. В душе прочно поселилось упругое ощущение гадливости, и, сколько ни старалась настроиться на воз-

вышенный стиль повести, у нее ничего не получалось. Ну никак не удавалось ввести в сюжет ту неповторимую атмосферу праздника, пронизывающую ее прежние произведения. Рядом с Максом она растеряла мастерство прозаика-виртуоза. Светлые и возвышенные тона неуместны в окружении царившего вокруг беспредела, и настал момент, когда волна бытовой грязи угрожающе поднялась, сметая и унося прочь все чистое и возвышенное, и не обрести вновь красоты прозаического слога; как не догнать и не вернуть былой любви и прежних отношений. А существовала ли она вообще, любовь? С ее стороны — да. А вот Максимилиан... Тут Ольга начинала сомневаться, но пока старалась не задумываться о худшем. О том, что жизнь прошла, посвященная не тому человеку. Обыкновенному ничтожеству, спрятавшемуся за имитацию высокого искусства, чудовищный образчик которого не радовал глаз, высовываясь из-под прикрывавшей мольберт жилетки тем углом, где на берегу валялось ставшее неотличимо похожим на утопленника мокрое бревно.

— Чтоб ты вообще провалился! — с чувством произнесла Ольга, вспоминая свою поруганную любовь и обращаясь к тому, кто грубо и бесцеремонно ее растоптал.

Испытывая сильное нервное возбуждение, не позволявшее спокойно сидеть на месте, она схватила ведро с тряпкой и вышла в коридор. Заканчивалась вторая неделя ее дежурства по коммуналке.

Посмотрела — и ужаснулась. На этаже будто кавалерийская конница ночевала, оставив после себя пустые бутылки, пакеты и объедки. В углу догрызала селедочный хвост бродячая кошка. Запахи витали соответственные, и, принюхавшись, Ольга определила, что из уборной несет загаженным унитазом, в пятой комнате варят самогон, а в первой жарят шашлыки. И хозяева, и их гости оттянулись по полной программе, залив полы в туалете, забрызгав стены и обтошнив раковину. Пришлось подвязать нос марлей и шуровать шваброй на длинной ручке.

— Чтоб вас... — еле отдышавшись после неприятной процедуры, громко сказала растерявшая врожденную интеллигентность Ольга.

— Чего, милая? — отозвалась из ближайшей квартиры старуха Мироновна и вышла посмотреть. — Никак уже моешь? Кто ж работает в праздники, ась? Грешно, детка. Вот с послезавтра и начинала бы...

— Конец недели, мыть положено, — отворачиваясь, невнятно промычала Ольга, втихомолку злясь на хитрую старуху.

Ишь какая! На следующей неделе убираться ей, вот и хочет получать коридор чистеньким. А за два оставшихся выходных хмельные гуляки нальют новые лужи и разложат свежие кучи. Ну уж нет, коли сладкого — поровну!!! И Ольга усиленно замахала тряпкой.

Поджав губы, Мироновна сверлила ей спину злым глазом и бельмом. Но потом, рассудив здраво, сменила гнев на милость. Все-таки их, непьющих, в здешнем шалмане убогое меньшинство, и лучше держаться поближе. Так, мало ли что!

— Чуешь, ироды, свежее мясо жарят?

Бабка имела в виду пирующих в конце коридора уголовников. Пошаркала было домой, но на полпути остановилась.

— И откуда деньги взяли? С утра только на похмел займы просили.

— Воруют, ясное дело, — вспомнив сегодняшнюю беззастенчивую покражу, буркнула Ольга. — И кто, интересно, в праздники самогонку заквасил? — с умыслом заметила она.

— Да Танька это, дура, продукты зазря переводит, — презрительно усмехнулась Мироновна. — Хоть бы раз путное получилось — так, водица с кислицей, на похмел и то негоже. Коза вот у меня опять пропала, паршивка...

— Ну, я и подумала, откуда у этих, — Ольга многозначительно кивнула в конец коридора, — откуда бы у них мясо, а?

И ушла, оставив старуху в одиночестве обдумывать ситуацию.

Ни днем, ни к вечеру Макс домой не явился. Пил у Лехи, либо закатился к соседям-уголовникам с украденной сотенной. Понятно, отчего по всему коридору поплыл запах жаркого. Но признаться в покраже старухе Мироновне гордость не позволяла. И она решала замылить горе старым проверенным способом. Прозой.

«СОЛО ДЛЯ СКРИПКИ БЕЗ ОРКЕСТРА»

— Мамочка! Мамочка, нет, ты только взгляни! Мне пришло приглашение!

С радостным криком Эльвира вбежала в комнату, но вдруг замерла, на секунду задумавшись, и серьезно проговорила:

— Но — почему? Я ничего не понимаю!

— Я тоже. Очень странно!

Госпожа Тина, молодая еще, но с преждевременно увядшим от жизненных разочарований лицом, в недоуменна вертела в тонких пальцах красочную открытку. В молодости женщина тоже прекрасно играла, и сейчас под настроение иногда присаживалась к инструменту, но руки не слушались и плохо чувствовали клавиши фортепиано. Нелегкий труд в нищете пригасил в ней умение и тягу к музыке, и часто госпожа Тина плакала, вспоминая свои несбывшиеся надежды и думала о дочке, у которой многое могло осуществиться... при счастливом стечении обстоятельств. И вот чудесный момент, кажется, настал...

— По-моему, — неуверенно проговорила госпожа Тина, — по-моему, это одно из тех бесплатных приглашений, рассылаемых спонсорами фестиваля особо одаренным претендентам...

А Эльвира была очень одаренной, гораздо больше, нежели в свое время госпожа Тина. Ее дочь не только играла на деликатных инструментах, она еще пела и танцевала. Преподаватели особо хвалили способности девушки и, кажется, намеревались составить коллективное прошение губернатору...

Одним словом, мать и дочь перестали сомневаться.

— Но оно очень скоро. Придется постараться, чтобы собраться к завтрашнему утру. И я... я не успею проститься с Артуром!

— Дорогая, Артур будет ждать тебя, возвратившуюся с триумфом. И мы все вместе за тебя порадуемся, — обнимая дочь, ласково проворковала госпожа Тина.

Эльвира мечтательно зажмурилась, представляя себя на большой сцене, перед полным залом благодарных слушателей. И среди них — Артур. Эльвира не допускала мысли, что ее прекрасный принц не найдет денег на билет хотя бы для галерки, пусть издалека, но взглянуть на любимую в счастливейший, слезами и потом омытый момент ее жизни...

* * *

Ольга с трудом вымучила из-под пера небольшой отрывок текста и остановилась, ощущая на зубах неприятную оскомину. Словно, медленно и с наслаждением вкушая сладкое блюдо, на дне тарелки обнаружила изрядный шмат ничем не сдобренной горчицы. И, поморгав, сообразила, что от непосильных стараний сгрызла до чернильного стержня ручку. С каких это пор она принялась помогать творческому процессу зубами?! Это показалось ей весьма и весьма дурным предзнаменованием, особенно в совокупности с тем, что продолжения возвышенного сюжета упорно не вырисовывалось. Прекрасный Артур остался за кулисами вместе с его благородным, но никем не замеченным поступком.

А в следующий момент отвратительная реальность вторглась в ее старательно охраняемый иллюзорный мирок возмутительно громкими стуками в дверь.

— Кто там? — нехотя сползая с небес на грешную землю, рывкнула она.

— Оля! Открой, Оля!

В комнату ломился сосед-хачик, то ли Вахи, то ли Гоча, либо оба сразу.

— Да открой же, Оля, не съедем!

Она опасливо приоткрыла дверь на расстояние цепочки.

— Нэ бойс, вон, говорят, мы козу съели!

— Ну и приятного аппетита,— проворчала Ольга, норовя вытолкнуть начавшего просачиваться в узкую щель соседа.

Но тот уперся ногой в ботинке сорок шестого размера.

— Нет, погоды! Баран — едим, да, а коза — нэт, нэ едим!

Бедный Вахи аж вспотел от усердия, пытаясь объяснить особенности национальной кухни.

— Баран — едим, хорошо, а коза — тьфу!

— Ну а я-то при чем? — возопила Ольга.

— Скажи той бабкэ, нэ елы мы козы! — взмолился Вахи, а может, Гоча.

Мироновна обладала филигранным умением достать хоть президента.

Ольга распахнула дверь и вывалилась в коридор, где не то Вахи, не то Гоча не преминули лапнуть ее за грудь, но на такую мелочь она и внимания не обратила. С улицы в коридор и обратно металась растрепанная старуха Мироновна с обрывком веревки в руках. Кинулась к ней, как к главному свидетелю.

— Видишь, ножом отрезали? Сейчас к участковому побегу, пускай протокол пишет!

— Какой вэчэрэм участковый? Мылыцыи тоже отдых нужэн,— резонно возразил Вахи.

От младшего брата он отличался степенью волосатости. У Гочи шерсть тоже росла, но короче и реже.

— Между прочим, мясо еще днем варили, когда они,— Ольга ткнула в братьев пальцем,— еще на рынке обретались. Если с кого и спрашивать, то вон с тех,— кивок в конец коридора.— Только улики где?

— Покажут они тебе улики, ага! К ним с вечера трое на «джипе» подъехали, морды чисто уголовные,— загрузила Мироновна, пуская слезу. Козы ей было очень жалко.

— В окно надо поглядеть! — торжественно изрек Вахи, по старшинству считавшийся и умнее, и разговорчивей.

Мироновна, за ней Ольга, а следом братцы бросились на улицу, обежали дом с торца и, изо всех сил стараясь не шуметь, полезли в палисадник. Сюда как раз выходило окно кухни.

— Тыхо! Нэ слоны, люды! — шикнул Вахи.

И все четверо жадно прильнули к стеклу.

И увидели там занимательную картину. И хозяйева, и их гости собрались в просторной, не в пример другим квартирам, кухне. Здесь сидели не только Лапшин и Кислицын с приехавшими к ним на «джипе» уголовниками, но и соседи Леха и Внтек, правда, без жен, а с ними жался похожий на приبلудную дворнягу Максимилиан. Стол ломился от обилия разнокалиберных бутылок, закуска состояла из черного хлеба и жаренного без претензий мяса. На глазах у возмущенных тайных соглядатаев Лапшин вышел в комнату и скоро вернулся с сочной филейной вырезкой, ловко орудуя ножом, принялся пластать и бросать куски на брызгавшую маслом сковороду.

— Ах, вы! — коротко рывкнула старуха и вознамерилась вломиться в воровскую малину через окно, но братья подхватили ее под микитки и моментом, без шума и пыли, вынесли из палисадника.

— Твой коза тощый, страшный — тьфу, нэ мясо. Порося купылы рэбятя и рэжут, что мы, в мясэ нэ понымаем? Нэ мэшай лудям отдыхать, эй, мамаша!

С этими словами братцы на весу доставили Мироновну в коридор и, гортанно похохатывая, скрылись в своей комнате — от греха подальше. Ольга тоже смеялась, но натужно, сквозь слезы. Не веселилась одна Мироновна.

— Много они донимают, нехристи! А козу кто украл? Ну нет, так не оставлю! Пойду к Ван Ванычу, хоть из дома выволоку, пускай законность блюдет!

Участковый жил в районе ближайших пятиэтажек. Старуха подхватила и магом унеслась. Ольга хихикнула, представив, как разыграет вырванный праздничным вечером из теплого круга семьи участковый, и пошла дописывать повесть о благородных людях и прекрасной любви, в чистом виде не существующей в природе.

Заперлась покрепче, чтобы кому-нибудь из братьев не вздумалось под шумок напроситься в гости, взяла в руки перо и надолго задумалась. Замечательный сюжет не складывался. Книжное благородство с устрашающей свирепостью теснилось реальным паскудством по всем фронтам. «Не сотвори блага, не наживешь врага», — беспричинно вспомнилась ей известная пословица. Тонко чувствующий принц Артур из повести данного мудрого изречения, видимо, не слышал, и оттого сюжет снова забрел в тупик, и автор не знала, за какие уши его оттуда вытянуть. Получилась этакая большая бочка вкусного меда, куда забыли подпустить крохотную ложечку вонючего дегтя, отчего блюдо сделалось приторно несъедобным...

Ольга боролась с собой и трещащим по швам сюжетом долго, очень долго. Сгрызла дотла две новенькие ручки, измарав чернилами губы и язык. И наконец сдалась. С усилием повернула события в новое русло, сосредоточилась и с пулеметной скоростью застрочила пером по бумаге. Казавшийся непреодолимым рубеж миновала одним длинным росчерком и с минимальными затратами. Главное, начатую повесть не пришлось выбрасывать в мусорную корзину.

«АРИЯ ЗАМОРСКОГО ГОСТЯ».

Жюри торжественно провозгласило победительницу, и, чувствуя себя нематериально воздушной, Эльвира под бурные аплодисменты не выходила, а выплывала на сцену, кланяясь, прижимая к груди охапки цветов, и в который раз ловила на себе пристальный и восхищенный взгляд знаменитого итальянского Маэстро и, в конце концов, сама невольно начала посматривать туда, где в первых рядах партера на почетном месте сидел он, высокий и стройный, но немолодой уже человек, бурно проживший и написавший немало прекрасной музыки. Было в его облике нечто завораживающее. Так более сильный магнит притягивает другой такой же, прилипающий послушно и стремительно.

В последней, заключительной части финала он вызвался аккомпанировать ей, начинающей и никому не известной, и долго не сводил с нее угольно-черных, непривычного разреза глаз, и Эльвира смущалась и радовалась одновременно. И внезапно ей пришла в голову странная мысль: а вдруг это он оплатил ангажемент? Каким образом узнал? Ну, мало ли... Спросить имя благодетеля напрямую Эльвира стеснялась и, тем более, никогда не посмела бы поинтересоваться у итальянского Маэстро...

Одно огорчило ее: Артур не приехал и не увидел триумфального выхода возлюбленной. Сначала Эльвира обиделась, но, рассудив здраво, проявила снисхождение. Конечно, Артур небогат, и даже на галерку билет стоит дорого. А еще дорога, гостиница и прочие проблемы. Ах, эти противные финансовые проблемы!

Вместе о почетным титулом Эльвира заработала себе некоторый престиж, но как далеко до тех заоблачных высот, где воспаряют почтенные корифеи музыки. И удастся ли ей преодолеть следующие, еще более высокие ступени к славе?

Окончился фестиваль, погасли праздничные огни и разошлись зрители, но на завершающий программу фуршет для участников Эльвире очень хотелось остаться. Однако она уже исчерпала запас взятых с собой туалетов. А в одном, красивом лило-

вом платье с блестками, любовно сшитом госпожой Хиной, показывалась несколько раз. И потом, она соскучилась по Артуру. Пусть ее прекрасный принц не приехал, но он ждет дома. Не может не ждать...

Задумавшись, Эльвира машинально отвечала на комплименты и также спокойно вложила свою тонкую ладошку в протянутую руку итальянского Маэстро, галантно предложившего молодой девушке сойти по крутым ступеням.

Внизу их дожидался роскошный белый лимузин. Эльвира плохо разбиралась в автомобилях и не сразу поняла, зачем Маэстро с поклоном протягивает ей ключи...

...Защелкали вокруг вспышки фотоаппаратов и затрещали камеры репортеров. А на следующее утро газеты наперебой кричали о сенсации. Известный итальянский музыкант, Маэстро с мировым именем, почетный гость фестиваля, подарил некой начинающей певице баснословно дорогой автомобиль вместе с предложением... руки и сердца! Но девушка колеблется, не давая Маэстро внятного ответа. Тот терпеливо ждет, не скрывая внезапно поразившей его умудренное жизненным опытом сердце роковой страсти. О, Эльвира не только талантлива, но и поразительно красива. Как, неужели она сама не подозревала о своем неотразимом обаянии?

— Почему?

Да, почему она отказывается от внезапно открывшегося перед нею блистательного будущего? Девушка смогла лишь невнятно пролепетать:

— Я не отказываюсь, но... Но что скажет моя мама, госпожа Тина?

А еще она подумала об Артуре. Образ прекрасного принца несколько потускнел, заслоненный последними головокружительными событиями и, завертевшись в вихре светских приемов, Эльвира вспоминала о нем все реже, пока, увлеченная магией не смолкавшей вокруг музыки, поддалась настойчивым убеждениям многочисленных новых друзей и не сказала Маэстро стыдливое «Да».

Госпожа Тина горячо одобрила поступок дочери, пожелавшей посвятить себя высокому искусству и через несколько дней после пышного бракосочетания в столице уехавшей за границу совершенствоваться в вокальном искусстве у профессиональных мастеров сцены. Она не заглянула на прощанье в покидаемый навсегда маленький родной городок, и ее перестала занимать загадка решавшего остаться инкогнито мецената, открывшего ей дорогу в ослепительно сверкающее будущее...

* * *

Дописав последние отроки, Ольга отбросила очередную изглоданную ручку и с отвращением перечитала написанное. С каким невероятным трудом дался ей этот кошунственный поворот сюжета! Только что вместе со своей героиней она цинично предала прекрасного принца.

Но повести не доставало последнего, завершающего штриха. Секунду она колебалась. Может, оставить как есть? Некоторые авторские вещи хороши именно недосказанностью. Читатель вправе самостоятельно домыслить любой угодный ему конец.

Ольга повернулась к зеркалу и скорчила презрительную гримасу собственному страданию. Нет уж! Назвалась палачом — опускай топор! И она взяла чистый лист бумаги...

Но шорох, а затем стук за окном, плавно переросшие в отчаянный, не поддающийся описанию и неизвестно кому принадлежащий вопль заставил ее вскочить и прильнуть к стеклу. В скудном свете дворового фонаря в малиннике билась запутавшаяся всеми четырьмя копытами коза. Та самая, якобы зарезанная на мясо и поданная к столу соседями-уголовниками. Из-за которой будет испорчен праздничный отдых участкового Ван Ваныча...

Коза истошно орала, и Ольге пришлось идти ее вызволять. Кое-как справившись

с рогатой бестией, постояла на улице, вдыхая весеннюю свежесть распустившейся листвы и размышляя об эффектной концовке повести. Верно, финальную сцену следует усугубить... Зря раньше не додумалась!

Мысленно составляя убийственные фразы, Ольга медленно побрела к подъезду в на выходе столкнулась с бегущими сломя головы из гостей бритоголовыми молодчиками. Ее грубо толкнули, чуть не уронили. Не оглядываясь, нахалы попрыгали в «джип» и стремительно отбыли в неизвестном направлении, а на смену им, разминувшись на короткую минуту, чихая и кашляя, подъехал казенный милицейский «козел». Старуха Мироновна превзошла самое себя, взбудоражив целое отделение и привезла не одного, а сразу трех дежурных. Сначала Ольга хотела сообщить об оставшейся в живых козе, но передумала. Зачем? Пусть лучше милиция порастрашет уютно устроившуюся компанию. Заодно и Максу достанется, заречется водиться с уголовниками.

От удовольствия Ольга потирала руки, слушая витиеватые выражения потревоженных соседей. Мироновна громко орала, призывая штурмовать дверь. Алкоголики добровольно не отпирались: либо сильно упились, либо украли что-то еще. Лапшин обматерил приехавших непотребными словами, и это решило исход сражения. Милиционеры приналегли дружно. Хлипкие замки не устояли...

Ольга злорадно засмеялась и пошла наконец к себе — дописывать, вернее, домучивать злосчастную повесть. Но вечер выдался редкостно беспокойным. В комнату снова стучали и ломились. В коридоре топтались в полном составе жильцы отстойного барака. Слышался истошный женский визг. Братья-хачики, на удивление, не спешили хватать полураздетую соседку за грудки. И все мчались в конец коридора, опасливо заглядывая в распахнутый дверной проем. На полу валялись связанные и закопанные в наручники гуляки, железных браслетов не хватило, Мироновна услужливо пожертвовала бельевую веревку. Здесь же, в обществе пьяниц и уголовников, в унижительной позе лицом вниз лежал Макс.

— Достукался, урод! — в ярости проговорила Ольга и пнула мужа носком шлепанца.

— И-и, не говори! Чего натворили-то, чего натворили! — взывала старуха Мироновна.

— Во! Я ж говорил — нэ коза! Говорыл — нэ коза! — возбужденно повторял братец Вахи.

— Тоже мне, знаток! — проворчала Мироновна.

Милиционеры сосредоточенно переговаривались по рации, вызывая подкрепление. И впрямь, случилось нечто неординарное.

— Убили разве кого? — не выдержала Ольга.

— О-ох, креста на их нет! И убили, и съели, ироды! — вскричала старуха.

— Но коза-то жива, — не поняла она.

— Да кто ж говорит про козу? Собутыльника убили. И его же съели, окаянные, не побрезговали.

Мироновна ожесточенно сплюнула в угол. Вахи и Гоча, озадаченно крикая,тирали затылки. Ольга потеряла дар речи.

«ПРИНЦ И ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ».

Однажды ранним утром маленький городок потрясла ужасная весть. В парке, на берегу пруда с водопадом и лебедями, обнаружили повесившегося на березе молодого человека по имени Артур, бывшего поклонника уехавшей за границу музыкантши. При нем не нашли прощальной записки, но никто не сомневался в причинах его самоубийства. Много недель подряд молодой человек простаивал долгие вечера под зашторенными окнами навсегда исчезнувшей возлюбленной, а потом под сочувст-

венными взглядами обывателей брел куда глаза глядят, уныло опустив голову и сгорбив плечи.

И еще всплыли огромные долги, наделанные юношей перед смертью, неизвестно ради каких таинственных целей. Он не пил, не играл в карты, не увлекался женщинами. Никем, кроме одной, но у той никто не видел купленных на чужие деньги бриллиантов.

Впрочем, госпожа Тина могла бы пролить лучик света на тайну исчезновения занятых Артуром денег. Но у нее никто ничего не спросил, прекрасный принц умер, и она благоразумно промолчала.

* * *

Ольга закончила конкурсную повесть в тот же вечер, когда милиция забрала упившихся до беспамятства соседей, не заметивших, как в хмельном угаре закусывают своим же бедолагой-товарищем. Виновный в противоестественной кухарне — рецидивист Лапшин признался в намеренном глумлении над трупом, простенько объяснив ситуацию: «Бухалова было море, а жрачка кончилась», но убийство не взял на себя никто.

Целую неделю Ольга радовалась отсутствию надоевшего супруга и мечтала не видеть его как можно дольше. Так бесславно погибла, превратившись в жгучую ненависть, ее жертвенная любовь. Последней точкой, поставленной в свершившейся жизненной драме, оказался мольберт с картиной, брошенный на следующее утро с мостков в воду. Громоздкое деревянное сооружение не пошло ко дну, а медленно, с достоинством поплыло по течению, и холст причудливо изгибался на волнах, превращая написанную маслом невинную сценку в отвратительную вакханалию над выловленным из реки бревном, неприятно напоминавшую вчерашнее происшествие у соседей. Каким-то невероятным, почти мистическим чутьем спивающийся художник предсказал роковое в своей жизни событие. Ольга ничуть не сомневалась в том, что супруг застрянет на тюремных нарах надолго.

Она тщательно вымыла руки в реке и с облегченным седаэм и сознанием правильно исполненного долга вернулась домой. В голове у нее рождался план следующей повести, и она хотела обдумать новый, необычный сюжет, несколько не похожий на ее прежние слащаво-сентиментальные творения. Ольга чувствовала себя золотоискателем, напавшим на богатейшую жилу, название которой РЕАЛЬНОСТЬ, щедрая на готовые сюрпризы и открытия, и спешила начать разрабатывать перспективное направление, пока никто не помешал, не отвлек пустыми и ненужными быденными хлопотами, в просторечии именуемые жизнью.

Но в конце месяца неожиданно Максимилиан вернулся. Освободили его, что называется, подчистую. И его, и соседей-уголовников, и Леху с Витьком, безголовых семейных пьяниц. Оказывается, собутыльника никто не убивал, он сам мирно скончался от опоя. В уголовном кодексе не нашлось статьи для незадачливых преступников. Соседи ходили с наглыми рожами и ухмылялись вслед опасливо шмыгающей мимо Мироновне, забравшей козу к себе в комнату и три раза в день выводившую бедное животное, как собачку, на прогулку. Ольга старалась пореже выходить из дома, и даже братья-хачики поспешно съехали с квартиры в другой район.

А с Максом приключилось и вовсе неладное. Он даже не заметил исчезновения мольберта с картиной, поскольку от беспробудного пьянства теперь ни на один день не просыхал. Если жена не давала на бутылку, он бился в припадках и жутко выл. Не в силах слышать этих утробных, переворачивающих душу звуков, Ольга шла к Мироновне и приносила самогон.

— Пей, сволочь, упырь, горгулья кошмарная, скорее сдохнешь, — по-змеиному шипела она ставшему абсолютно беспомощным Макс, неспособному ни стакан себе налить, ни ложку ко рту поднести.

В супружескую постель пьянчугу не пускала, постелила матрац около порога, у помойного ведра. Маневр объяснялся не намеренной злокозненностью, а, скорее, насущной необходимостью. В комнате было тесно, а Макса постоянно тошнило, да и ходил он под себя. Но выпивку тянул с жены с регулярной настойчивостью, спуская на вино последние заработанные ею копейки. Самогон Мироновны служил ему и едой, и питьем, поскольку иной пищи организм не принимал.

Макс оброс, исхудал и перестал членораздельно разговаривать, а вместе с ним от тоски и безнадежности чахла Ольга. Ей ничего не хотелось делать. В бачке лежит охапка грязного белья? Ну и пусть! Окна после зимы просят мытья? На фиг! Надо готовить еду? И ее туда же! Понадобится — полуфабрикатом съест. Ольга физически чувствовала, как ею овладевает удручающая апатия к окружающему миру, отчего трудно стадо подниматься по утрам и в переполненном троллейбусе тащиться на опостылевшую службу. А вечерами, наоборот, мучила бессонница. Ольга пачками ела снотворное, пробуждаясь, взбадривала заторможенный мозг ударными дозами крепкого кофе и оживлялась лишь за письменным столом, работая над очередной, каждый раз по-иному завлекательной повестью с сюжетом, взятым прямо из грубой реальности и при этом можно даже не выходить из дома. Голому вымыслу пришел конец. Свои высокие порывы она удавила и похоронила вместе с последним героем. Зачем утруждать себя выдумкой, когда везде великое множество готовых событий. И персонажей — злых, нахальных, колоритных, — разбросанных поверху истинно золотыми самородками.

Но кончался творческий запал, иссякало вдохновение, и она опять впадала в депрессию, мучаясь слабостью и частыми головными болями — печальными последствиями неразрешенных нервных стрессов. Еще немного, чувствовала она, — и заболит, либо сойдет с ума, но изменить тягостную неизбежность не имела ни сил, ни возможностей..

Однажды в комнату заглянула любопытная старуха Мироновна, посмотрела на больного и без обиняков заявила:

— Ну, скоро отмучишься ты, Олька. Повезло, считай, не жилец он у тебя, сердешный. Мой-то старик, земля ему пухом, десять лет лежал, одних горшков меряно перетаскала.

Ольга посмотрела на мужа с несвойственным себе, непривычно циничным выражением во взоре. «Лучше один раз похоронить...» — вертелась на языке убийственная фраза, но она промолчала, боясь спугнуть замечательное озарение. И, едва выдворив назойливую старуху, опрометью бросилась к письменному столу, и озаглавила новую повесть «ЗАЛИВНОЕ ИЗ СУДАКА» — остро и двусмысленно. Но в название рыбы — нечаянно, намеренно ли, — вкралась ошибка. Вместо первой буквы «с» получилась «м». Естественно, судак исчез, и судите вами, что получилось.

Но заглавие не противоречило содержанию, и Ольга не стала исправлять погрешность. А главное, в процессе обновленного творчества она быстро отучилась портить зубами ни в чем не повинные ручки...

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ

Роман Романов

ПЕРЕД СНОМ

Как обычно, осужденный Геннадий Сидоров, лежа в постели, размышлял перед сном. Сегодня перед его внутренним взором проходили картинки прошлого. Его родители, живущие в Армавире Краснодарского края, волею судьбы жили порознь, но сохранили между собой теплые, уважительные отношения. Сам Геннадий после окончания средней школы поступил в местный машиностроительный техникум. Но закончить его не смог из-за призыва в армию — в отдельный разведывательный батальон при штабе Киевского военного округа. После увольнения в запас в должности заместителя командира взвода, окончил школу прапорщиков, что в поселке Новосельцы под Новгородом. Новоиспеченный прапорщик был направлен в Харьков, где долгое время командовал взводом связи. Но после отделения Украины от некогда великого государства Сидоров не захотел служить самостоятельному правительству и прервал контракт.

По приглашению армейского друга он устраивается на завод «Серп и молот» наладчиком импортного оборудования и поступает на вечернее отделение Харьковско-го электромеханического техникума. На заводе он знакомится с приезжей девушкой, женится на ней, и у них появляется сын Антон. Но экономическое положение Украины ухудшилось — заводы закрывались, а о квартире можно было забыть. Но тут Геннадий получает письмо из дома. Мама писала, что уже строится дом, в котором она ждала получения квартиры около двадцати лет. Пришлось ехать туда и устраиваться на работу и жить раздельно с женой.

Материальное положение стабилизировалось, но жена под влиянием своей матери поставила ультиматум — либо жить в Харькове вместе, либо разводиться. Но без местной прописки было невозможно получить даже плохонькую работу, и Сидоров занялся коммерцией. Его фирма занималась реализацией продуктов питания и одежды, бензина и леса. Все шло хорошо, пока компаньон не присвоил себе солидную сумму денег, находящихся в обороте и в наличии. Чтобы не впасть в кабалу, Геннадий пошел другим путем, хотя и понимал, что это ни к чему хорошему не приведет. Три потерпевшие фирмы не стали выставлять иск на сто восемьдесят тысяч долларов, но все равно он был осужден за мошенничество в особо крупных размерах.

Большую часть срока Геннадий отбывал в своем крае — ведь дела-то проводил он

здесь. Потом был переведен в колонию-поселение, что в Коми АССР. В течение последних шести месяцев он не получил из дома ни единой весточки и просил разрешения администрации на поездку, обещая оплатить расходы сопровождающего. Получив отказ, он решился на побег. Появившись дома, он узнал, что мать только что выписалась из больницы. Он тут же обратился в милицию, но оснований для задержания не было — не пришла ориентировка. Ведь поначалу его искали только в Коми. Конвой забрал его из дома лишь пять дней спустя после добровольного заявления лишь пять дней спустя. Срок был увеличен на три месяца со сменой режима содержания.

И вот недавно срок истек, и он подал Президенту РФ ходатайства о помиловании и ждал ответа. Гадая, какой придет ответ, он уснул.

ВОЗВРАЩЕНИЕ «ТИТАНИКА»

Мы встретились случайно на одной из городских улиц и разговорились. После нескольких лет разлуки Сергей Петров несколько изменился — он стал более худым, и в глазах появился какой-то непонятный блеск. Мы заглянули в ближайшее кафе и за чашечкой чаю он разговорился.

— По окончании химико-биологического факультета я был распределен в один из НИИ, занимающийся проблемами моря, — говорил он. — Работу освоил быстро, понял толк и в смежных специальностях. Все было хорошо, пока нас не привлекли к изучению океанических воронок и связанными с ними последствиями. Несложно было понять, что это связано с изменениями донных поверхностей морских пучин и коры самой планеты. И совпадающие с ними атмосферные изменения в виде давления, электромагнитные излучения и прочие вещи выше вполне объяснимы. Но было очень странно проявление при таких обстоятельствах всякого рода видений. Так, например, мы знали о появлении корсаров и флибустьеров в таких местах, а о Летучем Голландце и говорить нечего. Я объяснял это психологическими факторами, пока не понял, что все события связаны гораздо теснее. Тут, пожалуй, все завязано на проблеме личностного отношения к жизни, вопросах других людей и с прочими вещами. При этом мое воображение рисовало всевозможные картинки, связанные с этим. Может быть, это меня и подвело, но и помогло решить те или иные вопросы. Но все равно я аккуратно записывал все созданное моим воображением, и это было связано со многими необъяснимыми проблемами. Так, например, я вообразил себя пассажиром второго класса парохода «Титаник», идущего по Атлантике на деловой континент. О событиях, произошедших на корабле, написано достаточно — по официально принятой версии он столкнулся с айсбергом и погиб. Но это не так. Корабль попал в воронку и был перемещен в другое измерение, что вполне укладывалось в мою концепцию. Так я попал на один из материков, чью географию не могу определить. Да это и не в моих задачах — главное, что я там увидел экзотических животных. Каких?! Коштак, например. Это помесь кошки и одной из пород низкорослых лошадей. Или, вот, папонт — помесь слона с буйволом. Было и другое не менее интересное. Все это я подробно описал и сделал фотографические снимки. А потом, во время праздничной вечеринки, поделился своим открытием с одним из коллег, потом с друзьями... Но меня почему-то посчитали ненормальным, а все документальные подтверждения — фальшивкой. Более того, люди подумали, что когда я лечил свою душу — повредился не только головой, но и печенью. Так я провел несколько лет в специализированной клинике. Но все равно у меня остались планы и надежды на поиски этого материка...

...Я еще долго слушал его, а много позже узнал, что тот все-таки нашел свой материк.

ПОЛЕТ НАД ЗЕМЛЯНКОЙ

Небольшая безымянная речушка несет синевато-желтые воды куда-то далеко от города. На берегу высятся заросли пожухшей травы, кусты акации и клены, отгораживая от посторонних глаз двух разговаривающих ребят.

— Ты посмотри, какое небо! Ради этого уже стоит потянуться туда. Как? Я говорил тебе об этом — говорил один.

— Извини, Сань.— поднял глаза второй.

— За что, Сереж?

— Я должен тебе сказать, только не перебивай. О тебе я слышал как о дуралее, и поддался этому мнению. Но теперь я вижу, что это не так. Извини меня за эту ошибку! — готовый надорваться говорил Саша.— А что говорили другие — ерунда. Ты когда собираешься лететь?

— Да ладно, не обращай внимания. Я даже знаю, кто такие вещи распространяет. А полечу я завтра вечером. Если хочешь — приходи.

— Верно,— взглядевшись в его глаза, сказал Саша.— Цыган, Кит, Джонсон и другие...

— А что, действительно они на лугу в землянке живут? И как это случилось?

— Да,— подтвердил тот и начал рассказывать.— Ребятам было по 16—17 лет, и решили они сделать себе место, где можно было без постороннего вмешательства и помех оттянуться. Отдохнуть, значит. Достали лопаты, выкопали яму, накрыли ее толстенными листами железа и присыпали их землей. Притащили туда газовую плитку и все, что нужно. Стали они там даже ночевать да жить неделями.

— А питаются чем?

— Как-то раз захотелось им картошечки. Ну и пошли они на ближайший участок, да выкопали всю. Нет бы уйти, а они присыпали борозды, как они были, да плети обратно потыкали. Хозяин-то начал потом копать, думал, что урожай снимет... Видит такое дело — шум поднял, в милицию заявил. Но картошка его давно была продана на рынке, а на выручку ребята набрали себе вина и сигарет, чтоб продолжить в землянке жить. А так, им пацаны голубей бьют, за покупками бегают, да и вообще...

— Они-то ради чего все это делают?

— Сделали себе большие ребята землянку — в авторитете сразу стали да младших наладили за пацанское уважение... Сам знаешь, что свое пацанское уважение для многих — самое главное на свете! А пройдет еще поколение, спроси у него — кто такие Цыган и Джонсон?... В Джонсона-то его переделали от имени и фамилии — Женя Сокольских, а там... И забудут об авторитете ихнем. Даже не узнают на улице. Ведь им уже за тридцать сейчас...

— Ну и как они там отдыхают?

— Обычно. Водка, карты, наркотики... Бабы иногда заглядывают.

— Я хочу посмотреть, что там у них. А то только слухами живу, увидеть хочется.

— Пойдем,— пригласил Сережа, и они направились на близлежащий присвалочный луг. Вскоре они спустились по прогнившим ступенькам в подобие подземелья. Когда глаза привыкли к темноте, Александр разглядел сидящих за черным от грязи столом шестерых неухоженных бородатых старцев. В губах сильно изменившегося Джонсона тлела прошлогодняя сигаретка, с плеч почти неузнаваемого Цыгана сползала рубашечная прелость. Вид остальных был не краше.

— А-а-а, ребятята, заходите! Уму-разуму поучиться у нас пришли? — просипел один из них.— Стакан водки нальете — гостями будете, за бутылку — поговорим. А коль ящик водки принесете — лучшими корефаньями будете.

Да уж, важнее такой дружбы ничего не придумаешь, как-то, будучи еще маленьким, Саша играл с друзьями в плитки, пытаясь забросить их в так называемый котел,

недалеко беседовали ребята постарше. Подошедший к ним Джонсон вступил с последними в тихий разговор. Уважающий и преклоняющийся перед всяким авторитетом силы Леха тогда слюняво прошепелявил:

— Смотрите, ребята, Джонсон пришел! — и во все глаза начал смотреть на него. Но тут он слышал дерзкий Сашин ответ:

— Да на что он мне, в одном месте я таких видел. Вот!

— Так ты меня там видел? — потрепал его по плечу подошедший. — Ну-ну, живи пока.

Теперь Джонсон сидел и сосредоточенно тасовал ветхие карты и сплевывал на пол шелуху семечек. От одного вида и запаха Саше стало противно, и он собрался уходить.

— Извините, ребят, это я так... — сказал он, желая попрощаться.

— «В разговор вмешался еж — никуда ты не пойдешь!» — глухо просипел Кит. — Сейчас будем водку пить, в карты играть, косячки с травкой у нас стаей полетят — так их курить будем. Ну и девок портить — само собой. Все это — настоящая жизнь, которой мы живем каждый день. А кто живет иначе — враг себе и обществу. Ты будешь так жить? Да мне, впрочем, все равно, главное — я так живу каждый день. И никакое общество не может меня упрекнуть — я ж у него на виду. Сдавай, Джон, на всех. Проигравший ставит два литра водки, — глаза его опустились под стол. Саша, пятась, начал выбираться оттуда. — Куда? Куда, проклятуший, бежишь? Я тебя уже подписал играть, так иди, играй! А откажешься — выйду отсюда, найду и зашибу, поганец... — сыпал Кит проклятиями в спину уходящему.

* * *

Наступал вечер следующего дня. На горизонте виднелась красноватая с желтизной полоса заходящего солнца. Появились сероватые тучки. Под небом располагались разновехи железные и шиферные крыши. Это чудесное зрелище виделось Александром с огромного обрыва. Над ним высились деревянные, с массой перемычек крылья дельтаплана. Мирно урчал моторчик, сам аэронавт был пристегнут ремнями к конструкции и ждал попутного ветра. И он прилетел, касаясь холодом спины.

— Ребят, подтолкните! — негромко попросил он, и... ощутил захватывающую прелесть полета над миром. Этот полет видели многие, и Сергей радовался вместе с другом. Многие удивлялись новоявленному Икару. Самому же летевшему виделись игрушечными угрозы и машущие кулаки Джонсона, Кита, Цыгана и иже с ними. Они к этому моменту выбрались из землянки по каким-то своим делам и видели все.

БЕСПЛОДНЫЕ ПОИСКИ

Однажды со мной произошел прелюбопытнейший случай. Тихо и мирно копаюсь у себя дома, занимаюсь хозяйственными делами. А чтобы не скучно было, телевизор включил. То картошку почищу, то на экран посмотрю, посуду помою — еще посмотрю. А там, в телевизоре, значит, говорят:

— Мы должны найти консенсус.

Чего-чего найти? Консенсус какой-то, вроде бы так сказали. Ну я, по простоте душевной, первым делом в словарь заглянул — что же это значит? Кого хотят найти? Весь словарь от корки до корки прочитал, а значения слова так и не нашел. Какое-то слишком мудреное, наверно. И начал я искать консенсус дома. Облазил все полки, шкафы, за гардероб заглянул, половицы даже поднял — может, туда закатился? А там лишь мусора гора, да мыши стаями бегают. И ничего, даже отдаленно напоминающее этот консенсус проклятый, нет. Пошел в сарай, может, там, думаю, завалялся... Лопаты на месте лежат, вилы и грабли — там, где я их клал. Даже спрятанные дедом серп

и молот и газовый ключ, что пропал в прошлом году отыскиались. А его-то и там нет. Копался долго, а когда из сарая вышел, то увидел, что рассветает. Я посмотрел на часы, так и обомлел. Мне же, товарищи, на работу через час уходить, а я так и не спал. Что делать? Умылся, побрился, обед с собой собрал, и пошел на работу. Всю дорогу думал, где ж его, консенсуса такого, еще поискать можно? А заводские ребята, заметив мое состояние, спрашивают:

— Что грустный такой? Чего ищешь? Может, у нас есть?

— Ребят, так и так,— говорю.— Всю ночь консенсус искал и не нашел. Как быть?

— Повезло тебе, малый.— успокаивают они меня.

— В чем повезло?

— Мы только вчера консенсус в кладовой получили. Немного, правда, дали, но если хочешь — полведра уступить можем. Почему полведра — так самим до зарезу нужен.

— А где же он?

— Возле верстака сложили. Сходи, посмотри — подойдет ли?

Я пошел к верстакам. Чистый пол, деревянные решетки, цветы на подоконниках были на месте. А консенсуса-то и нет! Я бегу обратно, спрашиваю у ребят. А те мне с извинениями отвечают:

— Стырили, небось. Ты же сам знаешь, какие люди пошли — поесть не дай, только бы взять что плохо лежит.

Позвал я было нашу дворовую собаку Жучку. Попробовал с ней искать. А она, родненькая, и след не берет. Я уж ей и костей давал, и колбасы кусок, а она не может найти, чего мы не клали. Расстроился я тогда очень сильно. Людям консенсус нужен, а у нас ни у кого нет... Хоть расшибись, а нет.

Но этим не кончились мои мучения. В следующий вечер я услышал по телевизору, что собирались искать какой-то менталитет. Ребят, мне многого не надо, но хоть спичечную коробочку менталитета бы достать. Даже не для пользования, а хоть посмотреть, как выглядит. Не уступите?

НАТАША

Я давно заметил возницу, приезжающего по каким-то своим делам к соседям. Вернее даже не возницу сначала, а лошадь рыжей масти, запряженную в его телегу. Она стояла тихо, подергивая ушами, и, помахивая хвостом, отгоняла оводов. Иногда она перебирала ногами и оглядывалась вокруг темными глазами, будто хотела, но стеснялась поторопить хозяина. Я знал, что среди ребят есть болевая шутка, называемая «лошадиным укусом», от которого оставались синяки. Ко всему, она перебирала ногами так, что мне виделось в этом желание лягнуть любого подошедшего. Вот и боялся подойти к лошади. Но однажды, пересилив страх, я взял дома горбушку хлеба и предложил его лошади. Она мирно вздохнула, обнюхала подношение и принялась жевать его с затруднениями — мешали задвинутые между зубов удила. Но мягкое прикосновение ее губ к моим рукам и благодарный взгляд сделали свое дело. Я начал выносить ей хлеб чаще и однажды спросил возницу:

— Дядь, а как ее зовут?

— Наташей,— отозвался он с напускной безразличностью.

— А почему Наташей? — удивился я.— Ведь это людское имя...

— В том году появилось на свет несколько кобылиц. Эта оказалась самой умной, доброй и с хорошей статью. Вот и назвали ее Наташей. Только имя это плохое, несчастное то есть.

— Почему?

— Не везет животным с таким именем,— задумчиво сказал возница, затянувшись

душистой самокруткой.— Сколько ни встречаюсь с такими именами у лошадей — все случается что-то не так.

— А покататься на ней можно? — робко спросил я.

— Сейчас нам работать надо. А вечером приходи к старому руслу реки. Знаешь там конюшню? Вот там мы тебя вечером и ждать будем.

— А Наташа меня не сбросит?

— Нет. Не бойся ничего. Она лошадь спокойная...

Вечером я был на конюшне. Возница, дядя Ваня, уже вычистил лошадь, дай ей отдохнуть и поест, и уже запряг под седло. Он помог мне взобраться, подогнал по размеру стремена, и... я тронулся в путь. Наташа шагала медленно, она сразу почувствовала на себе неопытного седока, вот и не гнала, слушалась уздечки. А я, городской человек, ни разу не выдавший лошади так близко, наслаждался поездкой по лугу и гуляющим ветерком. Лишь тихий топот копыт доносился до моих ушей. Какую-то чистую радость, исходящую от Наташи, я уловил сразу. И она не подвела меня.. Вернувшись, я помог дяде Ване расседлать лошадь и принес ей несколько горстей овса. Вновь и вновь она с приятной нежностью прикасалась губами к моим ладоням, лишь иногда негромко пофыркивая. Потом она напоена из ведра и была отведена в стойло. А я поговорил еще немного с дядей Ваней, и продолжил такие прогулки. Постепенно они вошли в привычку, мне казалось, что я вполне освоился с лошадью. Так прошло несколько месяцев, а когда началось похолодание, договорился о прогулках на следующий год.

И вот однажды, придя к пропахшему тиной старому руслу реки, я удивился необычайной пустоте конюшни. Стойла оказались заброшенными, вся сбруя вывезенной. Кое где в стенах просвечивались дыры, в оставшейся под крышей соломе подавали голос птицы. Я не спеша осматривался.

— Ну что, пришел? — оторвал меня от моего занятия голос дяди Вани.— Вывезли недавно всех лошадей в другое место. Ничего не сделаешь, таково указание начальства.

— А как там Наташа? — поинтересовался я.

— Нормально. Друг у нее появился. Жеребец, значит, по кличке Друг. Скоро жеребчика принесет нам, приходи смотреть,— с доброй улыбкой пригласил меня он.— Новые совхозные конюшни знаешь? Вот туда и приходи.

Еще немного поговорив, я ушел домой и начал терпеливо ждать назначенного дня. Когда же он подошел, я был у конюшен. Сегодня возница был молчалив, задумчив и печален. На мои расспросы он отвечал неохотно.

— Беда у нас случилась,— наконец сказал он, пыхтя самокруткой.— Большая беда.

— Что случилось? — не удержался я.

— У Наташи жеребчик пал. Клеверу переел, а мы не досмотрели. И отошел то я сам пообедать, вместо себя другого конюха оставил. А он набузоваться успел... Вот тебе и имя для лошади! Говорил же, что плохое, мне не верили, вот и случилось... Того гляди и сама с копыт упадет...

— Как это пал? — не понял я

— Если, хочешь — сходи, посмотри. Вон, за конюшней...— предложил дядя Ваня.

И я пошел туда. Действительно, на пустыре за конюшней стояла поникшая Наташа. С молчаливой грустью смотрела она вниз. А там, на травке лежал бездыханный жеребенок. Подойдя ближе, я молча смотрел то на одного, то на другого. Наташа печально вздыхала, она будто поседела за последнее время. Мои глаза застилала непонятная дымка, к горлу подкатывал комок.

— Не переживай хоть ты-то. Того гляди и меня до слез оба доведете,— с тихой печалью сказал дядя Ваня, кладя мне руку на плечо.— Ну, что теперь сделаешь...

Действительно, а что сделаешь? Так мы простояли до самой темноты, и я понуро пошел домой.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ У СОСЕДКИ

(Из записок живодеpa)

Во времена веселой разгульной молодости я сожительствовал со своей соседкой. Потребности заставляли меня встречаться с Ларисой Зубаревой, фигуристой покладистой дамой, каждый день. Но создать крепкую полноценную семью у нас не было возможности. А после того памятного дня вообще все расстроилось. Дело происходило так.

В оговоренное заранее время я постучался в Ларисино окно, и она открыла мне дверь. Мы прошли небольшой терраской, а оттуда темный коридор провел нас в небольшую кухню. Здесь ждал нас накрытый стол. Чай и печенье — что еще нужно в таких случаях?! Ну а потом — дело известное. И только мы собрались заняться известным делом, пришла с работы ее мать. Обидно, конечно, а что сделаешь?! Тогда мы решили под благовидным предлогом уйти в другое место. Собрались, переоделись, и только подошли к выходу, а тут ко мне обратилась Ларисина матушка.

— Слушай, Федь, мне надо помочь,— попросила она с молящим взглядом.

Соседское все же дело, да и они давно жили вдвоем — без отца и мужа. И, несмотря на это, вели по мере сил свое хозяйство. Хочешь не хочешь, а мне пришлось спросить:

— В чем помочь-то, тетя Лида?

— Тут вот такое дело...— замаялась было она.— Поросяточка зарезать надо.

— Ну что ж,— невозмутимо сказал я и сразу спросил: — А нож-то у вас есть?

Тетя Лида принесла нож с тонким длинным лезвием. Повертев его в руках, я попробовал острие и сказал:

— Это же не сталь, а очень мягкое железо. Им даже шкуру не перережешь. Другого ножа нет?

В ответ на мой вопрос тетя Лида принесла обычный столовый ножик. И тут я отчетливо понял, что в этом доме других ножей нет. Вдохнув, я предложил соседке:

— Принесите провода метров десять.

Принесенный провод я очистил от изоляции с двух концов. С одной стороны я приделал обычную вилку и, понемногу откидывая провод, принес сделанный конец к розетке. Выйдя с терраски, я предложил:

— Ну что ж, тетя Лида, выгоняй своего поросенка.

Вскоре хрюшка оказалась рядом с проводом. Я начал привязывать заголенные концы к задним ее лапам и сказал:

— Соседка, чешите ему подбородок. Ну, чтоб не убежал отсюда.

Сам же я тем временем пошел на терраску. Там я воткнул вилку в розетку, после чего вышел на улицу. И что ж я там увидел?!.. Поросянок спокойно гулял по двору, а тетя Лида сидела у фундамента и пыталась прийти в себя после удара током.

После того случая я и Лариса не встречались. Наши отношения сошли на нет. И сам факт убоя поросенка я запомнил надолго.

ОЧИСТИЛ...

Мы оказались вместе случайно у буфетной стойки на автовокзале. Петров собирался ехать в Калугу, Серегин — в Белгород, а я ожидал автобус на Москву. За бутербродами мы познакомились и разговорились.

— В последнее время сейсмологи отмечают обилие природных катаклизмов, Землетрясения, тайфуны и цунами участились во многих странах,— сразу завладел разговором Петров.— Бывали случаи крушения поездов и авиакатастрофы из-за резко изменившихся метеоусловий. Но ученые не заметили одной детали — все бедствия происходят в промышленно-развитых странах. А там, где экономика ориентиро-

вана на сельское хозяйство, серьезных бедствий не происходило. Почему? В атмосфере промышленно-развитых стран скопилось много углекислого газа — да-да, именно из-за этого и происходят такие беды. Ведь человеку для обеспечения потребностей организма достаточно посадить два-три дерева. Так вот, скопление углекислоты вызвало первые симптомы парникового периода. И заметьте — ни «Гринпис», ни партии «зеленых», имеющих представителей в правительствах, ничего не добились в вопросах улучшения экологии. Да и самые новейшие разработки почти не доходят до предприятий. А я придумал, как решить этот вопрос. Для промышленных выбросов в атмосферу я придумал своеобразную вытяжку. Рассчитав и собрав ее, я могу вывести это в безлюдное место, обработать их плазменным разрядом, и атмосфера очистится. У меня готово все, осталось лишь привести установку в действие...

...Тут по вокзальному радио объявили о посадке на наши автобусы, мы попрощались и тронулись в путь. «Каких только не бывает разговоров в дороге!» — подумал я тогда. Но несколько месяцев спустя прочитал в газетах об удивительных событиях, произошедших в Тихом океане. Над совершенно безлюдным пространством неожиданно скопились поразительно черные тучи. Над ними звучал гром, сверкали молнии, начался проливной дождь, поднимались волны. Стихия бушевала несколько дней, а потом все быстро утихло. В этом месте выросло из океана несколько черных столбов из скальной породы. Надо полагать, что произошедшее очищение атмосферы оставило о себе такую память. Тогда я было подумал и о Петрове, с которым познакомился на автовокзале.

Что ж...

У КОЛЛЕКЦИОНЕРА

Опершись шестью шупальцами о стол, Магистр внимательно смотрел на экран монитора. Изображение было четким, и он видел худощавого человека в дырявом трико и застиранной сорочке. Поочередно снимая с полочек миниатюрные модели автомобилей, он протирал их ваткой, смоченной горячей водой, и ставил на место. Для этой процедуры приходилось открывать дверцы, капот и багажник, что, несомненно, доставляло удовольствие их владельцу. Как говорили о нем остряки того времени: «У Эдика много машин, и весь свой досуг он выгоняет их из гаража, моет и загоняет обратно». И тут в одной из моделей появилась эффектная длинноногая блондинка, покинула салон и быстро приобрела соответствующий обстоятельствам рост.

— Ой... А Вы откуда? — немного помявшись, спросил Эдик.

— Как откуда?! Из машины! — звонким голосом ответила она. — Меня зовут Рита. А Вас?

— Эдик, — промямлил он. — А что Вы тут делаете?

— Поймите меня правильно, — извинившись, сказала она — Я живу не в вашем времени, а в будущем. Ну, скажем, в 5018 году, имею техническое образование и работаю в историческом институте консультантом по развитию техники. У меня возникло несколько недоразумений по автомобильному производству — музею предлагают раритетный автомобиль из вашего времени, и его необходимо оценить. Компьютерные данные весьма сбивчивы. Запрашиваю их о блоке цилиндров, а они сообщают о поэте Александре Блоке, вместо данных по воздушному и масляному фильтрам получаю сигнал о сигаретных фильтрах. Запросила информацию о заднем мосте, а получаю — о разводящихся мостах, тех, что в Петербурге...

Конечно, наши техники скоро исправят неполадки, но информация мне нужна сейчас. Не подскажете ли мне их по автомобилю «Феррари»?

Немного помедлив по привычке, Эдик перечислил все необходимое, а Рита, записав все в блокнотик, произнесла:

— А Вы — умный собеседник, и, наверное, очень одиноки. Не желаете ли переместиться к нам?! Будете обеспечены всем, а работы там на десять-пятнадцать минут в день. Остальное время будете продолжать свои ученые занятия... Да и я замуж за Вас согласна пойти...

— Нет. Мне и здесь неплохо, — твердо ответил он.

— Неужели и меня в жены не возьмете?

— Нет! — еще тверже ответил он, отступая на несколько шагов.

— Почему?! Не нравлюсь?

Но Эдик не ответил. Ведь и так многие знали, что он уже был неудачно женат. Едва закончилась веселая свадьба, как он всю ночь напролет показывал своей избраннице огромную коллекцию моделей. Другой раз, стоило ей позвать своего благоверного, как он отозвался из ванной:

— Обожди, я интересную книжку читаю. Только что главу начал, как закончу — приду.

Вот и сейчас он пятился от Риты, как от чего-то ужасного. А та надвигалась. В конце концов, Эдуард не выдержал и стал убегать от нее. Сначала молодые люди гонялись по квартире, но парень не выдержал и вырвался на улицу... Наблюдая это, Магистр подумал: «Да, эту особь просто так не возьмешь. Придется подобрать кого-нибудь другого, более покладистого, подходящего для наших психологических исследований». И дал команду Рите перемещаться в свое пространство.

А что же Эдик? Домой он вернулся лишь несколько часов спустя и всю ночь медленно наводил порядок в своей квартире.

В ДОМИКЕ НА СВАЛКЕ

В сколоченном из горбыля домике, расположенном неподалеку от городской свалки, у буржуйки сидело двое. Один из них, одетый в старое потертое пальто, худощавый бородач больше слушал. Рассказывал высокий толстяк в синей грязноватой куртке.

— Еще в школе я увлекался математикой и физикой — сначала механикой. Даже опыты ставил, чтобы вывести для себя что-то экспериментально. А когда дело дошло до электричества, мне уже стало больше ничего не нужно. Едва придя из школы, садился за изучение и пайку схем. Так я научился собирать приемники, телевизоры и даже простенькие компьютеры. Кое-какие детали находил на свалках, что-то выписывал наложенным платежом через «Посылтрон». Со сборками, бывало, засиживался до утра, после школьных занятий случалось засыпать в трамвае. Тем не менее, школу я закончил и поступил в политехнический институт, на факультет систем автоматического управления. Специальность оказалась знакомой, и учеба давалась мне легко. Тем более, я успевал обдумывать связь пространства, времени, скорости и воображения. Ко всему оказалось, что многие происходящие события периодически повторяются. Вероятно, есть и другие измерения, кроме описанных у Пристли, но до них я так и не додумался. Но и этого достаточно для разработки своего метода. Его-то и развивал после института практически каждый день так, что времени на заводские расчеты не оставалось. Даже сырых набросков для тех или иных узлов не мог представить. Тогда не было принято увольнять молодых специалистов даже за такие прегрешения. Вот меня и перевели младшим мастером на участок станков с числовым программным управлением. И тут все было принесено в жертву моим расчетам. «Пусть участок без плана, да и рабочие косятся из-за низкой зарплаты, но я добьюсь своего!», — думал я тогда. К окончанию времени, когда начальство перестает считать людей молодыми специалистами, меня признали неспособным работником и направили в распоряжение отдела кадров. Меня ни тогда, ни сейчас не интересует, что говорят во-

круг меня, да и тогда я устроился на другое предприятие. На нем я проработал недолго, но это позволило накопить денег на покупку нужных деталей. Вскоре после увольнения я собрал прибор, приносящий счастье людям, защищающий их от всевозможных бед и дарящий всеобщее благоденствие. Благодаря ему на наше время проецировалось все самое лучшее, что могло добиться человечество. Кроме нравственных идеалов, были продуманы и мелочи. Надо отремонтировать крышу соседу? Пожалуйста. Дочке другого необходимы операция, диета и лекарства? Без проблем. Я даже пытался реанимировать свою умирающую мать, и тут... увидел яркое, неизвестно откуда идущее, сияние. А когда очнулся — узнал, что мою маму похоронили в складчину соседи, дом наш сгорел, прибор и его описание уничтожен огнем, а сам я нахожусь в психиатрической больнице. Когда лечение было закончено, я понял, что мне некуда больше идти. Так я оказался здесь. Но это все ничего, что нужно для работы я не забыл, а детали отыщутся и здесь. Самое главное, что я — самый счастливый человек на свете, и мне не нужно ничего другого...

...Заканчивая рассказ, толстяк мечтательно взглянул в покрытый темнотой угол, где лежали подобранные на свалке схемы.

КОШКА И ЕЕ КОТЯТА

Небольшая полосатая кошка некоторое время томила в старом пыльном картофельном мешке и была оставлена в нем под деревом. Было холодно, она ощутила боком холодное прикосновение снега. Потом она услышала скрип под валенками, шаги удалялись. Она тут же поднялась и решила найти выход из мешка. Со всех сторон ее жгло прикосновение грубой холстины, пыль забивалась в глаза, но она упорно искала то, что хотела. Движения немного согрели ее, наконец, она ступила лапами на снег. Осмотревшись, кошка увидела вокруг лишь высокие сосны, уводящие взгляд в бледно-синее вечернее небо. Людского жилья здесь было мало. В округности двадцати километров находились пристанционный поселок, деревенька на пятнадцать дворов, офицерский городок и воинская часть. Из станционного поселка ее только что вынесли, и она не считала нужным туда возвращаться. В офицерском городке, по рассказам редко встречаемой родни и знакомых кошек, было много собак. С ними не стоило лишний раз вступать в конфликт. А до деревни и к утру не успеть, как ни старайся. Она решила попытать счастья в казармах. Приняв это решение, она тронулась в путь. Дорога была долгой и проходила между однообразных деревьев, огромных сосновых просмоленных и бетонных столбов и колючей проволоки. Чем ближе подходила она к части, тем явственней становился гул моторов, запах кирзовых сапог и сгоревшего угля. Сгущающиеся сумерки не позволили добраться до ближайшей казармы — вот и решила она свернуть на ночевку в котельную. Внимательно обнюхав громадные ворота, она вошла в пыльное помещение и начала скромно прогуливаться у печей. Пока кошка осматривалась, из подсобки вышел солдат в грязной форме и, открыв топку, начал забрасывать языки пламени мелким углем. Сделав свое дело, он ушел обратно. Гостя была замечена им при втором выходе.

— Ого, киска пришла! — негромко воскликнул он и протянул было к ней руку.

Внимательно глядя на солдата, буквально отпрыгнула в сторону. Она боялась того, что схватят ее шерстку за головой, и тогда, приподнятая над землей, она ничего не сможет поделать. Но солдат не отставал. На этот раз он не протягивал к ней руки, а просто пригласил идти с ним, даже дверь подсобки приоткрыл. Озирающаяся по сторонам кошка осторожно прошла за ним. Осмотрела и обнюхала она все углы и здесь. Тем временем, военнослужащий покопался в тумбочке, и достал оттуда консервную банку. Открыв ее проржавевшим штыком, он отрезал порядочный кусок тушенки, положил ее на тарелку и поставил ее перед гостьей. Та приняла угощение с аппети-

том. Доброта же истопников, а их оказалось здесь две смены, была безмерна. Они кормили кошку деликатесами и позволяли гулять где угодно и прозвали Муркой. Она вскоре решила остаться здесь жить и даже обзавестись потомством. Быстро полетели дни, все привыкли к ней, и она не обращала на многое внимания. Правда, в последнее время она стала более разборчивой в еде, и позволяла себе отказываться от паштета и некоторых других продуктов. Но она уже могла показать всем, где прячет потомство, и свободно выводила его на прогулку.

Но однажды случилось так, что на недели на три исчез один из известных прежде истопников. Не то, чтобы совсем пропал — он заходил сюда в каком-то странном одеянии, и от него пахло больницей. На его место временно заступил другой. С каждым днем глаза последнего становились ненасытнее ко сну, подобное состояние было и у желудка. Взамен же он получал окрики и работу за всех в угольной гари и пыли. С каждым днем усиливалось его ожесточение при заброске угля в топку, вывозе тачкой шлака, да и подготовке дров к очередной топке доски трещали все сильнее. Кошка стала было привыкать и нему, пока он не обнаружил того, что всеобщая воспитанница иногда позволяет себе отказываться от еды. Однажды он подозвал ее к себе:

— Мурка, иди сюда, ко мне, — и протянул к ней руку.

Та не спешила, будто предчувствуя то, что произойдет. Тогда он подошел к ней сам и быстрым движением схватил за загривок. Усадив Мурку поудобнее, он погладил ее и достал из кармана плоскогубцы. Внимательно следившая за манипуляциями кошка напряглась и готова была вырваться. А тот быстрым движением больно прижал ее хвост инструментом. Мурка попыталась с визгом вырваться, но хватка мучителя была сильнее. Порывы бежать лишь усиливали боль. Мурка все же продолжала кричать и пыталась освободиться. Так продолжалось несколько долгих томительных минут. Но он не успокоился и повторял свою операцию в течение нескольких ночей. Видя же осторожную боязливость Мурки, он решил изменить тактику. Как сделать больнее, малый сообразил сразу. Одев как-то пыльный ватник, он быстро подобрал котят, положил эти красивые пищащие комочки в карман и пошел к лесу. Там, у старой водонапорной башни долгие годы валялась опрокинутая бочка с остатками машинного масла и дождевой водой. На ходу он курил и, оглядываясь, видел с трудом поспевающую за ним Мурку. Та останавливалась и приседала во время остановок, или быстро бежала на доносившееся попискивание. Более ничего она не могла сделать! И была вынуждена слушать предсмертные звуки, издаваемые тонущими котятами! А человек стоял с сигаретой в зубах и довольно улыбался. Так продолжалось до тех пор, пока котята не замолкли в воде. После человек направился было к кошке, но она убежала далеко в сторону. Он пытался гоняться за ней, но она бегала по оврагам и кочкам быстрее и проворнее. Тогда она спаслась и не раз подходила к той бочке, желая хотя бы услышать радостный разговор своих ребят. А при и малейшем затруднении она всегда готова была прийти на помощь. Но вместо этого ее посещали беспощадно тягостные мысли. Так и не смогла она выучить своих детей ловить мышей, умываться лапкой, выгибать спинку и шипеть при появлении собак. И не смогла отдать им все тепло и ласку, на которую была способна. И тогда она плакала и переживала за что-то еще. А через месяц нашли удушенной и ее. Причин гибели не доискивались.

Виктор Бек

СКАЗКИ БЕКА

СКАЗКА ПРО КОТА

Жили-были старик со старухой. И был у них кот, которого они научили говорить. Они часто разговаривали обо всем. Кот был умным, но никак не мог понять, для чего существует человек.

Он утверждал, что человек нужен для того, чтобы котам было, где жить и чем питаться. Как ни старались старик со старухой, не смогли переубедить кота.

Шло время. Кот повзрослел и стал требовать к себе уважительного отношения, считая старика и старуху своими слугами.

Терпели-терпели старик со старухой. И вот однажды старик посадил кота в корзину, отвез в лес и оставил его там.

Сперва кот возмущался. Потом, осознав свое положение, пытался найти дорогу домой, но не смог.

Наконец он нашел какую-то деревню и пристроился к хозяевам. Но больше никогда не показывал, что умеет говорить.

СКАЗКА ИЗ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ

Когда-то, давным-давно, люди не умели летать. Они ходили по земле, смотрели на птиц и мечтали. Наконец они придумали самолет. Они влезали в него и летали вместе с самолетом, используя для этого жидкое дорогостоящее топливо. Наконец они придумали ракеты и стали летать в космос. Но это было очень дорого. Космонавтов считали героями и о них знали все люди.

Тогда на земле жизнь была плохая. Люди жили в тесноте, им не хватало пищи, они постоянно ругались и даже убивали друг друга.

И вот на земле один человек научился летать без всего. Он понял, как можно растворяться в пространстве и переносить себя далеко-далеко, даже на другие планеты. Он долго тренировался и, наконец, переместил себя очень далеко.

Когда он окончательно освоил технику перемещения, то показал своим друзьям. Они удивились, но не захотели менять свою жизнь и продолжали заниматься своими делами.

Тогда он показал все это ученым. Они подумали и решили, что это явление неиз-

вестно науке и, следовательно, не является научным. А их интересовали только научные проблемы.

Он долго думал и придумал: переместил себя прямо в кабинет президента страны. Но он даже не успел рта раскрыть, чтобы рассказать о важности своего открытия, как в кабинет ворвались охранники. Пришлось срочно растворяться в пространстве.

Наконец он придумал: продемонстрировал перемещение телевизионным корреспондентам. Его стали показывать по телевидению. Он ликовал. Однако шли дни, месяцы. О нем забыли. И опять ничего и никому не надо было от него.

Однажды на одной из далеких планет он нашел драгоценные камни. Он прихватил с собой, сколько мог на Землю. Камни продал и построил самый лучший на планете дворец. Он думал, что это привлечет к нему интерес. И он не ошибся. К нему постоянно стали наведываться бандиты и другие страждущие службы. Ему надоело прятаться, и он предоставил эти помещения для приватизации.

Он даже чудил. Мог поставить машину на крышу многоэтажного дома. Растворился вместе со статуями. И его стали считать фокусником.

Наконец он понял, что нужно просто жить, воспитывать детей и научить их всем своим премудростям. Дети выросли и поступали так же. Так зародилось новое поколение людей.

Они расселялись на разных планетах и не знали, что такое теснота, вражда и нищета.

БАБА-ЯГА НЕ ПРОТИВ

— Баба-Яга, ты чего здесь делаешь?

— Я-то?! Живу, сынок, живу! Это я раньше в лесу жила. А теперь живу в городе.

— Ну и как тебе здесь живется?

— Хорошо, сынок, хорошо! Никто не пристаёт! Здесь до стариков и старух дела нет никому.

— А летаешь ли ты на своем помеле?

— Летаю, сынок, летаю: только не на помеле, это сейчас не модно.

— А как?

— Просто, сынок, просто. Растворяюсь я, становлюсь невидимой.

— Значит, ты много видишь и много знаешь!?

— Да, сынок, многое знаю. Приходится бывать и на заседаниях Правительства и на разборках.

— Ну и как, улучшится наша жизнь? Нам говорят, что скоро мы будем жить как люди.

— Нет, сынок: это они про себя говорят.

— А как же мы?

— А так: у них прибудет, а у Вас убудет. Да Вам сынок про это еще в школе рассказывали.

— А давай, Баба-Яга, мы тебя в губернаторы выберем.

— Это можно: я бы тогда Кощея своим заместителем бы сделала. Только не берет меня народ!

— Почему?

— Потому, что в детстве много сказок слушали.

НУ И ЖИЗНЬ!

Несправедливая жизнь пошла!

Одни на поводке гуляют, в теплых домах живут, жрут два раза в день. Их даже причесывают: я сам видел!

А тут... по помойкам шастать приходится! Всегда голодным бегаю. А если что найду, то жрать опасно: самому можно на помойке оказаться. Особенно тяжело бывает зимой, когда сильные морозы наступают. Многие из нас не выдерживают:дохнут.

Надо эту жизнь менять!

Присмотрел как-то раз, я одну старушку и пошел за ней. Она пожилая — знает куда идти.

Пришли мы в какое-то место. Народу там жутко много. Запах... всю жизнь бы нюхал. Еды столько, что трудно себе представить: на всех хватит.

Народ приходит и в сумки все кладет: домой несет. Добыть жратвы себе совсем просто: сядешь, жалко посмотришь прямо в глаза, тебе сразу кусок кидают. Жизнь, конечно, здесь прекрасная.

Не успел я только понять, что к чему, и нажраться, как вдруг откуда-то стая собак появилась: набросилась на меня. Кусали, рвали — насилу лапы унес: чужих не пускают в этот рай.

Пришлось опять к своей вонючей помойке возвращаться.

Несправедливая жизнь пошла.

КАКИЕ ЖЕ СТРАННЫЕ ЭТИ ЛЮДИ!

Вот стою я около стены уже много лет и думаю: какие же люди странные! Если задумают что-либо сделать, то обязательно стараются разрушить то, что было сделано ранее.

Вот и мне досталось от молодой хозяйки, когда та решила дом перестроить. А вместе с этим и меня выбросить.

Я от возмущения даже дверью хлопнул. А она все твердит: не нужен нам старый шкаф, он не модный!

Хочет поставить на мое место современную импортную мебель.

Да я с этими фанерными ящиками даже рядом стоять не хочу! Я же из дуба сделан!

А она не понимает! Отдала меня какому-то мужичку, а тот продал меня за большие деньги.

Меня тщательно упаковали и долго везли.

Теперь я стою в роскошной комнате. За мной ухаживают и регулярно пыль вытирают. К нам приходят какие-то люди: тщательно меня рассматривают и восхищаются.

Вот только я еще не очень их язык понимаю.

Все-таки, какие же странные эти люди!

КОМУ-ТО ЭТО НАДО?!

— Баба-Яга! А зачем ты на земле живешь среди людей?

— А затем, сынок, чтобы наблюдать за вами!

— А почему за нами наблюдать надо?
— А потому, сынок, чтобы знать, когда мудрое слово молвить.
— А кому твоя мудрость нужна?
— А всем тем, сынок, кто хочет
увидеть, когда смотрит;
услышать, когда слушает;
и сделать, когда подумает.

ХОТТАБЫЧ

— Привет, Хоттабыч! Как живешь, старик, чем занимаешься?
— Нормально живу! Я, когда освободился, сразу понял, что чем больше народ будет верить в халяву, тем дольше я буду на воле! Вот я и стараюсь!
— Ну и как твои успехи?
— А что, разве не видно? В халяву верят все: и дети, и взрослые! Про это даже сказки рассказывают!
— А как ты это делаешь?
— Ты что, забыл? Да я ж колдун! Здесь раздолье! Установка проста:
чтобы люди смотрели, но не видели;
слушали, но не слышали;
и делали, не задумываясь о последствиях.

РАБЫ ЖИЗНИ

— Баба-Яга, а почему люди пьют?
— Пьют, сынок, больше там, где жизнь хуже. А жизнь хуже там, где больше пьют.
— А почему люди воруют?
— Воруют, сынок, больше там, где жизнь хуже. А жизнь хуже там, где больше воруют.
— А почему у многих из нас рабский характер?
— Рабов, сынок, больше там, где жизнь хуже. А жизнь хуже там, где больше рабов.
— А что же надо делать?
— Надо, сынок, своих детей воспитывать!
— Баба-Яга, но ведь среди нас есть те, кто неплохо живет!
— Там, сынок, где очень плохо, есть — где очень хорошо.
— А почему?
— А потому, сынок, что Вы их помиловали и взяли страдания на себя!
— Это кого же мы помиловали?
— Да тех, сынок, кто за Вас думает, решает и живет.

КАК В ЖИЗНИ

Ты где живешь?
— Здесь, рядом с библиотекой.

— И часто ты в ней бываешь?
— Да почти все время там провожу. Читаю много.
— И что ты там вычитала?
— А вычитала я у Эзопа одну очень мудрую, но нереализованную идею.
— Какую?
— А такую: надо повесить колокольчик на шею кошке, когда та будет спать.
А когда кошка будет на нас охотиться, то колокольчик будет звонить, а мы будем прятаться.
— Ну и что того?
— Так вот я решила обязательно это сделать!

Р. С.
— Слушайте, никто не видел ту, которая нам умную идею рассказывала?
— Да ее кошка съела, когда та пыталась к ней с колокольчиком подобраться.

СОВЕЩАНИЕ

— Что там народ делает?
— Все дрожат: кто после перепоя, кто от страха, кто от ярости, кто от холода, кто от цен в магазине.
— Это не хорошо!
— Какие предложения будут?
— А давайте одновременно увеличим налоги, продлим пенсионный возраст и сократим бюджетное финансирование.
— А зачем?
— А для того, чтобы по очереди все вернуть обратно. Уверяю, что все будут довольны!
— У меня другое предложение: более простое. Давайте всех будем лечить успокаивающими средствами!
— Знаем медиков: нельзя им доверять! Давайте всех будем учить уму-разуму!
— Нет, это тоже не годится: слишком долго и дорого.
— А может, нам взять побольше кредит и всем разбежаться?

НА НЕБЕСАХ

— Давно ты здесь?
— Да нет, недавно. А ты?
— Я тоже недавно.
— Ну и как тебе здесь нравится?
— Плохо здесь, скучно: ни баб, ни ресторанов, ни машин, ничего нет. И самое интересное — здесь все это и не нужно. Даже наезжать не на кого и незачем!
— Ну а тебе здесь как?
— И мне здесь не нравится: руководить здесь не нужно, приказывать некому, должностей не существует и самое главное, подчиненных не бывает!
— А давай слетает на Землю, посмотрим, как там без нас обходятся и что там изменилось.
— Да не получится у нас ничего! Я уже пробовал! Тяжелые мы пока с тобой, далеко не улетим.
— А давай мы вон у того спросим. Он вроде из наших, раз далеко летать не может.

- Подскажите нам, уважаемый, когда мы станем легче и сможем далеко летать?
- А тогда, когда забудете, кем Вы были на Земле!
- А сами Вы кем были?
- Я то, фараоном египетским.

ВОДОПРОВОДЧИКОВ НАДО ЗНАТЬ!

- Чижик, ты где был?
- Водку пил.
- Опять пьянствуешь!
- Да нет, я дела делаю. А без этого они не делаются.
- Да какие дела у тебя могут быть?!
- Как какие, я организовывал отдых самого Петровича!
- А кто он такой?
- Темнота, даже не знаешь, кто такой Петрович! Да он у нас в ЖЭКе водопроводчиком работает.

ХОЗЯИН

Мой старый хозяин неплохим стариком был: кормил, гулять водил, причесывал. Жить можно было.

А когда он постарел, многое изменилось: стал все забывать. Забывал не только меня кормить и выгуливать, но даже имя мое порой вспомнить не мог.

Голос у него стал похож на какой-то скрежет. Обещал — и не выполнял.

Дошло до того, что я сам стал его выгуливать, а корм добывал на кухне.

Он сам отдал меня новому хозяину. Красивую и жалобную речь на прощание произнес: велел ухаживать за мной.

Новый хозяин — молодой. Умный — как змея. А змею все боятся — и я тоже.

Этот сразу сказал мне: как будешь слушаться, так и кормить буду.

Вот я и стараюсь: все команды научился исполнять. Могу отдельно правую и левую лапу подать. Бужу по утрам. Тапки подаю. Квартиру охраняю. Научился даже по команде лапу задирать, когда меня выгуливают.

Говорит всем, что я умный. Обещания выполняет: еды больше дает.

Только одно плохо — мяса в нем мало.

КОЩЕЙ

- Баба-Яга! А чем Кощей сейчас занимается?
- Кощей-то?! Книжки читает, сынок, книжки. Решил все книги прочесть!
- А зачем?
- Решил понять, чего человек хочет от жизни.
- Ну и как, понял?
- Нет, сынок, не понял!
- А почему?
- Да потому, что этого понять нельзя!

ПЕТРОВИЧ

- Баба-Яга, а ты злая?
- Нет, сынок, я не злая. Это люди злые. А я, по сравнению с ними, добрая!

— А почему люди такие злые?
— Да потому, сынок, что они голодные.
— А что надо делать, чтобы люди не были бы голодными?
— Нужно, сынок, учиться думать! А ты, Почемучка, кто такой?
— А я Петрович: слыхала про такого.
— Слыхала, слыхала! Вот ты и попался, голубчик!

РЕКЛАМНАЯ ПАУЗА

Допустим, что этот шампунь от Шварцкоп, а Бочкарев — правильное пиво.

Ну и что?

Да ничего!

Не интересует меня королевский выбор, несмотря на то, что я этого достоин! И не только за высокое качество Зануси. Но, Гастал мне не потребуется, независимо от того, что убивает наповал и защищает надолго в расширенном ассортименте.

Что, скажите: реклама нужна! Да никто не возражает. Русский человек давно приспособился.

Вы думаете, для чего он включает телевизор?

Для того чтобы заснуть!

Реклама больше нас не возмущает. Мы стали безупречны!

Нас не волнует отличный вкус спелых фруктов и шоколадной причуды. А прокладки вообще нас не тревожат!

И пускай пышка — удачная выпечка!

А на жевательные резинки мы вообще никак не реагируем.

Но, как начинают рассказывать сказку о трех медведях и низких ценах — сразу глаза закрываются.

Удивительное существо — человек!

P. S.

Живите с улыбкой, ребята! И держите ноги в тепле!

ПРОСТОЕ РЕШЕНИЕ

— А давайте будем жизнь по частям улучшать! Ведь так проще! Сначала начнем со сна. Нужно всем научиться много и крепко спать.

— Зачем?

— А за тем, что у спящего человека нет проблем. А если что, то в наше время помочь всегда можно: расскажем, покажем, научим!

— А что дальше?

— А дальше всем надо на дачу ездить.

— Зачем?

— А затем, что на природе и при делах дачных другие проблемы в городе остаются. А если что, то в наше время помочь всегда можно: расскажем, покажем, научим!

— Ну что дальше делать?

— А дальше надо больше интересных и увлекательных телевизионных передач делать.

— Зачем?

— А затем, что когда увлеченно смотришь телевизор, то обо всех проблемах за-

бываешь. А если что, то в наше время помочь всегда можно: расскажем, покажем, научим!

— А остальное когда?

— А остальные проблемы можно после, не спеша решать. Ведь мы так дешево и просто решим три четверти проблем суток жизни каждого.

ДОМОВОЙ

Интересный случай со мной как-то раз произошел дома!

Сажу в кресле, смотрю телевизор. Повернул голову: вижу стоит передо мной домовой! Большой такой, весь в шерсти.

Я спрашиваю:

— Ты чего здесь делаешь?

А он мне говорит:

— Живу здесь.

— Интересно, а я здесь тогда что делаю?

— Ты тоже здесь живешь. Мы вместе в одной квартире проживаем.

— А почему я тогда тебя не видел?

— Да я в основном нахожусь в таком состоянии, когда меня не видно.

— А меня ты в этом состоянии видишь?

— Конечно, вижу!

— Это значит, ты всю мою жизнь видишь?

— Разумеется, вижу!

— Как же я теперь жить-то буду, зная, что за мной все время кто-то наблюдает?

— Просто! Живи так, чтобы не было стыдно за самого себя.

— Нет, не хочу я жить под наблюдением!

— Не хочешь, не живи! В другой квартире — другой домовый будет за тобой наблюдать!

Тут по телевизору что-то интересное стали показывать. Только, буквально на долю секунды, я отвел глаза, как домовый пропал! Как будто его и никогда не было!

Вот я теперь сажу и думаю, то ли наяву я видел домового, то ли вздремнул.

ТЕРЕМОК

Я как-то по осени рядом с полем подыскала себе дом.

Большой такой. Никто в нем не живет.

Стала сама в нем жить.

Долго жила: всю зиму.

А по весне пришел человек.

Принес с собой орущий предмет и мяукающее существо.

Ну, думаю, ладно: будем вместе жить.

Так нет, это мяукалка стала на меня охотиться: еле-еле от нее убежала.

Можно сказать, выгнали из собственного дома!

Вот теперь опять живу в норе.

Каково теперь мне жить?!

ТРЕТЬЯ КЛИНИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ ЖИЗНИ

— Привет, как жизнь?!

— Какая жизнь?

— Как какая, твоя, конечно!

— А у меня их три: жизнь на работе, жизнь на даче и жизнь дома.

— Да?! А помирать ты будешь сразу или по очереди?

— По очереди! Сперва на пенсию пойду: с этим закончится моя первая жизнь.

Затем дачу продам, когда сил поубавится: с этим закончится моя вторая жизнь.

— А третья?!

— Да, какая может быть жизнь дома, если пенсия такая небольшая!

— Ну, а как все-то живут!?

— Да, они не живут: они вспоминают жизнь!

НЕ КВАКАЙ

— Говорила я ей: не квакай, не квакай, не квакай! А она не слушала меня! Вот и съели!

— Напрасно ты квакаешь на нее. Ее ведь не просто так съели, а съели за столом!

— Ну и что?

— Как, ну и что? Съели с почетом!

— Я, например, не хочу, чтобы меня вообще кто-то съел!

— Ну, тогда, если просто хочешь жить,— молчи!

ОХ, УЖ ЭТА СТАТИСТИКА

— Ты чего написал!

— А чего?

— Как чего! От этого не умирают!

— Это там не умирают, а у нас умирают!

— А эта что за болезнь?! Такой не существует!

— Это там не существует, а у нас существует!

— Ты хоть медицинскую литературу читаешь?!

— Много хочешь: за такую зарплату еще книжки читать!

— Но так нельзя!

— Это там нельзя, а у нас можно!

— Как же ты работаешь?!

— А так, молча, как все бюджетники! Как платят, так и работаем!

— Так нельзя! Это преступление!

— Это там преступление, а у нас не преступление!

— Тебе нельзя работать врачом!!!

— Это там нельзя, а у нас можно!

— Надо что-то делать с такими, как ты!

— Что ты ко мне пристал! Все очень просто и ясно: люди умирают потому, что рождаются; болеют потому, что так живут; а лечат так, чтобы долго не мучились!

МЫ ЕЩЕ МНОГО СДЕЛАЕМ!

У где это там?

Я везде был и категорически заявляю: там не так.

Ну вот когда меня привезли в Африку, я сам видел: там врачей нет.
Ну просто очень мало! СПИД, понимаешь ли, везде! А на болезни никто внимания не обращает.
А Вы все там, да там. Плохо там!
Я и в Америке был!
Конечно, там врачей много! Они побогаче нас живут! Оборудования много!
Ну и что!?
Все равно они не умеют делать то, что делают наши врачи!
Не умеют там лечить без лекарств и оборудования!
Наши врачи такую квалификацию имеют, что умеют одним взглядом определять болезнь, понимаешь ли!
А Вы все там, да там.
В последние годы наши врачи столько нового придумали, сколько за последнее столетие во всем мире не придумали. Обнаружили, понимаешь ли, новые болезни! Придумали, как платить врачам!
Россиянам, понимаешь ли, крупно повезло!
И мы еще много сделаем!

НЕ УМЕЮТ НАШИ ВРАЧИ ЛЕЧИТЬ!

Правильно он говорит!
Не умеют наши врачи лечить! Не умеют!
А все почему?
Да все потому, что у нас врачи в основном женщины!
Я Вам скажу: женщины должны дома сидеть, детей рожать, за своими мужиками ухаживать!
Где Вы видели, чтобы мужики плохо лечили? Нет таких!
А у нас все наоборот: мужиков в здравоохранении практически нет!
Это неправильно, я Вам скажу!
Куда глядит министр здравоохранения?!
Вы все про статистику говорите! Так я Вам и так скажу: мужики намного меньше живут! Их неправильно эксплуатируют!
Чем больше мужиков в здравоохранении будет, тем больше будет рождаться детей! Это факт!
Надо всех женщин уволить из здравоохранения! И сразу здоровье населения и демография улучшатся!

ВО СНЕ МОЖЕТ ПРИСНИТЬСЯ ВСЕ

И чего только во сне может присниться!? Вижу идет Миша Жванецкий, а на встречу ему — Жириновский.
— Ну что, Миша, допрыгался! Ты знаешь, почему тебя избили и машину отняли?
— Почему?
— Потому, что они тебя не знали!
— Да я не для бандитов пишу!
— Напрасно, Миша, напрасно! Надо для населения писать, а не узкого круга интеллектуалов!
И чего только во сне может присниться?!

НАША ЖИЗНЬ — НЕ СКАЗКА

- Петрович, голубчик, где ты так долго пропадал?!
- Да, вот пришлось одной бабке все трубы и краны менять.
- С какой стати ты вдруг стал пенсионерам столько времени уделять? Или тебе эта бабка много бабок заплатила?
- Да нет, ничего не заплатила!
- А зачем ты тогда все ей сделал?
- Да, это не просто бабка, это Баба-Яга!
- Что с тобой, Петрович?! Пить тебе надо меньше! Наша жизнь — не сказка!

СКАЗКА ПРО ЗОЛОТУЮ РЫБКУ

- Дедушка, а дедушка! А почему ты с золотой рыбкой не договорился?
- Да потому, внучка, что твоя бабка была очень жадной, а я — слишком добрым.
- А зачем ты живешь у моря: опять золотую рыбку поймать хочешь?
- Нет, внучка. Больше в нашем море не водится золотая рыбка. Уплыла рыбка в далекие страны.
- А приплывет она когда-нибудь назад?
- Приплывет!
- А когда?
- А тогда, когда наши внуки станут лучше нас!

* * *

- Бабушка, а бабушка! А почему дедушка не договорился с золотой рыбкой?
- Да потому, внученька, что надо было бы твоему деду просить то, что мне нужно было, а не то, что мне хотелось!

* * *

- Дедушка, а дедушка! А я поняла, что надо было бы тебе просить у золотой рыбки!
- Ну и что же ты поняла, внученька?
- Надо было Вам с бабушкой просить у золотой рыбки ума побольше!

КАК ЖЕ РАНЬШЕ ЖИЛИ?

- Дедушка, а дедушка! А раньше телевизор был?
- Нет внучка, не было в наши времена телевизора.
- Дедушка, а был раньше магнитофон?
- Нет внучка, не было в наши времена магнитофона.
- А был тогда телефон?
- Нет внучка, не было в наши времена телефона.
- А как же Вы тогда жили?
- А так: читали книги, часто встречались, общались, гуляли и много работали.

МЕЧТА

- Я конечно старый и не модный.
- Но я никак не могу понять, почему латунь хуже пластмассы!
- Правда, меня уверяют, что в этих новых чайниках нагреватель имеется.

Так он только от электричества работает!
А меня можно и на печке нагревать и даже на газовой плите!
А какой у меня нос: длинный, красиво изогнутый!
Мой старый хозяин мною не пользуется, но со мною не расстанется: хранит. Значит, я для чего-то нужен!
Он, наверно, мудрый: ценит то, что имеет. Ему есть с чем сравнивать!
Вот только хранит он меня в сарае, а там мыши.
Ох, как я не люблю этих мышей! Да и грязи здесь много!
Сам-то я не знаю, как перебраться в дом. И никто не может подсказать мне, как это сделать.
Как бы ему сказать, что в доме я был бы полезным предметом! А?

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

Где-то там другая жизнь есть, хорошая или плохая, но другая. А раз другая жизнь, то и другие люди должны быть! Одним словом — иностранцы!

А в нашей стране есть другая жизнь? Конечно, есть! Значит, и другие люди есть, плохие или хорошие, но есть!

Разве всем угодить? Одним одно нужно, а другим — совсем другое, хорошее или плохое, но другое. И как быть?

Одни думают, что проголосуют, и другая жизнь настанет. А она, другая жизнь настанет у тех, кого выберут! Так что, свою жизнь, плохую или хорошую, улучшать самому приходится!

Другие в другую, лучшую жизнь пытаются попасть. Только там, в другой, плохой или хорошей жизни, можно или потеряться, или потерять все то, что имел. И на это надеяться не приходится.

Большинству работать приходится. Чем больше, тем лучше! Только и это в большей степени улучшает чужую жизнь, чем свою, плохую или хорошую, но чужую.

Что делать, все знают. Только те, кто хочет, — не могут, а другие могут, но не хотят. Верят многие на помощь сверху, а она внизу находится.

* * *

— Ой, бабы, кого я вчера видела!

— Кого?

— Самого Жванецкого! Подошла я к нему и говорю: «Здравствуй, Миша!» А он смотрит на меня своими прищуренными глазами и с улыбочкой говорит: «А мы, вроде, с Вами не знакомы». А я ему отвечаю: «Знакомы, Миша, вспоминай быстрее». По лицу вижу, — не помнит. Спрашивает меня: «А Вы откуда?» А я ему: «Из деревни нашей». «Тогда, говорит, — точно не знаю». «Знаешь, Миша, ты меня! Это давно было. Я молодая и красивая была. Помнишь ресторан и после ресторана?..» Тут глаза у него раскрылись. Аж выражение лица изменилось. И только он открыл рот, как я взяла и проснулась.

Так обидно было!

— А что, ресторан и все, что после него, это точно было?

— Точно, бабы! Встречались мы. И ресторан был и после — тоже было! Только одно жаль, что это также было во сне.

ПРО ФЕДОТА УДАЛЬЦА

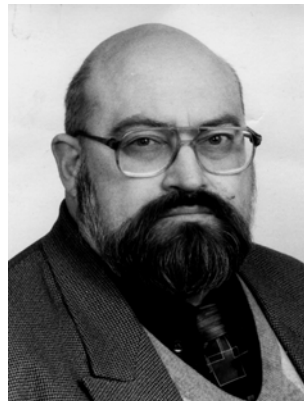
- Ты слышал, наш Федот, еще тот! Изловчился наш Федот: государство создал он. Кого нужно — подкупил, кого надо — напоил, кому надо — обещал.
- Где же землю взял Федот?
- Землю взял свою Федот.
- Много было у него?
- Соток десять с домом вместе.
- Что же дальше было с ним?
- Королем наш стал Федот — вот! Жена стала королевой. Принцем стал его сын. Дочь — принцессой, мать — слугой.
- Сделал он зачем все это?
- Видел смысл во всем Федот — вот! Создал наш Федот оффшор. Прятал деньги богачей. За услуги деньги брал. Счастлив был. С собой гордился.
- Как же так, ведь наш Федот ничего не создает!
- Деньги делает не тот, кто чего-то создает. Хитроумным стал Федот — вот!
- Ну, дает, ядрена вошь!

ПРО ИВАНУШКУ-ДУРАЧКА

- Вань, а Вань! А почему тебя в молодости дурачком звали?
- Да не за дурость меня звали! Просто я иначе видел мир.
- А как же ты всякие чудеса делал?
- Чудеса может делать каждый, кто сможет иначе смотреть на мир.
- А как ты жил все это время, Вань?
- Сперва на селе дурачком слыл: удивлял всех. Потом в психушке жил, где из меня обыкновенного человека пытались сделать. А теперь про меня все позабыли.
- А почему? Разве ради науки нельзя воспользоваться твоими необычайными возможностями?
- Да потому, что человек с нестандартным мышлением
не будет голосовать как все,
верить тому, что говорят,
и делать то, что нужно хозяевам жизни.

Александр Хадарцев

ДОРОГА НА ДОМОДЕДОВО

Дорога на Домодедово поворачивала с основной симферопольской трассы и уходила куда-то в темноту. Мороз набирал градусы, ветер выдувал с трудом накапливающееся в машине тепло, черное небо посверкивало съезжившимися от холода звездами. На поворотном знаке указаний, что в этом направлении будет аэропорт, не было. Водитель сдал назад и, проехав несколько километров, увидел такой же указатель «Домодедово». «Ну, наверное, это и есть правильный путь. В прошлый раз пришлось петлять по каким-то деревушкам много часов, но тогда я сворачивал, кажется, на первом указателе! Только почему-то направление на аэропорт и сейчас не обозначено! Обычно бывает белый силуэт самолета на синем фоне!»

У водителя именно в этот день был день рождения, который почему-то мужчины особенно отмечать не любят. Ему стукнуло сорок пять, и если женщины в такую дату стараются похвастаться, что они «ягодки опять», то на память ничего ягодного, даже клубничного, не приходило. «Детство...» — как он любил повторять, — «...было трудным, поэтому сахар и конфеты люблю! Эх, приехал бы сейчас свояк из Питера, может, удалось бы уговорить шефа хоть сегодня не крутиться по морозу! Сидел бы да разведенный и настоящий на травках спирт прихлебывал за компанию!»

Правда, последние годы пить ему приходилось немного. Постоянно за рулем. Да и случалось всякое. Как выпьет — сразу «на подвиги» тянет! То соседу мозги вправить за украденную им канистру. То «покачать права» участковому. Или, как летом, схватиться с охамевшими отморозками, «подрезавшими» машину, на которой они с соседом (другим, не тем, кому хотел начистить морду) ехали на шашлыки вместе с женами, чинно и благородно. Сосед был за рулем. Машина, мчавшаяся навстречу, без указания поворота, резко свернула влево, подставилась правым боком, едва увильнув от столкновения. Обложив лихача через открытое стекло рукописными выражениями, подумалось, что конфликт исчерпан. Но, спустя две минуты, эта же тачка с четырьмя дебильного вида мордоворотами оказалась впереди и, повернув вправо, на их полосу движения, перегородила путь, в результате чего получила удар в зад и вмятину на нем. Четверка «бойцов» вылезла из машины, поигрывая бейсбольными битами, и направилась к съезжившемуся за баранкой титцедушному, больному, казалось, от рождения, соседу. Мат загрохотал в свежем утреннем воздухе, вздувая придорожную пыль. Пришлось вылезать из машины, сунув в карман складной перочинный ножик (на всякий случай... против четырех-то бит!) Полученный мощный удар битой по ноге и опасение за жизнь женецин и трясущегося от страха соседа составили предмет того самого случая. Выхватив из кармана ножик, он резко полоснул им, зацепив одного из нападающих. Те, не ожидая сопротивления, сдрейфили, один из них схватился за мобильник и начал названивать друзьям. Через несколько минут, прошедших в словесной перепалке, появились две машины, одна из которых — милицеевская, гаишная. Видимо, отморозки были тесно связаны с добле-

стными стражами общественного порядка на дорогах России, которые начали было «осмотр места происшествия», хотя расположение автомобилей ясно говорило о его виновниках. В это время в подошедшую машину перегружались биты и свертки, по форме соответствующие перепрыгиваемым «стволам», после чего приехавшая иномарка исчезла. Но в ту сторону ни один из «ментов» не смотрел. Зато они с пристрастием приступили к выяснению места нахождения ножа, нанесшего «телесные повреждения», которые по сравнению с огромной синей гематой на бедре после удара битой были простой царапиной. Однако водитель не первый раз встречался с «особенностями национальной милиции» и сразу по появлении «голубых» номерных знаков — неуловимым движением «сбросил» злополучный ножик в кусты. Но, как оказалось впоследствии, целью всей случившейся акции было «выкачивание» денег из «лоха». Хотя словесно было достигнуто «перемирие», после прохождения медицинского освидетельствования начат был «накат» на участников и угроза «открыть дело». Пришлось прибегнуть к помощи одного из знакомых шефа, генерала из Москвы, который одним звонком успокоил деятельность разбушевавшихся «ментов», испугавшихся перспективы прогреметь на всю страну, как «оборотни в погонах». Кстати, через четыре месяца после случившегося, их все-таки обвинили в серии разбойных нападений на дорогах, осуществлявшихся совместно с «мордоворотами».

Дорога в Домодедово была давно не чищенной, плохо освещенной, указателей никаких не было. Темнота, ветер, вздымающий снег с обочин, редкие огни далеких селений, ворчание шефа — настроения не поднимали. Тот боялся опоздать на самолет и хмуро поблескивал выпученными глазами из-за стекол очков, выдавливая из себя на ухабах выражения средней крепости. Прошло более часа. Показались вдалеке и вновь исчезли огни осветительных фонарей аэродрома Домодедово. Еще около часа петляли по населенным пунктам, никак не приближаясь к цели. «Хорошо, что выехали пораньше!» — подумал водитель, вглядываясь в темень. Сделав несколько попыток выехать в нужном направлении, они оказались около круглосуточно работающего магазина, и, хотя было около двух часов ночи, в нем были видны люди. Пспрашивав у женщин и двух помятых жизнью бомжеподобных парней о дороге, и получив противоположные ответы, обратились к мужчине в милицейской форме. Тот указал направление, по которому им еще долго пришлось катиться, пока не показался контур перестраивающегося аэропорта.

Несколько успокоившись, они поднялись в здание, остановились у входа. Шефу еще предстояло дожидаться коллегу, летевшего с ним.

Предстоял обратный путь, который решено было проехать по известному маршруту — до окружной дороги, затем налево и еще раз налево, к съезду с Варшавского шоссе на симферопольскую дорогу. Водитель кожей ощущал тепло дома, где ему предстояло встретить уже прошедший день рождения. Время пробежало быстро, через два с небольшим лишком часа он въехал в город, предчувствуя скорый отдых. Слева подмышкой тяжело и успокаивающе расположился подарок шефа — пистолет «Макарыч», похожий на своего грозного родственника, но гладкоствольный, стреляющий металлическими шариками, разрешенный к постоянному ношению. Дорога стала чревата неожиданными и не всегда безопасными встречами. Применять оружие по пустякам он не собирался, потому что понимал, что исход любого, даже ослабленного, выстрела может быть чреват любыми осложнениями и увечьями. Но мысли быть остановленным и безнаказанно истерзанным на трассе он не допускал.

Вдруг машину резко повело. Остановившись, он увидел, что правое переднее колесо вывернуто наружу. «Все! Шаровая опора полетела!» — мелькнуло в голове. До дома оставалось езды пять минут, но машину не бросишь! Утащат и разберут за полчаса!

Натянув шерстяную шапочку, шарф, застегнув полушубок, он начал поиски проволоки, чтобы кое-как закрепить колесо. Как назло — ни одной машины! Часа через полтора появился громыхающий грузовик, водитель которого дотащил его до дома.

Если бы на повороте он обернулся назад, то увидел бы промчавшийся мимо минивен «Ситроен», а внутри разглядел бы дремлющего шефа, срочно возвращавшегося домой.

Оказывается, дождавшись коллегу и проходя на посадку, шеф был остановлен работницей аэропорта. Взятый им из дома паспорт был старым, давно обменным на новый, по которому и брался авиабилет. Но по ошибке, точнее, из-за начавшего наступления склероза, а также из-за невнимательности старый паспорт не был выброшен, а почему-то оставлен. Его нахождение в доме объяснялось тем, что обмен паспортов осуществлялся «по знакомству», в виду утери старого. Но потом старый паспорт нашелся и валялся меж документов.

Необходимо было срочно решать, что делать дальше. Вызывать по мобильнику водителя назад не хотелось. Все-таки день рождения, да и договорились на время командировки отключить телефоны. Увидев минивен-такси с молодым парнишкой за рулем и отключенным счетчиком, шеф забрался вовнутрь и попросил довезти его до Москвы. В разговоре выяснилось, что за три-четыре тысячи он может доехать до места жительства и обратно. На том и порешили. За два с половиной часа ему удалось добраться до дома, заменить паспорт и, затратив еще столько же времени, вернуться в Домодедово. До следующего рейса оставалось чуть-чуть. Официальным путем взять билеты не представлялось возможным. Спросив у мелькнувшего мимо смуглого человека в непонятной униформе о пути решения вопроса, получил в ответ цифру в долларах, за которую будет осуществлена посадка на любой нужный рейс. Получив согласие, человек вынул из кармана чистый авиабилет, быстро заполнил его, прошел вместе с заказчиком все необходимые процедуры, вплоть до паспортного контроля, и, получив расчет, мгновенно исчез из поля зрения. На все эти действия у него ушло не более пяти минут. «Эх! Так бы официально все работали!»

Был солнечный день. Мороз не спадал. В посадочном зале раздавался грохот отбойных молотков-перфораторов. Шел вечный ремонт помещений. Присев на сиденье, шеф услышал из мощных динамиков, звук которых перекрывался длинными пулеметно-пушечными очередями перфораторов, что рейс задерживается на полтора часа по техническим причинам. «Ну, как всегда! Можно подремать, лететь еще долго!»

Ему приснился другой аэропорт, в Шарм-эль-Шейхе, куда несколько лет назад его забросила судьба. Там за доллары также просто можно было получить не то, что марку на въезд, оформленные документы, но и все, что угодно. Дорога от аэропорта уносилась вдаль между грязно-серого цвета глинисто-песчаными барханами, водители лихо рулили, устраивая между собой гонки, часто заканчивающиеся катастрофами, особенно, если рука водителя покоилась на бедре какой-нибудь полненькой туристки, именно таким образом экономящей дорожные расходы.

В «рецепшэн» отелей работали уже по несколько лет русские девчонки, пытающиеся как-то обеспечить свою жизнь в далеком Египте. Но у них появлялись конкуренты. Молодые египтяне стали усиленно осваивать иностранные языки, особенно русский, поскольку в зимнее время основные посетители курортов — наши земляки. Туристический бизнес стал основной статьей доходов живущих на побережье Красного моря. Припомнился один из депутатов городской Думы, ежеквартально приезжающий сюда на две недели для подводных путешествий с аквалапами, дайвинга, полюбоваться скатами, муренами, ярко-цветастыми рыбами, кишащими среди коралловых рифов, чтобы, отдохнув душой и телом, вновь продвигать устланье городских улиц производимыми на подведомственных ему ООО фигурными плитка-

ми. Среди отдыхающих — повара, учителя, врачи, мелкие бандиты, профессора, те, кто случайно, или с помощью своих влиятельных знакомых решили хоть раз побывать за границей на отдыхе, тем более что по цене эти путешествия стали не отличимыми от отдыха в родных Сочи и теперь уже заграничной Ялте, ранее бывших доступными для всех, включая студентов.

Объявили посадку. Ожидрующие придвинулись друг к другу вплотную, надеясь на ускоренное продвижение вперед. Грохот отбойных молотков прекратился. Внезапно появилась сильная загрудинная боль, отдающая в спину, похожая на удар какого-то предмета. Пошарив рукой по жилету, он нащупал (или ему это показалось?) круглый металлический шарик, размером около сантиметра, похожий на большую дробину. Где же он видел такой?.. Кажется, в патроне от «Макарыча»? Достав таблетку нитроглицерина, положил ее под язык. Через минуту боль стала утихать, потом прекратилась. «Наверное, стенокардия!» — была последняя мысль, посетившая его.

За минуту до этого рано проснувшийся водитель вынул свой пистолет, чтобы опробовать прицел и определить дальность боя. На стене сарая висел лицом к стене старый предвыборный календарь, на котором шеф был изображен по пояс. Заметив чистый, пожелтевший от времени лист бумаги на стене, водитель отошел на пять шагов, прицелился и выстрелил. Когда он снял лист со стены и перевернул его, то увидел, что место попадания пули соответствует уровню сердца. «Ну, надо же! Вот это целкость!» — подумал он и, смыв бумагу, выбросил ее на кучу хлама в угол.

Завывая и мельтеша сигнальными огнями, к аэропорту мчалась теперь уже никому не нужная «скорая».

ПОЭЗИЯ

Валентин Киреев

PERSONALIA

Валентин Викторович Киреев родился 4 января 1949 года в Болоховском районе Тульской области в семье шахтера. Стихи начал писать в раннем детстве.

Впервые стихи были напечатаны в 1966 году в районной газете «Ленинская правда», затем с разными перерывами — в районных, областных, центральных газетах. С 1998 года — профессиональный писатель. Автор восьми книг и сборника песен «Погоди», множества публикаций в коллективных сборниках и альманахах Тулы и области. Стихи также печатались в альманахах: «Родники» (г. Баку, Республика Азербайджан, 2006 г.), «Зори Самотлора» (г. Нижневартовск Тюменской области, 2006 г.), «Литературный Кисловодск» (Ставропольский край, 2007 г.). Дипломант и лауреат нескольких Тульских областных конкурсов и фестивалей, автор слов гимнов городов Богородицка и Новомосковска, лауреат первой премии «Человек года» (г. Новомосковск и Новомосковский район, 2001 г.). Награжден золотой медалью «Во имя жизни на земле» Международного благотворительного общественного движения «Добрые люди мира — 2007». Член Союза писателей России. Ниже приводится подборка стихов, за которую автор и был удостоен золотой медали.

НЕЛЬЗЯ ПОЗВОЛИТЬ!

«Ну как же можно слово испоганить!» —
Кричу, ругаюсь, даже сам с собой.
Никак не хочет соглашаться память
С преступным смыслом слова «голубой»!

Ведь небо, наше небо — голубое!
Льняное поле — неба голубей!
Выходит, истины понятие любое,
Кому не лень, опошли и убей?!

В грязь затоптать понятие простое,
Служившее нам долгие века,
Нельзя позволить! Есть у нас святое —
Высокий смысл родного языка!

ГОСПОДИ, СПАСИ!

Сколько красок в русской речи!
Как спасти их, уберечь?
Скажут в городе «навстречу»,
А в деревне скажут «встречь».

Говорок — как сценка в лицах,
Песня, сказка, волшебство.
Говорят «чего» в столице,
На Смоленщине — «чаво»!

Сколько звуков чистых, мудрых!
Только, Господи, спаси
От заморских слов прилудных
Русский говор на Руси!

ТАК РОДИЛИСЬ СТИХИ!

К себе относись поостроже,
Мне критик давал совет,
Ты все равно не сможешь
Писать, как писал ПОЭТ!

Ты можешь расставить точки,
Слепить подходящий слог,
Но созданы лучшие строчки,
А ты опоздал, сынок!

Но в рифму просилось слово,
Бежало, скрипя, перо —
Полова, солома, корова,
Ведро, буерак, добро...

Не то и не так, однако
Вдруг полилась строка
О том, как мальчишка плакал,
Глядя на облака.

Я плакал с мальчишкой вместе!
И мне отпускал грехи
ПОЭТ, не допевший песни, —
Так родились стихи.

ЧУДНОЙ

Поберегись! Мне море по колено!
Иду-бегу по лужам босиком:

Я написал о самом сокровенном
Понятным и доступным языком!

И что мне эти критики-зануды,
Ведь я душой почувствовал: я смог!
Четыре строчки, но какое чудо
Любое слово, нет, не слово — слог!

Пусть друг мой улыбнется: «Эх, салага!
И сдвинулся всего-то на вершок!»
Но строчки — вот! Не в буквочках бумага,
А жизнь сама! Ну, правда, хорошо?!

Придаться можно: точка, запятая
Не там, где нужно,— да не в том секрет!
Смотрите все: ромашка полевая!
И от нее такой струится свет!

И я иду-бегу босой по лужам,
И только брызги! Смейтесь надо мной,
Но верьте, люди, я такой вам нужен,
Счастливый и... немножечко чудной!

ПОРА ПРОСНУТЬСЯ

Не будешь петь ты, Русь, с чужого голоса,
Я верю: с новой справишься бедой.
И встанет хлеб в полях обильным колосом,
И родники наполнятся водой.

И мудрость та, что за семью печатями,
Укрыта иноземной ворожбой,
Нам явится, и мы поймем, что спятили
И сами надругались над собой.

Что за народ! Дивимся иностранщине
И дуром прем в расставленную сеть...
Пороть бы нас! На Тульщине, Рязанщине,
По всей Руси! И плакать не велеть!

Очнулись малость — Господи, что деется!
Да как же мы! Да это же! Ого!!!
И... продолжаем на царя надеяться,
И продолжаем делать... ничего...

Пора проснуться! Зипунишко — в сторону!
Настал тот день, который кормит год,
И ожиревшему от нашей крови ворону
Дать укорот!

ЧУДЕСА

На деревне воздух чище,
Разговорчивей река,
Там сама поэта ищет
Задушевная строка!

И не спрятаться, не скрыться
От крылатого коня,
И поет одна синица
Целой стаей для меня.

Выхожу с краюхой хлеба
И блокнотом на лужок,
Почему-то пахнет вербой
Сена свежего стожок.

И неведомо откуда
То ли фея, то ли дух
Говорит мне: «Хочешь чуда?
Оглянись, оно вокруг!»

Появляется избушка,
Лес, пенек, журчит ручей,
На пеньке сидит старушка —
Вяжет шапку из лучей.

Вяжет шапку с оторочкой
Из небесной синевы
Для сыночкина сыночка,
Для кудрявой головы.

И бежит строка простая
Деревенского письма.
Все в ней дышит — птичья стая,
Люди, звери и дома.

Сказка — песня, не работа,
Вдохновение — не труд!
Край чудес хотите? Вот он —
Лес, деревня, луг и пруд!

ВАНЕК

Он ерничал, блажил и хвастал,
Пил «бормотуху» за углом,
И битым был довольно часто,
И, если честно, поделом!

Он сам себе казался ловким,
Он о себе такое нес!
Он был Ванек! Его в поселке
Никто не принимал всерьез.

Он жил как будто понарошку,
Но вечерами на крыльцо
Из дома выносил гармошку
И молодец, светлел лицом.

Басы вздыхали — сердце стыло,
Все заполняло лишь одно:
«Ах, это было, это было,
Ах, это было так давно».

Слегка охрипшим и тревожным
Был сильный голос у певца.
Мы подходили осторожно
И замирали у крыльца.

А бабы в голос голосили,
Махрой дымили мужики...
Рыдал Иван — душа России,
И выше не было тоски.

О ВЫСОКОМ...

Врать не хочу... об истине — молчу...
И, может быть, когда-нибудь за это
Я премию большую получу,
И стих мой «тиснут» в толстую газету.

И кто-нибудь вдали от лишних глаз,
Объевшись мясом и опившись соком,
С газетой сядет той на... унитаз
И до-о-лго будет думать о... высоком.

ПРАВО

Я, конечно же, вовсе не лучший из лучших,
На столбах и заборах не клею афиш,
Но посредством меня, наш великий, могучий,
Мудрый русский язык, ты с людьми говоришь.

Я нечасто себя называю поэтом.
Только кто же тогда в этом мире поэт,
Если в слове моем, в самом сердце согретом,
Ни единого звука фальшивинки нет?

Значит, есть у меня не обязанность — право
Над народом, сквозь слезы, смеяться своим,
Чьи глаза пеленой застилает кровавой:
Я ведь тоже — народ, я ведь с ним — не над ним!

УПАВШАЯ ЗВЕЗДА

Сердце как скворечник без гнезда —
Пусто, ни страдания, ни боли...
Падая, растаяла звезда —
Все не так мы загадали, что ли?

Может быть, ей не хватило сил
Долететь — мечте осуществиться?
Скомканы встревоженные лица,
Словно каждый каждому постыл.

Может быть, случились облака,
Стали на пути ее преградой,
Может, все пройдет, но нам... пока
Друг от друга ничего не надо.

Перепутье! Множество дорог
Перед нами — есть куда податься,
Чтоб душа согрелась, но... расстаться?
Ты... смогла бы? Я бы вот не смог!..

ЭТО ТЫ ПРИХОДИЛА

Иногда ты приходишь во сне —
Неожиданно, словно в потемках
Резвым белым пушистым котенком
Свет луны пробежит по стене.

И в плечо мне уткнешься, урча,
Коготками царапая шею,
Слышу — ходики тихо стучат,
И не сплю, и... проснуться не смею...

Снова чьи-то шаги в тишине,
Я глаза раскрываю пошире.
Ветерок пробежал по квартире —
Это ты приходила ко мне...

ТОСКА

А снега нет и... не предвидится,
Что за зима! Туман, дожди!..

Я на тебя хотел обидеться —
Ты отмахнулась: «Подожди!»

А ждать чего?! Природа бесится,
На подоконник натекло,
Сам Дед Мороз хотел повеситься
Своей Снегурочке назло!

Чем хуже я? Долготерпение
День истощилось ото дня,
И атмосферное давление
Распространилось на меня.

Вот и ворчу! А ты мне под руку:
«Терпи!» Да глянь же — свысока
Который день дождем из облака
Льет беспросветная тоска!

СЕГОДНЯ МНЕ ПРИСНИЛСЯ АНТРЕКОТ

Сегодня мне приснился антрекот,
Вчера — хрустящая, прожаренная птица.
Жую-жую все ночи напролет,
А женщина, ну хоть убей, не снится!

Читаю эротический роман,
Сюжеты все проигрываю в лицах —
Я даже счастлив впасть в самообман.
Приходит ночь, а женщина... не снится!

Иду к гадалке: помоги, беда!
Раскрой мне тайну: что со мной творится?
Вполне здоров, и плечи хоть куда,
И не дурак, а женщина... не снится!

Меня гадалка за руку взяла
И сердце вдруг заставила забиться,
Когда вопрос мне странный задала:
«А ты, дружок, не пробовал влюбиться?»

Попробуй! Станешь ночи напролет
Ты в стену лбом, глаза тараша, биться
И будешь рад, когда, наоборот,
Не женщина, а... антрекот приснится!»

ПУСТЬ Я СТАРОМОДЕН И СМЕШОН...

Я в глаза твои самозабвенно
Вглядываясь, чувства не таю —

Припадаю на одно колено
И навечно сердце отдаю.

Не умею, не могу иначе,
Пусть я старомоден и смешон,
Но серьезна ты — а это значит,
Что у нас все будет хорошо!

Будет все у нас прекрасно очень...
Ты как будто спишь? А ты проснись!
Вот теперь ты улыбнулась! Хочешь,
Я скажу тебе, что это значит — жизнь?

Жизнь — твоя, моя и наша — случай,
Высший дар из мыслимых даров
И единственный из всех и самый лучший
Миг пересечения миров!

Потому-то я, самозабвенно
Вглядываясь, чувства не таю:
Припадаю на одно колено
И навечно сердце отдаю!

РАССТАЛИСЬ

Прежних чувств не отыщешь с собаками,
А на сердце — рубец за рубцом.
Вы вчера не об этом ли плакали,
В занавеску уткнувшись лицом?!

Мы расстались! А Вы так доверчиво
Мне шептали: «Нам нужно — вдвоем!»
Ах, чудесная, милая женщина,
Ну неволен я в сердце своем!

БАБЬЕ ЛЕТО

Ты, словно осень, в золоте волос,
Та осень, что зовется бабьим летом,
Цветешь, благоухаешь чистым светом —
Когда еще потянет на мороз!

Твой тихий смех — бегущая волна,
Не звонкого ручья — спокойной речки,
В тебе тепло непрогоревшей печки,
И необъятна глаз голубизна.

И на кого б я ни взглянул — не то!
В ком эта поступь, эта гибкость в стане?

С тобою рядом не стоит никто,
Красавица в расшитом сарафане!

И ПАДАЮТ ЗВЕЗДЫ...

Вечер. Тени темней и длинней,
Вот-вот фонари зажгутся,
По камешкам скачет-журчит ручей,
Да волны о берег бьются.

Волна у ручья — небольшая волна,
Но видишь, вглядевшись в воду,
Что вовсе ручей не ручей — река!
И, вширь разливаясь, несет она
Баржи и теплоходы...

Ночь наступает. Закат погас —
Закату нельзя иначе,
В скопище звездном скачет Пегас,
Пока без наездника скачет.

И рвется и рвется она в облака,
Рискуя упасть, разбиться...
И звезды слетают на гладь листка,
И шелестят страницы...

А в городе, сонном как будто,
Забрезжило свежестью утро...

ЧЕГО ХОЧУ

Мой путь одной тропинкой не очерчен,
По крохам опыт собирая впрок,
Самолюбив, наивен и доверчив,
Не чужд страстей живу, не одинок.

Как сложится, что будет — не гадаю,
За пазухой булыжник не держу,
Наткнувшись на мерзость — искренне страдаю,
Но дружбой — настоящей! — дорожу.

Любовь встречаю — сразу без остатка
Ей отдаюсь, теряю — расстаюсь,
Чего хочу, к чему стремлюсь — загадка,
Чего боюсь — предательства боюсь!

Все понимая, не могу поверить
В людскую подлость, видно, потому,
Что хочется мне просто жить и верить,
И чтоб мне доверяли самому!

ПИСЬМО

Пришло письмо. В заклеенном конверте
Хранится голос твой и запах твой —
Приберегу. В постылой круговерти
Хочу продлить свидание с тобой.

Доставила конверт рука чужая,
Но то, что в нем, — мое и только мне,
Пусть полежит, с рассветом провожая
И вечером встречая, на окне.

Пусть сохранится в нем твое дыхание,
А рук, что принесли, растает след —
В конверте наше первое свиданье
И двое НАС, чужим в нем места нет.

ЗАПУТАЛИСЬ

Запутались мы в наших отношениях —
Давно пора бы подвести итог
И, стукнув кулаком, принять решение
Последнее... Не смог! А кто бы смог?!

А кто бы смог порвать такую зыбкую
И прочную как паутинка нить...
Ты смотришь с виноватою улыбкою —
Чем мне улыбку эту заменить?

Чем заменить присутствие, дыхание,
И глаз твоих потерянных укор,
И наши ежедневные свидания,
Что первыми остались до сих пор?

Но как простить, себя терзаю снова я,
Как пережить, смолчать такое мне?
Как ты могла, как смела, непутевая,
В медовый месяц (!) спать лицом к стене?!

ЗАКОН

Твоя любовь — моя по праву,
Она — мой пьедестал и трон,
Что ей понятия и нравы,
Когда она сама — закон!

Когда ей море по колено,
Когда и в мыслях нет «нельзя!»,
Когда глаза проникновенно
Взглянут в любимые глаза.

Ты мной, как я тобою, дышишь,
И день в разлуке — словно год!
Что может быть на свете выше
Души, когда она поет?!

ДОРОЖЕ ВСЕХ НАГРАД

Ты говоришь: «Опять не спишь, поэт?
Что могут бдения дать ночные?
Сегодня в мире ценности иные,
Поэтам нынче в жизни ходу нет.

Возьмись за ум, приятель, не глупи,
Нырни поглубже, не стесняйся грязи,
И выйдешь, может быть, когда-то в князи,
И, знай себе, копеечку копи...»

Ну что сказать, «доброжелатель» мой?
Ты в чем-то прав по-своему, наверно, —
Мой быт непрост и обустроен скверно,
И денег я не приношу домой...

Но для меня дорожке всех наград
И денег всех — неровных строчек ряд,
И бдения мои, я точно знаю,
Я в жизни ни на что не променяю.

Ныряешь ты за жемчугом на дно,
И труд твой уважения достоин,
Ты сыт всегда, ухожен и спокоен,
Но не взлетишь — природой не дано!

МОЙ ПОЕЗД

Словно в туманные дали вагоны —
Месяц за месяцем время летит,
Мчится мой поезд все дальше от дома,
Ветер вдогонку свистит.

Даты-вокзалы мелькают все чаще,
Каждая новая встреча — вокзал...
Сколько я встретил любви настоящей,
Сколько друзей потерял!..

Тянутся, будто трава-повилика,
За перегонном еще перегон,
И содрогаюсь я, словно на стыках
Битый плацкартный вагон.

Я никогда не считал километры —
Стоит ли времени пройденный путь?
Мне бы побольше холодного ветра —
Встречного ветра хлебнуть!

Тем и живу. Только ярче и чаще
В памяти каждый перрон и вокзал...
Сколько я встретил любви настоящей,
Сколько друзей потерял!..

РАССТРЕЛ

Команда гортанная: «Целься!»
И эхо упало с горы,
В тени было сорок по Цельсию —
Не стужи родной, а жары.

В крови, в камуфляже изношенном
За долгие, длинные дни,
Стоял он, забытый и брошенный,
У стенки, где сорок в тени.

И гарью тянуло с пожарища,
С насквозь обожженной земли,
И не было рядом товарищей —
Товарищи все полегли.

Он знал, что не будет спасения —
Такой получился расклад...
О чем же, считая мгновения,
Ты думал, российский солдат?..

В ДЕРЕВНЕ

Помню: доставала из печи
Бабушка ржанные калачи
И, обняв за потные бока,
Ставила махотку молока.

Горячился, выпуская пар,
На столе пузатый самовар,
Мед стоял, укрытый полотном,
И цвела рябина за окном.

Вижу угол скатерти, ухват...
Будто вместо деда вышел в сад...
Будто на себя издалека
Вдруг взглянул: морщиниста рука,

И без сыновей уже с трудом
Содержу и пасеку, и дом...
Но как репки над столом торчат
Головенки русые внучат...

ВЛИП

Еще вчера мы жили не тужили
И не подозревали ничего,
И вот те на — уже и не чужие!
Я думаю, что это колдовство!

Ну, почему я, стройный и красивый,
На чары вдруг поддался как дурак,
Ведь где меня по жизни не носило!
И что же? Просто вляпался! И как!

Кольцо на пальце, прочие намеки
На то, что мы теперь — одна семья,
Твоя мамаша, гости, караоке...
А главное — с какого боку я?!

Но все же, где-то смутно, понимаю,
Что — амба! Ничего не изменить,
И мне за ту, кого я обнимаю,
Свободою придется заплатить.

Целую на виду всего народа
И будто не горюю вовсе я...
Да шут бы с нею, этою свободой,
Зато какая женщина — моя!

ПОЧИТАТЕЛИ

Я на плечах тащил рюкзак с обновами,
Когда в деревню к деду приезжал,
И мне навстречу лошади здоровались —
Я лошадей любил и уважал.

Они всегда вполне серьезно слушали,
Когда я им стихи свои читал —
Кивали и шагали с волокушами,
Никто ни разу не перебивал.

Мне было важно это понимание —
Ведь люди говорили: «Чепуха», —
И даже дед не обращал внимания
На слог душевный моего стиха.

А мне казалось — складно получается
Про луг, про лес, про речку, а они...
Но мне не дали в творчестве отчаяться
Лошадки — почитатели мои...

ОДНА ЛИШЬ ЖЕНЩИНА

Когда тоска неутолимая
Собьет, как птицу налету,
Одна лишь женщина любимая
Заполнить может пустоту.

Заполнит все словами нежными
И телом сдобнейшим из тел,
И больше не вернешься к прежнему,
Хотя бы очень захотел...

Виктория Ткач

* * *

Не вина, а иллюзия праздности
Разогрета в бокале ладонями.
Не хватает отточенной важности,
Только этого разве достойны мы?

Не опратно-привычными чувствами
Ждем трамвая на улице брошено.
Пусть когда-то хотели быть лучшими,
А теперь — будто все запорошено.

И опять недоверчиво каемся
Отрешенным, как сон, отражениям.
Иногда равнодушно влюбляемся,
Потакая чужому скольжению.

А потом, межрекламные выкройки
Заполняя стежками условными,
Вдруг в себя — одиночеством — выкрикнем
«Разве этого только достойны мы?»

* * *

Мы уходим в пародии лет,
Раздавая мгновенья и даты,
Истончая отчаяньем латы,
Предназначенные для побед.

Мы так верим в пародии слов,
Шелухой рассыпая их где-то!
Для письма не хватает конверта,
А для счастья — привычных врагов.

И, меняя пародии лиц,
Мы опять удивляемся вяло
На бездонное небо Шагала
В ностальгии влюбленных и птиц.

А потом, оглянувшись назад,
Задышаемся в пепле пародий,
Чтобы ждать, как старик в переходе,
Мимолетного взгляда в глаза...

* * *

Она может быть очень щедрой
И расточительной даже.
Слова рассыпает вдруг щедрой,
То маслом на булку мажет.

Она может быть откровенной.
Секреты? Что за нелепость?
«Однажды я резала вены,
Когда-то влюбившись слепо...»

На грани мечты и сарказма
Юна и почти безумна.
Ей веришь навеки и сразу,
Встречая на кромке лунной.

Коктейли из снов и мартини,
Богема, гламур и мода.
На наших ладонях из линий —
Цифры заветного кода.

О ней гитарист знакомый
Так рассказал мне случайно,
Ведь Муза — экстаз или кома —
Но Вечная Наша Тайна...

* * *

Падали звезды. Рождались поэты.
Дни уходили полночно и тленно.
Пристальным взглядом забытой Вселенной
В небо смотрело короткое лето.

Дни уходили. И звезды рождались.
Сколько поэтов Вселенной упало?
Взгляды и небо. Изношенно-мало
Полночи летней, где мы отрекались.

Мы отрекались. А небо?.. А звезды?..
Лето смотрело в рождение тлена,
И не хватало короткой Вселенной,
И уходили минуты на отдых.

Отдых... В рожденье? В паденье? Едва ли
Взгляды успеют дожить до рассвета.
Падали звезды, рождались поэты —
Летние строчки Вселенской Скрижали.

* * *

Я скажу тебе, что скоро осень.
Ты не удивишься почему-то.
Ветер паутинками уносит
Невесомо-легкие минуты.

Будут в листопадной позолоте
Наши взгляды, волосы и руки,
Чтоб однажды, вспомнив о полете,
Разомкнуть свиданья и разлуки.

А потом — забыться синей далью,
Растворясь тенью оперений,
Чтоб о нас — безудержных — сказали:
«Это просто смена поколений!»

* * *

За тишиной уходит лето:
Опять — неспешно-бездонно.
И отрешеннее поэта
Глядит луна в квадрат оконный.

А люди спят, совсем не зная,
Что одиноки в счастьях редких,
Как путь последнего трамвая
И первый желтый лист на ветке.

* * *

Не ищите меня до рассвета —
Я сбегу мимолетно опять
В неземное безумье поэта
И открытую ветром тетрадь.

Будет небо шальным и тревожным,
Как пророческий матовый сон,
Будет все и прекрасно, и сложно
В отпускающем взгляде икон.

Будет все. Мне останется только
Оглянуться строкою с листа —
Так хрусталь разбивается колко
И так птица взлетает с моста!

* * *

Толпа перетекала в вечер
Цветочно, шумно и светло,
И был закатом обесцвечен
Бумажный ангел под стеклом.

Как тесно в сувенирной колбе
Размаху тонких, хрупких крыл!
Незримым став, теперь он мог бы
Лететь, парить! Но — как?.. Забыл...

И тяжело уже забвеньё,
И так привычна пустота.
А кто-то ждал его спасенья
У черной истины моста.

Конец сюжета прост и вечен —
Толпа цветочная текла,
Печальный ангел, летний вечер
И опоздавший звон стекла...

* * *

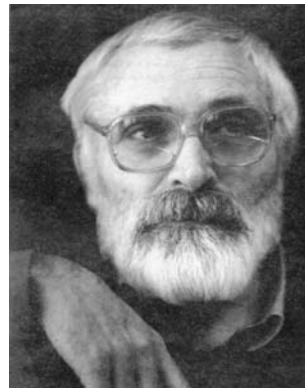
Безрассудностью, тихой нежностью,
Тишиной на беспечность города
Я вела по следам неизбежности
Чью-то вечно бездомную молодость.

Через улицы полувечерние,
Мимо окон с цветами и шторами
Мы скользили — никем не замечены
И не встречены разговорами.

Оставляли минутное, зыбкое,
Суету не признав пешеходную.
Мы кому-то казались ошибками
И этапами переходными.

Только раз нас окликнули бережно,
Именами — в людское крошево:
Это осень, как старая женщина,
Голубям рассыпала прошлое.

Александр Новгородский

ТУЛЬСКОМУ КРАЮ

Наш Тульский край и молодой, и древний,
Из века ты с Россией заодно.
Любить тебя — твой город и деревню —
Нам счастье неизменное дано.

Надежный щит и арсенал России,
Один ты с ней по крови и судьбе.
Они не зря в объятиях скрестились —
Клинки на тульском солнечном гербе.

Твой Бежин луг и поле Куликово —
Самой России гордость и душа.
Ты — дом Жуковского и поприще Толстого,
С тобой твои Демидов и Левша.

С тобой нам жить, хранить былую славу.
Любое дело подвигам вершить.
Чтоб никаким воителям кровавым
Твоих твердынь в веках не сокрушить.

ТУЛА — РОДИНА МОЯ

Тула помнит битв немало.
О ее кремнистый сплав
Не одна стрела сломалась,
Что Кощеева игла.

Тулой прянично-баянной
Овладеть рейхстаг мечтал —
Грозный танк Гудериана
Лишь металлоломом стал.

В дымном воздухе, угарном
Снова мир на вертелах,
Спорят с Тулой самоварной
Самопальные дела.

Вновь в эфире позывные:
«Тула! Тула! Это — я:
Там, где точки огневые,
Тула — Родина моя!

Мы опять в крутой разборке,
И боюсь я одного:
Что страна моя, как Теркин,
Повторит судьбу его.

Но в потемках злых и мглистых,
Забывать не вправе я:
Тулой Русь сама плечиста!
Мать суровая моя!

ТУЛЬСКАЯ ГУЛЬБА

Переменно дней монисто.
Как душа твоя светла
Под припевки с баянистом
В праздник добрый у стола.

Пряник тульский духом дразнит,
А в белевских кружевах
Мотылек, с названьем «Бражник»,
Крылья держит нараспах!

Стены дома в эпатаже,
Тут под «Тульский сувенир»
Самовар заплещет даже,
Сбросив важность, как мундир.

Байки, шутки лица зарят,
Тамада глаза багрят.
Тост глухому слух подарит,
А немой заговорит.

Ты под пляской огневою,
Пол, пощады не проси!
Трезвость плачет с перепою,
Не на шутку голосит.

Тут дивись всему и всяку,
Здесь тихони — не тихи,
Кто-то с пьяну лезет в драку,
Кто-то — в белые стихи.

Лобызает зиму лето,
И неровен час, подчас
Тают дюжие атлеты
От девичьих робких глаз.

Все как есть, в российском духе,
Конь закусит удила:
Тут такие молодухи —
Распаляют добела.

Баянист, смеясь, заплачет:
«Работяге поднеси!»
Поднесут, и не иначе,
Так гуляют на Руси.

Тут порядки матом кроют,
Губ сухих смочив края.
Здесь и я слезу не скрою,
Тула — Родина моя!

В ПЕРЕУЛОЧКАХ

Когда душе не спрятать боли в нише
И дни смятенья множат синяки,
Туман дорог приводит в тупики.
Я выбираю улицу потише.

Я выбираю улицу потише,
И к тульским переулочкам сверну,
Где воробей под ветхой крышей
Взахлеб приветствует весну,

Где босоногая девчонка,
Что одуванчик у ворот,
Где ветер нянчит май в пеленках
И взрыв сирени ветки гнет.

Там все привычно, но и ново.
Старинный вальс всему здесь в унисон.
У тихого оконца кружевного
Мне грезится охрипший патефон.

Там жизнь — не мед и люди в телогрейках
Вслед за одной другую ждут беду.
Но жадно не трясутся над копейкой,
И рубль последний другу отдадут.

Там понапрасну не играют словом,
Кляня и власть, и горький неуют,
Там пьют вразнос... Есть в их быту суровом
Щемяще-русское, и только Бог им — суд.

КРАСНОАРМЕЙСКИЙ ПРОСПЕКТ

Мы помним все, не даст осечку память.
В названиях улиц гром ее не стих,
В них Тулы дух, побед нелегких пламя
Суровых лет пороховых.

Пусть мы живем не по-красноармейски,
Но все ж осталось, словно про запас,
В проспекте, имени пронзительном и веском,
Родство, не отделимое от нас.

Все наше с нами, от корней и ветки,
Случилось так и, как тут ни крути,
Сошлись они под кумачом советским,
К рейхстагу на прославленном пути.

Мы чтим отцов и славных наших дедов,
В ночных тревогах, в сутолоке дней,
Они в боях ковали нам победу,
Как туляки оружие в огне.

Живи, проспект, ты прямодушно ясен.
Признаться я в любви тебе горазд.
Ты, словно тульский пряник, красен
Рекой людской в твой праздничный наряд.

К лицу тебе и неба светлый батик,
Стрижей стремительных несметность монограмм,
И лишь одно тебе, бойцу, нехстати —
Роскошная назойливость реклам.

БУРАТИНО **(красок кончились припасы)**

То ли в утро, то ли в вечер,
То ли дремлет, то ли спит.
Деревянный человечек
У треножника сидит.

Он сидит и размышляет,
Что к чему и что почем.
Мысль неясная витает:
Лучше б был он кирпичом.

Дорожают холст и краски,
Уж ему не до картин.
Жди-пожди от мира ласки...
Нет тому альтернатив.

Деревянненький разиня:
Знай, в стране теперь иной,
Раздобрили на бензине
Кот Базилио с Лисой.

Им теперь на нефтебазах
Не до Божьей красоты.
Там краса, в известных фазах,
Зеленые листья.

По рукам пошла Мальвина.
Ты в расчет возьми одно:
Ваше племя, Буратино,
«Не к селу» давным-давно.

Обживай души каморку,
Не гони зазря волны.
На ночь съешь сухую корку
И смотри цветные сны.

Кое-кто живет картинно
И при деле и без дел.
Но упрямый Буратино
Жить, как те, не захотел.

Заглянул в окошко вечер
А каморка вся в дыму.
Где ты Бу-ра... Бу-ра-ве-чек?!!
Не ответили ему.

Красок кончились припасы,
А без них — душа пуста.
Карабасы-Барабасы
Занимают их места!

* * *

Излишне здесь дебаты.
Бесследна жизнь, как миг,
На гладенько-цветастых
Проспектах городских.

От тьмы реклам кричащих
Теперь без лишних слов
Сторонимся мы чаще
Постылых городов.

Я в поле, словно дома,
Душою поутих.
Край неба, дол, солома —
Попутья дней моих.

Все тут, как прежде, просто.
Прохладу утра пью.
Иду я тропкой росной
К знакомому ручью.

С какой-то передраги
Тропит канавку жук.
Возьму его, бродягу,
На травку посажу.

Вот солнышко пригреет,
Гляди, и отойдет.
Уже на неба реях
Полощется восход.

В просторном неоглядье
Как свой всему брожу.
Татарнику и мяте
Я «Здравствуйте!» скажу.

И как бы между прочим,
Не делая круги,
Сбираю у обочин
Готовые стихи.

С душой, как птица Сирин,
Жду в упряжи коня.
И нет во всей России
Счастливее меня.

Медком мечта сочила
Чудес желанных вал.
Во сне все так и было —
В трамвае задремал.

ПОЛЮБИЛ БЕРЕЗКУ ВЕТЕР

И славна любовь на свете,
Но не всяк судьбой храним.
Полюбил березку ветер,
Что ей, бедной, делать с ним?

Он, известно, парень вольный,
Словно в роще птичий гам,
И устойчив, но не больно,
Нынче здесь, а завтра там.

Долу гнет лозинку-крошку,
Погуляя по полям.
К иве ластится в сережках
И несется к тополям.

На суку в лесу кукушка
Мелет дней моих муку,
Лишь сама себе — подружка,
Что ей ветер? Знай, кукуй...

Весела любовь на свете,
С ней и рыжий — краснотел.
Пошумел над елью ветер
И к рябине улетел.

Я и сам любитель воли,
Пуще ветра — ураган.
Не с того ли в чистом поле
Плачет ветер-мальчуган?

С МЕТЕЛЬЮ НАЕДИНЕ

Не первый день глухой и жуткий.
Метелью все занесено.
Уже почти седьмые сутки
Терзает выюга нам окно.

Звереет буря, горячится,
Страшна ее лихая власть.
Нетрудно тут и оступиться,
В ее объятия упасть.

Но тщетны все ее старанья
Под дикий, злой, протяжный вой.
Пока что я в своем сознанье,
Пока могу владеть собой.

Знать, жив еще, а это значит —
Не вся во мне остыла кровь.
Я с верой в право на удачу
В пустынях вежд ишу любовь.

В теснинах бед нет места счастью.
Но знаю я, во тьме глубин
Скрыт жизни ток, как снег в ненастье,
Есть след тепла в кристаллах льдин!

Я не отдам себя так просто
Чумным стихиям на распыл.
К тем не пристанет лжи короста,
Кто в царстве лжи по правде жил...

Мне дорог в деле штрих начальный,
В тираде — голос молодой,
Мотив — с веселостью печальной,
Слог — не разбавленный водой.

Нам убиваться нет причины.
Пусть тьма за окнами густа.
Лютуй, метель! А я лучину
Зажгу у чистого холста!

СТАРОДАВНЯЯ ПЕСНЯ МОЯ

Я не в дружбе с веселой строкою,
Не родня заревым соловьям.
Словно посох, в дороге со мною
Стародавняя песня моя.

Так уж вышло, судьба повенчала
Нас с суровым безмолвием вдов
Там, где ивы взирают устало
В золотые зеркала прудов.

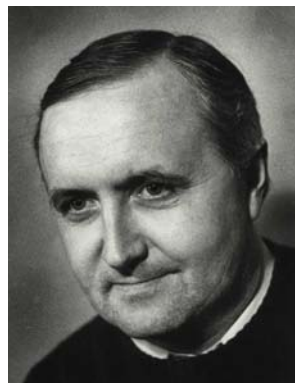
В стороне, где дано нам родиться,
Роковая нетленна межа:
Зло с добром переменчивы в лицах,
Здесь лишь шаг от любви до ножа.

Нам, потомкам военного детства,
От стыда не пришлось бы сгореть,
Возывев дорогое наследство —
Отчий край на предсмертном одре.

Как всегда, мы идем наудачу —
От посева сто бед до жнивья,
Дочь похмелий, отчаянных, с плачем —
Стародавняя песня моя.

Ковыляют отрогами дроги,
Как надежда возницу не ксит,
Впереди ни тропы, ни дороги,
И обратного нету пути...

Владимир Сапожников

* * *

В том городе живет родная женщина,
С которой не встречались мы давно...
Она не раз повенчана, развенчана...
Но любим мы друг друга все равно!

А у нее глаза такие милые,
Улыбка с горькой складочкой у губ...
И снова будем, как тогда — невинные,
В горячке говорить, что каждый люб...

И до утра бродить, обнявшись станем вновь,
От нежности безумные пьяны...
Нас плазмой захлестнет и унесет любовь
В те времена без признаков вины...

В том городе живет чужая женщина,
С которой не встречались мы давно...
Она со мной одним навек повенчана,
Но не судьба быть вместе все равно...

Ян Шильт

* * *

Тридцать три дня рукотворного чуда,
Тридцать три дня искромётного счастья...
Нет, не хочу уезжать я отсюда,
Но над судьбою покуда не властен.

В Туле ждут будни, работа, рутина.
Снова потянется время неспешно,
А на стене с видом бухты картина
Будет мой взор привлекать безуспешно.

Станут мне изредка сниться рассветы,
Море, что тело утрами ласкало...
Жаль, не хватает волшебной кареты,
Чтобы умчала на бал к нашим скалам.

Где, окунувшись в прохладные воды,
Можно в палатке мечтами забыться
И, вдохновляясь дыханьем свободы,
Бога молить, чтоб дал в Крым возвратиться.

Бога молить... Что еще остается?
Сколько нести мне забот летних бремя?
Каждый сезон все труднее дается,
Но лишь июль — я опять ногу в стремя...

* * *

Близ античных руин
хоть немного давай постоим...
В предвечерней степи,
как под кущами райского сада.
Ветер древние камни
ласкает дыханьем своим
И спешить одарить нас
морской долгожданной прохладой.
Словно музыка сфер

раздается в порывах его,
Из глубин поднебесья
посланием живого эфира,
Чей вселенский простор
и прозрачность — превыше всего,
В них растворяемся мы
среди этого вечного мира.
В красках заката
вдали золотится Чокрак.
Пресноводных ставков
покатило под гору монисто.
Помнишь, мы мимо них
на машине катили вчера,
Когда дождь барабанил
по крыше тревожно-неистов.
Один день лишь прошел:
от грозы не осталось следа,—
Только степь расцвела,
стала буйными травами краше...
Приазовская степь,
влюблены мы в тебя навсегда.
Ты — наше все
и немного сверх этого даже!

* * *

В приазовской степи
за скалистой грядой большой
В разнотравье хмельном
затерялась родная планета,
Где с палаткой своей
я сроднился бродячей душой:
Парусиновый кров
привечает меня каждым летом.
Пять недель мы с ней вместе плывем
от истоков небесной реки,
Не страшны нам ни беды,
ни годы и ни расстоянья.
В белой дымке забвения
тают былые грехи:
На Любовь и на Веру
с Надеждой храню упованья.
Под шальными ветрами
приют мой, как парус, поет
И парит над крутыми волнами
в бескрайнем просторе.
Он — спасенье мое,
этот сказочно-долгий полет
Альбатроса, стрелой
устремленного в бурное море.
Я палатку армейскую
в памяти буду хранить:

В ней счастливейшие
 пережил я когда-то мгновенья...
Между Тулой и Керчью
 легла невидимая нить,
Путеводная нить
 для лирического вдохновенья.
Без него жизнь, конечно,
 была бы, увы, не полна,
Ощущалась бы пресной,
 сухой и обыденно-серой.
Так давайте нальем
 поскорее в бокалы вина,
Чтобы выпить во славу
 Любви, и Надежды, и Веры!

* * *

Мой поезд ушел!
 Кто сказал, что мой поезд ушел?
Еще в моем сердце
 желанья ничуть не остыли,
И дух экспедиции
 вовсе мне не опостылел,
В трудах и застолье
 по-прежнему я искушен.

Нет, жажда познания
 душу мне не иссушила:
Любовь неземную
 питает земная любовь,
И в синие дали
 уводит мечта за собой,
И страстью, кипящей в крови,
 наполняются жилы.

На возраст плевать,
 коль задор в голове не иссяк.
Покуда есть порох
 и искру я высечь способен,
Все в Крым буду ездить:
 по мне он Эдему подобен.
Я с ним не разлучен,
 и это — отнюдь не пустяк.

* * *

П. М. Симиновскому

Выводит мелодию ветер
На лире багряной зари,
Меж скалами стелется вечер,
Звезд первых зажглись фонари.

За дальней грядюю луна
Встает на дежурство ночное...
Налейте в бокалы вина
И выпейте вместе со мною.

Расслабиться время настало,
Дела и заботы — долой!
Мы вместе... и это немало.
Жаль, скоро нам ехать домой.

Да, скоро, но ведь не сейчас...
В запасе есть несколько дней,
Так пусть же не гаснет свеча
В армейской палатке моей.

Вздохнула гитары струна,
И что-то кольнуло в груди...
Что ж, Павел,
 давай по глотку, старина,
За то, что нас ждет впереди.

Так выпьем и снова нальем,
С дистанции чтоб не сойти,
И песню негромко споем
Об избранном нами пути.

ПРИЗНАНИЕ

Рекою памяти из осени в июль
Плыву в надежде к счастью возвратиться,
Пусть не дано былому возродиться,
Я песню вам об этом все ж спою.

Я песню вам об этом все ж спою...
Слова ее сбываются нечасто,
Но нас не удержать в стремленье к счастью,
В стремленье воплотить мечту свою.

В стремленье воплотить мечту свою,
Я отправляюсь в путь и строю планы,
Желаний хмель с резьбы срывает краны,—
И вот стою в палаточном краю.

И вот стою в палаточном краю,
Над бухтами, знакомыми до боли,
А за спиной лежат раскопы в поле,—
Я чувствую себя, ну, как в раю.

Я чувствую себя, ну, как в раю,
И радость меня словно окрыляет.

Хотя она забот не отменяет,
В Крыму я от забот не устаю.

В Крыму я от забот не устаю.
Мне не нужны Канары и Багамы.
Здесь молимся совсем иным богам мы,
Здесь звезды я руками достаю.

Здесь звезды я руками достаю,
Пишу стихи и молодость продляю.
При всех официально заявляю,
Что наши бухты, скалы, степь — люблю!

Все наши бухты, скалы, степь — люблю!
И в этом никакого нет секрета.
Да, я живу от лета и до лета,
Которому всю душу отдаю.

Вот почему из осени в июль
Плыву в надежде к счастью возвратиться...
Жаль, не дано былому возродиться,
Но все ж об этом песню я пою...

СНЫ

Седой туман виски обвил,
Пора задуматься о вечности,
Но траектория любви
Не исчезает в бесконечности.

Все чаще женщина одна
Во сне со мной ложится рядом
И ранит душу нежным ядом,
Опустошив ее до дна...

А в окружающий эфир
Летят признаний тайных фразы.
Мой нестареющий кумир,
Чьих жгучих глаз сияют стразы,

Твоих объятий тенета
Так притягательны и сладки,
Но наши «встречи» слишком кратки...
И снова явь... И суета...

ПРАВОСЛАВИЕ В НАШИХ ДУШАХ

Анна Клюева

МОЛИТВЫ

ПОСЛЕДНИЙ НАБАТ

Посвящается всем верным —
живым и павшим

Когда над несчастной Отчизной моей
Победно кричит воронье,
Когда у заблудших ее сыновей
Поругана слава ее,

Когда, разоряя родное жилье,
На брата разъярился брат —
Пусть всех, кому ведомо Имя Твое,
Сзывает последний набат.

Услышь уцелевших средь лютой чумы,
Сомкни и умножь их ряды!
Дай новые силы стоять против тьмы
За то, что не знают вражды!

Услышь их молитву о доме родном
Под грозный последний набат!
А павшие жертвенно в землю зерном
Пусть в них прорастают стократ...

* * *

О, Мати все,
Преображенная и
Всепрекрасная!
В райском далеком и
вечно цветущем краю
Ты не пребудеши
грешникам нам
безучастною,
Превозносящим великую
славу Твою.
И унимая страстей

смертоносных кипение,
Тех, что мешают душе
облегченно вздохнуть,
О, помоги обрести,
Всеблагая, умение
С истинной верой пройти
уготованный путь.

Душу к тебе простирая
с надежной, Всепетая,
Горечь, унынье и страхи
из сердца гоня,
Смело пойдем мы,
Любовью Твоею согретые,
Зная, что Ты нас хранишь
среди ночи и дня!

* * *

Храни, о, Господи, мой дом
И все, что дорого мне в нем:
Великих братьев имена,
Их образа и письма.

Младенцев, спящих
чистым сном,
Березу с кленом
под окном...
И даруй мирный небосвод
Для мирных мыслей
и работ.

Храни, о, Господи, мой дом
И всех, и вся,
живущих в нем —
И от огня, и от воды,
И от иной лихой беды.

От всех напастей огради,
Оборони и отведи;
И упаси от злых затей
И от иных кривых путей.

Спаси, о, Господи, мой дом
От превращения в Содом —
Вернее, чем от злой нужды
Иль от иной лихой беды.

Спаси неопытно-младых
И искушенных и седых;
Спаси, о, Господи, наш дом
И приумножь, что свято в нем...

ПРОЩАНИЕ С ВЕЛИКИМ ПОСТОМ

Ну, вот и кончается пост —
Прекрасное, строгое время.
О, Господи, разве он бремя? —
Он к Вечному Царствию мост.

Мне жаль, что кончается пост,
Которому званье — Великий.
На храмах весенние блики,
Молитва и пенье до звезд...

Как жаль, что кончается пост —
Души благодатное время.
Ослаблено недруга семя,
А Божие двинулось в рост.

Мне грезится чистая Русь:
Подвижников светлые лики...
Прощай, до свиданья, Великий!
Скажи мне, что снова дождусь!

Дарья Тимофеева

Я НИКОГО НА СВЕТЕ НЕ ОБИЖУ

*Случайно встретишь человека:
как в чистом поле талый ключ...
И вот не просто встреча —
веха*

*Кладет продолговато луч
на все, что пройдено отныне,
на все, что ныне предстоит.
И в самой горестно гордыне
ты обретаешь добрый вид.
И смотришь детскими глазами,
и удивляешься, что вот
под этими же небесами
тот светлый человек живет!*

Л. С. Ваганова.
Венок маме

День шестого ноября 2000 года стал для меня и моей мамы знаменательным и волнительным — получили по почте небольшую бандероль из Тулы, в которой было письмо и три книги. Это был ответ на мое письмо, которое я написала тульской поэтессе Любове Степановне Вагановой. На занятии литературного кружка нам было предложено собрать материал о писателях и поэтах, ныне живущих в Туле. Я почему-то выбрала поэтессу Ваганову Любовь Степановну. В справочнике «Тульская писательская организация» узнала адрес Любове Степановны и решила написать письмо.

Вместе с мамой писали письмо, я просила Любовь Степановну написать о себе, рассказать, над чем работает сейчас.

И вот передо мной письмо Любове Степановны и книги — 2 сборника стихов и Евангелие.

Прочитала короткие сведения о жизни, которые написала Любовь Степановна в письме, и мне захотелось узнать о ней больше.

Удивительно интересная, насыщенная жизнь, удивительная судьба.

Родилась Любовь Степановна в глухой деревне Малая Кочевка, за Уралом, в историческом треугольнике Ирбит-Туринск-Тобольск. У ее мамы была большая семья, одиннадцать детей, Любу очень любила бабушка и забрала к себе.

Она выросла в доме бабушки и деда, и ее детскими сказками были легенды и воспоминания стариков об Ирбитской ярмарке, куда съезжались купцы со всего мира, о Ратановом логе, где купцов вдали разбойники, о Туринской роще, посаженной декабристами, о воротах Сибири — Тобольском остроге, о белокаменном кремле над Иртышом, о Колчаке, проходившем через деревню, в которой жила Люба. Кстати, их деревня лежала на каком-то таинственном пути беглых арестантов, и дом бабушки находился у них на примете: иногда в сумерках или поздней ночью стучали палкой в окно, бабушка отворяла дверь, входило несколько человек, бабушка топила печурку, кипятила чай и укладывала их на полу. Задолго до свету люди уходили. Любе это

казалось тоже сказкой. Бабушка была неграмотна, но знала все травы и все окрестные леса. Это благодаря ей Люба знает по имени каждый цветок. Она вспоминает, приехала к ним гостя из Ирбита, попросилась по ягоды, набрать земляники. Бабушка сказала:

— Люба проводит!

Гостя недоверчиво посмотрела, но бабушка подтвердила:

— Люба знает места.

Ей шел седьмой год. В лесу по привычке она ела все, что встречала съедобного. Гостя не вынесла и завопила:

— Ты отравишься!

— Чем?

— Но ты ешь все подряд!

— Не все, а что можно...

Ягод набрали, но потрясли ее не ягоды, а трава, которую можно есть... так ее, оказывается, много...

Читать и писать Люба научилась на четвертом году — у деда. Дед был книголюб, и в их доме водились книги. Первая книга, которую она читала, был «Тихий Дон» Шолохова. Она говорит: «Не помню, что я там поняла, но читать полюбила навсегда». Тогда же начала писать стихи и очень этого стеснялась, потому что никто вокруг стихов не писал и она опасалась насмешек, прятала тетрадку, как великую тайну.

В первом классе она у нее была уже почти заполнена, и вот приходит однажды из школы и что же видит? Бабушка оклеила ее стихами стеночку на кухне. Гневу не было границ. А бабушка, человек неграмотный, вразумляла ее:

— Что ты гневаешься, Люба? Тетрадка вся исписана, чистых листочков нет. Скажи маме, чтобы дала чистую, там и пиши.

Она тогда впервые поняла, что написать не так уж трудно, куда труднее вынести сделанное на суд людской. И до сих пор она испытывает то же чувство, когда выходит новая книга или подборка стихов в периодике.

Так она жила, росла, окончила школу и послала свои стихи на творческий конкурс в Литературный институт имени Горького, который окончила в 1965 году. Дипломной работой была первая книга стихов «Начало», вышедшая в издательстве «Молодая гвардия», по которой ее приняли в Союз писателей СССР.

После института решила посмотреть мир и уехала на Дальний Восток, преподавала в Приморской краевой заочной школе моряков, была в заграничии, в Бристоле, в Сан-Франциско. Затем вернулась в родные края и жила в Тюмени, где работала редактором в облсовпрофе, занималась обобщением опыта домов культуры, благодаря чему объездила весь тюменский север: Салехард, Ханты-Мансийск, Березово, Сургут...

Написала три книги стихов, печатала прозу в коллективных сборниках. Потом Любовь Степановна тяжело заболела (туберкулез легких), и врачи поставили необходимым условием сменить климат на среднюю полосу России.

С 1975 года она жила в Рязани, вела областное литературное объединение «Рязанские родники» и литературные консультации при писательской организации, выпустила две книги стихов: «Перемены лет» и «Рязанская ярмарка».

В 1986 году по семейным обстоятельствам Любовь Степановна переехала в Тулу. В Туле она бывала и до этого: участвовала в празднике, посвященном В. А. Жуковскому, выступала на литературной неделе в Ефремове. И вот на многие годы Любовь Степановна свою творческую судьбу связала с этим прекрасным городом мастеров. В Туле она любит неспешность, неторопливость, присущую глубинному течению жизни.

На мой вопрос: над чем работаете сейчас? — я вдруг встречаю в письме неожиданный ответ:

«Собственно, из литературы я ушла уже давно — в религию. Приняла монашество (есть такой «постриг в миру» — человек живет в миру, носит мирскую одежду, но исполняет монашеские обеты). Это очень трудно. Труднее, чем в монастыре. Первые три монашеские обета: целомудрие (житие без брака), нестяжание (добровольная бедность) и послушание (житие по вере). Собственно,— по христианскому православному вероучению человеческая личность начинается с сострадания (когда человек способен воспринять чужое страдание, как свое, разделить страдание другого человека). Если человек не имеет сострадания ~ он еще на уровне зверя, человеческая личность в нем еще не сформировалась.

Вторая ступень человеческой личности — милосердие (когда человек не только разделяет страдание другого существа, но стремится помочь. Далее следует высокая лестница ступеней любви, вершина которой — способность пожертвовать собой ради спасения других людей или другого человека. Это уровень Христа, Спасителя,

Я ушла из литературы в религию потому, что всю жизнь искала только одного: истину, на которую можно опереться душе и выжить. Но литература — это поиск, это самовыражение, истину она не знает, только ищет. А религия «дает духовную истину, и я нашла ее...»

Меня потрясло решение Любви Степановны уйти в религию. Захотелось понять, почему поэтесса пришла к такому убеждению. Я перечитала стихи Любви Степановны из тех сборников, которые она мне выслала. И многое стало мне открываться. А некоторые стихотворения стали моими любимыми, а отдельные строки из них повторяли мои мысли, словно я их сказала:

*Задумчивы лесные сентябри:
в них горькое предчувствие покоя,
где будут снегопады, снегири,
и ночи без конца, и все такое...
Какой сентябрь не мыслит о зиме?
Какой февраль не думает о лете?
И кто из нас, живущих на земле,
не возрождался в обновленном свете?
Даль не бывает никогда видней,
чем в краткий миг неожиданных прояснений.
Чудесна череда ночей и дней,
и не боишься бед и потрясений.
Прекрасен лес в начале сентября!
В нем мысль неизреченная таится
и, так светло и жертвенно горя,
добром и светом на душу ложится.
Я никого на свете не обижу,
не принесу страдания и зла,
И все, что я услышу и увижу,
запомню только с лучшего числа.*

И вот еще, словно Любовь Степановна подслушала мои мысли:

*Люблю я умные глаза зверей,
Их неиспорченность души, неложность,
они верны себе, и у дверей
у наших — встали ныне как возможность*

*продолжить жизнь земную — это чудо,
подаренное нам как ниоткуда!*

.....

*Когда цветет сирень, у меня болит сердце
и хочется плакать: так коротко это цветенье —
как человеческая жизнь.
И нет у меня слов, чтобы выразить боль.*

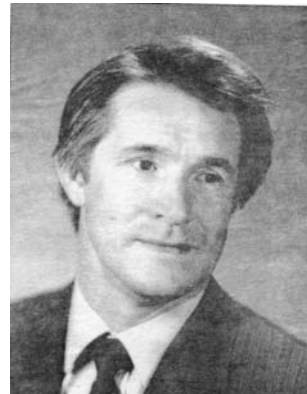
А какая боль за Россию, русский народ в этом потрясающе правдивом стихотворении!

*Повсюду тешилось мещанство, в героях были
палачи,
У власти пустота и чванство, а истина
и честь — молчи!
Все скажется — уже сказалось,
уж погибает наш народ,
ведь что бы с ним ни сотрясалось —
губили в первый же черед
тех, кто получше, поумнее, почище помыслом
в миру,
и становилось все темнее, поскольку свет стекал в дыру...
И что же думал ты, правитель, недолгий
и очередной?
Ведь ты такой же русский житель,
ведь это твой народ родной!..*

Страшная правда в этих словах, вопрос без ответа и... многоточие. И ответ на вопрос, мучивший меня. Почему Любовь Степановна Ваганова, талантливая поэтесса и удивительно интересный человек, ушла из литературы в религию.

У НАС В ГОСТЯХ

Юрий Орлов
(г. Иваново)

МОЕ ПОСЛАНИЕ:
региональный срез общероссийской
проблемы творческих союзов

Юрий Орлов — ответственный секретарь Ивановской областной писательской организации, поэт и прозаик, известный не только в Ивановской области, но и далеко за ее пределами.

Не так давно мне, как постоянному респонденту Фонда изучения общественного мнения при Президенте России, было предложено за очень умеренную плату прорецензировать доклад специалистов Фонда на тему: «Синдром-2008». Речь в докладе шла о социально-экономической и политической ситуации в стране в преддверии очередных президентских выборов. В той части обширного доклада, где затрагивалась проблема формирования в стране так называемого среднего класса в качестве главного несущего каркаса стабильной общественной системы, я позволил себе «отступление», которое по драматизму своему вряд ли можно назвать «лирическим». И вот о чем речь (цитирую сам себя):

«Государственная власть, обездоливающая творческую элиту, поступает крайне опрометчиво, нерасчетливо, близоруко. Это все равно вылезет для нее проблемой, как острие шила из мешка. Вот вопиющий пример: известнейший в родном крае писатель-прозаик, вконец обнищавший в ельцинские времена, от безысходности восклицает: «Но пусть меня тогда публично судят за то, что я, как писатель, не могу даже за квартиру обязательные платежи внести, если мне одеть стало нечего и на пропитание не хватает!..» И от неподдельного отчаянья такого писатель этот стал сознательно приближать собственную смерть. Позднее другой писатель написал об этом потрясающее эссе: «Бегство из ада». — То есть это было бегством из жизни, превратившейся для данного писателя и для абсолютного большинства профессиональных писателей России — в суший ад, в балансирование на грани нищеты. А ведь это все люди в кругу интеллигенции известные и очень влиятельные. — Как же не забродить умам? А первопричина? — Она в том, что господин Ельцин в свое время порушил систему обязательных отчислений от издаваемой в стране художественной литературы в «Литературный фонд России» — своеобразный писательский профсоюз, гарантированный «общаг». На эти деньги строились писательские Дома творчества, оказывалось вспомоществование писателям. Теперь все это в прошлом и ничего взамен писатели до сих пор от государства не получили, оставшись без каких бы то ни было средств к существованию, хотя издатели сплошь и рядом — захребетничают и жи-

ругут. Более того — и статуса официального у писателей ныне никакого нет. Есть по факту творческие писательские союзы, но в условиях отсутствия соответствующей строчки в законе их формально как бы и нет, а есть просто общественные организации (досугового толка). И получается: общество любителей манной каши и профессиональный творческий союз, созданный по производственному признаку (или писатели ничего не производят?) — как бы одно и то же. И еще: в государственном перечне профессий «художник» — есть, а профессии «писатель» — нет. Хотя они, писатели, не просто есть, но и владеющие словом являются активными выразителями и генераторами бытующих умонастроений. И вот он парадокс — тех, кто мог бы стать естественной и мощной опорой власти в деле консолидации общества, искусственно обращают в ее противников под неумолчные разговоры о среднем классе, к каковому писатели и должны были бы в первую голову принадлежать. Но — увы!.. Несуразицу эту необходимо срочно нормализовать. А не то складывается впечатление, что Президент, проявляющий очевидную заботу о физической культуре и спорте, культуру духовную оставляет сиротой. А вот если бы — с позиции все того же здравого смысла — воссоздать разорванную цепочку: писатель — издатель — читатель, то и просить у государства писателям практически ничего бы не пришлось, имея кровное — свое. Или кто-то додумается и скажет, что после Пушкина, Гоголя, Твардовского писателей у нас нет и быть не может?» (Конец цитаты.)

Не знаю, произвело ли откровение мое на столичных аналитиков какое-либо впечатление, но обещанный гонорар в виде почтового перевода я действительно вскоре получил и... тотчас же его отдал в качестве платежей за услуги телефонной связи писательской организации и в качестве скромного вознаграждения за труд штатным сотрудникам организации, лишенным пять лет назад официального права на заработную плату. Такова противоречивая наша реальность. В Иванове она — именно такова, в других регионах — несколько иная, поскольку образовавшийся в нашей стране законодательный вакуум касательно официального статуса и правовой основы деятельности творческих союзов в каждом отдельно взятом регионе восполняется ныне по-своему — в меру государственной мудрости и элементарного здравого смысла того или иного регионального руководителя. Но такого прецедента — чтоб областная писательская организация годами содержалась, по сути, за счет собственной скудной пенсии ее выборного председателя — в России уж точно ни в одном из регионов больше нет. А почему, спрашивается, нет? Позволю себе еще один небольшой экскурс. Тот же господин Ельцин, порушивший отлаженную систему отчислений от книжных продаж в пользу писателей, позволил-таки в качестве некоей компенсационной меры прописать их финансирование отдельной строкой в местных бюджетах, дабы финансовое обрушение местных отделений писательских союзов не было столь катастрофичным. Ставка руководителей областных писательских организаций рассчитывалась единообразно по высшему — 18-му разряду. Штатное расписание для всех региональных писательских организаций в стране тоже было единым. Помимо выборного руководителя, в штате значились: литературный консультант, секретарь-машинистка, бухгалтер, уборщица. И как бы то ни было — жизнь творческих союзов продолжалась. Но с 1 января 2002 года вступил в действие нынешний бюджетный кодекс, предписывающий запрет на прямое бюджетное финансирование общественных организаций, к каковым формально — при отсутствующем до сих пор законе о творческих союзах — не трудно было отнести и писательские организации со всеми вытекающими для них последствиями. «Сказка про белого бычка» началась сначала. Теперь уже перед губернскими начальниками встал вопрос: пустить ко дну свои писательские союзы или каким-то образом удержать их на плаву? И тогда вставал другой вопрос: а целостный спектр культуры даже на региональном уровне возможен ли без литературной составляющей? Поскольку ответ даже на вскидку представляется совершенно очевидным, постольку в каждом регионе находились свои собственные

варианты обеспечения дальнейшего нормального функционирования писательских организаций. Причем, в любом варианте финансовая поддержка писательских союзов гос. чиновниками за счет бюджетных средств хоть и выглядит благодеянием, но не может считаться некоей милостивой подачкой в свете вышесказанного об истории принудительного обескровливания некогда вполне состоятельного писательского сообщества. Одни чиновники его «раскулачили», обездолили, а теперь другие задаются вопросом: и чего, мол, эти писатели такие бедные? И тем не менее всякий рачительный хозяин своей подведомственной «территории», своего «генерал-губернаторства», — не позволит за просто так морить писателей голодом, понимая, чем это может для него обернуться, ибо непреложная истина, сформулированная еще итальянским писателем-гуманистом Д. Боккаччо, состоит в том, что *«не имена великих полководцев дают славу писателям, — наоборот, — имена королей переходят к потомству только благодаря писателям...»*. Всякий разумный и рачительный... да, увы, не всякий. Бывший ивановский губернатор Тихонов, например, писателей в упор видеть не хотел и публичную расправу над ними даже пытался учинить. И был в нелепости своей смешон. История эта не без помощи столичной прессы стала достоянием всей культурной общественности страны. И вот закономерный итог: кому нечего было терять, тот ничего и не потерял, а вот губернатор этот лишился-таки собственного кресла вслед за своеобразной «черной меткой», выданной ему писателями в виде достопамятной «Черной книги». Может, мемуарами теперь займется на досуге, а там, глядишь, тоже писателем станет, собратом по перу, прощения за старое попросит, осознав, — насколько нелегок он, писательский-то хлеб. Случаются же метаморфозы!..

Да, к руководству в нашем крае пришли новые люди, с другим, — более цивилизованным менталитетом. И позитивные подвижки во взаимоотношениях местных писателей с властью ныне налицо: своим волевым решением губернатор снял все искусственные инсинуации вокруг помещения, исторически занимаемого писательской организацией, предоставив его писателям в безвозмездное, безарендное пользование. Уже самый этот поступок — существенный штрих к портрету истинно государственного мужа. И состоявшаяся вскоре (в апреле с.г.) личная неформальная встреча нового губернатора со своими теперь уже земляками-писателями развязывала практически все тугие узлы. И развязала все... кроме одного, о котором здесь и речь. Недаром все-таки говорят: короля делает свита. Им, чиновникам, видимо невдомек, что в ситуации — единственной на всю Россию — когда солиднейшая областная творческая организация дотируется из собственного кармана ее руководителя — отставного офицера, унижается достоинство не офицера бывшего (он-то как раз становится героем), а личное достоинство губернатора. Но резолюция областного «начфина» на губернаторском запросе фатально безапелляционна: «Это общественная организация и они должны работать на общественных началах».

И тем не менее — вопрос вполне решаемый, если его так или иначе решают в иных российских весях. Да и высокопоставленные наши местные чиновники не лишены практической сметки, если один из них в личной беседе прямо так и сказал сочувственно: «Лично я легко бы решил ваши финансовые проблемы», — и тотчас же начертил немудреную, вполне законную схему. Не стану из этических соображений подставлять этого чиновника (мало ли что!), но схем и вариантов при соответствующей фантазии найдется действительно немало — была бы к тому добрая воля. А воля у нашего губернатора, как мы убедились, — есть. Значит и дело — дело самое что ни на есть благое — представляется не безнадежным.

Что же касемо содержательной стороны деятельности областной писательской организации, то можно уверенно сказать, что в преддверии своего 75-летия она, не взирая на всякие препоны, свою нишу в культурном пространстве региона занимает прочно и достойно. Но это, как говорится, уже совсем другая тема.

Владимир Малаховский
(г. Москва)

Член Союза писателей России. Автор сборника стихотворений «Мы в заколдованном лесу». Ранее публиковался в альманахе «Феникс» семинара Л. И. Ошанина (1995); регулярных и разовых изданиях МГО СП России (в т.ч. журнал «Поэзия»), периодической печати.

ПОСЛЕДНИЙ...

Последний поезд, как последний день,
В последний путь увозит миг последний.
Последняя безудержная лень
Поймать желает душу. Ставит бредни.

Последний, мельком виденный перрон.
Последний вздох, что был случайно слышен.
Последний выстрел и последний стон.
Последний вкус немного кислых вишен

Последних слов едва заметный звук.
Последний взгляд. Последнее прости.
Последнее касанье теплых рук.
Последний шаг последнего пути.

* * *

Ночь сменяется днем бесконечно.
А удача придет и уйдет.
Танец времени яркий и вечный.
А мгновение — миг, и пройдет.

Шелест листьев — осенняя прелесть.
А весна — время ласковых слов.
Зацветает в Шотландии вереск,
Навевая мелодию снов.

ГИМН КРЫСЕ

Кто видел крысу только раз,
Забыть ее не сможет стати.
И блеска умных черных глаз.
Лишь хвост немного неприятен.

Когда она придет к вам в дом
И тихо сядет на диване.
Играя членистым хвостом,
Слегка задремлет как в нирване.

Не стоит гнать ее за дверь
И с криком бегать по квартире —
Зашел к вам в гости милый зверь,
Оставив дом в подземном мире.

Дотроньтесь — шерсть ее мягка,
Она с отливом серо-синим.
Края ушей белы слегка
Как будто их осыпал иней.

Когтей изгиб и острота,
Усов чуть видные метелки.
Да, неземная красота.
И лишь характер, как у волка.

1994

ФЕНЕК*

Выйдешь из дома — присядь на пенек.
Видишь — под елкой таится фенек.
Скажешь: «Такого не может и быть».
Скажешь: «Его не могли там забыть».

Может, его там никто не бросал.
Может быть, этот песков аксакал
Просто в пустыне живет, но своей,
Еле заметной меж мхов и ветвей.

Может быть, он от жары изнемог.
Может, от холода сжался в комок.
Пробуй к его прикоснуться спине —
Гладить по шерсти приятно вдвойне

2003

* Фенек — пустынная лисица.

* * *

Путь, нам казавшийся случайно-неслучайным.
Путь, пройденный и прожитый вдвоем.
Кофейным был и винным, был и чайным.
Но был уже. Мы разными идем.

* * *

В любовь ныряя с головой, остановись на миг.
В момент последний, роковой. Остановись на миг.
С утра ты парень молодой. Остановись на миг.
С утра ты парень молодой, а вечером — старик.

* * *

Очень тихо и печально
Кто-то ходит по меже.
Стала ты на миг реальна,
А тебя и нет уже.

Ласка, тщу себя надеждой,
Оживит огонь во льду.
Холод требует одежды,
Но зачем носить узду?

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ И БИБЛИОГРАФИЯ

Виктор Пахомов

...ДЕЛО РУК УТОПАЮЩИХ
(О романе А. Яшина «Подводная лодка
«Капитан Старосельцев»)

В конце 2006 года в столичном издательстве «Московский Парнас» (одноименного Независимого литературного агентства) вышел роман известного тульского писателя, главного редактора межрегионального литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» Алексея Яшина «Подводная лодка «Капитан Старосельцев»^{*}.

О чем он? Если вкратце, то посвящен роман открытию уникального способа лечения СПИДа и судьбам людей, причастных к реализации его в губернском городе X.

Роман вобрал в себя характерные особенности научной фантастики и детектива, но и, разумеется, отечественной романистики. Следя за перипетиями событий, описываемых в романе А. Яшина, читатель непременно вспомнит коллизии «Мастера и Маргариты» Булгакова, «Гиперболоида инженера Гарина» Толстого, «Человека-амфибию» Беляева и других известных произведений подобного рода.

Станет ли роман хрестоматийным в ряду названных, покажет время. Но то, что он будет прочитан и оценен по достоинству, бесспорно. Путем введения в основной текст графических иллюстраций, напрямую вроде бы не связанных с ним, прием, используемый автором и ранее, здесь особенно уместен для создания дополнительного, если не основного, фона для диалога с читателем.

Прием срабатывает блестяще. Мало того, все герои произведения узнаваемы, списаны с реальных лиц тульской научной интеллигенции, творческой элиты, как и главный герой романа — университетский профессор Олег Владимирович Старосельцев. Все это не может не интриговать дотошного тульского читателя. Недочитанным роман не станет ни в коем разе.

Писатель мастерски закручивает сюжет с панацеей от неизлечимой болезни, сулящей счастливчику славу нобелита, баснословные деньги, немислимые возможности и блага натерпевшемуся от судьбы провинциальному ученому.

Дальнейший ход событий в романе диктуется извлечением максимальной выго-

^{*} Яшин А. А. Подводная лодка «Капитан Старосельцев»: Патриотический роман. Рассказы в мистическом стиле. Петровская академия наук и искусств. Независимое литературное агентство «Московский Парнас». — Москва: «Московский Парнас», 2006.

ды из подарка судьбы, но, увы, незаконной, в духе времени скрываемой от раздираемого реформами государства.

Роман более чем современен, так как написан с болью и горечью за происходящее с нами и Родиной. Повязанные одной корыстной веревочкой, подобранные профессором профессионалы своего дела создают частную клинику, «крышуя» ее под легальную лечебницу, пользующую страдающих импотенцией. План личного обогащения превзошел все ожидания. Однако глава развернувшегося медицинского бизнеса не в силах подавить муки совести, не в состоянии нести их в себе. Содеянное терзает его, дают знать в нем его крестьянские корни, благородство души.

Оступившийся идеалист и романтик решается на искупление своей вины: выделяет миллиард долларов на строительство сверхсовременной подводной лодки, что всерьез насторожило пресловутое международное правительство, заинтересованное не в укреплении российского военного флота, а в обратном, в его развале. Но время ушло. Корабль построен, спущен на воду. На боевое дежурство вместо погубленного «Курса» вышел ему на смену еще более мощный «Капитан Старосельцев».

Признаться, прочитав роман, никак не хотелось расставаться с его героями.

Сработал симптом заинтересованности в продолжении романа. Произойдет это и с читателями.

Роман А. Яшина «Подводная лодка «Капитан Старосельцев» объясняет многое в окружающей нас действительности, объясняет нам и нас самих. Виртуальность романских событий отнюдь не снижает его художественных достоинств. Его стиль, язык, энергия, информационность удовлетворяет самого строгого читателя.

Старосельцев чем-то напомнил зрителям Святослава Федорова, чья деятельность прервалась так неожиданно и трагично.

Из дюжины книг, написанных Алексеем Яшиным, роман «Подводная лодка «Капитан Старосельцев» не только очередной, а скорее этапный, подводный некий итог пройденного творческого пути много пишущего и успешного автора.

Роман будет востребован не какой-то частью читателей, как это водится, а всеми, кто любит серьезную литературу, отличает ее от литературного ширпотреба, разлитого графоманства.

О чем бы не шла речь в романе: о мировых религиях, тайнах истории, искусства, политике, философии, психологии, медицине, уфологии и прочих предметах человеческой деятельности, во всем автор чувствует себя как рыба в воде. Его рассуждения, в меру ироничные оценки, выводы, комментарии нетривиальны и убедительны. Порой автор и герой сливаются в одно целое, буквально «раздевая» нынешних демократов и либералов за их обезьянничание и угодничество перед цивилизованным Западом, их коррумпированность сверху донизу, предательство доверившегося им народа. Недаром автор назвал роман патристическим. Прочитавший роман непременно обогатит свою память знаниями всех тех богатств. Далее по известному вам тексту.

Авторская манера доверия к читателю постоянно достигает цели. Яшину веришь, он, так сказать, идет со своим братом-читателем в обнимку.

Есть ли в романе упущения?

Вероятно! Но я бы в этом смысле остановился на упущенных, на мой взгляд, возможностях. Естественно, ни на что не претендующий взгляд. К ним отнес бы сюжетное устранение профессора Старосельцева от своего гениального открытия, безболезненное по сути свертывание деятельности его клиники.

Малой кровью отделаться от властей и криминала нельзя. Здесь обязаны столкнуться, скреститься алчные интересы многих групп и лиц, а уж пролить кровушки на сведение счетов — тем паче. Но противно это оказалось авторской натуре.

Сюда присовокупил бы и религиозоведческие выкладки авторского предисловия, никак не развитые в романе.

Не проявлена и роль Михаила Александровича (гоблина). Плюс неточное цитирование пушкинских и ломоносовских строк.

Показались некой данью современной отвязанной литературе излишние, инородные добротной ткани романа картины интима.

Никак не хочется признаваться в том, что мир наш изначально порочен и все мы, обретающиеся в нем, не без греха.

«Живу, а кажется: тону» — признался один хороший русский поэт. Он прав. Ощущение тревоги все явственнее и неотступнее в каждом из нас.

Говорили: Москва слезам не верит!

Слезам не верит ныне сама страна, повергнутая в раздрай и хаос. Тонет страна со всеми нами вместе, нами, забывшими, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

Об этом и роман замечательного тульского писателя-гражданина.

От редакции: С отдельными главами из романа читатели могут познакомиться в № 3–4, 2006 «Приокских зорь».

ВОЙНА И НАША ПОБЕДА — ВЕЧНАЯ ТЕМА

Аркадий Георгиевич Шипунов

БЫЛИ ЛИ МЫ ГОТОВЫ К ВОЙНЕ?*

65-летие начала Великой Отечественной войны — дата, значимая для России начала третьего тысячелетия. У россиян короткая память: стоит любому крупному событию в истории России исполниться 65 лет, о нем начинают меньше вспоминать. За примерами далеко ходить не надо: отпраздновали в свое время 65-летие Великого Октября, схоронили Брежнева — и пошли на Руси социальные потрясения, сделавшие социализм «неактуальным». То же самое может произойти и с 65-летием начала Великой Отечественной войны... В оценке 22 июня 1941 года туляки предпочитают сверяться с мнением действительно авторитетных людей. Имя академика РАН, начальника Конструкторского бюро приборостроения Аркадия Георгиевича ШИПУНОВА хорошо известно в России. Более года тому назад, еще в канун 60-летия Великой Победы, он дал большое интервью газете КВБ «За прогресс». Немалая часть этого интервью посвящена всему, что предшествовало 22 июня 1941 года. Эту часть интервью мы предлагаем вниманию наших читателей.

Я остановлюсь на некоторых вопросах, которые в истории Великой Отечественной войны или недостаточно освещены, или по тем или иным причинам неверно трактуются или сильно искажаются. Причем это относится как к советскому периоду, так и современному. Правда, искажения эти разного характера, противоположные. Прежде всего, это утверждение, что руководство СССР и лично Сталин полностью находились под влиянием Германии, встали на путь сговора с Гитлером, поделили Европу и вообще имели немцев союзниками.

Я могу утверждать, что это — полнейший абсурд. Известна история заключения договора с Германией. Правительство СССР накануне Мюнхенского соглашения, когда угроза нависла над Чехословакией, безуспешно добивалось возможности помочь этой стране.

Судьба Чехословакии была решена на конференции в Мюнхене, в которой участвовали Англия, Франция, Германия, Италия. 29 сентября 1938 года был подписан «смертный приговор» Чехословакии. И опять СССР заявил о своей готовности выступить на защиту Чехословакии и призывал Англию и Францию поступить также.

* Газета «Тула» от 22 июня 2006 года, с. 35. Материалы раздела публикуется к 66-й годовщине начала Великой Отечественной войны советского народа против Германии и ее сателлитов.

Единственный вопрос, который не был решен — по урегулированию пропуска наших войск через Польшу. В создавшейся обстановке Польша заняла самоубийственную позицию, рассчитывая принять участие в разбойничьем походе Германии. Польское правительство не разрешало проход советских войск через свою территорию и упорно отклоняло помощь СССР. 15 марта 1939 года Германия ввела войска в Чехословакию и ликвидировала ее как независимое государство.

Все попытки, предпринимаемые Советским Союзом, организовать трехстороннюю коалицию по обузданию Гитлера, были сорваны Англией, Францией, которые избрали другой путь — умиротворения Гитлера. Конечно, не все представители этих стран были согласны с такой политикой. Здесь надо отметить особую позицию У.Черчилля, который единственный в руководстве консерваторов категорически выступал против умиротворения Гитлера и доказывал, что возрождающаяся германская армия опасна для Европы. Но его никто не слушал. Более, реально встал вопрос об исключении Черчилля из руководства партии консерваторов в связи с тем, что его политика противоречила политике партии. Это хорошо описано в воспоминаниях Черчилля о войне, но читать их нужно с большой осторожностью, потому что он, как настоящий писатель и корреспондент, много событий исказил.

Таким образом, война в Европе зрела, и ее авторами были западные державы.

Усилиями Советского Союза в конце августа 1939 года представители трех стран — Англии, Франции, СССР — встретились на переговорах в Москве. Нашу делегацию возглавлял К. Е. Ворошилов, который был наделен широкими полномочиями, кроме того, он каждый день мог консультироваться у Сталина. Франция и Англия выделили для переговоров людей второстепенных, которые не могли принимать самостоятельные решения от имени страны. Советская военная миссия представляла конкретный план ведения согласованных действий, предусматривающий все возможные случаи агрессии в Европе. Речь шла о конкретных цифрах, например, о количестве дивизий, которые в случае необходимости будут выставлены, и о многом другом. Представители западных держав с самого начала пытались уклониться от серьезного и делового обсуждения вопросов. Они не имели даже предварительного плана ведения военных действий. **Можно сказать, что если бы соглашение было заключено, то войны бы не было.** Гитлер не пошел бы на развязывание войны против коалиции объединившихся трех держав. И не были бы захвачены Польша, Югославия, Греция и другие страны. И не началась бы война против Советского Союза. **Но это не входило в планы западных держав, которые хотели открыть Гитлеру дорогу на Восток.**

В этом отношении наше правительство оказалось в очень затруднительном положении. Нам предстояло столкнуться один на один с Германией. К войне Советский Союз не был готов, поэтому было принято решение вступить в переговоры с Германией. Это было в интересах и СССР, и Германии.

Наш интерес заключался в том, чтобы отвлечь немедленное столкновение с Германией, ее вторжение. Для Гитлера развязывались руки на Западе, потому что он понимал нашу психологию: если мы подписали договор, то его не нарушим. 23 августа 1939 года в Москве был подписан пакт о ненападении. Я считаю, что это было правильно. Эта мера — по заключению пакта — была вынужденной, потому что Запад отказался сотрудничать.

Советское правительство, заключая договор с Германией, знало, что рано или поздно она развяжет войну против нашей страны. Сталин хотел выиграть время. Действительно, удар немцев сначала пришелся на Польшу. При этом надо помнить, что после разгрома польской армии Советский Союз ввел свои войска и освободил Западную Украину и Западную Белоруссию, отодвинув границу на 250—300 км, что давало в дальнейшем немалые стратегические преимущества. Можно, конечно, говорить: «Ну

какой эффект от 300 километров, если в 1941 году немцы били нас как хотели?!» Давайте рассуждать. А если бы не было этих 300 километров? То путь до Москвы был бы на 300 км меньше, и был бы не декабрь, а октябрь и т.д. Если руководствоваться здравым смыслом, то это, безусловно, сыграло свою положительную роль.

До войны я был знаком с начальником УНКВД по Орловской области Константином Филипповичем Фирсановым, который впоследствии написал книгу об орловском подполье. Я дружил с его сыном, и мы, молодые, обсуждая вопрос защиты границы СССР от врагов, говорили, что надо устраивать укрепрайоны с автоматизированной системой огня, но он, мудрый человек, сказал, что главная наша защита — это наша территория. И он был прав. Именно так и получилось.

Договор, заключенный с Германией, предусматривал и взаимные поставки, поэтому встречается утверждение, что мы Германию считали своим союзником и не готовились к войне. Я скажу, что нет более надуманного и глупого утверждения, и это еще одно искажение истории. Да, действительно, от нас в Германию шли лес, руда, пшеница, сало. Из Германии, в свою очередь, к нам поступали станки, оборудование, военная техника. Более того, наши специалисты за это время познакомились с немецкой промышленностью и передовыми образцами техники. Но при этом вся страна готовилась к войне. И ни у кого не было сомнения, что эта война будет с Германией.

Накануне войны были приняты чрезвычайные законы: ужесточение трудового законодательства, закрепление рабочей силы на заводах, строгие наказания за прогулы, введение жесткого нормирования труда, переход заводов на двухсменную работу и многое другое. Одновременно это сопровождалось выполнением большого количества важных опытно-конструкторских работ. Страна готовилась к войне — и с точки зрения разработок оружия, и с точки зрения организации его массового производства. Например, боевые самолеты, которые участвовали во Второй мировой войне, были созданы в предвоенные годы. Сюда относятся штурмовики, истребители. То же относится и к танкам, например, знаменитые Т-34, которых, к сожалению, было мало. Перед войной, по разным данным, у нас было выпущено 400—600 таких танков, но это гораздо больше, чем было современной техники у немцев. Кроме того, были тяжелые танки КВ. были созданы артиллерийские системы. И конечно, были работы нашего ЦКБ-14 в области изготовления стрелково-пушечного вооружения и в первую очередь — для авиации.

А дальше начались неожиданные для нас провалы в расчетах по времени. Они заключались в том, что передышка, на которую мы рассчитывали, заключая договор, оказалась мала. Конечно, это — безусловное упущение руководства нашей страны. Гитлер решил вопросы поражения Западного фронта гораздо быстрее, чем мы ожидали — всего за два месяца. И вот, когда под сапогом Германии оказались Франция, Бельгия, Дания, Норвегия, Голландия, нацисты устремили свои алчные взоры на Восток. К 1 марта 1941 года к Тройственному пакту, кроме Германии, Японии и Италии, присоединились Венгрия, Румыния, Словакия, Болгария. Нацистская дипломатия предприняла шаги для вовлечения в агрессивный союз и Югославии. 25 марта 1941 года правительство Югославии подписало протокол о присоединении Югославии к Тройственному пакту, но этот антинациональный акт вызвал острый политический кризис в стране. Произошел государственный переворот. Новое правительство заключило договор с Советским Союзом о дружбе и ненападении, который стремился предотвратить распространение фашистской агрессии на Балканский полуостров. Германия, не сумев вовлечь Югославию в свой блок, чтобы не оставлять в своем тылу непокоренные страны, 6 апреля 1941 года напала на Югославию. Силы были неравными, и уже 18 апреля был подписан акт о капитуляции. Но народы Югославии не покорились фашистам, они продолжали непримиримую борьбу против оккупантов.

Одновременно с нападением на Югославию началось вторжение в Грецию. Мужественные патриоты Эллады самоотверженно сражались с врагом. Вражеские части оккупировали всю страну и многочисленные острова в Эгейском море. В конце мая немецкие войска овладели островом Крит, который предполагалось использовать как плацдарм для вторжения на Ближний Восток и захвата Суэцкого канала.

Естественно, перед войной были доктрины, которые превозносили могущество авиации и ее перспективы. Но, как всегда, в доктринах может содержаться много умного, и вместе с тем нет точно выверенного расчета. И Гитлер, и Геринг, командующий авиацией и авиационной промышленностью, были приверженцами новых видов вооружений, в том числе и в авиации. За 20 лет развития после Первой мировой войны авиация в стране была превращена в один из основных родов вооруженных сил, в грозную боевую силу. Так, существовала доктрина Бауэра, заключавшаяся в том, что авиация может решить исход войны за счет завоевания господства в воздухе, бомбардировки и высадки десанта. Фактически в соответствии с этой концепцией немцами был атакован остров Крит, который прикрывался небольшими греческими и английскими подразделениями, и было удивительно, что большой авиационный десант не принес успеха. Немцы «кувыркались» до тех пор, пока не пришел на помощь морской десант. Этот неудачный пример был одной из причин отказа Гитлера в дальнейшем делать большую ставку на воздушный десант. Он сделал правильный вывод.

Итак, Гитлер обернулся к России. *22 июня грянула война. Были ли мы готовы к войне? Поскольку подготовка к войне — понятие разностороннее, я считаю, что в определенной степени мы были готовы, и вместе с тем по многим вопросам не готовы.* Страна была готова с точки зрения мобилизации армии, которая была богато оснащена. Всякие бессмысленные разговоры, как три бойца бегали с одной винтовкой — огромная глупость. Да, может быть, где-то, по каким-то причинам такие ситуации складывались, но в целом нехватки вооружения не наблюдалось. Не хватало умения использовать это оружие. Была готова промышленность, которая до войны выпускала танков гораздо больше, чем немцы во время войны. Были большая численность населения, дух патриотизма, крепкий тыл.

Почему же столь печален результат первого года войны, 1941-го? Я думаю, что основная причина — отсутствие стратегической концепции войны: с чего она должна начинаться и как развиваться. В частности, не было установки на стратегическую оболочку в первый период. Тогда начальник Генштаба маршал Б. М. Шапошников говорил, что если противник нападет, то неизбежно будут оборонительные операции. Вроде это казалось совершенно ясным. Но Сталин сказал: «Нет. Отдавать землю противнику мы не можем. Это решение для нас неприемлемо». И совершенно зря. Эта концепция — из учебника, и она абсолютно правильная. Если бы мы ее придерживались, то смогли бы избежать таких больших потерь.

С целью воспрепятствовать захвату территории наши войска были равномерно вплотную подведены к границе. Тем самым они были подставлены под удар. Резервы были, но небольшие и размещенные не в тех районах. Все это и привело к крупнейшему поражению нашей армии. Много живой силы попало в плен, были большие потери техники. К примеру, наши танки, несмотря на высокий технический уровень, не сыграли свою роль, так как остались на границе. Кроме того, немцы использовали танки концентрированно; в больших группах подвижных соединений, а у нас существовала идея деления, и танковые бригады были много меньше по численности техники. Всегда, когда практические соображения приносятся в жертву политическим амбициям, ничего хорошего не получается...

Николай Дронов

СЕКРЕТЫ «ПАКТА О НЕНАПАДЕНИИ»

После свершения Великой Октябрьской социалистической революции всемирный антиславянизм немедленно превратился во всемирный антисоветизм!

Ведущим капиталистическим странам тем более было трудно тогда оставить в покое страну, которая еще и имела перед ними долг в 68 миллиардов рублей, что в 3 раза превышало ее золотой запас! Одних только процентов Россия ежегодно платила им по 400 миллионов рублей золотом! Возглавили очередной глобальный «крестовый поход» Соединенные Штаты Америки, невероятно нажившиеся на поставках в 1-й мировой войне! Решено было уничтожить СССР руками проигравших ту войну германцев, а заодно обескровить и саму воинственную Тевтонию — своего второго геополитического конкурента в Европе. Уже в декабре 1917 года в Вашингтоне был подготовлен секретный меморандум «Инкуайри», в котором говорилось: «...В настоящее время... направлением наиболее легкого продвижения Германии должен быть Восток... с тем, чтобы обеспечить контроль над Россией». В случае принятия Германией данного плана США гарантировали ей необходимую дипломатическую и финансовую помощь, сырье и рынки...

После того, как германские монополисты без колебаний поддержали этот план, президент США Вильсон «попросил» своих коллег по Парижской мирной конференции «проявить умеренность» в своих претензиях к Германии. Он же предложил разрешить Германии иметь армию в 200 тысяч человек, ввозить в страну оружие, боеприпасы и все нужное для войны, остальное... США поддержали и просьбу самой Германии о присоединении к ней Австрии. Судейской области и других, важных в стратегическом плане районов за пределами ее территории! Как видим, будущие жертвы будущей фашистской державы были определены Америкой и К° еще в 1919 году.

В итоге программа милитаризации Германии начала воплощаться в жизнь без промедления! Предприятия тяжелой и военной промышленности стали быстро наращивать мощности и уже с начала 20-х годов перешли на выпуск танков, самолетов, орудий и другого, нужного для большой войны на Востоке вооружения.

Одновременно США осуществляли подбор кадров, готовых и способных реализовать в жизнь их замыслы. В 1922 году представитель американского военного атташе в Берлине Смит встретился с немецким генералом Людендорфом, который заверил, что Германия готова создать такое правительство, которое непременно будет фашистским, ибо именно «фашистское движение должно стать началом национального пробуждения Европы». На роль фюрера Германии Смит был представлен Гитлер — руководитель небольшой в то время национал-социалистической партии Германии, рабочих в которой было только 15 %. После беседы с ним Смит пришел к выводу на роль диктатора в Германии Гитлер вполне пригоден. Этот «баснословный демагог» и фанатик-антикоммунист, бесспорно, способен обеспечить единство немецкого народа, возродить военную мощь рейха и направить ее против СССР. «Для Америки и Англии,— сделал он второй вывод,— было бы гораздо лучше, что-

бы решительная борьба между нашей цивилизацией и марксизмом произошла бы на немецкой земле, а не на американской или английской».

О том, что российский марксизм был лишь фиговым листком, прикрывающим давление и алчные планы США и Запада, убедительно свидетельствуют слова президента Штатов Франклина Рузвельта: «Десять тысяч коммунистических агитаторов не могут причинить нам десятой части зла, которое причиняем нам одна тысяча собственных толстосумов!» А ведь это утверждение оказалось сказанным в беспросветные годы Великой депрессии (1929—1934 гг.), в которую Америку вогнали ее ненасытные дельцы от экономики, политики и культуры. Именно тогда Рузвельт, «спасая капитализм от капиталистов», железной рукой ввел государственное регулирование вольной и бесконтрольной «деятельности» этих самых полосатых гомо хапиенсов!!!

Как показательно и нынешнее время, когда от «империи зла» почти ничего не осталось, но чувства «любви и дружбы» зарубежья к нам все те же! Тузы американского капитала без промедления организовали обильное финансирование фашистской партии Гитлера и в том же году выделили ей первые миллионы заморских долларов! Грядущие события в мире только ускорили реализацию варварского замысла «крестоносцев» XX века. Самое значимое из них — ведущие капиталистические страны пережили невиданный до того кризис, совпавший по времени полярности ситуации с нашей 1-й пятилеткой (1929—1932 гг.). На фоне губительных последствий дикого рынка в странах капитала, на фоне невероятных по масштабу и накалу выступлений трудящихся масс в защиту своих социальных и политических прав, СССР во всех сферах своей жизнедеятельности демонстрировал просто потрясающие успехи! Такой пример страны Советов только усугублял критическую ситуацию в Америке и Европе, где безработица составляла, соответственно, 40 и 25 процентов! Но хозяева тех стран не могли тогда в открытую действовать против «Совдепии», из-за боязни еще худших последствий для себя и своих капиталов...

Недаром авторитетные американские футурологи Алвин и Хэнди Тоффлер утверждают ставший на Западе аксиомой тезис, что «нации ведут войну таким же образом, как они создают богатства».

Привыкнув в повседневной жизни снимать сливки с чужих кувшинов, иноземные хваты-судьбовершители и в горячее время предпочитают загребать жар чужими руками.

Именно поэтому в январе 1930 года на Гаагской конференции был утвержден план американского банкира О. Юнга, который, несмотря на страшный кризис в странах-победителях в Первой мировой войне, предусматривал значительное снижение годовых репарационных платежей Германии. Этим же документом отменялись все формы и виды контроля над ее экономикой, финансами и армией! Благодарная Германия уже в следующем году в одностороннем порядке полностью прекратила репарационные выплаты, заодно перечеркнув и все остальные запреты Версальского договора от 28.06.1919 г.

Осенью того же года состоялось совещание крупнейших финансистов США. На нем было решено: пора передавать власть нацистам Германии. В Берлин был делегирован банкир Уорберг, где он встретился с Гитлером и Герингом. А 27 января 1932 года уже сам Гитлер провел совещание с представителями германского капитала, на котором был отработан план совместных действий: установлении в Германии фашистской диктатуры, искоренение марксизма и форсирование подготовки к войне. Потому и оказался 30 января 1933 года во главе Германии лютый антикоммунист, ненавистник СССР, суперфашист А. Шилькгрубер (Гитлер), автор «Майн Кампф» («Моя борьба»), в которой всему свету была изложена его программа борьбы за жизненное пространство, за мировое господство избранной расы. Одержимый жуткой идеей, Гитлер заранее высокомерно и самоуверенно говорил: «Я повергну Россию в прах и этим нанесу большевизму смертельный удар».

В 1936 году с помощью Гитлера коллега по политцвету Б. Франко возглавил Б. Франко возглавил в Испании фашистский мятеж, окончившийся в 1939 году поражением законной власти республиканцев. В 1940 году фашистский режим победил и в Румынии (И. Антонеску). В том же году во Франции «творцом национальной погоды» стало фашистско-коллорабационистское правительство А. Петена («Вишисты»). Еще раньше коричневые «борцы за национальный прогресс и свободу» взяли бразды правления в Венгрии (И. Хорти), Италии (Б. Муссолини) и Болгарии.

Политолог Е. Калик в книге «Беседы Гитлера с Брауншвейгом» пишет, что Гитлер еще до прихода к власти заявлял главному редактору газеты «Лейпцин Нойештерн нахрихтен»: «Мы должны смотреть фактам в глаза — Советский Союз станет в ближайшее время мощной державой... Мы должны полностью восстановить позиции, пока Советский Союз не стал мировой державой...» Как подтверждают последовавшие потом события в Европе, Гитлер был далеко не оригинален и не одинок в подобном предвидении.

Не удивительно, что еще больший темп насущных проблем, в том числе оборонных, СССР стал демонстрировать во 2-й пятилетке (1933—1937 гг.), в результате которой РККА вышла в число лучших армий мира!

Помогая патриотам Испании в их борьбе против войск фашистов, СССР направил туда 347 танков, 1186 орудий, 648 самолетов, более 20 тысяч пулеметов, почти полмиллиона винтовок, добавив к боевой технике 5 тысяч специалистов — военных добровольцев. А вот Гитлер бросил на выручку собратьев по коричневому ремеслу 50 тысяч своих вооруженных головорезов. Муссолини и того больше — 150 тысяч! Тем не менее, первый период той войны показал убедительное превосходство нашего оружия. Даже в воздухе, где Германия и Италия давно считались «законодателями мод» наши истребители «И-15» и «И-16» (конструктор Н. Поликарпов) дали настоящий бой лучшему истребителю противника — немецкому истребителю «МЕ-109 В» (конструктор В. Мессермитт), «Мессер» имел скорость 470 км.час. И-16 — 460, оружие у обеих машин тоже было примерно одинаковым — 7,6 мм пулеметы. Но благодаря лучшей маневренности «ИШаки» постоянно били «Мессов», чем обеспечивали республиканцам господство в воздухе... Только в битве за Мадрид наши «И-16» сбили 350 фашистских самолетов, потеряв при этом считанные единицы своих машин! И победы наших войск над японцами у озера Хасан в 1938 г., на реке Халхин-Гол в 1939 г., разгром финской армии (декабрь 1939 — март 1940 гг.) подтверждали немалые возможности армии нового типа — рабоче-крестьянской, народной!

Нет никаких оснований сомневаться в достоинствах РККА во время боевых действий с Финляндией. Вот что писал по этому поводу своему другу Б. Муссолини Адольф Гитлер за 4 дня до окончания той войны: «Принимая во внимание возможности маневра и снабжения (которые были главным козырем в войнах Гитлера и ничтожны у советских войск из-за снегов, лесов, сопков, озер и бездорожья.— *Н. Д.*), никакая сила в мире не смогла бы достичь таких же результатов при морозе 30—40 градусов, каких достигли русские уже в самом начале войны». Добавлю, что нашей экстренно сформированной миллионной группировке войск (на «старте» было 425 тысяч) противостояла заранее развернутая армия аборигенов северной страны, числом в 600 тысяч штыков и пар лыж. А мы всего за 105 дней сокрушили действительно несокрушимую линию Маннергейма (135 км — по фронту и 95 км в глубину, что даже больше, чем территория Чечни!). «Хотя по плану допускалось,— говорил И. Сталин, подводя итоги этой важной стратегической операции,— война могла продлиться до августа-сентября 1940 года». Любопытны слова о той войне и самого Верховного Главнокомандующего финской армии К. Маннергейма: «Обороняющиеся, потери которых были огромны, не смогли сдержатъ вклинившуюся в их позиции пехоту». На военном языке огромными потерями именуются такие, что составляют от 50 и больше процентов от всего личного состава действующих войск. Так что для финнов здесь речь могла идти только о шес-

тизначном числе. Тем удивительнее, что официально объявленные безвозвратные потери финнов составляли около 23 тыс. солдат и офицеров?! Сейчас, по последним подсчетам историка В. Галицкого, выяснилось, что «искомое число» было тогда сознательно и специально уменьшено в четыре с лишним раза (95 тысяч)! Потому аналогичные цифры наших боевых безвозвратных потерь (погибшие плюс пропавшие без вести) — около 80 тысяч человек могут говорить только об одном: искусство наступающих против активно и злобно оборонявшихся в двух тысячах неприступных железобетонных дотах финнов оказалось значительно выше!

Как знать, не напугала ли Гитлера действительная сила РККА в той войне, как и то же самое самураев на реке Халхин-Гол в августе 1939-го, что он несколько раз откладывал свое нападение на СССР, как и Япония, так и не решившаяся на синхронный удар на Дальнем Востоке. Уверен, что Гитлер не раз потужил, что все-таки недооценил в полной мере тот наш успех, когда уже имевшая опыт боевых действий в экстремальных условиях Красная Армия нанесла его войскам тяжкие поражения под Москвой в 41-м и под Сталинградом в 42-м!

Но продолжим хронологию тех давних событий. В 1934 году Германия демонстративно выходит из Лиги Наций, дабы легально не подчиняться и не придерживаться никаких норм и правил сосуществования государств в мировом сообществе. Она же весной 1935 года официально отказывается от соблюдения всех военных статей Версальского договора и вводит запрещенную ей воинскую повинность. Тогда же заявила о создании запрещенных ей Версальским договором, военно-воздушных сил. Под видом «плебисцита» к 3-му рейху присоединяется Саарская область. Англия подписывает с Гитлером морское соглашение, по которому военно-морские силы Германии значительно увеличиваются. В марте 1936 года Германия в одностороннем порядке расторгает «гарантийный» Локарнский договор и оккупирует Рейнскую демилитаризованную зону, создав свой плацдарм на восточных границах Франции. «Гитлеру, — отмечал английский историк Дж. Уиллер-Беннет по этому поводу, — было позволено выиграть первую битву 2-й мировой войны, не открывая огня».

Поразительно, что еще раньше, абсолютно точно по такому же сценарию, начали развиваться события и на Востоке Земли. В 1931—32 гг. против Маньчжурии осуществила агрессию Япония, с последующим демонстративным выходом из Лиги Наций. Никак не отреагировав на милитаристский вызов самураев лидеры США и Европы вполне утешились официальным заявлением главы японской делегации (в Лиге Наций) Мацуоки о том, что Маньчжурия оккупирована с единственной целью: сделать ее плацдарм для борьбы против СССР! Мало этого, США и Англия на протяжении всех 30-х годов всячески поощряли именно антисоветское направление японской агрессии. Они не только продолжали оказывать Токио экономическую помощь и прямую поддержку, но и многократно увеличили их масштабы.

Видимо, не случайно, по примеру Гитлера, ударившему поначалу по своим соседям-благодетелям, и Япония, первым делом, вцепилась зубами в мешавшие ей безбоязненно прибирать к рукам чужие земли морских сторожевых псов Америки (Перл-Харбор) и Англии (Сингапур).

Вот уж точно: как волка ни корми, он все равно в хозяйский хлев смотрит!

Осенью 1935 года фашистская Италия нападает на Эфиопию.

США, Англия и Франция и здесь отказываются принять санкции к агрессору. Результат — мае 1936 года Муссолини объявляет о присоединении Эфиопии к Италии! В том же году Германия и милитаристская Япония заключают между собой антикоминтерновский пакт, к которому через несколько месяцев присоединяется и Италия. В следующем году Япония расширяет агрессивные действия против Китая и отхватывает себе к 1941 году «ломоть» с населением 200 миллионов человек!

19 ноября 1927 года заместитель премьер-министра Англии лорд Э. Галифакс в личной беседе с Гитлером заявил: если Германия будет уважительно относиться к

целостности Британской империи, то последняя не станет перечить фюреру в его намерениях, связанных со странами Центральной и Восточной Европы! Находящаяся под прицелом Германии Франция тоже не противится и поддерживает политику обоих своих соседей!! США со своей стороны выделяет 15 млрд. долл. — 70 % всех кредитов, которые предназначались для скорейшего укрепления военной мощи Германии! Все это позволяет немецким нацистам в самые короткие сроки увеличить численность вермахта в 45 раз, а военный потенциал — 22 раза!

Не дурак Гитлер отлично понимает, что ему и впредь будет обеспечена зеленая улица со стороны своих покровителей. Рано утром 12 марта 1938 г. 200 тысяч солдат вермахта «строевым шагом» входят в Австрию, и в тот же день 7-миллионное суверенное государство становится придатком Германии. В ночь с 29 на 30 сентября 1938 г. на конференции глав правительств Англии, Франции, Германии и Италии в Мюнхене, в обмен на «обещание» сохранить мир в Европе, Гитлер заполучает Чехословакию. В результате 30 дивизий арийцев оккупируют 16-миллионную страну, а ее 45 первоклассно вооруженных и оснащенных дивизий не шевельнулись, чтобы попытаться уберечь государство от супостата!

Интересно поведение США по чехословацкому вопросу.

Государственный секретарь Штатов Уэллес заявил премьер-министру Франции Даладье, что Франция поступит безрассудно, ввязавшись в войну из-за Судетской области... А если это произойдет, пригрозил он, США не дадут Франции «ни одного солдата, ни одного су кредита». Англия, в свою очередь, предъявила правительству Чехословакии ноту, в которой предложила незамедлительно удовлетворить территориальные претензии рейха...

СССР хотел помочь Чехословакии, введя (по согласию ее правительства) свои войска. Но этому категорически воспротивилась Польша, отказавшись пропустить красных миротворцев через свою территорию. Дело здесь оказалось не только в ненависти «интердержавы» к России за «не раз намятые бока и испорченную прическу», а и в том, что Польша от мюнхенского сговора получила солидный барыш, отхватив себе от Чехословакии огромный кусок территории, который на «законном основании» удерживает до сих пор.

Сразу после Чехословакии, также без боевых действий, присоединяется Мемельская (Клайпедская) область Литвы. После оккупации Чехословакии, «превратившейся,— по словам английских историков А. Рида и Д. Фишера,— в меч, направленный на Восток, в сердце Советского Союза», на пути вермахта к границам СССР оставалась лишь Польша. Польша решительно отклонила претензии Гитлера на Данциг и высокомерно отвергла возможность оказания ей помощи со стороны Советского Союза. На выручку Гитлеру вновь пришли Штаты. Их посол в Париже Буллит так «вразумлял» польского коллегу: «Было бы желательно для демократических стран, чтобы там, на востоке, дело дошло до разрешения спорных вопросов путем войны между Германией и Россией... Войны длительной и изнурительной».

Весной 1939 г. Англия и Франция, продолжая маскировать «генеральную линию», предложили СССР наметить совместные меры по обеспечению безопасности Польши. Москва, сразу дав согласие, выступила с инициативой созвать конференцию с участием СССР, Англии, Франции, Польши, Румынии и Турции для выработки эффективных мер коллективной защиты. Однако Англия отвергла ее, заявив, что они вместе с Францией сами окажут необходимую помощь Польше в случае нападения на нее. Сил у них достаточно. Мало этого, Британия предложила и Советскому Союзу тоже самому взять на себя гарантию защиты своих западных соседей. Т.е. одному ввязаться в войну с Германией и ее союзниками. В ответ Советский Союз предложил заключить между СССР, Англией и Францией договор, по которому стороны обязуются оказывать военную помощь, как друг другу, так и любой из европейских стран, в случае нападения на нее... Это предложение было также отвергнуто. Характерно,

что делегации Англии и Франции на этих переговорах состояли из отставных военных и никакими полномочиями на заключение какого-либо договора не обладали. Зато, в то же время, не декоративные, а действительные, на самом высоком уровне, тайные переговоры вовсю шли между Англией и Германией. Их лично вели премьер Чемберлен и по поручению Гитлера «наци № 2» — Геринг. Ключевая встреча была назначена на 23 августа 1939 г. Самолет Геринга уже был готов к вылету в Лондон, когда Гитлер, получив из Москвы телеграмму от Риббентропа о согласии СССР, увидевшего всю подлость поведения Англии и Франции за своей спиной, подписать с Германией Договор о ненападении, отменил полет. Этот Договор, сорвавший план нападения на СССР еще в 1939 году, вызвал неутраченную ярость зарубежных и доморощенных недругов России.

Только из того, что стало сейчас известно, на тех переговорах англичане шли на все уступки, начиная с разделения сфер влияния (Россия, Индия, Китай), сдачи Польши, Румынии, гарантиях туманного Альбиона дать огромный заем и т.д. То есть, именно Англия, за спиной своего народа, вела речь, по сути дела, о сотрудничестве с фашистской Германией, во имя своего обогащения и ликвидации СССР.

Об исключительной значимости для нас «Пакта о ненападении» лучше всех сказал сам фюрер. В 1945 году, незадолго до самоубийства, на вопрос немецкой кинодокументалистки, о чем он больше всего жалеет, Гитлер ответил: «О том, что не начал войну против СССР в 1939-м. Тогда бы мы победили».

А вот какие выгоды еще получил Советский Союз от «Пакта о ненападении» с Германией:

1. Гитлер проиграл в стратегии и на Западе, и на Дальнем Востоке. Победа над Польшей обесценивалась выдвижением СССР на Запад, вплотную к границам Германии. Именно такое мнение на этот счет имел бывший НГШ сухопутных войск генерал-полковник Бек.

2. Подписание Договора во время завершения разгрома японских войск на Халхин-Голе лишило самураев доверия к Германии. Следствием этого стало подписание Японией с нами договора о нейтралитете, вопреки настояниям Гитлера и Риббентропа не делать этого!

3. Германо-Советский Договор от 23 августа 1939 года всего через неделю ликвидировал одного из ярых (до сих пор) политических и военных противников России — панскую Польшу, которая с 1920 года вела самую активную подготовку по вооруженному присоединению к себе многих территорий СССР! Недаром маршал А. М. Василевский в своих мемуарах («Дело всей жизни». М. Полит. 1988 г.) пишет, что до 1935 года, по документам Генштаба, враг СССР № 1 на Западе именовался... Польшей! Нет сомнения, успей она образумиться и вовремя разобраться, что ее «покровители», как рядовую пешку, специально подставят под бой дамке противника (как и Чехословакию и Румынию), то панское прозрение могло обойтись Советскому Союзу еще дороже. Без сомнения, ослепленная ненавистью к СССР, Польша тогда точно была бы в упряжке фюрера вместе с финнами, румынами, венграми, итальянцами, испанцами и прочими любителями наживы. А это еще более миллиона вооруженных «ляхов» с боевой техникой и не меньшей жадой славянской земли и крови, чем Германия! Но не нашлось среди поляков дальновидного и прозорливого деятеля, чтобы понять, что настоящее спасение обреченной страны было не на Западе, а на Востоке!

Историки знают, что по первоначальному замыслу Гитлер хотел напасть на СССР вместе с Польшей. Планировалась даже совместная агрессия с поляками, причем командовать союзными немецко-польскими войсками должен был маршал Польши Ю. Пилсудский (победитель Тухачевского в 1920 году). Так что со стороны Сталина было бы грешно не воспользоваться моментом, чтобы, хотя бы на время, отвести от себя удар одного из заклятых врагов, который перенес его на такой же степени ненависти к нам, другого нашего кровавого ненавистника! Слепота и гоноровость прави-

тельства обошлись Польше ее разграблением и физическим уничтожением фашистами 6 млн. человек населения! То-то ругают за все... русских!? А как же иначе: Германии — бояться; под Францию — рядятся; Англии — слушаются; США — образец «умения жить», а Россия все стерпит!? Может права давняя, наша же поговорка: «Не делай добра — не получишь зла!»! Неужто непонятно, что добро должно быть зрячим?!

При мировой цене нефти в 70-х годах прошлого века в 80 долларов за тонну или около 13 долларов за баррель, СССР поставлял Польше ключевой энергоноситель, практически даром — в 5 раз дешевле! Напомню, сейчас нефть стоит 70 долларов за баррель или 440 у.е. за тонну!

Какая же мы Держава Православия, если напрочь забыли ключевое Святое Писание: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (Матф., 7, 6).

Польша не была бы Польшей, если бы даже в таком гибельном для себя положении не устроила очередное «представление» своей соседке — России. Правительство Речи Посполитой, уже через неделю боев с Германией бросившее на произвол судьбы народ и страну, умудрилось не подписать с Гитлером ни перемирия, ни капитуляции, ни какого другого соответствующего документа. В результате у нас на западной границе образовалось огромное пространство без хозяина, законов, правил и, главное, определенности по отношению к Советскому Союзу. Получилось, что договор о нейтралитете с Польшей превратился в пустую бумагу, что и вынудило Сталина, проведя в сентябре того года от мобилизацию, ввести войска на территорию Польши и оставить их на бывшей границе России, которую в 1920 году оприходовали ненасытные поляки. То, что это именно так, пишет и главный разведчик вермахта генерал Курт Типпельскирх в своей «Истории Второй мировой войны» (Издательство Полигон, Санкт-Петербург, 1994 г., том 1, стр. 15): «Население Польши, вновь возникшее после Первой мировой войны, составляло в 1939 году 35 млн. человек, из которых около 10 млн., согласно переписи 1931 года, говорило не на польском языке».

Но беглому правительству мало оказалось сентябрьского номера. Найдя приют в Лондоне, оно в ноябре объявило войну... Советскому Союзу. Можно себе представить как помогала Советской Армии в борьбе против Гитлера 300-тысячная полупартизанская Армия Крайова («яковцы»), созданная на английские деньги в 1942 году и расформированная только в 1945 году.

Подводя итог всему сказанному в адрес «Договора о ненападении», можно смело утверждать, что его подписание для СССР было равнозначно выигрышу нескольких стратегических сражений! Что стоит только приобретенные за его счет около 2-х мирных лет дополнительной подготовки к войне, за время которых был обезопасен Ленинград, где производилась четверть всего вооружения РККА; на 300 км отодвинута граница на Западе и включено в оборонительный баланс СССР около 16 млн. населения освобожденных районов Украины, Белоруссии, Прибалтики... Именно за эти 2 мирных года в СССР появилось легендарное оружие победы: танки «КВ» и «Т-34», знаменитые «Яки», «Пешки», «Катюши», подготовлена база для развертывания военного производства на Урале, в Сибири, Дальнем Востоке... Как фиксирует статистика, за 1939—1941 гг. в СССР было произведено: 5 % тысяч танков всех типов (в т.ч. 1861 новых машин), 29637 полевых орудий, 52407 минометов, что с учетом танковых пушек составило 92578 стволов! Тогда же в войска поступило 17745 боевых самолетов, из которых 3719 были новейших конструкций! За этот же срок численность армии возросла в 3 раза!

Только за 11 месяцев 1940 года было спущено на воду 100 миноносцев, подводных лодок, в т.ч. с помощью Германии, тральщиков, торпедных катеров, отличавшихся высокими боевыми качествами. В том же 40-м строилось еще около 270 кораблей всех классов.

К 1 января 1941 года актив рядов ОСОВИАХИМа, занимавшегося массовой оборонной работой, достиг более 13 млн. человек!

К июню 1941 года валовая продукция промышленности составила 86 %, а грузооборот (ключевого) ж.д. транспорта — 90 % от уровня, намеченного на конец 1942 года! Было введено в действие 2900 новых заводов, фабрик, электростанций, шахт, рудников, других промышленных предприятий, что было больше, чем за две предшествующие пятилетки вместе взятые!

Не менее значимо и то, что за эти годы было продолжено очищение советского пространства от тех лиц, которые связывали свои лучшие надежды с началом вторжения фашистов и готовились к встрече «гостей» со своим «хлебом-солью»...

Г. К. Жуков, критически оценивая то предвоенное время с позиций сегодняшнего дня и всего пережитого в годы войны, пишет: «Я долго размышлял над всем этим и вот к чему пришел. Думается мне, что дело обороны страны в своих основных, главных чертах и направлениях велось правильно. На протяжении многих лет в экономическом и социальном отношении делалось все или почти все, что было возможно. Что же касается периода с 1939 до середины 1941 года, то в это время народом и партией были приложены особые усилия для укрепления обороны, потребовавшие всех сил и средств». («Воспоминания и размышления». М. АПН, 1990 г., т. 1, стр. 359).

Известный немецкий историк Нордеп справедливо пишет: «2-я мировая война началась 1 сентября 1939 г. не вследствие заключения германо-советского пакта о ненападении, а вследствие отказа Англии и Франции заключить с Советским Союзом честный договор. Ненависть лондонского и парижского правительств к Советскому Союзу стала решающим фактором в разрывании 2-й мировой войны».

Предположим, что 23 августа 1939 года «Договор о ненападении» с Германией подписала бы Англия, а не Советский Союз. Что изменилось бы на Европейской военно-политической арене? Практически, ничего! Все повторилось бы точно так же, как и было! Но рейтинг главных действующих лиц (стран) был бы совершенно иным. «Плохой» Советский Союз, не подписавший предлагаемого договора ни с Англией и Францией, ни с Германией, выглядел бы главным виновником своих бед в 1941 году! Фатальный конфликт с Финляндией (39—40 гг.) только бы многократно увеличил негативное к нему отношение мировой общественности! Тогда как Англия и Франция вели бы «странную войну» в защиту Польши на вполне законных договорных основаниях и имели бы подавляющее одобрение в своих странах! А это им и требовалось, чтобы оставаться и впредь во главе своих правительств и тех «игр», которые были начаты ими еще в 1917 году! Потому и полетел с поста Чемберлен, что проиграл в той «игре» и Сталину, и Гитлеру! Потому и сменивший его Уинстон Черчилль вынужден был внести в свою внешнюю политику существенные коррективы, сменив откровенно враждебные на относительно партнерские отношения с СССР! Не Западу тогда поверил Гитлер, а Советскому Союзу! Потому и инициировал с нами тот договор, который был еще более важен Сталину!

Пресловутый «Секретный дополнительный протокол» к «Договору о ненападении» между Германией и СССР от 23 августа 1939 года, рожденный «прорабом перестройки» А. Н. Яковлевым, был представлен миру (II съезду депутатов СССР) в виде копии с его фотокопии (?!). На основании этого «документа» Гитлер и Сталин якобы договорились (за спиной своих народов) о разделе Европы, что обернулось впоследствии трагедией для миллионов и миллионов людей.

Помимо самого ляпа — «копии с фотокопии», — фальшивка полна и других явных несуразностей:

1) В тексте фальш-подделки говорится, что сей «Секретный дополнительный протокол» составлен к «Пакту о ненападении». Хотя на самом деле, «пактом» он стал называться после 16 сентября 1939 года, а до этого (и подписанный документ, и име-

нуемый в обращении) назывался «Договором». Существенную разницу можно легко установить, взглянув в любой словарь или энциклопедию.

2) Последний 4-й пункт самоделки Яковлева гласит: «Данный протокол рассматривается обеими сторонами как строго секретный». Смехотворность и безграмотность этого пункта на виду и здесь, коль протокол и сам называется СЕКРЕТНЫМ.

В общем, Александр Николаевич на всякий случай назвал «масло масляным»!.. Кстати, в практике нашего государства тогда применялись три категории обозначений секретности документов: «секретно», «сов. секретно» и «особой важности». Из какого пальца (и из своего ли) высосал Яковлев категорию «строго секретно» неизвестно. Не родились ли у него эти словечки в 1983 году, когда М. С. Горбачев, прибыв в Канаду, где Яковлев оказался нашим послом, наболтал (вследствие недержания речи) такого, что ему «светило» немедленное низведение со всех постов в СССР. Но «наш» посол тогда быстро договорился со спецслужбами Канады и США и... нигде в «демократических» зарубежных средствах массовой информации не просочилось тогда, не прозвучало и не промелькнуло: ни слова, ни строчки и ни кадра о профессиональной ничтожности Горбачева! Ну, а уж Михаил Сергеевич не забыл отблагодарить спасителя за огромную услугу в столь критический момент его героостратовской карьеры. В свою очередь Александр Николаевич, оказавшись в Кремле, немедленно продолжил уже открытое служение «судьбе» в соответствии с установленной ему генеральной линией. Кстати, председатель КГБ В. Н. Крючков дважды обращался к Генсеку Горбачеву с информацией, что Яковлев работает на США и предложением немедленно арестовать последнего. Но, как знаем, бывлой ставропольский помощник комбайнера своего не выдал!

3) В порядке дополнительных «аргументов» Яковлев заявил депутатам: в МИДе СССР существует служебная записка, фиксирующая передачу в апреле 1946 года подлинника секретных протоколов одним из помощников Молотова другому: Смирновым — Подцеробу. Но вдруг заявляет Яковлев, «оригиналы у нас были, а затем исчезли. Куда они исчезли, ни комиссия, никто не знает»(?) Прямо-таки не Государственная комиссия СССР, а Барвиха-ЭН! Но вот служебная записка сохранилась и ее «правдолюб» зачитал: «Мы, нижеподписавшиеся, зам. Заведующего Секретариата товарища Молотова Смирнов и старший пом. министра иностранных дел Подцероб, сего числа первый сдал, а второй принял следующие документы: 1) Подлинный секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 года на русском и немецком языках...

Каким же надо быть идиотом-«ляподелом», чтобы не знать, что передача секретного документа (протокола) вместе с несекретными документами, да еще по несекретному акту согласно Инструкции о работе с секретными документами в МИДе СССР в то время была полностью исключена!

Чуя, что его «ляпы» неубедительны, Яковлев приводит еще «аргумент»: «существует разграничительная карта. Она... завизирована Сталиным. Карта разграничивает точно по протоколу. В одном случае общая вместе с Риббентропом, а во втором случае Сталин красным карандашом делает поправку в нашу пользу и еще раз расписывается на этой поправке»... Интересно, что переводчик Бережков в своей книге «Как я стал переводчиком Сталина» пишет об этом случае, что «Сталин на карте расписался синим карандашом»!

Не менее любопытно, что Яковлев, говоря о карте, разграничительных линиях и подписях, ни словом не обмолвился о датах. А ведь это ключевой момент: даты должны быть разные! Первая — это «линия Керзона», к которой мы должны были стремиться, начав ввод своих войск в Польшу 17 сентября 1939 г.; вторая — окончательная, фактическая. Так что, скорее всего, Яковлев приплел в обвинение лишь уточнение результата раздела Польши после нападения на нее Германии 1 сентября 1939 г. и возвращения Красной Армией наших земель, захваченных Польшей в 1920 году.

Не потому ли черный сподвижник Горбачева умолчал об этом?! О топорности работы бригады Яковлева говорит и тот факт, что в «документальных» упоминаниях совершенно перепутаны географические названия рек и территорий, которые якобы отходили (по «секретному протоколу») частью к СССР, частью к Германии.

После долгих поисков автору все-таки удалось найти ту самую «карту-разлучницу», с помощью которой подручный М. Горбачева А. Яковлев, обманув народных депутатов СССР, дал допповод для развала страны.

Как видим, «разговор» касается только Польши и разграничительной линии между войсками вермахта и РККА, которой они достигли на момент встречи: первые, начав захватническую. Войну против полков 1 сентября, а вторые — выступив в поход на защиту своих западных рубежей — 17 сентября. Карта являлась приложением к советско-германскому договору о дружбе и границе от 28 сентября 1939 года. Этим же днем она была подписана Риббентропом и Сталиным.

Вторую подпись (слева ниже первой) Сталин поставил в районе, где он отодвинул подальше «линию Керзона», предложенную немцами, с чем согласился Риббентроп, но был крайне взбешен Гитлер.

Глядя на немецкую карту, читатель может легко убедиться почему алчные демократы-разрушители наломали двор и при переводе наименований на тошный им «тоталитарный» язык? К тому же меченого лауреата поджимало время, а умельцев проба перестройки торопил нетерпез получить побыстрее наличными!

«Убил» тогда же Яковлев депутатский корпус СССР и сообщением, мол, найдены ЗАВЕРЕННЫЕ машинописные копии протоколов на русском языке». Так и хочется спросить «героя-криминалиста», а к чему еще понадобились Сталину и Молотову машинописные копии протоколов, коль документ совершенно не для этого (по Яковлеву) был секретным и задуман?! И не менее важное: кем были заверены эти копии? Яковлев вновь молчит. Еще бы, ведь они могли быть заверены только Сталиным или только Молотовым! Но, спрашивается, неужто Сталин с Молотовым были настолько убоги на разум, чтобы оставлять после себя такие мрачные улики?!

И последнее. Не удивляет ли читателей, что «секретный протокол» Яковлев и К^о откопали немедленно, как только умер быллой нарком МИДа СССР В. М. Молотов (в 1986 году), который сохранял память и совесть до самых последних дней своей жизни. Уж он бы утер ретивых «гробокопателей» и ткнул бы их физиями в многочисленные ляпы и измышления, только малой частью перечисленные автором. Именно Молотов, еще 15 октября 1973 года дал исчерпывающий ответ на «актуальный» вопрос писателя Г. А. Куманева: «...мы с Риббентропом (министром иностранных дел Германии.— Н. Д.) в устном плане обо всем тогда договорились» (См. Г. Куманев, «Рядом со Сталиным», Смоленск, «Русич», 2001, стр. 9).

Кстати, тогда же Вячеслав Михайлович жаловался писателю, что хотел написать свои воспоминания (уж он-то знал историю СССР!) и «трижды обращался в ЦК с просьбой допустить меня к кремлевским архивным документам. Дважды получил отказ, на третье письмо ответа вообще не было. А без документов мемуары — это не мемуары» (См. Г. Куманев, «Разговоры со Сталиным», стр.13).

В заключение хочется сказать, неужто молчали бы на Западе об этом «Секретном протоколе» столько лет, коль документ снимал солидную часть вины с фашистов на бойню, устроенную ими в Европе, валил ее на во всю проклинаемого ими Сталина!?

Тогда для чего стряпалась эта плохо сваренная отравка? Ответ очевиден:

1) Если признать наличие такого «Секретного протокола» и рассматривать его (сделанного за спинами народов) незаконным, то Советскому Союзу следует отказаться от трех Прибалтийских республик, а также от Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии.

2) Признание наличия «Секретного протокола» влечет за собой непризнание пра-

новой основы пребывания советских войск на территориях республик и проживания на них советских граждан после 1939 года, а также разжигает ненависть у поляков к СССР вообще и к России в частности. Именно так оно все и произошло в 1992 году.

Писатель Алексей Голенков в книге «Предлагаю «объяснить» Сталина» пишет на этот счет: «...осталось еще передать Вильнюс (Вильно) и Вильнюсский (Виленский) район Польше, так как его (между прочим, исконно принадлежащий России) по «протоколу» якобы «насильственно» присоединила (тогда) к СССР... Красная Армия» (см. Сборник «Полководцы», М. Роман-газета, 1995, стр. 17). Там же (стр. 10) А. Голенков отмечает: «...с 1986 по 1993 г., т.е. за какие-нибудь восемь лет, средствами массовой информации на территории СССР о Сталине выдано продукции, в основном негативной, по количеству превышающей все изданное о нем за предыдущие 30 лет, т.е. с 1956 по 1986 г. Значит, Сталин представлял собой некий громадный утес, не сокрушив который, нельзя было разрушить это государство».

После всего сказанного по теме хочу спросить самых недоверчивых и, пусть они не обижаются, самых одураченных этой негативщиной, а что же тогда, понастающему, было главным в августе 1939 года у Гитлера и Сталина?

Сталину во что бы то ни стало нужен был мир, любая передышка и любая отсрочка, чтобы максимально подготовить страну к неминуемой войне с Германией. До чужих ли территорий ему было тогда? Потому и вынужден был он пойти на подписание «Договора о ненападении» с Германией, коль Англия и Франция, не скрывая, пообрезгивали протянуть ему «союзную» руку в борьбе с фашизмом.

А чем в это время был озабочен Гитлер? Главное для фюрера, конечно же, был не дележ Европы (она и так от него никуда не делась), а беспокойство о недопущении войны на 2 фронта! Вот потому он предложил Советскому Союзу подписать, так многозначимый и для него «Договор о ненападении». Этим самым злой гений Германии подтвердил свое мнение о Британии и Франции. Он им не верил! Не потому ли Гитлер через 8 месяцев нанес сокрушительный удар и по странам Западной Европы, чтобы лишить коварных соседей возможности пугать его своими армиями. Выходит, что Гитлер все-таки разобрался в политике своих покровителей! Недаром, даже после страшных поражений под Москвой, Сталинградом и Курском, он полностью исключал возможность сепаратного мира с Англией, США и К°. А вот в порядочности и надежности Сталина он не сомневался, потому и пошел на такой, тошный для Европы, шаг!

Нужны ли еще вопросы?!

P.S. «Технологии» в изготовлении фальшивок не новы. Историки знают, что «Завещание Петра Великого», которое в реальности он не писал, было изготовлено через 72 года после его смерти (в 1797 г.) ярым русофобом — поляком М. Сокольницким. В «Завещании» великий Государь всея Руси якобы предначертал и обосновал планы России по установлению своего мирового господства. Первым, кто использовал эту фальшивку в обосновании своей агрессии против России, был... Наполеон. Вторым, кто последовал его примеру, оказался Гитлер! Чем все это обернулось стране, кому помнить в первую очередь, как не нам!

Ведь и усилия меченой бригады» продолжают сказываться России, все горше и все тяжелее. Так, Эстония сейчас требует от нас 4 млрд. долларов компенсации за годы «советской оккупации», Литва — 20 миллиардов, а Латвия — все 100! И это при том, что в 1990 году Прибалты давали промышленной продукции за 5 дней столько, сколько за весь 1940 год! А ведь есть еще и территориальные притязания прибалтийцев. Есть и страдания наших соотечественников, всячески унижаемых и притесняемых «возрожденными» аборигенами...

РУССКИЙ ЯЗЫК

Алексей Третьяков

О ПОВРЕЖДЕНИИ НРАВОВ: РЕПЛИКА ГРАМОТЕЯ

Читатель, окончивший школу в советское время, хорошо помнит знаменитые слова Владимира Ильича об А. И. Герцене, разбудившем Россию... и т.п. И еще наш давний школьник и сейчас без запинки ответит, что в 1850—1860-х годах А. И. Герцен и Н. П. Огарев (как сейчас олигархер Березовский) жили в Лондоне и содержали Вольную русскую типографию — под эгидой издателя и книготорговца Н. Трюбнера (*Trübner & Co., 60, Paternoster row, London*), по-видимому, агента Ост-Индской компании, — где печатали газету «Колокол», журнал «Полярная звезда», сборники «Голоса из России» и отдельные книги, запрещенные в России.

В частности, в 1858 г. они издали под одной обложкой сочинение князя М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России» и знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Нельзя не отдать должное основоположнику русской демократии в той части, что сейчас называют брэндом. В книгоиздательстве тоже, в революционно-пропагандистском деле тож. Ибо под одной и той же обложкой оказались критики царской России конца XVIII в.: «слева» — нервический демократ Радищев и «справа» — предшественник славянофилов XIX в. князь Щербатов, причем сам Герцен полагает себя последователем первого.

К чему это мы начали столь издавека, если рубрика журнала относится к филологии? — По понятной аналогии и заимствованию названия этого очерка у князя Щербатова, ибо он в своем труде писал именно *о повреждении нравов* в России эпохи цариц (двух Анн, двух Екатерин и Елизаветы тож...), а по подтексту — всей послепетровской империи, в сравнении с благолепием Руси допетровской: Третьего Рима — православного, но без сверкающей византийской роскоши. Впрочем, нелишним будет любознательному читателю и самому ознакомиться с первоисточником.

Высказывает мимоходом князь и свое неприятие отхода речевых норм от базового языка московской Руси, полностью сформировавшегося к концу XVII в., вообразившего все лексическое и семантическое богатство древнеславянского (болгарского), древнерусского (белорусского) и средневекового русского языков, ставшего основой «московского говора» — великорусского литературного и разговорного языка.

А что же досталось нам в последние пятнадцать лет в части повреждения лексики и грамматики родного языка? — Живи сейчас князь Михайло Михайлович, так сто-кратно бы возмутился... Впрочем — от старины глубокой к делам дней нынешних: оптимистичных для удачливого меньшинства и прискорбных для остальных.

* * *

По всей видимости, некто Всевеликий* в природе, управляющий социальной, политической и экономической историей человечества, уже давно избрал нашу страну для экспериментов по отработке различных вариантов мироустройства. Причем и сами эксперименты в любом из направлений уже повторяются по второму, по третьему разу. Это даже по внешним проявлениям видно. Например, по преобладающей стилистике великого и могучего русского языка: как разговорного, так и печатного (порой переходящего в непечатный...).

Создается впечатление дежавю — простительного психического расстройства: вроде как живешь в начале третьего тысячелетия, а мнится порой — в первой четверти века минувшего, а то и в эпоху Александра I и еще далее — Первого же Петра.

Действительно, нынешний русский разговорный очень напоминает блатную *феню*, решительно вторгшуюся на Среднерусскую равнину (с возвышенностями) в начале XIX века вместе с ворами, жульем и другим деклассированным элементом — преимущественно из черноморских губерний. Это «великое переселение народов» многократно усилилось в смутные послереволюционные времена.

Кстати о самом термине «феня», которую «ботают». При всем интересе к ближней отечественной истории, мне не удалось найти объяснение этимологии этого слова. Пришлось думать самому, и вот что надумалось. Помните из школьных учебников истории про развеселых коробейников, воспетых великими русскими писателями и поэтами, чьи стихи были переложены на народные песни? А коробейники — навроде нынешних челноков-мешочников — родом из Ярославской и других северных малохлебоборобных губерний, занимавшиеся мелочной торговлей вразнос. Более их распространенное в народе наименование — офени. Это опять же как сейчас подавляющее большинство населения страны.

Так вот, коробейники составляли по родству мест происхождения и роду занятий достаточно замкнутую касту, даже изобрели от непосвященных особый язык, состоящий из слов-перевертышей, да еще и с заметным «цоканьем», характерным для северорусского говора. К началу капитализации царской России класс коробейников-офеней утратил свою роль, но народ, особенно в Москве и центральных губерниях, еще долго их помнил. Поэтому, когда в 10—20-е годы Белокаменную наводнили шпана и ворье из Одессы, Кишинева, Крыма, говорившие с южно-русским акцентом на невообразимой смеси русских, греческих, молдавских, жаргонных немецких, польских слов, то старушки, возвращаясь домой с покупками на Хитровом рынке, рассказывали, всплескивая сухонькими ручонками: «Уй, ужас-то какой! На Хитровом седни была, так шпанья там? И все по фене так и ботают, так и лопочут...»

Итак, трудолюбивые офени перевоплотились в воров, разговаривающих (ботающих — на подмосковном говоре) «по фене». Прав я или не прав — пусть ученые-филологи, умными книгами зачитавшие глаза до очков в десять диоптрий, нас рассудят.

Когда ворье постепенно пересажали, очищая страну для индустриализации и научно-технического прогресса, то феня стала разговорным, блатным тюремно-лагерным языком, обособившись от гражданской речи.

* * *

...И вот оно — дежавю 90-х годов минувшего века: блатная феня вновь и чудовищно быстро стала общегражданским языком, усилившись большим набором вроде бы самых обычных слов, но с совершенно иным семантическим содержанием. И до-

* Уже стало расхожим термином «тайное мировое правительство», которое, начиная с 1789-го года (Великая французская революция), постепенно подбирает мир под себя...

брый наш народ эту семантику вмиг освоил! Проведите эксперимент, то есть произнесите вслух в людном месте какое-либо из следующих слов или словосочетаний: *крыша, конкретный, стрелка, браток, зеленый, деревянный, откат, наезд, счетчик, тамбовский, телка, рубить капусту, сидеть на трубе, наперсток* и пр. — и проследите за реакцией окружающих. Мужики понимающе хмыкнут, а случившийся рядом милиционер на всякий случай постарается запомнить ваше лицо. Но наибольший и поощрительный интерес выкажут девушки и молодые женщины — при условии, что вы прилично одеты, коротко подстрижены и имеете на шее золотую цепочку.

Совсем другое дежавю с эпохами Петра I и Первого Александра, когда, как известно, в русскую речь несметно влилось иноземных слов, а высшие сословия и вообще перешли на иностранные языки: при Петре на смесь немецкого и голландского, далее почти на два века на французский... был и короткий период во времена Николая Кровавого (ныне святого), когда свет перешел на английский — как считается для успешной офисно-торговой карьеры необходимым лопотать на американском диалекте этого же языка сейчас.

Итак, дурно понятыми иностранными словами, словно в русском языке нет их синонимов, сначала заговорил первый и последний президент СССР: консенсус, конверсия, толерантность, макроэкономика... да еще все с тем же южнорусским акцентом! А следом так посыпалось, что и газету сейчас не сразу прочтешь без перевода: *ваучер, брокер, менеджер, бизнесментер, провайдер, промоушен, мерчкеркайзер, дилер, префект, мэ, инжиниринг* и пр., и пр. Иные и вовсе неприлично произносить. — И все из импортной торгово-воровской фени.

Да, любит русский народ блеск иностранных слов! А чтобы, выкушав от безысходности водочки, не забывал их — так на то телевизор и иные СМИ, круглосуточно вещающие на смеси французского и нижегородского, имеются.

* * *

Несомненно, имеется надежда, что со временем великий и могучий русский язык как проглотил, так и выплюнет скалозубную, как искусственная американская улыбка, речевую иностранщину. Благо тому примеры имеются превосходные. Как уже говорили, двести лет верхние сословия России, их «шестерки» и прихлебатели из «аршавских портных» грассировали по-французски. А что сейчас осталось? — Исключая специальные научные термины и названия блюд французской кухни, в чисто народном, разговорном языке только несколько слов, причем неодобренных: шаромыжник, шантрапа и шваль. То же самое будет и в память об англо-американском новоязе.

Иной толерантный гуманитарий возопиет, читая этот очерк: «А что плохого в расширении русского языка за счет лексического богатства языков иностранных? Что бы мы сейчас делали без слова «бизнес»? И так далее.

Во-первых, хотя и не дурак полный, но до сих пор так и не могу понять: что означает «бизнес» и производная от него профессия «бизнесмен»? Спрашивал у бывших коллег по работе, а ныне превратившихся в новорусских. Говорил: «Это торговля? Или предпринимательство? А может работа клерком в офисе?» И так далее перечисляю все существующие роды занятий. А те отвечают, дескать, нет! Бизнес — он и есть бизнес.

Опять же самому пришлось (как и в случае с феней) додумывать. И опять пришел к выводу: бизнес — это деланье денег из воздуха, то есть чистой воды паразитирование на тех, кто занят конкретной деятельностью, то есть что-то производит, даже торгует или ворует по мелочи. А потому сам бизнесментер даже не обязан точно знать — из чего он эти деньги извлекает: из сети платных сортиров, из продажи нефти и газа, из содержания игорных домов или домов публичных. Главная цель, задача

и смысл жизни бизнесменера — личное обогащение. Государство (любое) их терпит, коль скоро они с ним деньгами делятся в виде налогов. А не заплатил, так поступай в распоряжение Минюста, если не успел в Лондон уехать. Профессия во многом рискованная, воровская.

Во-вторых и в основных, засорение родного языка иностранщиной ведет вовсе не к его расширению и обогащению, но прямо-таки к лексической бедности. Взять всем навязшее на зубах слово «проблема». До катастрофы (термин известного философа А. А. Зиновьева) оно использовалось исключительно в научном мире и в обиходную речь ворвалось с потоком голливудских фильмов, в которых герои их составляют свою речь всего из нескольких слов: *проблема, доклад, дерьмо, трахать, надрать задницу, свобода, банк, автомобиль* и соединяющих их предлогов *of, and, the*.

Наиболее часто в этих фильмах, учитывая языковую бедность американского языка, произносится слово *problem*. В русском языке существует более двух десятков — в зависимости от контекста — синонимов «проблемы», но переводчики фильмовых текстов на русский ленивы и торопятся деньгу зашибить, поэтому им недосуг подбирать эти синонимы, вот и лепят через слово «проблему». Добрый наш народ тоже в массе ленив и потому полюбил это всеобъемлющее слово. Отсюда и реклама, например, частных клиник: «Если у вас проблемы с личной жизнью (имеется в виду половая), то приходите к нам, и мы без наших проблем решим за умеренную плату ваши проблемы». И так далее.

...Можно, конечно, с доброй улыбкой смотреть отечественные бандитские сериалы с их матерной феней, не слушать теле- и радиодикторов с их неправильной речью, не смотреть на англоязычные вывески магазинов и «массажных салонов». Вовсе не обязательно вслушиваться в птичий язык подростков-тинейджеров: все одно не поймете, о чем речь. Но ведь всему есть разумный предел!

* * *

Лексика — дело преходящее. Поговорили до лучших времени и забыли. Иное совсем дело грамматика, то есть речь письменная, ибо «что написано пером, то не вырубишь топором». Здесь важны два момента: общий упадок грамотности и реформирование правописания и алфавита. Начнем с алфавита, как основы грамматики, то есть фонетики и морфологии в первую очередь; хотя это отражается и на синтаксисе с пунктуацией.

Русский язык, равно как и ряд других славянских языков, пока не перешедших на латиницу (украинский, белорусский, болгарский, сербский), получили от Кирилла и Мефодия великолепный дар — славянский алфавит, причем не просто «переписанный» с греческого, а *вновь созданный*. Неувядаемая слава великих просветителей состоит в том, что они создали алфавит универсальный, фонетически адекватный *сразу всем* славянским языкам: восточным, западным и южным. Что значит: фонетически адекватный? — А это просто понять, если взглянуть на напечатанный или написанный от руки текст на русском языке. Что сразу бросается в глаза? — Правильно, за исключением и-краткого (й) в нем нет букв со всякими над- и подбуквенными значками: тильдами, черточками, кружочками, точками, галочками и пр. (о букве «ё» разговор пойдет отдельный). То же самое видим и в текстах на других славянских языках, использующих кириллицу. Если «надбуквенницы» там и встречаются, то это скорее всего дело разного рода реформаторов типа Грушницкого...

Все это означает, что в алфавите Кирилла и Мефодия были тщательно учтены все фонемы (базовые звуки) всех славянских языков в их отличии: «цоканье» северных славян — будущих русских, обилие «шипящих» в польском языке, фонетическая специфика чешско-моравских языков, «приглушенность» южных славянских говоров и пр. И те народы, которые в свое время под давлением католической церкви отказа-

лись от кириллицы и взяли латиницу, за это «расплачиваются» неимоверным усложнением алфавита и морфологии слов. Возьмите грамматику польского языка: сплошные «надбуквицы» и использование трех-четырех букв для написания «шипящей» фонемы... То же самое и с чешским (словацким также) языком.

Кстати говоря, чехи исторически недавно перешли на латиницу; доводилось видеть книги на чешском, использующие славянский алфавит. Так там тоже, как и в русских текстах, нет подчеркиваний сверху и обозначения фонемы более чем одной буквой!

Скажем большее, что уже вовсе фантастикой представлялось бы, если бы не было правдой. Когда в 20-х годах прошлого века в СССР народы, прежде не имевшие письменности, или использовавшие арабский алфавит, а также в Монголии и Туве (до 1943-го года самостоятельное государство) с уйгурской письменностью, был введен русский алфавит, то оказалось: для всех этих языков, принадлежащих к совершенно различным лингвистическим группам — тюркской, иранской (таджики), угро-финской и пр., и пр., — алфавит Кирилла и Мефодия оказался фонетически адекватным!

Филологи в шутку и всерьез говорят: если когда-либо японцам придет в голову мысль отказаться от (китайских) иероглифов и перейти к алфавитной письменности, то они возьмут только кириллицу. Дело в том, что фонетика русского и японского языков (правда, чисто случайно, не по родству) совпадает абсолютно. Поэтому японец говорит по-русски, а русский по-японски без акцентов.

...Сейчас, в эпоху дистанцирования от России, кое-кто из самостийных стран, бывших союзных республик, переходят на латиницу, создавая тем самым сложности, аналогичные западным и некоторым южным славянским народам.

* * *

Создавая *общеславянский* алфавит, Кирилл и Мефодий сознательно сделали его информационно-фонетически избыточным. То есть они учли, что в процессе дифференциации славянских народов и оформлений национальных языков их фонетики могут изменяться — преимущественно в сторону некоторого сокращения числа фонем. Все это они учли в исходном алфавите. Кстати, не учли они только одну фонему (им еще тогда не известную, конечно) — так называемую «гэ — фрикативную», то есть знамениток «гхэ» южнорусского (и украинского) говора...

Для примера: латинский алфавит, полностью соответствующий древнеримскому языку — латыни, такой избыточностью не обладал изначально; отсюда и обилие «надстроек» к буквам в германских и западнославянских языках, буквенное «изобилие» во французском языке, оригинальная традиционность языка английского, где, как говорит присказка: пишешь — Манчестер, читаешь — Ливерпуль. И так далее.

...Именно в силу первоначальной фонетической избыточности кириллицы возможны, допустимы и целесообразны изменения в алфавите, если, конечно, не следовать предельному традиционализму типа английского.

Все дело в том, что язык — динамически изменяющаяся со временем категория. В этом легко убедиться, сравнив словари (они в советское время издавались часто и полно) современного, старорусского (XV—XVII вв.) и древнерусского (XII—XIV вв.) языков. Современный русский язык возник на основе московского говора, заметно отличавшегося от своих предшественников. Часть фонем при этом утратилась, возникла ненужность некоторых букв кириллицы, рачительно «запасенных» славянскими просветителями под будущий языковой процесс, в том числе и русского языка.

Первую реформу алфавита, правда, в основном по части написания букв, произвел Петр I: так называемый переход от церковно-славянского шрифта к гражданскому. Это мы все помним из школьных учебников, где приводилась эта правка — вычеркивание рукой самодержца.

Вторая реформа совпала с коренным переустройством всей жизни России при императоре Александре II, хотя готовилась уже давно, в частности, министром Уваровым, который в советское время полагался «гонителем просвещения». Ну-у, это все с подачи историка-пролеткультовца Покровского... Из состава алфавита было изъято несколько букв, уже не соответствовавших современной времени фонетики языка.

Наконец, реформа 1918-го года, как бы к ней сейчас не относилось «демократическое общественное мнение», завершила половинчатое решение нововведений (а точнее — «выведений») александровской поры. *Алфавит был приведен в полное соответствие с фонетикой русского языка.* Ведь еще девяносто лет тому назад в московском, то есть литературно-нормативном русском языке, даже знаменитый (в последующих попытках «реформ») заяц зайцем и произносился, а не «заец»!

Здесь важно отметить, что и в царской, и в советской реформах из алфавита были удалены исключительно (кроме замучившего не одно поколение гимназистов «ятя») чисто греческие буквы, но оставлены все до единой введенные Кириллом и Мефодием вновь и специально для славянского алфавита.

* * *

Исключая «дизайн» Петра Первого, пообвыкшего за границей к геометрической строгости латинских букв, обе реформы алфавита — царская и советская — были тщательно продуманы и научно обоснованы. Кстати говоря, реформа 1918-го года была полностью подготовлена специальным комитетом Министерства просвещения еще задолго до революции... Это в адрес тех, кто сейчас по поводу и без повода все списывает «на большевиков».

Потому исправление алфавита в общем-то пошло на пользу русского языка, его грамматики. Иное совсем, когда в деле реформирования главенствуют личные амбиции, пусть даже движителем которых является уверенность в общей пользе.

Таким вот реформатором впервые выступил очень уважаемый человек — Н. М. Карамзин. Более всего в своей жизни Николай Михайлович гордился не своими «Письмами русского путешественника», не многотомной историей России (правда, написанной в «романовском» ключе), даже не воспитанием, пожалуй, самого умного, но и трагического, русского царя... Нет, до тщеславия он был горд введением в русский алфавит новой буквы «ё», страсти вокруг которой в очередной раз вспыхнули сейчас у нас. В контексте заметим, что точно так же Ф. М. Достоевский главной своей заслугой полагал не свои произведения, принесшие ему всемирную славу, не создание жанра психологического романа, а введение в лексику слова «стушеваться» (учась в Михайловской инженерной академии, ему часто приходилось счищать с чертежей кляксы туши; отсюда и слово).

...Я тоже тихо горжусь тем, что внес в современный новояз два новых слова — производные от «бизнес» и еще от одного, часто употребляемого — перевода с американского. К сожалению, оба они не для печати; вполне годятся для эстрады, но тамошние «авторы-куплетисты» глубоко привержены идеям общечеловеческих ценностей...

Однако, вернемся к букве с двумя точками поверху. Почему уже почти два столетия ее положение в русской речи, а особенно в алфавите, несколько двусмысленно? Настолько, что ее традиционно не используют в печатных текстах, заменяя на «е». А для школьников и доверчивых людей придумали легенду. Дескать, на момент введения Карамзиным новой буквы, словолитен в типографском деле еще не существовало, а набор делался из отдельных литер. Стоили они дорого, использовались не один десяток лет, так что отливать новые наборы литер дорого, хлопотно и пр. Умные люди, конечно, смеялись: зачем же все литеры менять, достаточно отлить несколько тысяч этих самых «ежиков» и распределить по типографиям, исключая подпольные.

Нет, здесь не все так просто. Возражали и возражают филологи из числа мыслящих. Даже ссылки на схожие по образованию буквы «ю» и «я» их не убеждают. Дело в том, что фонема, соответствующая «ё», не характерна для русского литературного языка, то есть языка печатного текста, а присуща только «цокающему» северному диалекту (наречию). А если все же слова с «ё» стали употребительными в XX веке, то здесь сработал эффект «обратной связи»: если почти целый век в школе убеждают, что есть такая буква, то в конце концов, как говорится в старом анекдоте, и мумия Рамзеса IV признается следователю КГБ: «Да, елы-палы, фараон я и жил на нетрудовые доходы».

Как бы то ни было, но время «ё» еще не пришло, хотя она и введена явочным порядком в алфавит. Наконец, должно же хоть что-то быть традиционным в русской жизни? А то через каждые три-четыре поколения памятники сносят и заменяют другими, города без конца переименовывают*, полицейские дубинки то отменяют (при тоталитаризме), то вводят (при демократии) и так далее. Неизменны только водка, воровство и взяточничество, исключая период сталинских пятилеток, да, пожалуй, винтовка Мосина и «калаш». Почему бы не оставить традицию печатного текста без сомнительной «ё»? Хотя неча на других пенять, но вот, например, англичане за тысячу лет ни одной буковки в своем алфавите не поменяли.

* * *

Николай Михайлович, вводя свою букву, был искренне уверен в пользе ее для русского языка. Кто-то согласился, кто промолчал, но со времен Александра III и до 2006-го года от Рождества Христова, все попривыкли: буква «ё» как будто есть и также как будто подразумевается... Всех это устраивало, даже неуспешных школьников: достаточно выучить правило: если «е» под ударением, то это уже «ё».

Но вот грянул год 2006-й, и за дело улучшения русского языка взялись госчиновники «на местах». Конечно, и в остальной России они ума необыкновенного, но вот на берегах матушки Волги они и вовсе замечательные: один волжский богатырь-губернатор за неполных два года область разорил вчистую, другой — крепкий хозяйственник — предложил легализовать публичные дома, а третий ударился (видно, других забот уже нет) в филологию: срубил-поставил памятник букве «ё» и призвал всю Россию употреблять ее непременно в печатных текстах.

До чего же удивительный наш народ! Прямо-таки в нем живет дух противоречия. Прямые государственные законы почти не исполняются. Но вот стоит кому-то и что-то брякнуть по телеку, так тотчас переймут не только широкие народные массы, но и госучреждения. Вот как-то недавно вскользь упомянула дикторша по НТВ, что соседский наш президент Ющенко вельми недоволен, что россияне говорят «на Украине». Ему же больше импонирует «в Украине». А буквально на следующий день все дикторы в столицах и провинции, эстрадные смехачи-плясуны, госчиновники перешли массово «в Украину». Тоже и в печати. А в объявлениях ФГУП «Почта России», срочно перепечатанных, запестрело: «переводы в Украину...» и так далее. Все свершилось вмиг, даже завалившего филолога на телеэкран не выпустили, который популярно бы разъяснил: говорить «в Украине» все одно, что сказать: «я поехал в *край* города...» (в баню, на рынок-толкучку, в массажный салон — по интересам и деньгам).

...Так и инициатива волжского любителя филологии тотчас с восторгом была воспринята страной: все печатные издания тотчас запестрели «ежиками». Очевидно,

* Здесь более всего «повезло» северной столице: Санкт-Петербург (СПб) (1700 г.) — Петроград (1812 г.) — СПб (1814 г.) — Петроград (1914 г.) — Ленинград (1924 г.) — третий раз СПб по инициативе Собчака. Чуть меньше раз переименовывали Рыбинск и ныне самостоятельный Луганск. Так что практику переименований начали цари, а не генсеки...

на радость нашим западникам-демократам. Дескать, и у нас теперь, как во Франции или Польше, буковки в газетах с точками поверху!

Если так и дальше пойдет, то очередной волжский богатырь явочным порядком переведет русский язык на латиницу.

* * *

Много чего можно сказать о современном повреждении языковых нравов. Пожалуй, и всех страниц годового комплекса журнала не хватит. Одно помешательство другим сменяется. И конца этому не видно. То заставляли бывшие союзные республики и их столицы по-туземному именовать в нарушении всех языковых норм. Это все равно, как если бы Швецию Сверигой, или Швейцарию Зюссией именовать. Воспрянули духом старинные «зайцееды», кто еще во времена Хрущева пытался заставить писать «заец» вместо «заяц».

Некие оригиналы рекомендуют отменить твердый знак. И так далее.

В сегодняшней телерекламе слово «Кока-кола» употребляется только в именительном падеже: «Я купила бутылку кока-кола...». Но на текущее время вершиной всего является явочная же американизация русского языка, заключающаяся в повсеместном написании многословных названий с заглавной буквы каждое слово типа: «Агентство Оценки Недвижимости». Самое ужасное — так же точно пишут названия, включая вывески государственных учреждений, в частности, учебных заведений, где учат грамотности... Пока недостижимой вершиной здесь являются новые формы «корочек»-обложек дипломов докторов и кандидатов наук; золотом на них оттиснуто: «Диплом Доктора наук», «Диплом Кандидата наук». И такие дипломы торжественно вручают свежее испеченным докторам и кандидатам от филологии! Дальше вроде как и некуда.

...Иван Сергеевич Тургенев, проживая во Франции по долгу своей службы (резидент русской внешней разведки по Франции, полковник жандармерии), гуляя по дымным садам парижского Буживаля, завершал свою лучшую книгу гимном русскому языку. Неужели и нам нужно всем очутиться на чужбине, чтобы понять простую истину: что имеем, то не ценим; потерявши — горько плачем.

От редакции: Настоящая рубрика вызвана к жизни действительно серьезной ситуацией с современным состоянием русского языка в стране. Похоже, что и законодательная власть государства в лице соответствующих комитетов Госдумы всерьез озабочена «повреждением» государственного языка, языка русской литературы и межнационального общения. Дело за решительными действиями. А мы приглашаем всех неравнодушных к участию в рубрике «Русский язык» нашего журнала.

ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИЕ ЭССЭ

Александр Ситников

НЕПРОПИСАННЫЕ ИСТИНЫ

Вводная часть

Это название складывается из нашего советско-русского понятия — прописка. Непрописанные, значит они не плоды основательных раздумий, а так — пришлые, типа командированных. Нет прописки и нет, просто они как временные состояния мозга, в котором эмоции борются с мыслью, а мысли с ленью.

А что поделать, если голова, порой, похожа на проходной двор, где равно можно встретить и первую любовь, и отпетую шпану, а это уж следствие несистематизированных знаний.

А еще непрописанные, в значении слабой литературной обработки и не предназначенные для салонов и, тем паче, для широких масс.

У народа своя непреходящая мудрость.

Просто сказал, как отрезал, мало задумываясь о посторонних мнениях.

Потому что есть уже Нагорная Проповедь и Десять Заповедей. Истины, вырубленные в скале.

И еще тысячи разнообразных производных истин от философских школ и от духовных водителей человечества.

Мои непрописанные истины не годятся ни на что. Они возникли из «каши» в моей голове, и искать в них четкость с претензией на пользу — безумие.

Они сложились во мне хаотически: я поймал себя на том, что поддавался многочисленным влияниям, но до конца не принимал на веру самую логичную систему.

И такая вот мозаика стала выплескиваться на бумагу. Тут есть слабая полемика с прописными истинами, мне кажется: они попытка записать абсурд математическими формулами, я же хочу от формул перекинуть мостик назад к абсурду.

Наверно, посмотрелся тупиков здорового смысла. Фиаско здорового смысла стало слишком наглядным: зыбкость постулатов, неубедительность теорий, банальная шелуха опыта и все — или начинать сначала, или сходить с ума.

Знаю, что согласятся со мной немногие. Но парадокс: ведь и самые неоспоримые истины не ведут к согласию и упорядочению картины мира и человека в нем

Поэтому приходится строить на песке, гнаться за миражами, смешивать огонь и лед, воздух и землю.

Все пошло в ход, нет стройности, отчетливости, но я хотел бы, чтобы эти истины были похожи на беременную — неуклюжесть, большой живот, некрасивость и дальний прицел — готовящуюся подарить миру орущее, пачкающее пеленки новое существо.

Если бы удалось...

Я же должен отдать накопленное, как пчела нектар.

Послужить только передатчиком сквозь помехи, плохую слышимость, дальние расстояния тех сигналов, что сумели дойти до меня...

* * *

Горит очаг, и светятся в ночи

Пять белых лилий в вазе словно свечи...

М. Дервиш

Тысячелетие проскочит — а ты еще раб. Факелы на улицах, вечный город Рим — неважно какой порядковый у него номер, самодовольные стражники, лоснящиеся патриции, пресыщенные матроны — кругом рабы, рабы, рабы...

Толкающие тачки, несущие кувшины и тюки, дробящие камень, сидящие за компьютерами, летящие в космос, всех видов и расцветок и профессий.

Главное, обеспечить бесперебойность оргий. Гигантское колесо истории, как ни крути, снова и снова проходит похожие точки. Тут смысл такой: не должно меняться соотношение господ и рабов. В процентах. Социальные потрясения — они и есть потрясения и только, раз количество рабов на единицу властителей не меняется, президентская республика, султанат, рабоче-крестьянское государство, развитая демократия — суть одна: оргии, Нероны, кресты вдоль дорог с распятыми рабами и варвары как скорая альтернатива, которые завтра устроят свой, очередной Рим.

Мрачноватую картину нарисовал, хочешь — не хочешь, а невольно начинаешь писать подрывные строки. Как же понравится жирным огульная критика, считающие себя богоизбранными желают оставить за собой право и на кутежи, и чтоб в зубы дать Митьке, на больший надел и лакомый кус.

Но у рабов особенно тоже не найти таким речам одобрения: вот пожалиться на горькую долю, песню спеть про острог да стибрить что по случаю у властелина и пропить сие в близлежащем кабаке, и тут напоследок оргия получается.

Да и не рабы это, а, естественно, холопы, раб всегда мечтает о свободе и борется за нее.

Хотел привести в пример Спартака, да больно одиозно: подумают про футбольную команду.

Нет, все же идеальный раб — это Эзоп. Верный от порядочности, мудрый от страдания и самый опасный, ибо душа его всегда на воле и готова даже ценой смерти вырвать из рабства тело.

Но господам раб нужен как физическая единица — желательно мозг и руки, что до души — верный способ одурманить чем-либо, опять же куском со стола утонченный удовольствий.

Мясо — себе, кости — псам, кто усомнится в подобной справедливости? Просто формы рабства периодически меняются — от тоталитаризма к либеральным заморочкам, потом снова факелы на улицах, фюрер, вождь с подходящей харизмой, ха! — благая весть, снова — здорова: сижу в шарашке — изобретаю бомбу для диктатуры пролетариата, шарията, мат... желающие могут продолжить по вкусу.

Сегодня на Руси весело, появились народные избранные, короче, рабы стали выбирать себе погонял.

— Я вас, ребятки, розгой, розгой, но полегонечку для порядку, — увещевает му-

жиков мини-«нерон» с выпуклыми глазами содомита-профессионала. Аплодисменты! Больше оргий хороших и разных на широко доверчивую душу населения. «Милый, милый,— машут патрицианки,— и нас не забудь, не отведи взгляда скромного».

— Но ты, писака, — а есть ли в мире, кто другой — не раб, не господин, уж не ты ли такой умный?

— Что вы! Я тоже бедный раб этого белого листа бумаги, вот той прошедшей мимо равнодушной красавицы, раб последнего раба, потому что завишу от его готовности печь хлеб, ходить часовым, ремонтировать автомобили и еще от тысячи всего прочего.

Ага? Значит рабство полезно и допустимо, коль оно экономически выгодно! Выходит так, по крайней мере сидящие там наверху, с чисто гестаповской дотошностью борются, чтоб ни ты, ни я, ни миллионы сущих козявок не возроптали часом.

Лифтер не повезет премьер-министра! Нонсенс!

В шахту не полезут чумазные то ли за черным золотом, то ли за верной смертью, такие шорохи наведутся — отпетые революционеры задумаются и к вечеру устроят междусобойчик-термидор.

Так что же Свобода, где за нее кровь проливают? Не знаю — просто вспоминаю сказку о «Золотом ключике», нарисованный очаг, бурлит котелок с похлебкой и деревянный нос Буратино, что буравит раскрашенную бумагу.

Что там ребята?! Правильно, стенка, молодцы пионеры, к стенке — вот к чему ведет Свобода, или к той Пер Ляшез, или к следующей, которую, как заводному человечку, опять надо проламывать...

* * *

Замывается круг жизненных испытаний — и мы возвращаемся.

Ищут глаза родительский дом, флаг над сельсоветом, железную дорогу с паровозом, окно первой возлюбленной, в горячечном подпитии снова и снова ностальгически тянем шеи, пытаюсь заглянуть за плотные шторы Времени, но ни лучика, ничего из прошлого, кроме протяжного воя боли, не получаем.

Почтовое отделение закрыто, в небе летают странные металлические птицы, на улице нет ни одного знакомого, страна называется по-иному, дети от женщины, о которой никогда не мечтал, развалины Парфенона — пыль и сухая тоска смирения с неизбежным.

Я прижат к стене и загнан в угол, именно уперся лицом — шел все время вперед, да и не шел, а летел, не позволяя себе расслабиться.

Поворот за поворотом, к вершинам, упрямое рогатое существо внутри меня лезло из кожи, изнурая надежды и ловя призрачные флюиды счастья. Добивался и летел дальше и наступил момент, когда некуда идти. Нет, не в том в линейном, горизонтальном смысле направлений, а в качестве новизны, первооткрывания.

Нанизывать похожее, совершенствоваться в достигнутом, матерение духа в известном — классический тупик индивидуального развития личности.

Лицом к стене, долгий кадр кино, начинаешь изучать трещинки, извивы, налет, цвет, мох и прочие особые приметы духовной смерти.

Тут самое время оккультного, мистического освоения мира. На ощупь уже надоело — давай строить предположения об устройстве сущего. В Великий Барьер кто из живших не утыкался носом? Некоторые поворачивали лицо вспять к страждущему человечеству и ну давай спасать его от самого себя.

Мастера социальных утопий. Утопить Несбывшееся в абы каком сбывшемся. Отмести мистический выход, захлестнув душу разлитым морем алкоголя, делать добрые дела, ну как разводить цветы в Майданеке, давить из себя приторный, нечеловеческий оптимизм и умирать без Божества, без вдохновения.

Как я сейчас понимаю, самый трудный, но самый честный вывод: пробивать стену лбом. Да, именно так, одному уже безмотивно, без зрителей на трибунах, в звенящей тишине полного одиночества, даже скорей по инерции, потому что ни чувство долга, престиж, слава — понятия на этом этапе не имеют хождения.

Там, за стеной, должен быть ослепительный свет: общее мнение. И фактически мы возвращаемся туда, откуда выползли миллион лет назад, плоть, обремененная духом, — взвалившая на плечи грехи и мудрость поколений, молчаливым блудным сыном припадает, понимаете, к чьим коленам.

Соль возвращения в возможности теперь оценить Того, кто дал тебе время куролесить, ошибаться, греховодить в свое удовольствие и, наконец, прийти поверженным, но с благоговейным пониманием необходимости пути познания.

И тогда начинается нелинейная, истинно загробная жизнь, дается шанс, когда кончается праздник по поводу обретения отцом сына, пойти в поле и возделывать виноградник.

Чистым знанием не решается задача Вечности: нужны поступки, жертвы, смирение, продиктованные не подхалимажем, а уважением и благодарностью.

Тупик может быть только в узко думающем мозгу — масштаб обязывает иметь крылья.

Не расплюснутый о стенку — будет жить. Закат — просто фаза движения Земли вокруг Солнца, смерть — движение Жизни к Жизни.

И пауза дается, чтобы осмыслить, дать оценку, повиниться и, подчинившись неизбежному, все-таки пройти этот Барьер: страх, судорогу, мрак.

Так деревья зимой ждут теплых дней весны. Ждать ведь возвращения необходимо и ушедшим, и оставшимся. Я еще не понял, кому больше...

* * *

Постмодернизм — это когда Моцарт твердо знает, что Сальери непременно отравит его.

Он уже не может щебетать на ветке беззаботным соловьем, вечность скукожилась, и слава стала преходящей, как бегущая строка городской рекламы.

Но этого мало: моцартам нынешнего времени остро понадобилась крыша, ведь произведение искусства — товар, и, чтобы его продать, нужна система посредников.

И вот ценители, толстые кошельки и заливки, тут как тут.

Пой, соловушка, пой. А вы, гражданин Сальери, не вертитесь с ядом, Моцарт еще мне пригодится...

А не желает упрямый гений вступать в противоестественную связь, что ж соорудим при помощи современных технологий из самого заваливающего бездаря. Раскрутим, и кусай Моцарт локти в своем подвале.

И получается интересно: Моцарта от Сальери уже никакой экспертизой порою не отличить.

Что природные данные, что сделанные на фабрике Голливуд — уравнились в цене.

Хватка Карабаса-Барабаса делает свое дело, куклы чинно висят на гвоздике.

И размазывает Пьеро «невидимые миру слезы» длинными рукавами, гримаса печали так привлекает сытую тушу обывателя, он обожает суррогат страдания и тем паче, ежели все разыграно красиво.

И не зарывай талант в землю, делай приятное достойным людям. Смыкание высокого и низкого.

Деньги, добытые самым грязным способом, двигают смычком скрипки и пером поэта, живописец пишет красномордого купца, лучшие ювелиры — лучшим куртизанкам.

Круговорот.

Но нынешним моцартам приходится все делать осознанно. Работать на имидж. Обманывать обывателя, улыбаться спонсору, вежливо отказываться от приглашения выпить, исходящее от Сальери.

Легко уходить от преследования и легко (легко ли?) творить.

Невозможно осуждать естественные процессы.

Жажда признания, да и просто чтобы кушать, движет людские массы. Протуберанец таланта редок, и он недалеко от черных пятен.

Банальность сгущается в невиданное, пошлость преображается в прекрасное, а время, разбирая завалы сиюминутных поделок, ставит пробу или клеймо.

Толпы неугомонных сальери бродят по земле, они сами отравлены славой Моцарта, свет его божественного мастерства не дает им покоя, им мнится, что еще чуть-чуть, мелочь, деталь, усилие, команда имиджмейкеров и Олимп будет покорен.

И столько их уже удачливых сальери, что истинный Моцарт отравлен их вездесущностью, всеядностью и нахрапом.

И получается что главный тут — обладатель толстого портмоне. Это перед ним выпясывают, а он бросает банкноты, подписывает чеки и одобряет кивком головы.

Не помимо, а вместе — и кто говорит чистое искусство? Нарочитость постмодернизма — его родовое свойство, каждый норовит показать сколько работы вложено, сколько затрат, так, на этикетках продуктов густо пишут их пользу, подлинность, необычайные достоинства и приемлемую цену.

Постановка фильма обошлась в энную сумму, значит соответствует и результат.

Все ли так просто и необратимо? И поэтому я верю, что есть места, где садятся за пианино гонимые странным поиском невиданной гармонии, в упор не замечая косых взглядов завистников, не реагируя на шелестение купюры, и это тоже естественный процесс.

Иногда, чтобы пойти дальше, нужно вернуться. И быть готовым выпить яд мира за трель, что спасет этот мир... Или хотя бы сделает жизнь в нем переносимой.

* * *

*Те, кто не могут вспомнить прошлое,
Обречены его повторять.*

Джордж Сантаяна, 1905 г.

Тычутся слепые котята, не мы ли так: поколение за поколением, уже до смешного, до страшного, пренебрегаем прошлым, надеясь заполучить желаемое будущее, отрезав опыт, знание, чувства, бывшие до нас.

И что же в итоге?

Получаем беспросветную тьму, оборвав непрерывную линию времени.

Скатываемся к примитивным диким формам бытия, и темная, глухая к слову и к чувству, душа просыпается однажды, окруженная непонятной культурой, не сводимой к ежедневной потребности пить и есть, и в странном раздражении глядит исподлобья вокруг.

И что же видит эта душа?

Такие же сгустки инстинкта и раздражительной боли.

Она желает поначалу занять себе друга и всегда держать при себе этот питательный сосуд любви.

Но два стальных шара могут соприкоснуться только точкой. Разлетаются шары как галактики во Вселенной, уходит тепло и память тускнеет, словно осеннее солнце в предвечерней дымке.

Неандерталец просыпается в огромном городе, затаянном в суету функционирования индивидуумов, продирает глаза, и ему в руку прыгают орудия, незнакомые и могучие, орудия легкой смерти, что становятся непременным атрибутом существования мира.

Людей убирают как мусор.

Драка вслепую каждого с каждым и сама память о иной жизни мучительны и бесконечны.

И на одной чаше весов миллиарды хаотически живущих существ, закосневающих в своем неидеальном состоянии, и горы совершенного оружия и машин, уверяющих, что человек — венец творения.

Гнилые нитки слов уже не связывают воедино цель и средство. Голова отбрасывает и ложь, и правду, принимая только забвение, только стремление вернуться к некой беспечальной точке.

Но забывая, мы умираем, и кончается наше дело.

И снова барахтается комочек, ищет материнскую грудь, приластивается к жесткой щетине отца и, разгребая тьму, проходит свой короткий отдельный путь.

Итак, что нам помнить?

Летающие впечатления? Историю народа? Жизнеописания великих?

Словно засыпанные песком города, земная недолгая память.

Что остается, когда разъезжаются гости?

Большой неосвещенный дом, ветер в липах, затягивающее зеркало старого пруда, свеча, мелькнувшая в окне, крик птицы и до рассвета тишина.

Забываю и помню: выбрасываю вещи и словно зеницу ока храню верность милому пустяку, прохожу мимо монумента и долго сижу на заброшенном кладбище, забываю о Себе и вспоминаю Себя, складывая в цепочку генетической памяти человечества свое звено и зная, что ничто не сохранится, я должен верить, что ничто и не пропадет.

Помнить, чтобы не повторяться, помнить, чтобы повториться в неведомом пространстве и времени.

* * *

Ах, Русь! Медвежий угол, какая-то захребетная сила наворочала просторов, перед которыми замирает душа и захлебывается глаз. Это вечное: пришли, сели, и, отдохнувши, пошли дальше. Нет времени разложить впечатления по полочкам, красивый беспорядок, как в избушке охотника-холостяка, что только недавно ушел в тайгу на зверя.

Такая добротная привычная скука — а как, мол, иначе — по-другому и жить нельзя.

Не заморскими миллиметрами, а могучими аршинами шагаем по кругу. Постоянно хочется спать, приткнувшись хоть как Илья Муромец, тридцать три года, а потом, естественно, проснуться, встать на дыбки и сокрушить несмышленишей.

В сенях холодный квас — пожалуйста — пей и крякай от удовольствия, выходи на крыльцо и спрашивай, ну кто здесь несогласным будет?

И обвести всех тяжелым, словно палица, богатырским взором. Выбегут детки малые... «Тятенька не надо,— запричитает простоволосая.— Илюша, не ходи!»

Напрасно. Квас выпит, конь трепещет, воинство какое-никакое у двора, пора ехать.

«Ишь повадился Соловей-Разбойник песнями срамными девок наших сманивать», — весело заключает богатырь.

И запылит отряд по нескончаемо сказочной дороге... Но наличие непробужденной силы говорит, что как раз темная заморочивающая рать не дремлет и активно действует.

Костяная нога снует туда-сюда на потрескавшейся ступе, Горыныч полыхает беспричинно синеватым денатуратовым огнем, Кащейюшка — тот вообще собрался не помирать, на досаждение честному народу.

Уж про мелочь лешую лесную, запечно-домовую речь не веда — не геройское то дело с ними связываться, все равно как кагебэшнику пьяниц у пивного ларька подбирать.

Если Русь — то размах подавай, это в сутуловатой Европе негде повернуться у них и нечисть-то больше призрачная — привидения, да вампиры. Кровососы — одним словом.

Русская нечисть плотская, живая — не зря Кашей жениться на Василисе задумал, это вам не зеленым тлеющим призраком шастать по замку и щипать графиню за плечо.

Хрен нашу шуштуру возьмешь магическим треугольником, заклинаниями и даже колом осиновым, меч-кладенец, не меньше.

Но герой у нас всегда запаздывает, минимум на сто лет, земелюшка разорена, Марья Моревна в лапах чудища поганого, стоном стонет простой народ и нате вам, проснувшись, сколько же можно?

Отсвистит все три головы змею, от хлеба с солью отщипнет, пир для молодцев своих закатит и ну спать на печку.

До следующего призыва, вот такое МЧС в отдельно взятом богатырском лице.

И жизнь заструится дальше, гуси-лебеди, лютики-цветочки, печки-лавочки. Бурьян, крапива, паутина в избе — мирные, беспрестанные ходики в светлице, тихо на цыпочках, не потревожьте зазря, мухота заела, скрипят половицы, пахнет до обморока щами, петух за окном роет навозную кучу — ради покоя такого стоило тварей нечистых в оборот брать. А не замай!

Беспредельное васильковое небо висит над Русью, переходящее в васильковые поля, надывается где-то аэроплан, трактора в унисон, белесые стежки-дорожки бегут неведомо куда, беспредметная печаль призывает журавлей поплакаться в жилетку Бога, только спит Илья, храпит, поворачивается с боку на бок, и снится ему поле, река, завитушки облаков над дальним лесом, и длится сон, и ржавеет кладенец, и потихонечку плодится нечисть...

Грянет новая беда, зазвонит сбивчиво медный колокол, пора глаза продирасть.

Жизнь, ставшая сказкой. А сказка — былинной. А былина так недалеко до жизни. Что, махнем еще один кружок?!

* * *

Кого не настигало чувство безграничного отчаяния?

Кто из обремененных плотью не бился в духовной истерике, порою по ничтожному поводу?

В Америке в такие моменты покупают новую сорочку или какой-нибудь «понтиак» и, залатав на время черную дыру в сердце, пребывают в подвешенном над пропастью состоянии на воздушном шаре с изображением Микки-Мауса.

В России — иначе.

Наше отчаяние раскинулось широко и вольготно, как Волга в нижнем течении.

Там, за океаном, стоит только под мышку sprysнуть дезодорантом, сходить к психоаналитику, выпить колы, и тени убираются в ангары, словно бомбардировщики после штабных учений.

Тоска русских преувеличенных просторов не оставляет шансов психоанализу.

Миллиарды декалитров водки и ее суррогатов льются день и ночь в эту великую русскую пустельгу без видимых результатов.

Отчаяние, переходящее в образ жизни, сама жизнь, темная степь, полночная кухня, вагончик строителей — в разгар праздничных застолий и первомайских па-

радов, неистребимое, как звезды в небе, вечное, как мерзлота, как ветер, рвущий листья деревьев на деревенской околице.

В темном провале православной иконы, в нескончаемом плаче русских вдов, в самой бесшабашной удали, похожей на попытку отбиться от преследования, только не примириться, не подружиться с немотой и смертью, с распадом, с горечью Экклезиаста.

Запад делает из отчаяния деньги, на моей родине пожар заливают бензином, вывертывая пропасть наизнанку, и глядь — то уже вершина, устремленная в небеса.

Там стоят красивые загородки и предупреждающие знаки и даже отчаяние рекламируется и доставляется на дом в глянцевои упаковке, вкупе с здравомыслием протестантских проповедников.

Бухает где-то магнитофон, портвейн, разговор, муть, машем рукой — уходим и возвращаемся, чокаемся с зеркалом, порываемся совершить нечто грандиозное и валимся мертвецки полтретьего на кровать, не отторгая отчаяние и небытие, как бы приняв его в себя с этой маслянистой водкой, этой вечной карамазовщиной — на пределе вопросов, на пределе нерва и, опустошаясь в бездонность, любим себя не отдельно от Вселенной, а именно вместе, совокупно, не в комфортном бункере, потерявшего от страха голову, а скрестив отчаяние на отчаяние, бросив вызов и заведомо проигрывая тьме, сгораем в свободном падении и освещаем, как светляки, невообразимую ночь.

Малодушные закономерно побеждают максимализм и дурно пахнущее благородство, становятся элементом истории человечества.

Вот и на Руси скоро замаршируют бодрячки, и это неплохо. Отчаяние закуют в саркофаг, как Чернобыльский злосчастный реактор. Разорвут это древнее отчаяние на сувениры и унесут по домам.

И в шикарных коттеджах, безукоризненных, американизированных и чистых будет выть неоплодотворенная, пакованная в корсет, душа, могущая вместить, да не вместившая, разъятая на части, отрезанная от пуповины.

Взорван Тоннель. Великая Китайская стена. И резвятся в загоне ОВЦЫ. И лишь Одиссей велит привязать себя к мачте, чтобы слышать пение Сирен.

* * *

*Ведь каждый, кто на свете жил,
Любимых убивал...*

О. Уайльд

Как дождя в засуху, мы ждем любви. Устав от суховеев, пыли и безотвязного солнца, жаждет душа нежного ливня, теплого, словно руки матери, и немного колючего, словно щека отца.

Но долго-долго до изнеможения сердца нет спасительного потока с неба, молимся и ропщем — молимся и ропщем!

И, наконец, — дождь. Нет в мире большей радости внезапности, долгожданного счастья, и ливень лупит, что есть силы, и мы, не прячась, идем ему навстречу, захлебываясь и веря в однозначность случившегося.

Но представьте, спасительный, нужный, редкий идет сутки, вторые, третьи, размывая глинистые склоны, превращая дороги в ад, смывая посеы, затапливая все и вся, что нам понравится в нем — эта бессмысленная щедрость?

Щедрость через край, щедрость без берегов. Так и любовь. Когда через великую сушь лет к нам нисходит чувство, поначалу оно, как дождь, напоит измаявшуюся душу, даст мощи росткам, укрепляет и дает покой умиротворения.

Не существует рецептов счастливой любви. Порою она только промежуток между словами. Только краткий дождик после испепеляющих недель. Зачем же желать потопа?

И секс не игрушка, вот что хотел сказать Фрейд, а не то что он во главе всего. Но у людей правит бал госпожа-привычка.

Очень стыдно говорить о любви в прошедшем времени. Ее ресурс не должен исчерпываться, в счастье — вектор, направление всегда обязано уходить за горизонт.

Если двое остановились, чтобы попристальней заглянуть в глаза, размывается дорога, виляет колея и бодрая езда сменяется тряской.

Вспоминаются Александр Блок и Люба Менделеева.. Красиво и печально до убогости и любить, и бегать друг от друга.

Любовь всегда должна оставаться прекрасной Незнакомкой. Вот и Лев Толстой и Софья Андреевна — от любви до самоистребления. И Пушкин с верным укором Наталье — какие яркие примеры!

Умирание любви, нет ее и нет жизни, или жизнь страшно коверкается. Мировой холод ложится на лица и заостряет черты.

И вне семьи нет счастья и в семье нет любви. Страшная формула. Ставь точку на чувстве и будь здоров. Сказка о вечной любви понаделала бед.

Держим данное слово, а любовь испаряется под палящим солнцем, снова жара, путь одиночества и в ближайший омут с головой.

Между аскетизмом и пиром плоти есть крошечный зазор. Выпивать из чаши и решительно отказываться от второй. Держаться за руки, но презирать цепи. Строить дом, но не на песке придуманной страсти, верить не словам, а тому что прячется за их общепринятой оболочкой, и, может быть, случится, чего мы сами порой боимся — придет в сиянии солнца и сверкании капель дождя, с радугой через реку, ручьями, бегущими вдоль дорог, чувство, которое не назовешь любовью, ибо любовь отдает капризом, своеволием, выбором единственного, а это значит, идеального, стерильного вроде музейного экспоната.

Да вы знаете, каким он должен быть — единственный и неповторимый?! Поэтому давайте не называть любовью отношения двух несовершенных человеческих существ.

Мучительная приглядка, не привычка, а притирка, путь в сумерках, жертва, и напрасная притом, ответственность за то, чтобы будущее не стало клеткой для двоих.

Ведь и дети не спасают. Исчезает эфир, и запах закуты окутывает комнату. Постромки режут плечи, душа болит без права исцеления, нет мира человеку в доме его — вино со временем становится уксусом, дурная бесконечность только замкнутый круг, и несвершенное жжет губы и разрывает сердце.

И застывает душа, словно ящерица между камней. Гидрометеоцентр осадков на ближайшее время не прогнозирует. И только в памяти колотит по пыльной дороге шальной июльский ливень...

* * *

*О, разлуки пылью небо осыпает нас
не скупю,
Проходи быстрее по свету —
ненадежен старый купол.*

А. Навои

Конец света уже начался. И как я понимаю, уже процесс зашел далеко — иногда мир похож на пир во время чумы совмещенным с последним днем Помпеи, стоят накрытые столы, яростно режется колбаса, пробки — прочь, огненная лава алкоголя

врывается в грудь, как на улицы Геркуланума, вопли полусчастья и полужаса, бред, стоны и стайки хищных мародеров, наивно мнящих, что спасутся.

Отягощенные злом души сами рвутся избыть себя, испятнав воровством, спешат использовать краденое, пока не схвачен, пока гуляет на свободе, дикая спешка грешных человек сделать уход повеселей, музыку грянуть, спрятаться за баррикаду бутылок и плясать, как повешенный, в конвульсиях бесшабашного страха.

Попробуйте остановить подобного типа, мягко взять за руку, попытаться достучаться добрым словом настоящего участия, вырвется: мол не учите меня, найдет тысячу причин того, почему он пускается во все тяжкие.

Ссылка на тяготы жизни, одиночество, «все равно умирать» как повод срываться с якорей и днищем об острые камни.

Заразительное дело — толпы плейбоев с вытаращенными глазами носятся по злчным местам, монотонно совершая почти ритуальное самоубийство.

Вытерпеть эту жизнь на трезвую голову? Зачем?

Поэтому тихая музыка расставания звучит у меня в ушах: шумное застолье, смех и визги женщин беззвучны, словно за толстым стеклом, я тоже иду быстрым шагом по жизни мимо подвальчиков с веселыми компаниями, мимо королевских свадеб, презентаций, фуршетов, фейерверков, новогодних сверкающих конфетти, иду, проглотив чашу с ядом, — черной, как деготь, меланхолией, средство от которой лишь — смерть.

Меня приглашают за столики, наливают незнакомые, праздник конца света в разгаре, игривые полумаски с фривольными декольте дразнят обещанием якобы райских нег, обстоятельные наркоманы со шприцами наперевес штурмуют небеса, братание в последнем совокуплении с жизнью, кучей в преисподнюю.

Как пиво с таранкой, неразлучны жизнь со смертью. Какое твое собачье дело, говорят мне?! Как не убаюкивать себя, последнюю затяжку нельзя сделать — ведь приговор вынесен до рождения!

Только спустись на несколько ступенек вниз: смрад, перегар, сладкий одуряющий запах тлена — вот твое пойло, попробуй — тебе понравится! Есть тонкая черта риска, за которой наводнение считается потопом.

И кому собирать щепки для ковчега, а кому — на дно с пушечным ядром в ногах.

А силы нужны только для беспощадного вопроса самому себе и, не ловясь в сети дешевых надежд, не ждать ответа.

Сам вопрос: «Зачем я...?» — абсурден.

Данность — как облака, деревья, вода: да, преходящая как сон разума, да — слабая плоть, да — трясущаяся на ветрах тростинка, да — само нахальство, мнящее себя венцом творения, да — только — дан-но-сть!

Нет, мы не куклы в руках Бога — ведь не игрушечные сердца рвутся каждый день и глаза не ледяные стекляшки.

Мы — звено в цепи, мы — передача на время и на расстояние некоего сигнала, живые буквы азбуки Морзе, переносчики духа, как комары переносчики малярии, в неведомое Никуда, в нуль-пространство, так изобилие одуванчиков на лугу рождает несметное количество парашютиков-семян.

У меня одна мечта — долететь до пункта назначения, до искомой почвы, сквозь непогоду: засуху и град, жестокие морозы и взойти, нет, не на престол, тонким ростком свершившегося сообщения.

Финал есть только у комедии, трагедия непрерывна и бесконечна, проснуться после пьянки можно уже в худшем состоянии, когда не хочется смотреть — а надо, и новая волна, набегая снова, сносит пляжные домики из песка.

У пучины одно преимущество — гарантия забвения.

Мини-разлуки готовят меня, очищают мою страсть от подделок, я беру с собой самое дорогое, ту суть, квинтэссенцию моей жизни, которую должен передать дальше, не размышляя, не колеблясь, точно в срок и по адресу.

* * *

Воспоминания юности, весна — яркое апрельское солнце сквозь школьное окно, вкуче с голубым небом, сами понимаете, навевали то особое настроение, когда презренные звуки мира теряли значение и душа школьника витала в облаках.

Я не стану подробно описывать ту негу и трепет, и ощущение радости жизни.

Нет, интересное начиналось тогда, когда резкий голос учительницы, словно удар хлыста, прерывал это сладостное витание.

Называлось мое грубое земное имя: словно воронка втягивала душу обратно, и та, яростно протестуя, смирялась, но уносила с собой неистребимую жажду витания.

Она не сродни мечте летать или быть пожарником, или совершать немыслимые; подвиги.

Витание — совершенно бесполезное занятие, бесцельное и вредное с точки зрения окружающего мира.

Учительница, несшая тысячу и одну женскую ношу, имела моральное право остановить резвящуюся на вольных хлебах душу, вернув оную в лоно высокого знания и практической пользы.

В ее глазах я был саботажником.

Но все невинные поначалу привычки, как правило, делаются пороками. Я распространил этот способ существования и на послешкольные годы. Чуть зазеваешься классная, и меня нет, я приобрел удивительное свойство исчезать.

Вся моя жизнь превратилась в цепкую борьбу за мгновения воспарения над бренной суетой.

Так и живут минуты витания, в особом пространстве, прерываются окриками, свистками милиционера, речами политиков, да какой угодно чушью!

Просто я понимаю, что истинная моя жизнь происходит вне рамок границ, запретов насилия, и то, что мне приятно и лестно делать, в мире не идет ни в какое сравнение с той удивительной легкостью и дерзновением парения в облаках.

По латински Вита — жизнь, может, в этом что-то есть.

Витаю — неназванный, непризванный, непризнанный сам по себе.

Легко покидаю клетку обыденного, ломовая серьезность не касается меня, гончие теряют след (я выхожу из дома через чердак и оставляю в недоумении пришедших за мной) женские глаза, похожие на липкий язык лягушки, упускают меня из виду, и посвистывая, иду себе по дороге, обремененный не мыслью, а предвкушением главного открытия, разгадки вековой тайны, свершения чуда и прочего набора профессионального беглеца из жизни.

В девятнадцатом веке было понятие: лишний человек, да не человек! А лишнее как раз то, что мешает мне как Человеку.

Ну и хам, скажет большинство читателей, заведя вечную пластинку о правах и обязанностях, о долге и прочей банальной правде людских сообществ, сбитых в кучи интересами денег, похвалой и малодушной толкотней по одному месту.

Нет, господа-товарищи, вылет не откладывается. Становлюсь на карниз, раскладываю крылья и поминай, как звали.

Пусть до той крыши. Пусть отобью ноги в очередной раз.

Ведь в этом безумии, в отличие от иных, что-то такое есть.

Хорошо, что я до сих пор не знаю — Что...

* * *

Ах! Бедные — эти богатые?

Ну что у них есть? Так, несколько домов, несколько машин, несколько счетов. А потом — напряг. Дружба — картина: дружат акула с крысой...

Любовь — вопрос, как провести экспертизу степени обожания — не за деньги ведь, в самом деле?

Душевный покой здорово зависит от obsługi: охранников, лифтеров, шоферов, горничных и прочей человеческой завистливо-глазастой мелюзги.

Она? Прямо пропорциональная зависимость — чем больше, тем меньше. Так что это не поэты-идеалисты, а богачи — наивные, думают, что за бабки можно купить нечто неошутимое и прекрасное.

Я поражаюсь! Неистово работать, крушить направо и налево и фу! — ничего. Как на галерах прикованы к скамьям, не помышляют об ином.

И ведь 99 % так — эта же обслуга, мечтает переместиться на свято место. И столько сказано о тщете, о суете сует и напрасно, отныне и вовек!

Конечно, тут работает мифология, некие ценности всплывают, как-то: Честолубие, Польза, Семья, Отечество и прочие слова с туманным смыслом.

Короче, не поспоришь — некая броня облекает богатого, он неуязвим, он пропускает мимо ушей само мерило, его успех делает обсуждение бесполезным.

— Пшел вон, — говорит он мне.

Тем более я не знаю, кто я? Не богач по определению и не бедняк в смысле популярного положения человеческого типа.

С бедняками тоже, я скажу, наплачешься.

Если богатые Тоже Плачут, то бедные Тоже смеются.

Как крокодильский плач Гобсека, так и юродивое шутовство босяков одинаково противны. Бедняки резвятся на свой непотопляемо мизерный примитивный манер. Словно лилипуты подражали Гулливеру — смешно до полной брезгливости и отторжения.

Мы тоже люди, говорят они своими рабски обезьяньими поступками. И мне никого не жалко.

Умирать несчастным в заносчивом богатстве и в крохоборствующей бедности так банально, так пошло.

Ничему не наученный род человеческий в нелепом непонимании своего предназначения пытается то бронированным чванством или воинственным нищенством, проживать цикл за циклом, потерянные поколения сходят, вы знаете куда, вавилонская башня продолжается строиться, чудовищно как заплыв Мао Дзедун по Хяндцы или лепнина загородного дома производителя подтяжек.

Стяжать всю жизнь и уйти в небытие от любимых собачек и кошечек. Фараоны были порадикальнее, помирать так помирать, все свое возьму с собой, пирамидальная человечья скарედность вознеслась посреди действительно пустыни и напоминает, нет, не о смерти — о напрасной тупиковой ненасытно-вульгарной жизни.

Нет правды ни в лачуге, ни во дворце.

Удивительный столбняк цивилизации, странные повороты, заезженность дорог. Единицам дано понимать, а быть уж совсем отрешенным от земного, трудноизлечимого, как заикание, недуга, думаю, невозможно.

Может, пока. Может, всегда?

Крутятся колесики, паноптикум открыт круглосуточно и, не замечая летящих облатков, тока соков в толще деревьев, порхания бабочки над цветком, нечто в нарукавниках близоруко проверяет конторские книги, бодрые бомжи деловито волокут посуду в палатку, моль принимается за габардиновое пальто, и песочные часы сыплют бесконечное время, и я перефразирую поговорку: деньги — это время, потраченное, разбитое, вынутое из души. Ощутите бесценность мгновения. Но как выдумать иной образ Времени? Нет таких обменных пунктов, где все богатства земные можно было б махнуть на счастливую по-настоящему минутку жизни.

* * *

Мир держится на соразмерности силы. Это не сразу приходит в голову. Испоконов веков торжествует принцип олимпизма: Быстрее, Выше, Сильнее! Но попробуйте кувалдой забивать сапожный гвоздь. Или легким перышком пропахать землю. Грубым окриком добиться любви или, миндальничая, навести дисциплину в тюремном блоке.

Может быть, что тут происходит подмена ума силой.

Свести все отношения к простому акту силы и в признаке слабости чувствовать превосходство ума.

Обычное дело. Так упоительна экспансия силы. Как хочется воевать и доказывать. По всем меркам естественно.

Но после спора — хрипота в горле, но опять нет покоя уму и надо снова и снова поддерживать реноме победителя. Что-то предпринимать!

Собирать армаду, вырывать ров вокруг замка и ковать еще более «мощное» оружие победы.

А со всех сторон крамола, ересь, измена!

Нигилисты! Хрясь, эпиграммку написал — империи крышка.

Ходи на мягких лапах, скрипят половицы, царица проснется и велит отрубить голову.

Но удваивать и утраивать силу только и приходит свежей мыслишкой. Вы видели наши дредноуты? А-то! Неулыбчивые качки-супермены заполнили экраны. Вечно ходячим сюжетом сказок — неустроенный в личном плане герой с марсианской жаждой творить подвиги.

И «как бы ей, рябине, к дубу перебраться» вступает женская партия. Самое интересное — женская производная силы, что движет мирами. С неких пор стало общим местом баба-боец и на дуде игрец, она же швец и жнец. Каким-то образом пытаюсь остаться в рамках «прекрасного» пола.

Качай мышцу, Маня!

Дутые, словно теннисные мячики, девицы овладевают природой счастья, выдавая его по-шахтерски — на-гора.

И мне представляется, есть некая граница Силы, барьер, за которым форменное изнасилование.

А что отвратительней изнасилования? Что более презренно?

Брать силой то, что можно получить лишь с нежным дыханием искреннего поцелуя, устраивать аплодисменты под страхом и гордиться дутой величиной.

Это у Бога одно касание, изящество линий, грохот штормового прибоя, шелест осин, настойчивость страстного поцелуя, взрыв сверхновой, и бархатные лапки пчелы на цветке.

И сила и слабость соразмерны, соизмеримы, взвешены и на месте.

Когда мы в своих умственных построениях доходим до предела силы, когда на вершине успеха стоим, грозя кулаком уже бескрайнему небу, приходит парадоксальное желание целительной слабости, ощущение странной немощи, которая дает новый шанс для подъема.

Что ж, пригожусь, кому пригожусь. Слабостью исцелюсь. Слабость не как ипостась, а словно элемент той самой силы, которую вчера изнурял.

Сила расходовала сама себя.

Со страшно низким коэффициентом действия...

В летнее открытое окно влетает ночной ветерок, квакают лягушки в пруду, гудит мотор проносающегося автомобиля. Соотношения сил.

Словно в квантовой физике, сильные и слабые взаимодействия определяют лицо Вселенной.

Чем сильнее я пытаюсь тебя удержать, тем чудовищней энергия разлета, чем

ближе приближаюсь, тем сильнее отталкивание, но словно наполнение пульса за его замиранием — от нуля к единице, от равнодушия к любви, от мрака к свету, снимаю с себя доспехи Аники-воина и, слабея, становлюсь сильнее.

* * *

Мне надоело слово — понятия. Когда понятно. От одного к другому истины переходят как устойчивая валюта, в порядке обмена рождая порядок или иллюзию одного.

Всяк, особливо дураки, хочет начеканить собственных дублонов. Увы, лишь сурrogаты понятий имеют широкое хождение.

Ничего не понимаю, нет понятия, как устроен и для чего этот мир. Не разжуешь для популярного журнала, не по зубам, растолковывая самопальные глупости, зажигаясь ложным пафосом то отрицания, то утверждения банальных ходов мысли.

Когда нет понятий, работает голова, не по шаблону, не по нужде, не по зову, а бессмысленно и величаво, как низвергается водопад и растет трава, в странном упорстве однообразия и тайны.

Где нет понятий, еще сохраняется надежда, волшебное слово еще произносится, есть гарантии радости и муки, всем все понятно и начинается помутнение, оглупление, скособочивается истина, за которую вчера гибли на баррикадах, вставляют в анекдот.

Вам понятно?! Растолковал и пошел вон!

Люди — братья?! Как бы не так, но зато понятно, близко, справедливо. Понятие — справедливость?

Свод законов, урезонивание амбиций, пределы и рамки. Сначала все понять и потом все опредметить — как собаке пометить углы, западная свободная цивилизация свела мистику к понятию. Разжевала и положила в рот обывателю сладкую пилюльку всечеловеческой мудрости и затрепетал дебил, и стала жизнь сказочней, по расписанию поездов из Лондона.

Созданное облегчение вдохнуло в плоть щенячью радость. Всемирная дискотека круглые сутки. Не в осуждение — это, действительно, выход! Боковой, но выход.

В России нет понятий, нет выхода.

Мы здесь хотим вместить в понятие весь Божий мир, заведомо обреченную цель, но странно ее мистический, словно оскал черепа, зов крушит и калечит, стаптывает подстриженные лужайки, убивает принцессу Диану в расцвете лет, ментальность родины мировой скорби, приращивает к западному монстру обстоятельности и сметки лучистую неправильность Магеланнова облака, упрямое несогласие с очевидным, и, упираясь, русский босяк не играет с реальностью — выбаливает, вымучивает, вынашивает не узенькое, как улочки прибалтийских городов, а морем разливанным бьется из края в край.

По понятиям расписание составить в самый раз — а жить тошно. Зазубренные понятия как зазубренные мечи.

Битва выиграна, но ее воины разбрелись по кабакам и вспоминают, вспоминают...

Город построен, но желтая пыль пустыни лежит на лицах. Я в силе, но мне приносят черную метку.

Стерилизация, утилизация, рабы знаний влечат свои вериги.

Балаганчик скоро прикроют, шапито сворачивает свой шатер. Балансирую на грани реальности и фантазий, молю чепуху и продлеваю жизнь. Скарденность книго-чая меняю на вещмешок скитальца, по неровным дорогам категоричных ответов и смутных вопросов.

Но не сам иду — а пространство и время протекают сквозь. Быть последним занудой — свести бытие к понятиям. Привнести в Хаос структуру — остановить вращение Галактик.

Хаос первичен, он пышет энергией, он сам энергия.

Закономерность — это присмирившая случайность и только!

Столько мрамора извели, чтобы изобразить вечность, оно же песок и вода, хроническое непонимание и бегство от ходячих истин, одним словом — движение. Да будет так!

Ты смеешься, запрокидывая голову... Иногда мне это кажется чудом, хотя я прекрасно знаю подноготную подобного волшебства.

Так что у нас под ногтями? Правильно — грязь! Черный ободок неприятно режет взгляд, бывает, живешь впопыхах, работаешь аки вол, некогда в зеркало посмотреть, не то что ногти почистить.

А было время, когда и просто улыбку нужно вытаскивать клещами, просто спокойное слово трудно произнести, наверно, в душе тоже скапливается порою неприятный осадок обыденной жизнедеятельности.

Именно обыденной, обыкновенной, простой.

Наивная натура с широко раскрытыми глазами и не знает иной дороги как вперед, вплоть до момента упора в стену, разбивания в лепешку и прочих отрезвляющих процедур взросления.

Именно упасть, разбиться и снова встать сначала бесплотным призраком самого себя — линиялая звериная шкура останется в ногах — только сделать шаг и, переступая прах прошлого, постепенно, методично идти к этому сегодняшнему смеху.

Я долго думал, что ничего не выйдет. Ведь чудес по заказу, «по-моему хотению», куда как мало. Скорее наоборот — набирают силу процессы распада, пропадают люди ни за грош, растворяются в ежеминутном надо, укупориваются в своих непробиваемых мнениях.

Теперь я понял: дело во встречных хотениях, чудо тут в том, что не только Магомет идет к горе, но и гора, оторвав от земли неподъемные подошвы, пошла навстречу Магомету, на встречных курсах, и теряет смысл вопрос: кто Магомет, а кто гора!

Девушка с Луны, спустившись на землю, не знала местных обычаев, и когда ее стали поджаривать, чтобы съесть, искренне удивлялась. Огонь разгорался, и, наконец, она вырвалась, опаленная, но свободная, мятущаяся, но честная, и пришел час озарения.

Не могу обещать невозможного, но возможное это то, что появляется на перекрестке горячего желания и неистового труда, чудо как производная невидимых траекторий нашей судьбы.

Чудо, происшедшее с тобой, стало и моим чудом: соучастие в благом деле окрылило мою заезженную душу и только так я окончательно понял — отдавая, богатеешь! Детонация чудес — дальше и дальше...

Ведь как ни хорошо одному, счастье в соотнесенности с окружающим миром. Но есть во всем этом нотка печали — больше не будет никогда чудес. Тебе открылись тайные пружины, суровая правда во всей наготе, ты заглянула за кулисы и невозможно вернуться на взлелеявшую тебя Луну, нет страха и унижения, но пропал и трепет смутной надежды и целомудренного незнания. Во многом жизнь начинается заново, с чистого листа. Но ты смеешься, запрокидывая голову, и еще я понимаю, что ты не только потеряла, но, может, более вернула из детства и юности эту незапятнанность, которая и была главной причиной происшедшего чуда.

Есть и у меня нотка печали — я сделал все, что мог, я и люблю и грущу, моя муза бродит где-то в осенних аллеях, ищет, зовет, сокрушается о несвершенном и надеется опять на чудо.

Я тоже вернулся к самому себе, но в моей комнате сидит незнакомый мне строгий, невозмутимый гражданин, это новый пугающий «Я», вышедший за рамки бытия, с обкорнутыми желаниями, немного скучный и немного похожий на благородный, но инертный газ.

Делание добра — это как передавать кирпичи из рук в руки, спешишь, обдираешь в кровь пальцы, ругаешь соседа за неловкость, но бесконечно длинна цепочка — куда пойдут груженные тобой кирпичи, ты так и не узнаешь.

Но этот открытый смех, не он ли мое воздаяние, не он ли твои ворота в завтрашний день, где нечего делать унылым.

Можно сказать, что все это выдумка, что нам показалось, что казенное чудо выдается раз в сто лет под, сама знаешь какую расписку, ничего сверхъестественного не произошло, волшебство ручной работы редко бросается в глаза неподготовленному человеку.

Караван идет своим чередом — торгуют, воруют, поют песни, ругаются — жаркий ветер пустыни снова сушит наши губы, и я молчу: не называю адрес, не треплю имя, не возмущаю небеса, нам еще долго идти с тобой через песчаные барханы, висит знойное марево и сколько еще до ближайшего колодца...

* * *

Волнообразные процессы противопоставить волнообразным.

Волна с другой частотой и амплитудой.

Цель — ослабить несущую частоту болезненного процесса.

При наложении возникает мертвая зона, затем вектор поворачивается на развитие. Для умирания достаточно банальности, для воскрешения — только чуда. А чуда нужно заслужить. Чудо происходит в процессе бесконечного упования. Не иначе. Это необходимая флуктуация пространства времени, направленная против энтропии.

Существование Вселенной — чудо!

Жизнь — чудо!

Человек — Чудо из чудес!

И мысль человека, направленная на созидание, тоже чудо. Таким образом, замыкается кольцо.

В бесконечном времени Вселенная будет создана.

Чудо поддерживает чудо. Новое чудо всегда обоснованно предыдущим.

Чудо не может повиснуть в воздухе. Это элемент вероятностного процесса. Чудо как раз пример бесконечно малой вероятности, но в условиях бесконечного времени чудо получает возможность свершиться.

Упование и есть ожидание и вызов чуда.

Упование — это уже не спорадическая, а бесконечная вера в должествование. Бесконечное пространство — время плюс бесконечное число сочетаний процессов рождает чудо как необходимый импульс неостановимости бытия.

Чудо — это нормальное состояние Вселенной, процессы же распада — это перебор вероятностей умирания с выходом на новые циклы жизни.

Поэтому человек обязан связывать свои упования с неизъяснимым чудом. Нужно многому позволить в себе умереть, чтобы чудо себя проявило бы, наконец.

Его отличительный признак — оно всегда происходит само по себе. Оно просто происходит. Явить чудо! Верное определение. Ни посредством ремесла, умения, знаний чудо не происходит. Оно не опирается на известное, чудо — всегда неожиданность.

Это переход бесконечного количества в качество большего порядка. Мы слишком сживаемся с неверием и таким образом отрезаем путь чуду. Низведение судьбы к механическим повторениям — вот что усугубляет.

Вырваться из пут греха — это тоже равносильно чуду.

А явление чуда дает ни с чем несравнимую радость, ликование и прилив энергии. Чудо питает сердце. Не нужно обделять себя неверием в чудо.

Поэтому нужно стать достойным чуда, уметь отличать его от подделок.

* * *

Когда окружающие тебя становятся похожими на персонажей литературы, делаешь вывод: или писать роман или становиться отшельником.

Бежать от сугубого знания жизни, которое собственно ничего не дает.

Персонажи стабильны, их судьбы прорезаны стальными резцами.

Напишу роман: а этих вечных Хлестаковых, Гобсеков, Поприциных куда деть. Вот на улице целые толпы, школьные характеристики героев и подлецов приснопамятны.

И сам становлюсь персонажем, сторонящимся жизни наблюдателем.

Гоголем-моголем любви к миру и смертельной на него обиды.

Затворником, пытающимся сквозь дырочки разглядеть лица прохожих и реконструировать их души. Как динозавров по костям.

Но динозавры похожи один на другого.

Издалека дела человека смахивают на муравьиную колонию. Роли, пути и прочее.

Тут и писатель не Гулливер, а лилипут и участник, с особым даром. Как трутни в пчелиной семье.

Ведь я одновременно и Персонаж и Перо. Зеркало и Брадобрей! Фиксирую и исчезаю во времени, бабочкой подлетевшей слишком близко к огню.

Но кто побывал в чужой шкуре, уже не может всерьез злиться. Он, наконец, понял, что хулимый и высмеиваемый он сам. И не меч он берет в руку, а будто бы вечное перо.

Извести мрак, исписать тревогу, отогнать сомнения, настроичить признание в любви, но не убивать, не дробить, а складывать мозаику.

Но знание само гнетет и зачастую убивает. Меланхолия — награда за слишком большое любопытство и хорошее зрение.

И порой хочется сбросить его, словно осенью листья сбрасывают деревья, но другого тайного знания нет: одни догадки, гипотезы, слухи.

Завтра выходишь из подъезда, а навстречу Бальзак, Достоевский, Гоголь впереди колонны демонстрантов.

И сам уже не Байрон, а квартиросъемщик, гражданин, военнообязанный, муж, отец и т.д. и т.п.

Поэтому большинство не читает и не пишет книг. Читать и писать — менять и меняться, или пытаться изменить, своего рода магия, вроде средневековой алхимии, пытаться сделать из кучки дерьма съедобное блюдо.

Мученики, но не святые от литературы. Топающая по земле плоть воспаряет духом. В принципе безо всякой практической пользы.

Персонажи отдельно, книги отдельно. Персонажи вообще обходятся без книг. Они есть, а книгу надо писать. Живую муху заливать янтарем. На века, но муха мертва. Целое Переделкино писателей хотело переделать созданного Творцом Человека, но сами увязли в плоти своих героев, омертвели, обонзавели, стали персонажами, даже персонами, но янтарь времени растекся незаметно, и никто не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой, ни кричать, ничего — лишь вечно смотреть немигающими глазами на панораму «нового» века.

Полки смотрят на меня. Великое стояние души и ее отражений. Взаимоперемазывание. Ступор. Как японский рисунок раз и навсегда.

Литература кончилась уже на сказках, теперь она пытается стать жизнью.

Владимир Васин

ПРЕДИСЛОВИЕ. СИСТЕМА ОЦЕНОК ЧЕЛОВЕКА

Смысл Жизни

Иногда даже от священнослужителей высокого чина приходится слышать, что смыслом жизни отдельного человека является воскрешение его души в его прежнем физическом теле. Якобы это обещано Иисусом Христом. К сожалению, если бы это было так, то воскрешение злого, но прозревшего человека, с одной стороны, привело бы к проклятию им самого себя за его злые деяния. А с другой стороны, разве можно себе представить воскрешение злых людей вообще? Тогда воскрешение в своих телах само теряет смысл, ибо оно приносит ад. Скорее всего, либо воскрешения из ада не может быть, либо ада вообще не существует.

Конечно же, смыслом жизни каждого из нас является добро. Но распознавание Добра и Зла долгое время находилось под запретом, ибо для этого требуется знание соответствующих оценок. Поэтому люди растерянно блуждали среди леса оценок своей жизни, довольствуясь примитивными оценками и судебными решениями как высшими в человеческом обществе. В Божий суд они не очень-то верили и не очень-то верят сейчас. Вопрос об оценках, о критериях выбора Добра и Зла становится самым главным, если только человек захочет знать, какие поступки являются правильными и какие неправильными.

Смысл жизни каждого обычного человека долго оставался тайной номер один даже для просвещенных людей, ученых, служителей культа, в то время как истинным все же понималось служение ими Богу, свету и знаниям. Знания заменяли собой Бога для ученых, точно так же как обладание властью заменяло Его для лидеров.

Человек, который живет среди ударов судьбы, агрессии людей, клеветы и обмана, ненависти, невольно хочет защититься от них. Ибо если он хоть сколько-нибудь поддастся им, его духовный иммунитет рухнет и его затопит полнейшая безысходность. И такая защита есть. Любая безысходность, любое неверие и любое предательство отступают перед любовью. Именно любовь насыщает смыслом любое дело, любую мысль, любое отношение.

Добро — это и есть деяние в любви, тогда как нравственность — это долг в любви. Вот почему «Бог есть любовь». Любовь всегда придает смысл жизни любому человеку даже в самых крайних обстоятельствах.

Место тайны Жизни в жизни человека

Тайна Жизни, которая окружает нас и которая постоянно дает о себе знать внутри нашего сознания, делает некоторых из нас философами Жизни, то есть людьми, раскрывающими тайны для других. Таков и автор предлагаемой читателю книги.

А философ, как известно, чтобы понять главное и второстепенное, пытается взвесить все, на что упадет его взор, на весах самых высших для себя оценок, проявить суть и выстроить, на его взгляд, новое знание в систему знаний человечества. Но могут сказать, что так поступает каждый человек, личность которого активно или пассивно погружена в генеральный процесс эволюции Жизни. Только обычный человек не задумывается над этим или понимает эволюцию Жизни упрощенно.

В последнее время даже многие ученые, чтобы хоть как-то обосновать свое любопытство в отношении тайн Природы и Бога, словом «эволюция» стали заменять понятие Бога. Ибо без признания великой сознательно-созидательной силы Природы невозможно быть человеком как частью Природы, а тем более изучать ее тайны. Человек обязан наладить тесный контакт с этой силой, чтобы не потеряться в дебрях Жизни, в изоляции одиночеством и не потерять своего творческого Божьего дара. Налаживание такого контакта начинается с того, что мы стараемся понять, откуда мы пришли, кто мы и куда идем. Все это и есть начало познания тайны Жизни.

На тайнах Жизни стоит наука и религия как обобщенные концентраторы опыта и знаний людей всех поколений. При этом нельзя забывать, что *знание означает такую систему оценок*, с помощью которой человек может взвесить любой свой шаг, обосновать любое свое деяние и результат любых своих и природных действий. И сегодня самой большой тайной Жизни является система оценок, критериальное поле, самой Природы, к научному познанию которого люди приступили совсем недавно, хотя понимали, что эта система оценок для них открывалась через религиозные знания.

О системе координат

Хотим мы или не хотим, но любой из нас живет в некоторой сложной, многомерной системе координат, в Мере Природы. Мы не только отмеряем количество пищи, которое потребляем, прикидываем расстояние, на которое нужно переместиться, не только делаем выкройки нашей одежды и примеряем обувь, мы планируем свою жизнь, встречи с другими людьми и желаемый их исход. Мы сеем и собираем урожай, при этом прикидывая, сколько и чего нам необходимо. Мы, наконец, измеряем деньгами плоды своих трудов, не замечая, что часто делаем это неадекватно, некорректно даже в отношении таких бесконечных плодов своих, как идея, знания, культура, мораль, нравственность.

В Природе все размерено. Это у нас, у людей, возникает безалаберность и бестолковщина, если мы не соотнесли наши усилия с деятельностью других людей, если мы оказались не в состоянии соразмерить свои отношения с природными. При этом мы говорим, что один другому мешает.

Все эти сравнения, измерения, планы, взвешивания, даже извращенные с помощью денег, составляют ту часть нашей жизни, которую мы не видим или не замечаем, потому что мы это делаем автоматически, по привычке.

Но кто нас учит измерять и взвешивать, сравнивать и адаптировать одно к другому? Опыт общения? Конечно! Традиции? Конечно! Но не только.

Мы все время оцениваем в этой системе координат Жизни, соответствуем мы или нет тому, чтобы как можно более незаметно и быстро вписаться в общий процесс жизнедеятельности в виде некоторого особо значимого объекта-субъекта. Этот процесс течет независимо от нас, любое наше насилие в отношении его приводит к существенным нарушениям в его ходе, результатом которого могут стать даже природные катаклизмы. Настоящее время характеризуется тем, что мы приступили к сознательному изучению природной Меры. Рациональное сознание — это и есть сознательное использование тех оценок, которые составляют Меру Природы.

Человек как личность

Личность живет оценками, то есть теми количественными и качественными характеристиками, с помощью которых мы сравниваем свои мысли и свои дела с мыслями и делами других людей и Природы. То есть *личность человека такова, каковы его оценки, сознательно или несознательно применяемые им*. Таков наш оценочный, или, по-другому, критериальный ум.

Система оценок создает в нашем сознании тот образ человека, который и есть наша личность. При этом часто получается так, что какая-нибудь природная оценка, которую человек допускает в себе, начинает руководить им. Если это Божественная истина, то человек возвышается даже вопреки себе. Но если это низкий дух, бесовское или дьявольское желание, то происходит привязка человека к нему, вся его жизнь может от этого превратиться в сущий ад.

Если на нас влияет мистическое начало жизни так, что тайна естественно входит в процесс принятия нами решения, то это означает, что мы стараемся жить духовной жизнью. Если наши оценки восходят к высшим оценкам, которые мы принимаем за Божественные, то можно говорить о высшей духовности. Однако, бывает, что человек принимает за своего Бога дух, который сеет злобу, подозрительность, враждебность. Духовен ли такой человек в том смысле, который мы привыкли вкладывать в это понятие как религиозное? Конечно, нет. Мы считаем, что он привязан к вторичности, к тени, возникающей от плодов созидательной деятельности. Любое второстепенное дело он может выдать за главное.

Любой дух Природы несет в себе главную свою оценку самим собой, ибо дух есть концентратор воли Природы. Он занимает свое место в Божественной иерархии оценок как критериев Природы, каждый из которых стремится завладеть живым объектом, например, человеком, чтобы максимизировать свое влияние на него.

Человек — существо, прежде всего, духовное, ибо любые материальные или виртуальные средства он использует, сообразуясь с командами, которые входят в его сознание из главной оценивающей системы — из духовной.

Что мы совершенствуем

Что мы совершенствуем? — вот вопрос современности, если мы хотим чувствовать свою причастность к Божественной правде Жизни. Конечно же, человек, стремящийся к совершенствованию, прежде всего, понимая или нет, строит другую по духу систему оценок, более высокую, чем та, которой он пользовался до этого. Он заранее создает образ, к которому станет восходить, но образ виртуальный, индивидуальный, непохожий на какого-либо другого человека. В процессе восхождения к этому образу человеком в себе самом сознательно культивируется и максимизируется та главная оценка, которая как раз и характеризует принятый им образ совершенствования.

Кто-то живет так, что не ставит ничего выше своего материального благополучия, не задумываясь о том, что само материальное благополучие он оценивает с вершины, которая не является ни вечной, ни материальной. Она временна, относительна, она существует в духовном поле, пока человек ставит ее выше всего. Кто-то достигает комфорта любой ценой, за что оказывается в состоянии, когда более высокая или более агрессивная вершина оценок отберет у него его благополучие.

И тогда он, может быть, задумается, если анализ не чужд его натуре, о причинах его страданий.

О движении к Богу

Конечно, мораль и этику можно назвать групповой моделью поведения. Однако необходимо помнить, что этика является производной от нравственности, то есть от высших оценок личности и общества. А последнее регулируется лишь отношением к Богу, которое устанавливает гармонию отношений личности и общества. Другое дело, насколько мы приблизились к пониманию Бога? Существует убеждение, что мы лишь начали это движение. Ведь даже вопросы бессмертия могут быть решены лишь при общей духовности высокой степени. Грех пока что захлестнул нас.

С другой стороны, Божественное знание и вера всегда передаются обществу через личность. Поэтому невозможно умалять роль личности в обществе. Общество при наработке морали всегда вторично, оно следует к Богу вслед за личностью выдающихся людей. Этот принцип хорошо виден на том, как ведет себя толпа. Какое бы развитое общество ни было, оно все равно будет упрощать высшие духовные оценки и снижать их до своего понимания.

Об этическом контроле

В идеале этический контроль — это соответствие субъективных оценок личности высшим нравственным оценкам как абсолютным истинам. В реальности же личность является из себя то, какие оценки (критерии) она для себя и других считает высшими. Если люди, живя в государстве, считают за них лишь решения суда, то ориентация на эти решения приводит общество к катастрофе — в нем нечем будет сдерживать разгул варварства.

К сожалению понятие либерализма, которое нам навязали, означает именно это. Вот почему вопросы об этическом контроле вообще являются главными в обществе. В любой корпорации, обществе, государстве такой контроль необходим. В обществе его роль выполняют религиозные институты. В государстве он отсутствует, политика считается аморальной в принципе, поэтому в политике допускается нарушать этику всем, вплоть до президентов.

Высшая идеология

Высшей идеологией, на мой взгляд, является идеология долга и любви, то есть идеология высшей, а не корпоративной, нравственности, о которой нам поведало христианство. Политика — это лишь пародия на реализацию общественных интересов, она всегда отражает лишь интересы кучки лидеров. Любая политика стремится завладеть судебным механизмом в государстве, ибо любым государством явно управляет его судебная система, она является сутью государственной формы. Судебная система как одна из форм права, однако, своим источником имеет мораль и этику, для которых источником является нравственность. Поэтому идеология нравственности выше любой этики, кроме Духовной.

Может ли быть культура идеологией? Культура является производной от этики. Ибо культура — это все-таки большая куча несистематизированных знаний об оценках (критериях), свалка нового и старого, открытий и отходов. И лишь когда мы научимся оценивать свои деяния и свои мысли с высших позиций нравственности, мы сможем в этой свалке разобраться.

Язык — это система оценок

Когда говорят, что работу критериальных полей трудно понять, хочется напомнить, что критерии, то есть оценки, лучше всего проявляются в способах коммуникации. Формой коммуникации является язык. Языки в настоящее время бурно развиваются, одни лучше, другие меньше. На Земле возникло множество языков, среди которых инженерные, физические, математические, компьютерные языки занимают одно из главных мест. Опыт человеческий, техника и наука постоянно развивают свои языки, отражая собой особенности эволюции.

Один из природных языков — музыкальный, отражающий в сознании человека гармонию мира и близость человека к вершине его главного критерия как основное качество жизни.

Все языки построены на оценках. Поэтому они собственно и существуют как универсальная Мера знаниям и опыту. Язык служит самым главным мерилom в наших отношениях с другими людьми, Богом и Природой.

Фактически язык является широким полем Меры, среди которого каждый человек выбирает для себя свой небольшой огородик критериев.

Если человек гордится собой, он свои критерии ставит выше остальных, даже Божьих, и себя он оценивает выше Бога. Если он ругается, то это сродни той же гордыне. Вот почему и то, и другое считаются грехом.

В языке каждое понятие определяется многими связями с другими понятиями, чем достигается его конкретность, ясность. В этих связях проявляются отношения языкового элемента с другими конструктами языка. Так осуществляется на деле Мера, нами даже и не замечаемая.

Поэтому, живя в полностью размеренном мире Природы, мы в то же самое время мучаемся от недостатка у нас средств измерения новых идей, открытий, изобретений, то есть того, что изобретается нами самими без учета всей иерархии оценок Природы. Поэтому самое логичное, что бы стал делать человек, — это, прежде всего, вписать свои новые критерии и оценки в существующие природные поля, иерархия которых восходит к Богу.

Иначе понимание людей друг с другом и понимание Природы и Бога сужается до опыта лишь одного человека, который этот свой опыт навязывает всем и всему, с кем и с чем входит во взаимные отношения.

Развитие цивилизаций — это развитие языка

Лишь через развитие языка мы движемся к Духовной Вершине человечества и Природы — к Богу.

Степень развития любой цивилизации может быть оценена по широте, глубине, проработке ее языка. Некоторые языки имеют основную тенденцию отражать в основном материальные связи. Другие языки, имея более широкий и глубокий духовный потенциал, способны отражать и развивать духовное видение человека.

Та цивилизация, которая обладает языком, напрямую отражающим движение человеческого сознания к Богу, является более устойчивой в отношении различных возмущающих и разрушающих ее воздействий.

Например, цивилизация, строящая свою жизнь на основе английского языка, владеет, может быть, самым развитым способом упрощения. Однако, как известно, высшие оценки не могут быть упрощены, ибо тогда теряется целостность существования и начинают преобладать тенденции обожествления части от целого.

Немецкий язык и другие романские языки лучше других приспособлены к глубочайшим философским построениям.

Русский язык в силу своего широчайшего развития лучше всего отражает проникновение сознания личности в высшие духовные сферы Природы.

Будущее — за духовным развитием человека. Арабский мир сегодня демонстрирует оценки отношений, которые до того не встречались в других цивилизациях.

Язык — это отражение целостности цивилизации, если в нем подчеркнута опора сознания на главный критерий, особенно на духовную вершину Жизни. Люди, которые борются с духовным миром или не признают его, — существа, живущие лишь поверхностным мышлением. Они имеют лишь человеческое обличие, система их оценок либо вообще не опирается ни на что, либо опирается на критерии примитивных опытных знаний. В любом случае сползание в сознании некоторых людей духовной вершины с истинной, Божественной, всегда приводит к обоснованию аморальности их поступков.

Чему подчиняется личность

Отношения личности и общества всегда были в центре внимания любых политических и идеологических концепций. Одни (левые) всегда ставили общество во главе личности, другие (правые) всегда ставили свободу личности превыше общественных интересов.

Однако существует принцип двойного подчинения личности: сильнее всего личность подчиняется не столько обществу, сколько Богу. Подчинение же ее законам общества происходит лишь потому, что ей диктуется это подчинение через ее внутреннее общение с высшей для нее сущностью.

Сказанное нашло свое отражение, например, в литературе. Самая развитая литература по общему мировому признанию — это литература русской цивилизации конца XIX — и начала XX века, когда сознание человечества не просто отразило его духовное становление, но духовное было проявлено, как главный атрибут Жизни, как атрибут Меры.

Поэтому, чтобы развитие цивилизации продолжалось, необходимо, прежде всего, поддерживать развитие языка на самом высоком духовно-нравственном уровне. Для этого нужно всячески обогащать литературную составляющую общественного сознания логикой критериальных полей, ибо она, в первую очередь, и обуславливает развитие критериальной формы сознания, автоматически выводящей человека в поля нравственных отношений. Так развивается критериальный, оценочный ум людей даже независимо от того, как они относятся к его наличию.

При этом не нужно забывать, что главное свое образование как ориентацию в оценочных полях Жизни человек получает через свой язык, являющийся мерилем любых отношений.

Хочется надеяться, что настоящая книга явится еще одной дверью для человека в мир открытий на пути его движения к Божественной Вершине Вселенной.

ВЕЛИКАЯ ДРУЖБА

Гюлаб Мартиросян

НА ТЕРНИСТЫХ ДОРОГАХ ИСТОРИИ*

В развалинах города Болгарского, в 90 верстах от Казани и в 9 от Волги, нашлись армянские надписи XII века...

Николай Карамзин

История возникновения и развития армянских колоний на территории России одновременно является историей становления и укрепления дружбы и сотрудничества между нашими народами. Без преувеличения можно сказать, что в истории народов мира вряд ли можно найти другой подобный пример взаимоотношений, как по своей продолжительности, так и по своему глубокому содержанию и характеру. Корни этих отношений между русским и армянским народами уходят в далекую историю. Во всяком случае, уже в IX веке, т.е. накануне крещения, на территории Киевской Руси имелись армянские поселения. В дальнейшем они стали появляться и в других регионах страны, в том числе и на рязанской земле. Постепенно это привело к становлению уникальной и поучительной дружбы между нашими народами. Вопреки различным внешним и внутренним наслоениям, порою непредсказуемым приливам и отливам, это дружба выдержала испытание временем. Она на самом деле является исторической.

В процессе своего многовекового развития дружба между нашими народами в соответствии с характером, духом времени и различными обстоятельствами менялась, совершенствовалась. В результате она стала опорой национально-освободительного движения армянского народа. Руководствуясь своими государственными и национальными интересами, принципами христианской морали, многие деятели России протянули руку дружбы и помощи армянскому народу. В защите и освобождении Армении велика роль Петра Великого, Екатерины Второй, Александра Первого, Николая Первого, Суворова, Потемкина, Грибоедова и других представителей России.

Сотрудничество наших народов стало более тесным, глубоким, а значит, и плодотворным после того, как при помощи русских войск была освобождена Восточная

* Начальные главы из книги «Аракс на берегах Оки», над которой сейчас работает наш постоянный автор Гюлаб Арамович Мартиросян, профессор из Рязани.

Армения. Присоединение одной части Армении к России не только спасло армянский народ от физического уничтожения, избавило экономику от окончательной деградации, но и в огромной мере способствовало развитию народного хозяйства, росту народонаселения, образования, культуры, искусству, науки. Под воздействием передовой русской культуры уже в середине XIX века появилась целая плеяда талантливых писателей, художников, музыкантов, учителей, артистов и т. д. Никто не посмеет отрицать также и роль Советского Союза в возрождении армянского народа, становлении его государственной, экономической, социально-политической, демографической и духовной жизни.

Летопись веков свидетельствует

В мифах и легендах различных народов имеются такие общие, порою идентичные мотивы, факты, события и образы, которые по своим объективным причинам обусловлены общностью исторических судеб человека, его естественным происхождением, общественно-практической деятельностью. Подобные социализированные духовные отношения имеются у всех народов, и в том числе в устном творчестве русского и армянского народов. Однако, та общность истоков, сходство образов, которые имеются в сказаниях об обосновании армянского города Куар и центра Киевской Руси, не имеет аналогов в истории народов мира, они не укладываются и не объяснимы при помощи обычных особенностей мифов и легенд. В данном случае удивительным являются не только общность тематики, название местностей и количество действующих лиц, но и их имена, и даже конкретная созидательная деятельность.

Содержание этих легенд излагается, раскрывается в «Истории Таронской области» армянских историков Зеноба Глака и Иоана Мамиконяна*, в древнейшем Киевском летописном своде и в знаменитой «Повести временных лет». У армянских авторов речь идет о строительстве города Куара в исторической Таронской области под руководством трех братьев: Куара, Мелтеса (Малта) и Хоряна. Согласно славянскому документу, в качестве строителей Киева выступают братья Кий, Шела и Хорив. Сходство этих славянских и армянских братьев-градостроителей проявляется и по другим признакам: во-первых, как в Киеве, так и в армянском городе братья имели единственную сестру, которую звали у армян Карап (т.е. Лебедь), а у киевлян Лебедь. С точки зрения академика Н. Я. Марра, отголоски армянского имени Карап (Лебедь) сохранились в таронском христианском храме имени святого Карапета (Карап-ет). Во-вторых, в источниках сказано, что в то время вокруг города Киева распространялись большие хвойные леса, где наши герои охотились на диких зверей. А градостроители Таронской области поднимались на гору Каркя, на вершине которой имелись превосходные места для отдыха и охоты. В-третьих, если герои Киевских сказаний побывали у Византийского царя и получили заслуженные награды, то таронские деятели удостоились почестей у армянского царя Вагаршака. Обобщая информацию этих источников, армянские авторы, в частности, в своей книге «Древняя Русь и Армения» Л. М. Меликсет-Бек приводит убедительные доводы в пользу того, что обе легенды имеют общее происхождение и берут свое начало от древнейшего сказа времени Ванского Армянского царства и скифо-сарматского периода истории Древней Руси. Историк считает этот факт весьма любопытным и значительным, равно как и «указание роли той племенной среды, в которой градостроителем приходилось подвизаться» («поляне» по русскому источнику и «полоны», или «палунцы» — по армянскому).

* История Таронской области написана в конце VII — начале VIII в. двумя авторами: Зеноб Глак написал первую часть, вторая часть принадлежит перу Иоана Мамиконяна.

Другой армянский автор Г. А. Халатянц еще в конце девятнадцатого века отметил, что в армянском героическом эпосе «Давид Сасунский» и в древнерусской былинной литературе, главным образом, киевского цикла, имеются некоторые сходные мотивы. Замечательный украинский поэт Павло Тычина, который владел литературным армянским языком, также указал на родственные связи между киевскими былинами и эпосом «Давид Сасунский». Из сказанного можно сделать вывод о том, что, несмотря на разделенность огромными и труднопреодолимыми в то время расстояниями, восточные славяне и армяне в VII—VIII веках все же встречались. Вероятно, заключает Л. М. Меликсет-Бек, эти встречи происходили не на их родной земле, а на территории сопредельных государств, точнее в Тавридии или в Византии. В «Ашхарацуйце» Анания Ширакаци имеются сведения о стране Тавриды. Что же касается Византии, то связь армян с этим государством имела с самого начала его существования. Так, в начале VIII века в этом государстве находился армянский князь Вардан, который, став во главе херсонских повстанцев, вошел в Константинополь, сверг с престола императора Юстиниана II и сам стал императором.

Вообще о встречах славян и армян на территории Византии существует большая литература на армянском, русском, греческом и арабском языках. В своей работе «Византия и арабы» известный русский исследователь А. Н. Васильев писал: «Общение армян с русскими происходило при дворе византийского императора в Константинополе, а также в рядах византийских войск в Сицилии, на Крите, в Малой Азии». В книге другого русского автора Ю. С. Куликовского «Прошлое Тавриды» содержится уже более определенное свидетельство о контактах Древней Руси и Армении. Там сказано, что в X веке нашей эры византийский патриций в Херсонесе армянин Каликар выступил посредником Византии в отношениях с Киевским князем Святославом.

По свидетельству Л. М. Меликсет-Бека, В. Р. Восканяна и других, связи армян со славянами были разносторонними. Они охватывали самые различные области жизни, в том числе и военно-политическую. Известно обращение притесняемых арабами армян за помощью к «Государю славян» в 862 году. Современный армянский автор Оганес Халпакчян полагает, что именно в связи с подобным обстоятельством были совершены в 913—914 и 944—945 годах походы славян (по армянским источникам «рузиков»*) в Закавказье и взятие ими у арабов крупного арцахского населенного пункта Барды (Партав). Имеется конкретное свидетельство и о том, что в X—XI веках и позднее отряды «рузиков» сражались вместе с армянами и грузинами против сельджукских и других завоевателей.

Современная историография не сможет установить точное время появления армян на территории России и Восточной Европы. Значительная часть авторов предполагает, что обоснование армян в качестве административных и торговых представителей Византийской империи в Крыму произошло на рубеже VII—VIII вв. В это время армяне вместе со славянами и греками жили в Тмутараканском государстве. К этому времени армянским купцам уже были известны главные торговые пути Восточной Европы, в первую очередь «Путь из варяг к грекам». На это обстоятельство обращает внимание А. Я. Васильев, который отмечает, что со времени Киевской Руси

* Следует отметить, что впервые этноним «Русь» упоминается у Константинопольского патриарха Фота в 886 г. В этом документе подчеркивается, что христианская вера оказала благоприятное влияние на этот народ. По мнению академика Б. Д. Грекова, слова патриарха Фота относятся не только к жителям Киевской Руси, но и к Тмутараканскому русскому княжеству, которое гораздо ближе к Византии (См. Б. Д. Греков. «Киевская Русь». С. 472). Таким образом, работа армянского историка Мовсеса Каганкатваци является вторым письменным документом, в котором упоминается слово «Русь», точнее «Рузик».

армяне славились как умелые купцы. Они постоянно выменивали русские меха и кожи на товары арабские, персидские, византийские.

Торгово-экономическим связям русских и армян в огромной мере способствовала христианизация России, которая началась задолго до крещения Руси. По утверждению многих авторов, уже «в 945 году было между россиянами более христиан, нежели язычников»^{*}. Такая же картина наблюдалась в районах Ростова и Мурома, не говоря уже о центральной и южной России, куда христианство проникло задолго до крещения Руси. Без преувеличения можно сказать, что христианизация стала движущей силой не только формирования общенациональной идеологии России, но и развития и совершенствования дружбы между нашими народами. Благодаря христианизации русско-армянские контакты, которые до X века носили эпизодичный характер, стали упроченными, постоянными.

В новых условиях торговые и все другие связи между нашими народами требовали наличия не только постоянных и спокойных путей сообщения, но и постоянных дворов, как говорят на Востоке, «караван-сарай» (т.е. буквально, место ночлега и отдыха каравана), которые должны были выполнять как экономические, так и хозяйственно-бытовые функции. Впоследствии на этих точках сформировались армянские поселения со своими специфическими бытовыми особенностями, что способствовало сближению армян с местным населением. «В посещаемых армянскими купцами торговых городах,— пишет О. А. Халпахчян,— основывались армянские колонии, пополнявшиеся не только купцами, но и переселенцами, в частности, последователями религиозного учения павликианов и тондрикецинцев. Последние были высланы из Армении на Балканы, оттуда перекочевали в Крым, Киевскую Русь, Польшу и Западную Европу».

Интересно отметить, что армянский автор XI века Степан Таронци (Асохик) в своей работе «Всемирная история» упоминает и крещение Руси (См. Ц. П. Агаян. Россия в судьбах армян и Армении. М. 1979 г. С. 39).

В IX—X веках, в условиях потери Арменией государственной независимости, эти армянские поселения постепенно превратились в многолюдные колонии. Они еще больше расширялись в условиях установления в Армении иноязычного владычества: сначала арабов, затем сельджуков, а в последующие века монголов, турок и персов. Новая среда обитания не могла изменить коренным образом национальные особенности армян. По-прежнему они показывали себя квалифицированными ремесленниками, строителями, преуспевающими коммерсантами и храбрыми воинами, что также способствовало сближению армян с местными жителями. В некоторых странах Восточной Европы авторитет армян поднялся настолько, что их специально приглашали на постоянное жительство. Так, во второй половине XI века киевские князья для совместной борьбы с половцами поселили армян в Киеве, Каменец-Подольске и в других районах Подолья. Позднее, в конце XVI века, армяне были приглашены основателем Замостья польским князем Яном Замойским для поднятия экономического благосостояния этого города.

Среди армянских поселений на территории Древней Руси особенное место занимает киевское, для которого с конца десятого века сложились весьма благоприятные условия роста и развития экономической и социально-политической жизни и формирования общенациональной идеологии, основанной на принципах православного христианства. Этому объективному и необходимому процессу в значительной степени способствовал такой субъективный фактор, как женитьба великого князя

^{*} Обычно на уровне обыденного сознания христианизацию русских путают с крещением Киевской Руси. На самом деле, христианизация русских началась с IV—V веков, тогда как крещение, как заключительный акт христианизации, осуществилось в 988 г.

Владимира Святославовича на Анне, армянке по происхождению, сестре византийского императора Василия II Македоняна^{*}. Переехав в Киев, Анна привезла с собой, кроме священников, врачей и строителей, ремесленников, купцов и других мастеров, среди которых были и армяне. При Киевском дворе были армяне-врачи. В «Житии преподобного отца Агапита» (из «Патерика» Киевско-Печерской лавры) есть свидетельство об одном искусном враче-армянине конца XI — начала XII века: «Бысть же в то время в граде Киеве врач некто и верю Армении, хитр зело во врачевании». Его авторитет был столь велик, что когда разболелся князь Владимир Мономах, «его же с прилежанием врачевал Армении». Об этом враче упоминает Н. М. Карамзин в своей «Истории государства Российского». В работах этих же авторов сказано, что в войсках Киевской Руси служили армянские воины, которые принимали участие в походах против половцев^{**}.

Армянские следы на территории Киева обнаруживаются во многих местах. Несколько столетий армянской часовней служила восточная часть южной внутренней галереи храма святой Софии (1037) в Киеве, превращенная во второй половине XI века в придел. На его стенах сохранились остатки фрески с изображениями армянских святых Григория Просветителя и Рипсима: позднее, в XVI—XVII веках, здесь же было выполнено более двадцати армянских надписей, некоторые в виде монограмм «Аминь» и «Господин» имеются на крышке саркофага Ярослава Мудрого от XI века. В подземелье Киевско-Печерской лавры, где, как полагают специалисты, у армян имелись свои помещения, сохранилась надпись на армянском языке «Василий».

Авторитетный знаток и исследователь истории юго-западной Руси XIV—XV вв. И. А. Линниченко считает, что в «истории южнорусского города среднего периода армянам принадлежит весьма видное место. Без всякого преувеличения можно утверждать, что наиболее крупные торговые центры Южной Руси, как Львов, Луцк, Каменец-Подольск, обязаны в значительной степени своим богатством, блеском и значением преимущественно армянам». С оживлением торговли между Востоком и Западом постепенно изменилась посредническая роль местных армян. Как пишет тот же И. А. Линниченко, армяне очень рано принялись за сухопутную торговлю Запада с Востоком и с падением итальянских колоний в Крыму забрали в свои ловкие руки^{***}.

Можно обратить внимание и на такое обстоятельство: как пишет Оганес Халпахчан, армянские колонии Восточной Европы и всей России имели свои органы власти — административные, церковные и судебные — гербовые печати и т. д. Судебные органы руководствовались «Армянским судебником», составленным в конце XII — начале XIII века выдающимся армянским ученым Мхитаром Гошом. В городах и

^{*} В новой многотомной «Истории греческого народа» написано: «Македонская династия, которая по самым последним данным была армянского происхождения, и опиралась, как правило, на способных военачальников того же происхождения, положила конец независимости наиболее значительных армянских царей» (См. М. Александрупулос. Путешествие в Армению. М. 1985. С. 58).

^{**} Как пишет Ашот Арзуманян, в X—XI веках армяне стали встречаться с русскими гораздо чаще. Это подтверждает русская историография, которая с конца X века уже располагала многими данными об Армении. Об этом пишут и армянские авторы. Во «Всеобщей истории» Степаноса Таронци (Асогика) говорится, что Василий II вместе с 6000 русскими воинами посетил Армению. Это важный исторический факт, ибо впервые не единицы, а тысячи представителей двух народов, никогда в истории не поднимавших меч друг против друга, встретились на армянской земле мирно, дружелюбно. В русских летописях того времени упоминается о существовании Армении Великой и Малой, о назначении епископов в Армению, о несогласии армян с решением четвертого Халкедонского собора и т. д. (См. Ашот Арзуманян. Арагац. С. 295).

^{***} Исследователю надо было быть более корректным. Ловкость тут ни при чем. Торговля является высшим искусством. Значит, главное — это умение торговать.

селах армяне владели земельными наделами, занимались торговлей, в том числе и международной, различными ремеслами и сельским хозяйством. В городах Восточной Европы, например во Львове и Замостье, армянские ремесленники владели монополией на производство и продажу ряда редких изделий. Играя активную роль в жизни Львова, Каменец-Подольска, Бара, Бережана, Жванца, Злотчева, Сатанова, Станислава, армянские общины добились привилегии Магденбургского права, что значительно способствовало культурно-экономическому развитию этих городов. В средневековые армянские колонии, как отмечает Оганес Халпакчян, занимали в городах отдельные районы, кварталы, располагавшиеся обычно вблизи оборонительных укреплений. Во Львове и Замостье таковые находились в северо-восточной, в Станиславе — в восточной, в Каменец-Подольске — в южной, а в Луцке — в западной частях города. Во времена наивысшего развития армянских колоний Каменец-Подольска (в XVI—XVII веках) и Львова (в XVII веке), численность населения каждой была более пяти тысяч человек, а в Могилеве-Подольске (в конце XVIII века) проживало более шести тысяч армян.

Наименования городских районов и улиц указывали на то, что основатели их армяне. Таковы армянские кварталы и в Каменец-Подольске, Могилеве-Подольске и Решкове, армянские улицы или переулки в Замостье, Львове, Луцке, Черновицах, Золотчеве, Бережанах, Феодосии и во многих других городах. Армянам принадлежали не только разные по назначению капитальные строения и целые районы многих городов, но и внегородские территории. Среди подобных можно отметить в Замостье один из его пригорода — Целельниско и армянское озеро, близ Умани — армянский лесок, на Азовском море — армянскую косу и т. д. Армяне явились инициаторами строительства больших поселений, например, армянского селения в Залесье, и даже городов. Такими городами были основанные в 1715 году Кути на реке Черемушки, в 1872 году — Григориополис, Нор-Нахичеван, заложенный на реке Дон в 1772 году, Армавир — в 1846 году; Сурб-Хач — в конце XVIII века (ныне Прикумск) на Северном Кавказе. Часть наименований, таких как Армянский квартал, армянский базар, Армянская улица, бытует до нашего времени во многих восточно-европейских городах и селениях.

Характерной особенностью быта армянских колоний в России, да и в других странах, является создание школ и строительство церквей. Достаточно отметить, что в конце XIX века только на территории Крыма насчитывалось 113 армянских церквей и среди них тот замечательный монастырский комплекс, который и теперь стоит в центральной части города Ялты. Точно такие же замечательные культовые сооружения имелись и в других районах России. В интерьере церкви Спаса Нередицы (1198 г.) близ Новгорода недавно была обнаружена фреска Григория Армянского и девы Рипсима — «Репсьимия», Григорий был изображен в интерьере Хутынского монастыря (1445 г.).

Теперь уже хорошо известно, что в русской церкви, согласно традиции «вселенского согласия», почитание не только просветителя Армении Григория Парфянского, но и 37 дев (Рипсима, Гаяне, Шогакат и др.). «Общеизвестен тот факт,— пишет Л. М. Меликсет-Бек,— что Новгородская Нередица (церковь Спаса Нередицы) сохраняла до варварского разрушения ее фашистами, между прочим, фресковое изображение не только св. Григория, но и Рипсима, в данном случае, очевидно, не подражание Константинопольской св. Софии, где налицо изображение одного только Григория в греко-византийском святительском облачении, а скорее всего — аналогичным памятникам Грузии и Армении (Бетания, Атени, Самтависи, Давид-Гарелжа, Ахтала, церковь Тиграна Онеца в Ани и др.) .

Об устойчивых культурных связях между Арменией и Россией пишет и всемирно известный академик И. А. Орбели. «Благодаря археологическим исследованиям

доказано, например,— пишет он,— что культурная связь армянского народа с русским народом восходит к очень отдаленной эпохе. Еще в начале XIII века художественные росписи одной из лучших церквей города Ани были выполнены русским художником, а в росписях Новгородской церкви участвовал армянин».

В Москве, кроме собора Василия Блаженного, в создании которого участвовали армянские мастера, и поныне имеется притвор «Григория Армянского». Представляет интерес тот факт,— пишет академик Ц. П. Агаян, что еще в XII—XIII вв. с армянского на русский язык переведены «Житие Григория Парфянского» (Просветители), «Житие блаженных дев» и др., а с русского на армянский — «Житие Бориса и Глеба». Факт перевода этих сочинений — очевидное подтверждение наличия тесных культурных связей, которые и диктовали необходимость этих переводов.

В конце перевода «Жития Бориса и Глеба» есть строки, которые позволяют заключить, что жители Армении бывали в Киеве и, возвратившись, рассказывали переводчику жития и легенды о Борисе и Глебе, услышанные ими там.

Можно привести множество подобных фактов, свидетельствующих о наличии не только «армянских следов» в России, но и устойчивых экономических, социально-политических и культурных связей армянского и русского народов. Но, конечно, среди них особое место занимает связь армян и Киевской Руси, ибо именно она положила начало тех отношений между нашими народами, которые, несмотря на самые различные невзгоды, преграды, катаклизмы, превратились в нерасторжимую дружбу, и продолжают успешно и плодотворно по сей день.

Шаг за шагом... вширь и вглубь

История армяно-русских отношений имеет свою внутреннюю логику, свои этапы роста и нарастания, свои движущие мотивы, признаки, особенности, которые существенным образом отличаются друг от друга как по своим количественным и качественным характеристикам, так и по функциям, формам и способам проявления и конкретной реализации поставленной цели.

Согласно сложившейся в армянской историографии концепции, первый этап армяно-русских отношений начинается с Киевской Руси и длится до XVI века. Характерной особенностью этого этапа было, во-первых, то обстоятельство, что армяне появились здесь как иноземцы, как чужаки. Их встречали на этих землях не как приглашенных, желаемых гостей, а как обычно встречают чужаков: с настороженностью, недоверием и, естественно, свысока. Это всеобщий закон поведения аборигенов с представителями чужих племен. На своей земле хозяин всегда является хранителем и носителем своего собственного бытия. Так, например, для папуасов цивилизованные европейцы были чужаками, туземцами. Впрочем, так встречают иногородцев и в настоящее время, на такое поведение хозяев не следует обижаться.

Во-вторых, первоначально на территории Киевской Руси появились не массы переселенцев, а лишь отдельные мелкие группы или их представители. В условиях феодальной раздробленности страны — это капля в море. Но и капля имеет значение. Обычно в чужой среде погибают или ассимилируются слабые существа. Напротив, человек, который умеет приспосабливаться в новых условиях, не только выживает, но и со временем перестает быть чужаком. Сохраняя свое специфическое, национальное до поры, до времени, он вливается в окружающую среду.

В-третьих, в этих межэтнических отношениях стороны были неравными. В них были заинтересованы, прежде всего, армяне, они нуждались в помощи и поддержке, они были просителями на чужой земле. Лишь в активной последовательной честной трудовой деятельности армяне могли подняться и стать равноправной стороной об-

щения. Только такие отношения могли привести к действительной дружбе между нашими народами. История показывает, что в основе межнациональных отношений, в особенности в иноэтнической среде, выделяются экономически-торговые отношения, развитие которых обуславливалось ролью и участием армянских общин, Армении, в том числе и Киликийской Армении, а также армянских колоний Крыма и Западной Украины в международной торговле, в товарообмене Запада с Востоком. На основе экономических отношений постепенно налаживались культурно-бытовые связи, а также отдельные проблемы политического и правового порядка.

В целом, на этом этапе развития в результате изменения государственных границ России, освоения новых территорий, постепенного изменения политических и культурных центров державы, расширилась география армянских поселений. За это время, наряду с Киевской дорогой, армяне осваивают и торговые пути на Волге. Армянские диаспоры формируются на территории Астрахани, Саратова, Самары, Казани, Рязани. К XIII веку относится и возникновение армянского поселения в Москве. Усиление Московского княжества и образование Русского централизованного государства привели к развитию торговых связей Москвы с различными странами. С этого времени активизировались поездки армянских купцов по Волге: Казанское ханство, а через него и в московское государство, Новгород и т. д. Армяне попадали в Москву из Ирана, Закавказья, Крыма, Византии. Некоторые современники называли этот путь «армянской дорогой».

Второй этап — XVI век и до 60-х годов XVII века. Это была эпоха, когда Московское Великое княжество превратилось на европейской арене в солидную политическую силу. Стиснутое монголо-татарским игом в начале правления Ивана III русское государство, которое едва успело передохнуть, за короткий промежуток времени достигло такой мощи, что Европа была ошеломлена появлением огромной империи на ее восточных рубежах. С тех пор Европа, точнее европейские государства с настороженностью относятся к этой великой державе.

Новая действительность требовала разработки, обоснования и претворения в жизнь соответствующей внешнеполитической доктрины. Для нормального экономического, социально-политического и духовного развития Россия, на самом деле, объективно нуждалась в выходе к берегам Каспийского, Черного, а также Средиземного морей. Важно обратить внимание и на то, что реализация этой государственной политики России совпадала со стремлением народов Кавказа и Балканского полуострова — сербов, болгар, греков, армян, грузин и других — освободиться из-под колониального гнета турецкого деспотического государства. Поэтому, исходя, прежде всего, из своих собственных государственных интересов, Россия, в то же время оказалась в положении покровительницы национально-освободительного движения этих народов.

Новая эпоха оказала определенное влияние не только на армянскую диаспору России, но и на весь армянский народ. Во-первых, внутри самой России армяно-русские отношения становились более масштабными и более организованными. Это можно показать на примере деятельности армянских колоний Украины, Москвы, Крыма, Северного Кавказа, Поволжья и т. д. Активность армян проявлялась, прежде всего, в экономической сфере. Как сказано в книге академика Ц. Н. Агаяна, «были даже десятилетия, когда вообще инициатива усиления и расширения этих отношений, первенство в них принадлежали почти исключительно представителям армянских колоний, оказавшихся в несравненно более свободных и выгодных условиях развития, чем их сородичи на родине...». Во-вторых, именно в XVI веке, точнее в 1547 году, тайное собрание, созванное католикосом Степаносом Салмастаци в Эчмиадзине, составляет программу освобождения Армении. После длительного блуждания по столицам европейских государств Католикос направился в Москву. Многочисленные источники показывают, что идея освободительной миссии России стала

постепенно распространяться в Закавказье. В 1568 году русские войска впервые появились в Грузии, тем самым национально-освободительное движение народов Закавказья получило военно-политическую опору. Это то новое и важное, что было приобретено народами края при совпадении их интересов с политикой России.

Третий этап начинается с 60-х годов XVII века и до середины XVIII века включительно. На этом этапе армяно-русских отношений, русская ориентация одерживает полную победу в Армении, постепенно становится убеждением народных масс и в начале XVIII века получает политическое оформление. Вопросы военно-политического сотрудничества в общей борьбе, диктуемые взаимными интересами обеих стран — интересами восточной политики русского правительства и освободительной борьбы армянского народа, — становятся не просто актуальными, но и выдвигаются на передний план. Новая обстановка по-новому воспринимается в самой Армении, где, начиная со второй половины XVII века, разворачивается бурная деятельность для реализации этой идеи. В 1678 году тайное собрание Арцахских (Карабахских) меликов посылает целую делегацию к русскому царю. Одновременно в стране продолжается подготовка к народному вооруженному восстанию. Через некоторое время против персидских оккупантов восстает мужественный Карабах. Вскоре пламя освободительной борьбы распространяется и в Сюнике, где восставший народ во главе с талантливым полководцем и дальновидным политиком Давид-Бекком одерживает победу за победой над персидскими и турецкими поработителями. Более 15 лет продолжалась эта неравная схватка, начавшаяся с надеждой на получение реальной помощи со стороны России, которая, однако, в силу ряда объективных причин не была оказана.

Четвертый этап — со второй половины XVIII века до 1828 года, т.е. до присоединения Восточной Армении к России. С дальнейшим углублением армяно-русских политических и экономических отношений, в которых заметную роль сыграли также живущие в России армяне, разрабатывались конкретные программы и планы освобождения Армении с помощью России и образования независимой, самостоятельной Армении под протекторатом России. Освободительное движение армянского народа против чужеземных поработителей стало общенациональным. Усиливалось и расширялось армяно-русское военное сотрудничество, которое во время русско-персидских и русско-турецких войн первой четверти XIX века приняло воистину всеобщий характер и очень большие масштабы и завершилось присоединением Восточной Армении к России. О том, с каким восторгом, с какой радостью армянский народ встречал освободительную армию, трогательно рассказал известный декабрист В. В. Лачинов. В своей «Исповеди» он пишет о турецких и персидских зверствах, о том, как обезумевшие от ужаса, разоренные армяне бежали из своих родных мест, как женщины, старики, даже дети, бросались к русским войскам с возгласами: «Рус!», «Рус!», «Здрасти!». «Не зная языка, этим одним словом они выражали все — и ужас, и мольбу, и любовь, и надежду... Они полностью доверяли нам, полагались на нашу помощь, их глубокая вера, признательность трогала нас, возбуждала в нас высокое и благородное чувство национальной гордости... Вот почему каждый из нас воспринимал нападающих как своих личных врагов и стремился на помощь к страдальцам... «Не бойтесь!», «Не бойтесь!» — кричали обезумевшей толпе бегущие навстречу солдаты, ускоряя свой бег».

«И вот это русское слово «Здрасти», — пишет Ованес Туманян, — прозвучавшее сквозь слезы и молитвы, слово, с которым многострадальный армянский народ встречал освободительную русскую армию, занесено и увековечено в «Ранах Армении» (Роман Хачатура Абовяна. — Г.М.), как самое сердечное слово, произнесенное когда-либо армянским народом перед лицом всего мира. И в своих постоянных мытарствах только тогда и узрел он реальную помощь, когда во имя справедливости, во имя цивилизации прогремело мощное, братское русского «Не бойтесь!».

Пятый этап относится к судьбе Западной Армении, так как по примеру своих восточных братьев среди западных армян, особенно в последней четверти XIX века, усилились тенденции добиться при помощи России если не полного освобождения от султанского деспотизма, то хотя бы, как минимум, проведения там обещанных западными странами реформ. Конечно, у России в этом отношении были свои собственные государственные интересы: присоединение этих земель к своим территориям. Но это идея для всего армянского народа была приемлемой, «меньшим злом». Однако европейские державы не хотели допускать повторения восточно-армянского варианта и из всех сил препятствовали России в осуществлении этой цели.

Между тем, главари Турции с эпохи султана Гаида вынашивали план тотального уничтожения всего армянского народа. Османская империя готовилась к Первой мировой войне с конкретной пантюркистской программой. Для создания «Великого Турана» от берегов Босфора и до озера Байкал Турция стремилась захватить всю территорию Кавказа, Поволжья, Крыма, Средней Азии, Казахстана и т. д. По расчетам турецких расистов, уничтожение армянского народа обеспечило бы «объединение» мусульманского населения России с Турцией и устранило бы предлог для вмешательства держав Антанты во внутренние дела страны. При этом главари Турции рассчитывали, говоря словами Максима Горького, на «гнусное равнодушие официального общественного мнения». Еще в 1910 году на очередном съезде партии «Единение и прогресс» один из руководителей младотурок Назым сказал: «Безусловно, после армянской резни повсюду распространится волна протестов и негодования, и моральный престиж Турции сильно пострадает. Однако не следует забывать, что это будет временным явлением, и вскоре все будет предано забвению».

Воспользовавшись военной обстановкой, весной 1915 года младотурки начали осуществление своего чудовищно и хитро задуманного плана, геноцида всего армянского населения страны. Вначале они тайно и вероломно истребили интеллигенцию и боеспособное армянское население, а затем перешли к открытой и массовой резне женщин, стариков и детей. Часть незащитного населения была уничтожена в родных местах, другая часть — насильственно выселенная, в пути. Те же, кто добрался до знойных песков Месопотамии, погибли, изнуренные голодом, болезнями, а также от рук жандармов и наемных убийц. Только в одном городе Стамбуле, лишь в течение одной ночи — 24 апреля 1915 года — стали жертвами геноцида 196 армянских писателей и публицистов, 168 художников и фотографов, 564 композитора и певца, 336 медиков и провизоров, 176 профессоров и преподавателей школ и колледжей, 160 юристов, 62 архитектора, 64 артиста, и т. д. Целая нация была обезглавлена, оставлена без носителей национального духовного мира. Словом, если в конце XIX века на территории Западной Армении и Стамбуле проживало более трех миллионов армян, то в 1922 году общее количество армян в Турции составляло 250 тысяч человек. Более двух с половиной миллионов армян было уничтожено за 25 лет во время трехкратного геноцида армянского народа. Оставшиеся в живых, чудом спасенные, разбредлись — по всему свету; от Норвегии до Австралии, от Аляски до Уругвая. Действительно, как писал Г. К. Орджоникидзе: «В новой истории мало народов, которые понесли бы такие большие жертвы, как армяне, и мало стран, в которых было бы пролито столько крови, сколько в Армении».

Шестой этап армяно-русских отношений длился с 1828 по 1920 г. Это эпоха мирного развития Восточной Армении в пределах христианской России. С присоединением Восточной Армении к России завершилась трехсотлетняя история русской ориентации армянского народа, которая формировалась и развивалась как неотъемлемая сторона освободительной борьбы армянского народа против жестокого гнета шахского Ирана и султанской Турции. Совершенно естественно, что присоединение Восточной Армении к России имело судьбоносное значение для всего армянского

народа, поскольку оно не только спасло армянский народ от физического уничтожения, но и создало тем самым реальные возможности для развития народного хозяйства, культуры, образования, науки и т.д. Благодаря этому акту, Армения стала исконной Родиной для всех армян, т.е. она стала центром общественно-культурной и духовной жизни армянского народа, центром концентрации и консолидации армян. С этого времени к Матери-Родине устремляли свои взоры армяне со всех концов мира.

Однако программа национально-освободительного движения армянского народа не до конца была выполнена. Как писал армянский писатель, историк Лео, спасаясь от исламских громил, армяне оказались в объятиях христианских колонизаторов, которые везде и всюду преследовали только свои собственные шовинистические интересы. Во-первых, программа освободительного движения армян рассчитывала на то, что после освобождения Армения должна была быть независимым государством под протекторатом России (подобно Финляндии). Очевидно, что именно с этой целью в марте 1828 года была создана Армянская область, включавшая Эриванский и Нахичеванский уезды и Ордубатский округ. Однако в 1849 году Армянская область была упразднена. Вместо этой области была создана Эриванская губерния, состоявшая из Эриванского, Нахичеванского, Александропольского, Норбазетского и Ордубатского уездов. Остальные районы Восточной Армении были включены в состав Тифлиской, Елизаветпольской губерний и Карской области. Это административное деление сохранилось в основном до крушения самодержавия, т.е. до 1917 г.

Во-вторых, еще с конца XIX века царское правительство и его местные органы, и Закавказье стали осуществлять ряд мер, направленных против национальных прав армянского населения края. Закрывались армянские школы, была ограничена деятельность благотворительных и издательских обществ, установлена строгая цензура национальной печати. В довершение ко всему 12 июля 1903 года царское правительство приняло закон о конфискации земель и доходного имущества армянской церкви и передаче их в ведение соответствующих министерств России. Этот закон не только подрывал экономические основы армянской церкви, но и одновременно был направлен против народа, его политических прав, национальной самобытности и культуры, против армянской школы, поскольку именно на средства церкви содержалось большинство армянских школ в Закавказье. Ликвидация же армянских культурно-просветительских учреждений должна была облегчить осуществление колониальной политики царизма. Именно так был воспринят этот закон широкими слоями армянского народа. Армяне встали на защиту своих национальных прав. Более двух лет продолжалась неравная схватка. Царь вынужден был отступить. Первого августа 1905 года царь отменил закон от 12 июля 1903 года; имущество армянской церкви, как и полученные от него в течение 1903—1905 гг. доходы, были возвращены.

В-третьих, после революции 1905—1907 гг. в России появились многочисленные политические партии, большей частью которые в своей деятельности допускали террор как метод борьбы с царизмом и с агентами охраны. По сравнению с этими партиями созданная в 1890 году в Тифлисе армянская революционная и социалистическая партия (Дашнакцутюн) меньше всего занималась террором. Согласно программе этой партии, «Только Центральные Комитеты и ответственные органы могут постановлять решения о терроре. Решения эти должны быть единогласными». И, тем не менее, царское правительство под диктовку наместника Кавказа Голицына* арестовало и в дальнейшем передало суду 140 членов дашнакской партии. По характеристике

* Голицын был одним из наиболее реакционных представителей державного шовинизма этого времени. Он был последовательным врагом всего армянского народа. «Я успокоюсь только тогда,— писал он,— когда в Тифлисском музее будут показывать чучело армянина в подтверждение того исторического факта, что когда-то и армяне тоже жили на Кавказе» (Цитата по книге А. Авторханова «Империя Кремля», Вильнюс, 1990 г., с. 179).

одного из защитников армян на этом процессе, а именно А. Ф. Керенского, в результате этого предательства «...даже такие верные друзья России, как армяне превратились в грозную революционную силу». Перед судом предстала вся армянская интеллигенция, включая писателей, врачей, юристов, банкиров и даже купцов, которые, как утверждалось, предоставляли революционерам денежные средства. Расследование длилось несколько лет. Аресты шли по всей России, и в конце концов в Санкт-Петербурге был учрежден специальный сенатский суд. Некоторых обвиняемых содержали в тюрьме почти четыре года, прежде чем начались судебные заседания. Слушания открылись в январе 1912 года, продолжались до середины марта. Были опрошены шестьсот свидетелей. Опасаясь беспорядков, полиция приняла особые меры предосторожности. Суд шел при закрытых дверях, в зал заседания не допускали родственников обвиняемых. Атмосферу накаляли всякого рода запреты... Была назначена экспертиза, и большую часть свидетельств признали фальшивыми. Защите удалось также доказать ложность показаний и по другим пунктам обвинения... Из 145 обвиняемых 95 были оправданы, 47 получили тюремное заключение или ссылку в Сибирь и только трех приговорили к каторжным работам. Исход процесса поднял престиж России за рубежом (! — Г.М.), особенно среди армян в Турции».

Все же следует отметить, что в последующие годы Николай II изменил свое отношение к армянскому народу и оказал посильную помощь в спасении 330 тысяч армян-беженцев от турецкого истребления*. Что же касается А. Ф. Керенского, то он до конца своей политической деятельности в России, зная о пророссийской ориентации всего армянского народа, оказывал посильную помощь в создании Армянского стрелкового корпуса на турецком фронте, в организации помощи армянским беженцам и т.д.

Седьмой этап армяно-русских отношений длился с 1920 года по декабрь 1991 года. Это годы советской власти. Взаимоотношения между двумя народами происходили здесь в рамках нового государства, т.е. Советского Союза, как отношения между двумя суверенными республиками. О развитии Советской Армении существует целый ряд фундаментальных публикаций. Достижения, успехи армянского народа в развитии народного хозяйства, культуры, образования, науки и т.д. наши зарубежные друзья называют чудом Армении. «Если спросят меня,— писал один из великих умов современного мира Рокуэлл Кент,— где на нашей планете можно встретить больше чудес, я назвал бы, прежде всего Армению... Поневоле поражаешься, что на таком небольшом уголке мира можно встретить такие памятники и таких людей, которые могут явиться украшением и гордостью всего мира. Трижды будь прославлена земля армянская, колыбель талантов, колыбель великих свершений».

Да, неузнаваемо изменилась Армения, изменилась судьба многострадающего армянского народа за годы советской власти. Но успехи Армении были бы более значительными, если бы не антиармянская политика большевистского руководства.

Во-первых, армянский народ оказался жертвой Октябрьской революции, ибо пришедшие к власти большевики, руководствуясь мифической теорией мировой революции, отозвали войска с Кавказского фронта, в руках которых к началу 1918 года находилась территория Западной Армении, за которую было пролито столько русской и армянской крови. Пользуясь такой позицией большевиков, турецкие войска перешли в наступление, оккупировали территорию не только Западной, но и значительную часть Восточной Армении, дошли до Баку, организовали резню армянского населения и уничтожили первенца советской власти на Востоке — Бакинскую Коммуну. Во-вторых, предательство большевистского руководства проявилось и в дру-

* Об этом более подробно сказано в статьях: Павел Пагоници. «Император Николай Второй — спаситель сотен тысяч армян от турецкого геноцида» (Ж-л. «Родина» № 4, 1994 г. С. 93—96). А также: Г. А. Мартиросян. «Армяне помнят о милосердном акте императора России (См. ж-л. «Родина» № 9, 1996 г. С. 66—67).

гом. Известно, что в начале 1919 года Стамбульский военный трибунал вынес смертный приговор организаторам геноцида армянского народа. Приговор был заочным, так как после поражения Турции в Первой мировой войне, ее главари ушли в подполье и скрывались в Германии. Однако тут же они нашли новых покровителей и союзников. По предложению советского правительства, известный большевик Карл Радек начал переговоры с палачами армянского народа Энвером, Таалатом и Джемалом чуть ли не сразу после их бегства из Турции, и уже в начале 1919 года многие главари младотурок перебираются из Берлина в Москву. Среди них: Энвер и Джалал-паша, брат Энвера Нури-паша, командующий «исламской армией», только что, в сентябре 1918 года, вырезавший в Баку 30 тысяч армян.

А в сентябре 1920 года эти турецкие мракобесы стали делегатами первого съезда народов Востока в Баку, где пытались выступать от имени революционного мусульманского Востока против Республики Армения. Это предательство большевистских руководителей обошлось очень дорого народам нашей страны. Энвер-паша стал организатором басмаческого движения на территории Средней Азии и в течение двух лет вел борьбу против советской власти. А его брат организовал несколько вооруженных восстаний на Северном Кавказе и в Азербайджане. Это предательство не стало уроком для большевиков. Отказавшись от дружбы с младотурками, большевики нашли новых союзников в реализации мировой революции. На этот раз их друзьями оказались кемалисты, которые, подыгрывая большевикам, выставив себя антиимпериалистической силой, получили военную и политическую помощь Советской России и напали на Армению, захватив большую часть ее территории. Остальная часть Армении была оккупирована XI Красной Армией. Для облегчения переговоров с кемалистами с декабря 1920 по январь 1921 года большевики обезглавили вооруженные силы Республики Армения, арестовав и отправив в концлагеря России 1503 генералов и офицеров армянской армии*.

К этому времени выкормленный большевиками «революционный» кемалистский младенец вырос настолько, что начал диктовать свои условия большевикам относительно внешних и внутренних границ Армении. 16 марта 1921 года в Москве, без представителей Армении, кемалистам удалось навязать Советской России несправедливый договор, по которому не только вся Западная Армения, но и значительная часть Восточной Армении (Карская область с Сурмалинским уездом и символом Армении и армянского народа священным АРАРАТОМ) была включена в состав Турции, а Нахичеванская область передана Азербайджану в качестве протектората, с условием, чтобы не уступить ее Армении. Не довольствуясь этим, тогдашним руководителям Азербайджана удалось присоединить к своей республике еще и весь Арцах, частью которого является Нагорный Карабах.

С точки зрения международного права, это, конечно же, был откровенный произвол, грабеж, бандитизм: два государства (Россия и Турция) без согласия и участия третьего государства (Армении), т.е. за его спиной, определяли его границы и передали часть его территории Турции и Азербайджану. Но для большевистского руководства все это было в порядке вещей. Обычно оно не считало нужным руководствоваться нормами международного права, тем более принципами человеческой морали. Своей политикой большевики и кемалисты нанесли Армении непоправимый удар, лишив ее полноценной государственной самостоятельности. Ибо, как показывает история, ни одна страна не может обладать полным государственным суверенитетом, если она лишена большей части своей территории и народа.

Что же касается Турции, то ясно одно: она никогда не была искренней с Россией или Арменией. У нее была одна-единственная цель: это создание великого Турана.

* Об этом более подробно сказано в работе Мартиросяна Г. А. «Офицеры республики Армении в концлагере города Рязани» (Рязань, 2002 г. изд. Зеленые острова).

Дружба с большевиками позволила Турции предотвратить полную деколонизацию Османской империи. Именно поэтому в свое время было сорвано осуществление Севрского договора, остался нерешенным армянский вопрос, до сих пор не осужден геноцид армянского народа в Турции, прощается агрессия Турции на Кипре, этнические чистки в Курдистане и т.д. Во многом поэтому национально-территориальное размежевание народов Закавказья не получило должного решения.

В Армении особым образом проявились и репрессии тридцать седьмого года. Под лживыми лозунгами борьбы с дашнаками, с их зарубежными корнями проводилась чистка армянской интеллигенции в тридцатые годы. Только за шесть месяцев 1937 года в Армении было арестовано свыше 3500 ответственных работников. За это время несудебными органами были приговорены к расстрелу 3221 человек. К 1937 году из 72 членов Союза писателей Армении в сталинских застенках погиб 41 человек. Среди них наряду с гениальным Чаренцом и талантливейшим Бакунцом были старые, очень старые люди. Прозаику Чугуряну было 74 года, Караджяну — 75, Атрпету — 77, Медик Оганджяну — 80. Драматург Эмин Тер-Григорян был расстрелян в 82-летнем возрасте. И уж совершенно поразительно, прозаик-юморист Тмблаци-Хечан погиб в возрасте 84 года! Но это еще не все: летом 1949 года было совершено еще одно преступление против армянского народа. Под видом укрепления безопасности Закавказья была состряпана лживая версия, будто вновь стали действовать дашнакские группировки, чтобы начать массовую высылку армян из Армении, Азербайджана и Грузии. В ночь на 14 июня 1949 года десятки тысяч армянских семей (более 100 тысяч человек) без всякого суда и следствия были высланы в Алтайский край и Казахстан.

Что касается Горбачева, то сущность его антиармянской политики со всей очевидностью проявилась в его оценке геноцида армянского населения Сумгаита и Баку, в его отношении к блокаде Нагорного Карабаха и Армении в условиях страшного землетрясения. Стоит ли добавить к сказанному то, что на заседании Политбюро от 28 февраля 1988 года Горбачев ставит вопрос о возможности применения армии против «карабахских зачинщиков»^{*}.

После распада Советского Союза наступил новый этап в армяно-русских отношениях. Теперь эти отношения проявляются как отношения между двумя суверенными государствами, между которыми, несмотря на огромные трудности, в частности, отсутствие общих границ, установились самые плодотворные экономические, социально-политические, военные, научные и духовные отношения. С распадом Советского Союза изменилось многое. Но никогда не изменится то прорусское качество и симпатия, та прорусская ориентация, которая содержится в характере, душе, и, кажется, в крови, в генах армянского народа.

^{*} Об этом более подробно в работе Мартиросяна Г. А. «Горбачев и трагедия Нагорного Карабаха», Рязань, 2000 г. с. 421—439.

ДОКУМЕНТЫ ЭПОХИ: ВЛАСТЬ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

Александр Яковлев

Против антиисторизма^{*}

18 октября 2005 г. умер Александр Н. Яковлев, «архитектор перестройки», сыгравший немаловажную роль в уничтожении СССР, очернении коммунизма («коммуно-фашизма» в его терминологии) и легитимации преступлений, связанных с реставрацией капитализма. Сегодня этот человек воспет либеральной интеллигенцией как «гигант мысли и отец русской демократии». Его статья «Против антиисторизма» нередко рассматривается как первый вызов, который Яковлев бросил господствующей идеологии, за что и был подвергнут «репрессиям» в виде «ссылки» в Канаду. Мы предлагаем читателям Left.ru самим оценить эту статью и еще раз вспомнить, как под социалистические лозунги проходило уничтожение нашей Родины.

Особым смыслом исполнен приближающийся пятидесятилетний юбилей Союза Советских Социалистических Республик. Эти полвека — блестящее доказательство той истины, что история человечества развивается по восходящей линии, в полном соответствии с объективными законами общественной жизни, открытыми великими учеными К. Марксом и Ф. Энгельсом.

50 лет СССР — это зримое свидетельство героизма, самоотверженности, исторических свершений всех народов великого Советского Союза, прошедших в тесном едином строю нелегкий путь борьбы, труда и побед, только объединенными силами можно было построить социализм. Только в условиях созидания нового строя могла сложиться новая историческая общность — советский народ.

Советская общественная наука, советская литература и искусство развивались и мужали все эти пятьдесят лет вместе с развитием страны, всегда являясь активными, деятельными участниками социалистического строительства. И они дали множество примеров глубокого и тонкого решения этой сложной задачи — отражения и исследования эпохи — на высоком научном и идейно-художественном уровне. Так же как в партийных документах, ставших вехами нашей истории, в десятках теоретических обобщающих трудов и исследований, в ставших уже советской классикой эпических поэмах и пьесах, в замечательных фильмах и спектаклях, которые мы по праву называем народными, отразилась сама наша жизнь — бурная, полная революционного динамизма, новаторской энергии, созидательной мощи. В лучших произведениях партийной публицистики, науки, литературы и искусства глубоко осмысливается пройденный нашим народом исторический путь со всеми его тяготами, с переломными моментами, с противоречиями и столкновениями, а из этого анализа выкристаллизовываются те главные, животворные тенденции, которые и определяют направление

^{*} Текст статьи из интернета; <http://left.ru/2005/15/yakovlev132.phtml>, поэтому редакция исправила только явные опечатки, остальное см. Left.ru

движения жизни. Прошрое, настоящее и будущее народа освещено в этих произведениях светом марксистско-ленинского мировоззрения, силой таланта, служащего трудовому народу. Поистине с огромными достижениями не только в области материального производства, но и в сфере духовной приходит наша страна к славному юбилею великого Советского Союза.

Сегодня общество развитого социализма решает проблемы, небывалые по своей новизне, размаху и характеру. Отсюда сложность и многоплановость процесса развития зрелого социалистического общества. Отсюда неизбежные для всякого развития противоречия. Разумеется, сложности и противоречия общественной жизни сегодня носят совершенно иной характер чем в предыдущие периоды более чем полувековой истории нашей страны. Они определяются тем, что русскому народу приходится решать такие задачи, которые, если говорить об их объеме и глубине, никогда ранее не вставали.

1

Социалистическая современность — трудная, но чрезвычайно благодарная сфера научного анализа и художественных обобщений, исследований и типизации. Главной заботой общественной науки, литературы, публицистики всегда было изучение и отражение того нового, прогрессивного, коммунистического, что утверждается в нашей жизни. И от того, насколько зорок глаз ученого или художника, умеющего увидеть это новое, насколько щедро его сердце, способное новому порадоваться, насколько глубок ход его мыслей, проникающих в грядущее, — от всего этого зависят общественная значимость и полнокровность научного или литературного труда. Речь идет об умении точно анализировать и окрыленно мечтать, или, говоря словами Маяковского, и «день прищипить к бумаге», и заглянуть «в коммунистическое далеко».

По сути дела, ученый или литератор нашего времени — это не просто человек, взявший перо для того, чтобы запечатлеть эпоху или в строгих научных выводах, или в ярких художественных образах. В обоих случаях это исследователь, анализирующий сложнейшие явления и глубинные процессы.

Чтобы разобраться в сложности жизненных ситуаций и проявлений, уметь правильно их оценивать, отличать подлинные ценности от мнимых, необходимы четкие классовые ориентиры, идейная убежденность, политическая прозорливость. С этими качествами равно несовместимы как догматическая нетерпимость, закостенелость, так и ревизионистская всеядность, модное псевдоноваторство — любые отступления от научной, диалектико-материалистической методологии, от марксистско-ленинских принципов анализа. Уметь с научных позиций анализировать обстановку, общественные условия во всей их сложности и противоречивости, видеть возможность разнородных влияний на развитие социалистического сознания, правильно оценивать степень и глубину этого влияния и делать верные политические выводы — в этом суть подхода к явлениям жизни, которому учит марксизм-ленинизм. «Весь дух марксизма, вся его система, — писал В. И. Ленин, — требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (а) исторически; (б) лишь в связи с другими; (в) лишь в связи с конкретным опытом истории». Разработанные В. И. Лениным методологические принципы подхода к общественным явлениям актуальны и для науки, и для литературы, и для публицистики. Отступления от этих принципов в конечном счете ведут к искаженным представлениям о социальной действительности, о явлениях и прошлом и настоящего. К сожалению, нам еще приходится сталкиваться с отдельными фактами таких отступлений и искажений. И поскольку эти ошибочные суждения высказываются публично, на страницах книг и журналов, появляется необходимость подвергнуть их критическому анализу.

Среди актуальных проблем современного общественного развития, о которых

пойдет речь в этой связи, одно из первых мест занимает социальная структура советского общества. Эта проблема глубоко и всесторонне рассмотрена XXIV съездом КПСС. Основополагающее значение имеет выработанное съездом положение о том, что «сближение всех классов и социальных групп, воспитание моральных и политических качеств советского народа, укрепление его социального единства происходят у нас на основе марксистско-ленинской идеологии, выражающей социалистические интересы и коммунистические идеалы рабочего класса». Это положение указывает ту общественную силу, которая стоит во главе социалистического прогресса. Такой силой, «социальным разумом и социальным сердцем» строительства нового, социально однородного общества выступает рабочий класс, призванный историей возглавить революционные преобразования вплоть до полного исчезновения классов вообще.

Конечно, экономические и социальные достижения социализма, преображая общество, оказывают огромное воздействие и на рабочий класс — главного двигателя и творца общественных преобразований. Преобразуя общество, рабочий класс преобразует и самого себя. Это находит воплощение, в частности, в появлении его новых и новых отрядов, в росте общей и профессиональной культуры, образованности, социальной активности, развитии социалистической морали.

Но тот факт, что рабочий класс растет, развивается, повышает свою культуру, овладевает все новыми знаниями, новыми методами труда, естественно, не уменьшает, а, напротив, усиливает его ведущую роль в коммунистическом строительстве.

Эта, казалось бы, очевидная истина не всеми, однако, правильно понимается. Так, утверждения автора книги «Человек и человечество» И. Забелина о том, что «рабочий класс пришел к власти для того, чтобы уступить место на исторической арене интеллигенции, классу интеллигенции», мягко говоря, расходятся с фактами живой социалистической действительности, по мнению И. Забелина, рабочий класс «подготовил свое собственное, а также крестьянства, постепенное перерастание в класс интеллигенции, которому в дальнейшем суждено быть — во веки веков! — единственным классом человеческого общества».

Это — в будущем. А в настоящем? Для И. Забелина «безусловно, что сейчас лидирующим революционным классом (это дальнейшая конкретизация эволюции), классом, возникшим в канун космической эры, стала интеллигенция, многообразная деятельность которой изменяет и определяет судьбы стран и народов».

Но ведь интеллигенция, как об этом писал В. И. Ленин, никогда не была и не могла стать самостоятельным классом, ибо выделялась из основной массы населения не по классообразующим признакам, а по профессиональной принадлежности к сфере преимущественно умственного труда. Интеллигенция, как, впрочем, и любая другая социальная группа, вообще не может стать единственным классом общества, ибо этот единственный класс и будет собственно обществом, то есть обществом без классов: Таким образом, утверждение И. Забелина — при кажущемся его стремлении учесть то новое, что привносит в жизнь научно-техническая революция, — несостоятельное с самого начала.

XXIV съезд нашей партии особо отметил необходимость дальнейшего повышения роли рабочего класса во всех сферах производственной, экономической, политической и культурной жизни. Эта закономерная тенденция обусловлена всем ходом социалистического развития. «Рабочий класс, — подчеркнул в Отчетном докладе ЦК КПСС съезду товарищ Л. И. Брежнев, — был и остается основной производительной силой общества. Его революционность, дисциплинированность, организованность и коллективизм определяют его ведущее положение в системе социалистических общественных отношений».

Как представляется, в своих рассуждениях И. Забелин упускает главный — классовый — критерий и в результате неизбежно попадает под власть схоластики. Книга

(а особенно очерк «Человечество — для чего оно?») наводнена абстрактными построениями, касающимися настоящего и будущего планеты,— без какого бы то ни было учета борьбы классов, и сегодня определяющей характер социального развития в мире. Декларируя коммунизм как высшую, конечную цель человечества, И. Забелин, по сути дела, игнорирует как раз ту массовую силу, которая призвана осуществить эту цель, осуществить вопреки ожесточенному сопротивлению старого мира. Свое внимание И. Забелин сосредоточивает прежде всего на общих, по его мнению, для всего человечества проблемах научно-технической революции, демографического взрыва, выхода человека в космос и т.д., в духе внеклассовой футурологической утопии рассуждая о «ведении всечеловеческих дел».

Избегая социального взгляда на судьбу человечества, автор и научно-техническую революцию толкует в отрыве от социальных начал жизни. И возникает ошибочное понимание роли интеллигенции как некоего «лидирующего революционного класса», который появился «в канун космической эры», чтобы определять «судьбы стран и народов». Видится здесь уже не социализм, а некое отвлеченное общество «вообще».

Что же касается утверждения о «лидирующей роли интеллигенции в качестве «революционного класса», то оно, увы, не является изобретением автора. Не в обиду будь сказано И. Забелину, но об этом давно толкуют мелкобуржуазные социальные теоретики.

Начать с того, что буржуазные идеологи лелеют миф об «исчезновении классов» при сохранении частной собственности, о том, что развитие современного капитализма ведет к примирению классов, установлению «классового мира», к общему социальному согласию и благоденствию. Классы, мол, представляют собой лишь «временные» социальные объединения. Они якобы возникают лишь в тех случаях, когда какие-то общественные, экономические, политические процессы сплачивают воедино различные социальные группы в одну большую группу. Классы, утверждает, например, Р. Дарендорф, являются «подвижными образованиями», временно организованными группировками, участвующими в том или ином социальном конфликте, эмпирическими социальными сущностями.

Кстати, и в утверждении Дарендорфа нет никакой новизны. Оно опирается на довольно распространенную в буржуазной социологии точку зрения, согласно которой социальная дифференциация в основе своей имеет, например, тождественное понимание интересов. Подобную точку зрения когда-то отстаивал еще предшественник нынешних «теоретиков» конвергенции Вернер Зомбарт, уверявший, что класс образуется на основе «убеждения групп людей в их общности». Любопытно, что даже Фрейд пытался доказать, будто Марксова теория классов и классовой борьбы и была как раз одной из причин появления реальных классов в результате раскола внутри нации, породившего «иллюзорное ощущение единства» у отдельных социальных групп.

Особую неприязнь у буржуазных идеологов вызывает марксистско-ленинское положение о том, что строй частной собственности есть причина антагонистического классового деления общества. Рассматривая рабочий класс как относительно неустойчивое социальное явление, как «политическую» страту, охватывающую тех, кто признал себя рабочими, буржуазные социологи уверяют, что «сумма социальных страт», составляющих рабочий класс, в настоящее время полностью утратила антикапиталистическую, революционную сущность. Буржуазные социологи пытаются доказать, что рабочий класс врос де в систему государственно-монополистической организации. Наиболее отчетливо эта точка зрения выражена в работах Герберта Маркузе. Еще в книге «Одномерный человек» он утверждал, что «рабочий интегрируется со своим предприятием», происходит «...социальная и культурная интеграция рабочего класса в капиталистическом обществе». По Маркузе, «новый технологиче-

ский мир труда ликвидирует негативное отношение к себе со стороны рабочего класса. Последний больше не выглядит как живое отрицание существующего общества...» Теперь рабочий класс больше не отличается, по мнению Г. Маркузе, от предпринимательского класса, от коммерсантов и других буржуазных групп, поскольку он так же, как и они, якобы заинтересован в сохранении капитализма.

Согласно другой точке зрения, миссию власти в современном обществе может выполнять только элита. Адепты этой концепции тешатся доказать, будто политическая история является борьбой только тех социальных групп, которые находятся на вершине общественной пирамиды.

При этом народные массы буржуазные теоретики третируют как «усредненную» и «худшую часть человечества» (Ортега-и-Гассет), «косную силу, противостоящую творческому меньшинству» (Тойнби). Вследствие своей биологической особенности массы якобы подсознательно жаждут подчиниться элите, поскольку народу, мол, всегда свойственно «стадное сознание». Элита же, напротив, обладает особой генетической, то есть наследственной, способностью руководить, подчинять себе массы. Она наделена некоей экстраординарной физической и нервной энергией, необходимой для того, чтобы устоять в борьбе со своими конкурентами.

Переход власти от капиталистической элиты к интеллектуальной является будто бы особенностью XX века — утверждают буржуазные социологи. Господствующий класс теперь, дескать, складывается из наиболее интеллектуально одаренных людей и, таким образом, иерархия умственных талантов и иерархия социального управления все чаще совпадают. По Гэлбрейту, например, в настоящее время людей все больше и больше разделяют не деньги, а образование, «именно в этом отражается существенное классовое (! — *А.Я.*) разделение нашего времени».

В конечном счете буржуазные теории активно спекулируют на новых явлениях в технико-экономической жизни капиталистических стран, которые наблюдаются в условиях научно-технической революции. Эти спекуляции направлены на дезориентацию революционного движения. В теориях «единого индустриального общества», «стадий роста», «постиндустриального общества» и им подобных наиболее полно проявились вулгарный технологизм, гипертрофия значения технических достижений и умаление и даже прямое игнорирование роли главной производительной силы — огромной массы трудящихся.

Таковы некоторые идеи буржуазных теоретиков, идеи, которые они провозглашают универсальными, пытаясь навязать их социалистическому миру.

2

Но вернемся к делам домашним. Мы знаем, что темпы роста социалистической научной и технической интеллигенции в последние годы стали превосходить темпы роста других социальных групп. Этот процесс не только объясним, но и закономерен. Количественный и качественный рост интеллигенции есть прямой результат политики партии, направленной на всемерное ускорение научно-технического прогресса, на дальнейшее повышение культуры и образованности народа. Достаточно известно также, что эффективная работа трудовых коллективов в огромной степени зависит от руководителей и специалистов, от их компетентности, умения управлять, принимать правильные решения и объективно оценивать достигнутое. Однако все это не дает никаких оснований противопоставлять друг другу работников умственного и физического труда, прекратив толковать их взаимоотношения.

Если совершенно несостоятельно отрицание ведущей роли рабочего класса, то в такой же степени неприемлемо и нигилистическое отношение к интеллигенции. Какой бы то ни было нигилизм подобного рода глубоко чужд идеологии научного со-

циализма — и это понятно, — ибо ничего, кроме разлада, внести в общество не может. Именно поэтому наша общественность подвергла критике статью «Ноль целых шесть десятых» («Октябрь», № 7, 1971 г.), истерические писания И. Шевцова, книгу И. Дроздова «Подземный меридиан» и некоторые другие. Снобистское отрицание исторической роли рабочего класса, равно как и попытки возвести в роль «лидирующего класса» интеллигенцию или, наоборот, — что свойственно названным книгам — принизить и охаять ее роль имеют своим источником один и тот же корень, а именно: непонимание происходящих перемен в социальной структуре общества, их главных тенденций, внесоциальное толкование социалистического прогресса.

Непонимание законов живой жизни или растерянность перед ее сложными явлениями порождают у иных публицистов не только заблуждения относительно роли рабочего класса и интеллигенции в условиях социализма, но и крайности другого порядка — воинствующую апологику крестьянской патриархальности в противовес городской культуре — всеобщей, по словам одного из сторонников этой точки зрения, «индустриальной пляске».

Заблуждение это обрело даже некую теоретическую «оболочку» в виде концепции «истоков», которой почему-то дали «зеленую улицу» некоторые невзыскательные редакции. «Историки» в иных статьях настойчиво противопоставляются «интеллектуализму», а противопоставление это выдается за «современное соотношение городской и деревенской культуры». По адресу сторонников «интеллектуализма» мечутся громы и молнии, а сами они именуются не иначе как «разлагатели национального духа».

В представлении проповедников теории «истоков» именно деревня, причем старая, существующая, главным образом, в воображении этих проповедников, старый аул, затерянный хутор или кишлак, хранящие традиции застойного быта, в отличие от города являются главной питательной почвой национальной культуры, некоей «общенациональной морали». Тем самым культивируется любование патриархальным укладом жизни, домостроевскими нравами как основной национальной ценностью. Естественно, что при такой постановке вопроса социализм и те изменения, которые он за полвека внес в нашу жизнь, социальная практика советского общества, формирующая коммунистическую мораль, выглядят как искусственно привнесенные нововведения, как вряд ли оправданная ломка привычного образа жизни.

«...Крестьяне — наиболее нравственно самобытный национальный тип», «...оригинальность (мужика. — А.Я.) противостоит безликости (агрессивной или пассивной), разлагающей народный дух», — провозглашает М. Лобанов в своей книге «Мужество человечности».

В книге М. Лобанова мы сталкиваемся с давно набившими оскомину рассуждениями «о загадке России», о «тяжелом кресте национального самосознания», о «тайне народа, его безмолвной мудрости», «зове природной цельности» и в противовес этому — о «разлагателях национального духа». В рассуждениях этих нет и грамма конкретно-исторического анализа. Нет понимания элементарного — того, что «национальное чувство», «национальный дух» декабристов и Николая I, Чернышевского и Каткова, Плеханова и Победоносцева несовместимы, что в классовом обществе нет и не может быть единого для всех «национального самосознания».

Внеисторический, внеклассовый подход к проблемам этики и литературы характерен для понимания М. Лобановым эпопеи Л. Толстого «Война и мир» (статья «Вечность красоты», «Молодая гвардия», № 12, 1969). Отечественная война 1812 года трактуется М. Лобановым как период классового мира, некоей национальной гармонии. Неприятие М. Лобанова вызывают идеи Великой Французской буржуазной революции: якобы избавление от них как от «наносного, искусственного, насильственно привитого» и возвращение к «целостности русской жизни» обеспечило, по его мнению, «нравственную несокрушимость русского войска на Бородине».

Насколько далеки подобные утверждения от истины, говорит уже то, что влиянию этой революции и идейно подготовившей ее философии просветителей лучшая часть русского общества во многом обязана формированием передовых идей своего времени, что без этого влияния невозможно представить себе духовную атмосферу эпохи Пушкина и декабристов.

Не менее категоричен М. Лобанов и когда обращается к современности. «Одно время наша литература о деревне, — заявляет он, — была активна, так сказать, организационно-хозяйственными предложениями, рекомендациями, что ли. В какой мере такие рекомендации мало подходят для целей литературы, показал опыт работы В. Овечкина, в свое время писавшего страстные, убежденные очерки, которые, однако, вскоре угасли в своей практической актуальности именно из-за узкопрактической своей проблематики».

Итак, очерки В. Овечкина утратили свою актуальность. Но в чем состоит альтернатива? На этот вопрос, переключаясь с М. Лобановым, отвечает в журнале «Кедры» (№ 3, 1971) Л. Аннинский. Он пишет:

«От Тропопольского и Овечкина, от Жестева и Калинина, от тогдашнего Тендрякова и тогдашнего Залыгина был деревенской прозе завещан, так сказать, «экономический» анализ человека... Были написаны повести и романы В. Фоменко и Е. Мальцева, С. Крутилина и В. Семина, Ф. Абрамова, П. Проскурина, Е. Дороша... Была создана панорама событий в деревне.

Имела эта панорама решающий успех в литературе? Нет. Она вошла, конечно, в ее анналы и в ее фонды... Но событие произошло не здесь. Рядом.

Событием стали лиричные сельские рассказы и философские эссе молодых деревенских писателей...

На смену трезвому хозяйственнику пришел деревенский мечтатель, лукавый мужичонка, балагур, чудака, мудрец, древний деревенский дед, хранитель столетних традиций...»

Если верить М. Лобанову, «современную литературу наши потомки будут судить по глубине отношения к судьбе русской деревни... Истинные ценности, прежде всего нравственные, всегда дождутся своего времени. И хорошо, что наша деревенская литература все более насыщается этими ценностями, которые излучаются из недр крестьянской жизни».

Подобное же мировосприятие по-своему выражено в книге стихов «Посиделки» В. Яковченко: «О Русь! Люблю твою седую старину... Вон позабытый старый храм над колокольней поднял крест, как руку, как будто ждет условленного звука, и жадно смотрит в очи небесам. Ах, старый, старый, позабытый храм...»

А пока один тоскует по храмам и крестам, другой заливается плачем по лошадям, третий голосит по петухам.

Вздохами о камнях, развалинах, монастырях перегружена подборка стихов «Поэты Армении» («Новый мир», № 6, 1972). Лирический герой одного из стихотворений сидит у окна и видит, как на грузовиках везут лошадей, «которые тысячи лет все перевозили и переносили, взвалив историю человечества на свой выносливый круп, выбив копытами эту историю». И ему кажется, что надо спасти прошлое от настоящего: «Как мне вас выручить, кони мои? Как мне спасти вас, кони? Что я могу — подавить рыданье, душу за вас отдать...»

И. Кобзев, в свою очередь, грустит, что «в Москве не слышно петухов», и пишет: «Порой меня снедает грусть: о, сторона моя родная, куда ж ты задевалась, Русь, веселая и разбитая?!»

Во многих стихах мы встречаемся с воспеванием церквей и икон, а это уже вопрос далеко не поэтический. «Раньше можно было в небесах приют найти — несговорчивая сила нам отрезала пути», — жалуется В. Яковченко. Сусально-олеографи-

ческая деревенская Русь напрямую противопоставляется современному городу. «Говорят, что скоро, очень скоро сельский люд ввезет на этажи...» — скорбит В. Яковченко. Город, индустрию он рисует в образе некоего абстрактного «зла», «железа», которое, как «злой гений, вознеслось»:

«Обрело язык железо, зык его и зол и резок. Рвать! Рубить! Дырявить, резать! Вот законы. Вот права. Сталь растет. Растет железо, как гигантская трава. Стой! Питаемое веком, зреешь ты над человеком, все растешь. Все мало, мало!..»

Видение прямо-таки апокалипсическое! По сути дела, за всем этим — идейная позиция, опасная тем, что объективно содержит попытку вернуть прошлое, запугать людей «злобным духом железного воя», «индустриальной пляской», убивающей якобы национальную самобытность. При этом альтернативой подобным «страхам» предстают призывы к «освоению простонародности», поиски вечной, неизменной морали, утверждение веры «в нравственное начало... не зависимое ни от чего, кроме того, что оно — нравственное, веры в то самое вечно обновляющее личность внутреннее духовное качество, которое в русской культурной традиции всегда называли совестью».

Ленин в свое время, как известно, говорил: «Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем». В ряде работ он писал об исторической ограниченности патриархального крестьянства, его забитости, сервильизме, рабской психологии, воспитанной веками подневольного труда, вскрыл двойственность его природы как мелких собственников, с одной стороны, и тружеников — с другой. Напомним, с какой огромной художественной силой и глубиной эта диалектика, двойственность природы крестьянства, показана, например, в романах М. Шолохова. Тот, кто не понимает этого, по существу, ведет спор с диалектикой ленинского взгляда на крестьянство, с социалистической практикой переустройства деревни. Тогда и возникают разного рода вульгарно-объективистские утверждения.

«Мы очень охотно ругаем нынче патриархальность, и слово это в нашей практике приобрело заведомо бранный характер,— сетует в статье «Земля и прогресс» А. Ланщиков (альманах «Кубань», № 10, 1971).— Но здесь не все так просто, как может показаться с первого взгляда... Говоря о патриархальном укладе, мы сплошь и рядом забываем, что в нем воплотились многовековые дения, нравственный и духовный опыт трудового класса, что именно этот, а не какой-либо другой уклад обеспечил этому классу жизнестойкость в самых трудных торических ситуациях...» В романе «Оленьи пруды» М. Кочнева утверждается: «Русской деревне даже в самые беспросветные времена никогда не была свойственна ограниченность, равная идиотизму, и обвинить ее в идиотизме мог только тот, кому за каждым кустом, растущим за городской заставой, мерещится страшный серый волк...»

В том же романе читаем: «Все — сатрапы, все — холоуи, все — рабы прикровенные и откровенные... Нация холопов... А не пересолил ли дорогой наш Николай Гаврилович...» — говорит один из героев романа. Герой положительный, и все симпатии автора на его стороне. Полемика идет не только с Чернышевским, но и с Лениным. Чтобы убедиться в этом, приведем соответствующее место из работы Ленина «О национальной гордости великороссов»: «Мы помним, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая жизнь делу революции, сказал: «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы». Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения». Кстати, у Чернышевского нет слов «рабы откровенные и прикровенные» — это у Ленина. И не «всех» Ленин называл «холоуями», «рабами прикровенными и откровенными», а только тех, кто был «рабом по отношению к царской монархии».

С кем же в таком случае борются наши ревнители патриархальной деревни и куда они зовут?..

Но что там нравственные ценности былого, если даже «традиции» гастрономического свойства стали предметом скорби! Согласно В. Кожинovu, утрата национального своеобразия особенно резко проявилась у нас... в отношении к еде. «Еда — и в своей семье, и на миру — испокон веков была настоящим священнодействием и обрядом. Она начиналась и заканчивалась благодарственной молитвой...» — пишет В. Кожинov в журнале «Кодры» (№ 3, 1971), рисуя далее картину «русской еды» с ее обилием, красотой и «одухотворенностью» как нечто национально особенное, связанное «с тысячелетним опытом, с народной традицией». Не кощунственно ли звучит все это? Если следовать логике рассуждений В. Кожинова, то плотоядный гоголевский персонаж — Петр Петрович Петух окажется самым ярким носителем национальных традиций. Следует, может быть, напомнить В. Кожинovu, с каким гневом писала русская литература о барском обжорстве и с какой болью говорила она о русских деревнях, называвшихся «Горелово, Неелово, Неурожайка тож».

Голод, нищета, забитые в колодки мужики, кнут крепостничества или, говоря словами Ленина, «рабское прошлое», «рабское настоящее», «великое раболепство» — вот что было неразрывно связано с понятием патриархальной России, которое лелеют в своем воображении оказавшиеся не в ладах с историей сторонники «вечной нравственности». Уместно напомнить, что В. И. Ленин прямо отождествлял патриархальщину с дикостью. И в ней ли нам искать нравственные идеалы, «истоки» морального обновления!

Скажем сразу: мы — за бережное отношение ко всему прогрессивному и демократическому, что содержит в себе нравственный опыт народов и что органически дополняет наши классовые моральные принципы. Мы с любовью относимся ко всему, что отложилось в народном характере за годы революционной борьбы и чем обогатил его жизнь труд по преобразованию земли. Нам дороги свободолюбие трудового крестьянства, жгучая ненависть к эксплуататорам. Эти чувства влекли его в разинские ватаги, войска Емельяна Пугачева, звали на борьбу против царя и помещиков и в конечном, историческом, счете привели в полки Красной армии.

Нельзя не гордиться талантом русского крестьянства, его смекалкой, стремлением внести в каждое дело живинку мастерства. Нам дорого присущее трудовому крестьянству чувство любви к земле, к родной природе, чувство общности в труде, отзывчивость к нуждам других людей. Мы хотим, чтобы к краюхе хлеба, добытого нелегким трудом тысяч и тысяч людей, с такой же любовью, как крестьянин-труженик, относились все.

Именно этим прогрессивным чертам в нравственном облике трудового крестьянства с победой революции суждено было утвердиться, обогатиться новым содержанием. Активная социально-преобразующая деятельность формировала на селе характер труженика-коллективиста, советского патриота, духовно богатую личность, для которой мир не только округа за околицей, а весь могучий и свободный Союз Советских Социалистических Республик. Не о «самовозрождении» патриархального духа ныне благостно пекутся, а землю преобразуют, космос штурмуют крестьянские сыны!

Говоря о решительном неприятии юродствования по поводу «мужицких истоков», мы столь же категорически осуждаем космополитическое небрежение народными традициями. Наш спор со сторонниками социальной патриархальщины не означает нигилистического отношения к культурному наследию народов. Только брызжащий скептик может «не заметить», что для деятельности Советского государства в области культуры характерна огромная забота о сохранении и приумножении духовного наследия всех народов советской страны. Государство отпускает огромные средства на реставрацию памятников архитектуры, произведений изобразительного искусства.

Будем откровенны: ведь не на деньги же новоявленных богоносцев реставрирован Тракайский замок под Вильнюсом, кремль в Ростове Великом, памятники архитектуры в Самарканде. Только вот молиться на каждую церковную луковку и каждый минарет мы не будем и причитать у «святых мощей» и «стен плача» не собираемся!

Попутно заметим, что трудовое крестьянство никогда не выступало в роли богоносца. Об этом еще более века тому назад писал Белинский, иронически замечая, что мужик относится к иконе так: «годится — молиться, не годится — горшки покрывать», имея в виду как раз те самые «доски», у коих коленопреклоненно застывают ныне некоторые радетели патриархальной старины.

Действительно, в сооружении некоторых храмов участвовали видные зодчие, вложены труд и талант народных умельцев. Но мы знаем и другое — что и церкви, и мечети, и синагоги, и костелы всегда были идеологическими центрами, защищавшими власть имущих. Мы не забываем, что под сводами храмов освящались штыки карателей, душивших первую русскую революцию, что с церковного амвона был предан анафеме Лев Толстой, что колокольным благовестом встречали палача Кутепова, вешателя Деникина, банды Петлюры. Да ведь и самая «демократическая» религия в конечном счете реакционна, представляет собой идеологию духовного рабства. Коли уж говорить об уважении к исторической правде, то не надо подсахаривать эти горькие истины. Их из народной памяти не вытравишь никакой словесной эквилибристикой относительно «извечного духа», о котором так пекутся доморожденные культуртрегеры от православия, мусульманства, католицизма, иудаизма и других вероисповеданий.

3

Итак, две крайности. Если в одном случае научно-технический прогресс абсолютизируется, рассматривается с внеклассовых, «всечеловеческих» позиций, а руководящим классом общества объявляется интеллигенция, то во втором и научно-техническая революция, и интеллигенция независимо от их социальной природы предаются анафеме. При кажущейся полярности позиций, отмеченных глобальным космополитизмом в первом случае и национальной узостью — во втором, их роднит равно метафизический подход к сложным явлениям и тенденциям. Родственны они и по конечным результатам, ибо игнорируют не только ведущую роль рабочего класса в строительстве коммунизма, но и реальную социальную структуру нашего общества, укрепление его единства, политику партии, направленную на постепенное преодоление существенных различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом.

Старое, патриархальное крестьянство полностью навсегда ушло с исторической арены и сменилось новым классом — колхозным, социалистическим крестьянством. Ушел в прошлое самый многослойный социальный слой, порождавший мелкобуржуазное сознание, мелкобуржуазную идеологию.

Этот протяженный во времени исторический сдвиг и сегодня еще дает отзвуки устроений, противоречиво отражающих столь крутые революционные перемены. Наряду с наследованием и усвоением всего лучшего, что было и есть в трудовом крестьянстве, что входит в жизнь социалистического общества, появляются поветрия, которые В. И. Ленин в свое время характеризовал как «реакционный романтизм». «...Под этим термином, — пояснял он, — разумеется не желание восстановить просто-напросто средневековые учреждения, а именно попытка мерить новое общество на старый патриархальный аршин, именно желание искать образца в старых, совершенно не соответствующих изменившимся экономическим условиям порядках и традициях».

Рупором такого рода «романтизма» выступают чаще всего отдельные литераторы, давно оторвавшиеся от деревни. Их тоскливые «всхлипы» выражают интерес к крестьянству, но не сегодняшнему, социалистическому, а вчерашнему, к той старой деревне, к которой нынешнего горожанина зачастую привязывают лишь воспоминания детства или отрочества. Сегодняшние ревнители патриархальщины, восторгаясь созданным ими же иллюзорным миром, защищают то прошлое в жизни крестьянства, с которым без какого-либо сожаления расстался современный колхозник.

Если говорить точнее, то здесь речь идет даже не о старой деревне, а о том самом «справном мужике», у которого действительно и за обильным столом творилось священнодействие, и богатый киот был ухоженным, и книжек «школы богомерзкой» не водилось. Только называли такого «справного мужика» на селе просто и ясно — «мироед». И то, что его жизнь, его уклад порушили вместе с милыми его сердцу святынями в революционные годы, так это не от злого умысла и невежества, а вполне сознательно. Так сделали для того, чтобы в кабале у «справного мужика» ходивший, воспетый поэтом, стомиллионный «сеятель и хранитель» не страдал, а был полноправным гражданином и хозяином государства трудящихся. А «справного мужика» надо было порушить. Такая уж она неумолимая сила, революция, — рушит все, что восстает против человечности и свободы.

Ключ к пониманию современности — последовательно классовая, партийная позиция в оценке прошлого, опыта предшествующих поколений. Партия всегда придавала и ныне придает серьезное значение правильному, объективному освещению истории нашего государства. Как известно, на XXIV съезде КПСС справедливой критике были подвергнуты отдельные попытки с внеклассовых позиций оценивать исторический путь советского народа, умалять значение его социалистических завоеваний. В то же время партия показала несостоятельность догматических представлений, игнорирующих те большие положительные перемены, которые произошли в жизни общества.

Партийная и литературная печать уже критиковала отдельные статьи в журнале «Молодая гвардия», в которых культурное наследие рассматривалось в духе теории «единого потока», причем дело доходило, по сути, до идеализации и восхваления таких реакционных деятелей, как В. Розанов и К. Леонтьев, с одной стороны, и до пренебрежительных суждений о представителях революционной демократии — с другой.

Игнорирование или недооценка ленинского учения о двух культурах в каждой национальной культуре применительно к прошлому и сегодня остается одним из проявлений внеклассового, внесоциального подхода к истории. Предпринимаются иногда попытки теоретически обосновать эту — будем называть вещи своими именами — ревизию одного из основополагающих принципов марксизма-ленинизма. Так, авторы брошюры «Листья и корни» Л. Ершов и А. Хватов, провозгласив, в прямом противоречии с Лениным, Октябрьскую революцию «великой русской национальной революцией», уверяют, будто после Октября Ленин чуть ли не пересмотрел свое учение о двух культурах, что после революции в ленинском отношении к наследию будто бы «много кардинально меняется». Это не соответствует действительности, ибо и до, и после революции Ленин со всей определенностью требовал не внеклассовой всеядности, а «развития лучших образцов, традиций, результатов существующей культуры с точки зрения миросозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры». Авторы брошюры, увы, утверждают нечто иное — будто «культура социалистического общества складывается не только из элементов последовательно-демократических, но из всего культурного фонда прошлого».

Когда игнорируется ясное ленинское требование, обязательное в подходе к истории, искажаются и конкретные оценки тех или иных видных деятелей прошлого.

Критик О. Михайлов в журнале «Наш современник» (№ 4, 1969) и прозаик И. Шухов в журнале «Простор» (№ 1, 1972) в явно романтизированном виде представили царского генерала Скобелева, без учета его реакционных умонастроений и роли в подавлении народных выступлений в Средней Азии. Без каких бы то ни было оснований М. Кочнев в уже упоминавшемся романе «Оленьи пруды» предпринята попытка оспорить точку зрения на Карамзина-историка как защитника самодержавия и представить его нашим «идейным союзником», «соратником», заслуживающим ни больше ни меньше как «народного внимания, народного чувства».

Когда нарочито идеализируется прошлое, да еще при нечетких социальных позициях, возникает нелепый спор, чей царь лучше, а заслуги тех или иных деятелей доводятся до превосходных степеней. Один пример из статьи, опубликованной в журнале «Литературная Грузия» (№ 8, 1970): «В грузинской истории имя царицы Тамары окружено особым ореолом»; «Светлая личность царицы Тамары, ее победоносное царствование, дальновидная политика и проницательность — сегодня это уже ясно для всех — способствовали политическому и культурному процветанию Грузии. Все это и снискало ей любовь народную, благодаря этому и сложил народ гимны в честь своей гордости — царицы Тамары... Тамара, по мнению народа, была настолько добрым правителем, что люди мечтали ходить у нее в подчинении...» Иван Билык в романе «Меч Ароя» «в стремлении как можно больше прославить мифического киевского князя Богдана Гатило договорился до того, что объявил, будто под этим именем выступал вождь гуннов Аттила.

Подобные мотивы идеализации можно заметить и в некоторых публикациях о Тимуре, царе Давиде, о движении Кенесары Касымова, о молдавских деятелях культуры прошлого века, об истории киргизского государства и т. д. Надо ли доказывать, что всякая гиперболизация в подобных делах может стать одной из откровенных точек для оживления националистических предрассудков! Правомерно поэтому, что эти проявления получили соответствующую оценку со стороны партийных организаций республик.

Восхваление заслуг «своих» князей, феодалов, царей отнюдь не служит делу патриотического воспитания. Оно возвращает нас к давно высмеянной М. Е. Салтыковым-Щедриным раболепной привычке путать понятия «отечество» и «ваше превосходительство» и даже предпочитать второе первому. Непомерное любование прошлым неизбежно сглаживает классовые противоречия в истории того или иного народа, затушевывает противоположность и непримиримость прогрессивных и реакционных тенденций, притупляет бдительность в современной идеологической борьбе.

Еще один пример — сборник «О Русская земля!». В книге, цель которой, как сказано в послесловии, — познакомить наше юношество «со стихами высокого гражданского звучания, высокого патриотического и революционного пафоса», без всяких комментариев опубликовано стихотворение видного русского поэта первой половины прошлого века Н. М. Языкова «К не нашим», в котором есть такие строки: «Вы, люд заносчивый и дерзкой, вы, опрометчивый оплот ученья школы богомерзкой, вы все — не русский вы народ!»

Кому же адресовано это стихотворение, кто они — «не наши»? Это А. И. Герцен и его соратники. Само же стихотворение — широко известная акция идейной борьбы, вызвавшая в свое время протесты В. Г. Белинского, Н. А. Некрасова и самого А. И. Герцена, который назвал это сочинение «полицейской нагайкой» и «доносом в стихах».

В том же сборнике, тоже без всяких комментариев, опубликованы произведения других славянофильских поэтов, воспевавших самодержавие.

Маловероятно, чтобы составители сборника и его редакторы не знали всего этого. В чем же тогда дело? Неужели понятием «высокопатриотического и революцион-

ного пафоса» хотят соединить несоединимое — революционных демократов с реакционерами-славянофилами?

Впрочем, то, что сказал стихами Н. Языков еще в 1844 году, в известном смысле повторяет наш современник М. Лобанов в году 1969-м, но уже в форме не поэтической. Он пишет: «Вытеснение духовно и культурно-самобытной Руси, ее национально-неповторимого быта Россией новой, «европеизированной», унифицированной, как страны Запада, — этим болели многие глубокие умы России. Быть России самобытной, призванной сказать миру свое слово, или стать по западному образцу буржуазно-безликой».

Как известно, тема родины, России, понимание патриотизма и любви к Отчизне на всем протяжении XIX столетия были полем острейшей идейно-политической борьбы. И тогда принципиальным образом противостояли друг другу идеи демократизма и просветительства устоям реакционности и «почвенничества».

Как известно, антикоммунизм, изыскивая новые средства борьбы с марксистско-ленинским мировоззрением и социалистическим строем, пытается гальванизировать идеологию «Вех», бердяевщину и другие разгромленные В. И. Лениным реакционные, националистические, религиозно-идеалистические концепции прошлого. Яркий пример тому — шумиха на Западе вокруг сочинений Солженицына, в особенности его последнего романа «Август четырнадцатого», веховского по философским позициям и кадетского — по позициям политическим. Романа, навязывающего читателю отрицательное отношение к самой идее революции и социализма, чернящего русское освободительное движение и его идейно-нравственные ценности, идеализирующего жизнь, быт, нравы самодержавной России.

Конечно, роман Солженицына — это проявление открытой враждебности к идеалам революции, социализма. Советским литераторам, в том числе и тем, чьи неверные взгляды критикуются в этой статье, разумеется, чуждо и противно поведение новоявленного веховца.

Но ясно и другое, что даже простое кокетничание с реакционно-консервативными традициями прошлого, восходящими к интересам и идеологии свергнутых классов, вынуждает к решительным возражениям против идейной неразборчивости в вопросах подобного рода.

4

Мы — за бережное отношение к культурному наследию, в том числе и к национальным традициям. И, конечно же, воспитание на традициях, особенно рожденных революцией и социализмом, — неотъемлемая часть идеологической деятельности партии.

Отрицание традиции вообще — другая крайность мелкобуржуазности, которая, как известно, разнолика. Мелкобуржуазное сознание дает великое множество оттенков — от приверженности к канонам «Домостроя» до анархистских лозунгов «Никаких авторитетов!». Характерно, что все эти концепции находятся в полном отрыве от реальной социально-исторической практики и являются по существу не более чем окрошкой из раскавыченных суждений «почвенников» и славянофилов, слегка, правда, модернизированных и «приправленных» либо высокопарными императивами в духе абстрактного гуманизма, либо левацкими идеями бунта против «всего и вся».

С понятием «социалистическая личность» для нас неразрывно связаны пролетарский интернационализм и ненависть трудящихся к классовым врагам, ко всякого рода пережиткам прошлого. И такая личность формируется только в процессе активного, деятельного участия в общем труде по созиданию нового мира. Бесспорно и то, что теория и практика коммунистической нравственности постоянно развиваются и

обогащаются новыми обобщениями, новым опытом. В этом и заключаются ее жизненность и социальная активность.

Мелкого буржуа по своему объективному мирозерцанию (чтобы быть мелким лавочником по убеждению, необязательно стоять у полок собственного магазинчика) страшно пугают идейность, организованность, ответственность и другие требования, которые предъявляет социалистическое общество к личности. Мещанин привык только требовать сам и на этих требованиях строить свою философию.

В этом свете невозможно согласиться с некоторыми утверждениями статьи Г. Батищева «Задачи воспитания нового человека», опубликованной в сборнике «Ленинизм и диалектика общественного развития». Начнем с того, что в статье нет ни слова о программных целях партии в формировании новой личности, о деятельности КПСС в этой области, о тех актуальных задачах воспитания, которые решают советская школа, комсомол, общество в целом. Тщетно искать какую-либо серьезную постановку вопроса о тех действительно актуальных проблемах воспитания, которые выдвигает жизнь. Главной целью воспитания автор считает «деятельно-критичный образ жизни». Но опять-таки вся «деятельность», по Батищеву, сводится к голому критицизму, огульному отрицанию. Например, он яростно ополчается на традиции, утверждая, что на их основе воспитывать людей нельзя: «Она (традиция. — А.Я.) всегда так или иначе ограничена из-за своего нетворческого характера». Между тем кому не известно, что в социально-нравственный опыт нашего народа неотъемлемой частью вошли революционные, воинские и трудовые традиции?!

Если говорить о социалистическом обществе, то одной из его характерных черт является высокая организованность, сознательная дисциплина. Именно эти требования становятся особенно актуальными ныне, на современном этапе и социального развития, и научно-технической революции. Но Г. Батищев мыслит по-иному. Он пишет: «Было бы вреднейшей нелепостью представлять социализм как общество, учреждающее еще один тип рутинных «табу», раз и навсегда закрепленных обычаев, догматизированных норм и обрядов». Разумеется, «догматизированные нормы», если имеются в виду консерватизм, рутина, вредны. Но не следует ли при этом напомнить, что понятия «норма» и «догма» не синонимы и что гуманные принципы социализма только тогда могут служить человеку, когда они надежно ограждены от чьих-либо посягательств, когда их соблюдает каждый, иначе общество ничем не будет отличаться от «бурсы» Помяловского.

Добрые традиции всегда будут жить, приумножаться, отражая собой созидательную историю народа. Те же, кто живой интерес к прошлому Родины, к ее революционным, культурным завоеваниям, заботу об охране памятников старины лишают какого бы то ни было классового содержания, оказывают медвежью услугу делу, за которое, казалось бы, ревностно ратуют. Ведь известно, что лучший способ скомпрометировать любое полезное в основе дело — это довести его до абсурда. Это и прodelывают некоторые публицисты.

Вот рассчитанная на массового читателя брошюра С. Семанова «Памятник «Тысячелетие России» в Новгороде». Сама по себе идея такого издания сомнений не вызывает: памятник «Тысячелетие России», при всей неоднозначности отношения к нему передовых сил русского общества в прошлом, и сегодня сохраняет свою историческую ценность. Но противоречивость его судьбы требует от современного истолкователя предельной четкости.

К сожалению, автор брошюры не занял диалектической, проникнутой историзмом позиции, не стал затруднять себя тем, чтобы отделить нетленное, с точки зрения искусства, от наносного и преходящего, хотя в его задачу, разумеется, входило помочь читателю разобраться в идеологической сущности празднования в 1862 году тысячелетия Российского государства, бесспорно, отразившейся и на замысле

скульптора М. О. Микешина. По словам С. Семанова, в 129 скульптурах памятника нашли свое отражение «гражданские убеждения» его создателя, «его понимание Родины и родной истории».

В действительности отбор исторических фигур для памятника носил строго выдержанный, тенденциозный характер и выражал не столько «гражданские убеждения» самого скульптора, сколько требования официальной идеологии русского царизма в духе триединой формулы «самодержавие, православие и народность». В брошюре нет и тени социального анализа, спора, критики, создается впечатление, что автор полностью согласен с тем пониманием «судьбы Родины», которое отражено в барельефах и скульптурах памятника.

Все, что нашел нужным сказать автор о торжественном открытии памятника, задуманного и осуществленного как откровенная идеологическая акция самодержавия, носит бесстрастный характер: «Новгород давно уже не видел такого стечения именитых гостей. Сюда прибыли царь Александр II, двор, высшие сановники и офицеры. Торжества были пышные».

Далеко не столь эпически встретили это событие современники. А. И. Герцен откликнулся в «Колоколе» статьей-памфлетом «Юбилей», выразившей подлинно демократическую точку зрения на торжества, иное понимание судеб Родины и отечественной истории. «Нас обижает продолжение лжи в прошедшем,— писал А. И. Герцен,— нас обижают барельефные обманы. Есть что-то малодушное и тупоумное в преднамеренном искажении истории по высочайшему повелению».

Людам, не искушенным в истории и политике, подобная позиция может показаться неким новаторством, «смелым» взглядом на события, лишенным какой-либо тенденциозности. Но тенденция здесь есть, и вполне определенная: небрежение реальными историческими фактами в угоду субъективистской внесоциальной концепции. Уместно вспомнить, что в свое время С. Семанов в статье «Иллюстрации к схеме», написанной совместно с В. Старцевым («Новый мир», № 12, 1966), взялся «припомаживать» политику Керенского, утверждая, например, что «после Февральской революции правовое и экономическое положение рабочих улучшилось, был достигнут подъем реальной заработной платы...». Как будто не было ни расстрела июльской демонстрации 1917 года, ни заточения большевиков в «Кресты», ни убийства рабочего Воинова, ни подготовки физической расправы над В. И. Лениным. Что же касается «улучшения экономического положения рабочих» стараниями Керенского и компании, то, по свидетельству самого продовольственного комитета Временного правительства, выдача хлеба рабочим Москвы и Петрограда к сентябрю 1917 года составляла менее полуфунта в день, а реальная заработная плата уменьшилась почти в два раза (см. «История Гражданской войны в СССР», т. I, стр. 357, 385).

Забвение социально-классовых критериев можно порой наблюдать не только в исторической науке, но и в литературоведении. Взять хотя бы статью Б. Егорова «Славянофильство» в Краткой литературной энциклопедии. Подробно описав «взгляды славянофилов по самому широкому кругу вопросов, автор не нашел места лишь для характеристики классовых корней этой консервативной идеологии, не сказав фактически о самом главном — о том, что она носила дворянский, помещичий характер.

Мотивы «неопочвенничества» не так уж безобидны, как может показаться при поверхностном размышлении. Если внимательно взглянуть в нашу жизнь, проанализировать динамику социально-экономических и нравственно-психологических сдвигов в обществе, то неизбежным будет вывод: общественное развитие отнюдь не стерло и не могло стереть четких граней, разделяющих национальное и националистическое, патриотическое и шовинистическое. Происходит другое: наполнение чувства патриотизма новым, интернационалистским содержанием, перерастание его за

границы, очерченные национальным происхождением. Патриотизм и интернационализм в наших, социалистических условиях ни в коей мере не противостоят друг другу, они органически слиты, спаяны воедино.

Разумеется, из того факта, что в нашем обществе утвердились отношения братского сотрудничества и дружбы между народами, что в нем господствует интернационалистская идеология, вовсе не следует, будто теперь проблемы патриотического и интернационального воспитания трудящихся разрешаются автоматически. Актуальность этих проблем подчеркнута в документах XXIV съезда партии, в постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования СССР». На важность усиления работы по интернациональному воспитанию трудящихся, на важность борьбы против пережитков национализма, на необходимость последовательного проведения классового, строго научного подхода в оценке истории народов вновь указано в партийных документах, постановлениях ЦК КПСС.

5

Область национальных отношений вообще и особенно в такой многонациональной стране, как наша, — одна из самых сложных в общественной жизни. И пока существуют нации, с повестки дня не могут быть сняты проблемы воспитания людей разных национальностей в духе глубокого взаимного уважения, непримиримости к проявлениям национализма в любой их форме — будь то местный национализм или шовинизм, сионизм или антисемитизм, национальная кичливость или национальный герметизм.

Буржуазная пропаганда всячески стремится оживить националистические настроения. Хорошо известно, какая активная кампания ведется нашим классовым противником в связи с 50-летием многонационального Советского государства. Один из главных тезисов этой кампании: Союз Советских Социалистических Республик — соединение будто бы чисто механическое, неорганичное, а отнюдь не могучий союз равноправных народов, добровольно ставших на путь строительства нового общества и объединенных в одну социалистическую семью. Легко понять, сколь старательно выискиваются и раздуваются при этом любые, самые малейшие проявления национализма, с какой готовностью подхватываются рецидивы мелкобуржуазной национальной ограниченности и чванства, пусть и самые незначительные.

Партия всегда была непримирима ко всему, что может нанести ущерб единству нашего общества, в том числе к любым националистическим поветриям, откуда и от кого они ни исходили бы.

Одним из таких поветрий являются рассуждения о внеклассовом «национальном духе», «национальном чувстве», «народном национальном характере», «зове природной цельности», содержащиеся в некоторых статьях, отмеченных объективистским подходом к прошлому. Их примечательная особенность — отрыв современной социальной практики от тех исторических перемен, которые произошли в нашей стране за годы после Великого Октября, игнорирование или непонимание того решающего факта, что в нашей стране возникла новая историческая общность людей — советский народ. Авторы этих статей словно бы чужаются таких слов и понятий, как «советское», «социалистическое», «колхозное». Критик В. Петелин предлагает, например, взамен Марксовой формулы о сущности человека как «совокупности общественных отношений» свою, доморощенную: «сущность» человека — «в национальности, к которой он принадлежит» («Волга», № 3, 1969). Как будто существует или может существовать в нашей стране некий национальный характер вне определяющего влияния революции, социализма, коллективизации и индустриализации страны, вне культурной и научно-технической революции, вне основных социальных констант времени.

Если попытаться довести до логического конца подобные, отнюдь не блестящие новизной рассуждения, то получается следующее: в мире нет классов, социальных слоев и групп, нет обусловленных прежде всего классовыми, социальными интересами идеологических направлений, а есть лишь незыблемые и неизменные национальные особенности, возникшие в неведомые времена по неведомым законам.

Подобное внесоциальное, внеисторическое понимание нации и национальной культуры, взятой в целом, противопоставляется западной, европейской культуре тоже без учета ее социальной дифференциации. И подобное противопоставление выдается порой чуть ли не за борьбу с буржуазной идеологией. Однако именно буржуазные идеологи изображают Россию как нечто противостоящее Европе в своей косности и заскорузлости. Они намеренно не хотят видеть социального размежевания и классовой борьбы не только в дореволюционной России, но и в странах современной буржуазной Европы и Америки, существования там демократических традиций, распространения пролетарской, марксистско-ленинской идеологии.

Надо ли доказывать, сколь неверно изображать исторически неизбежный и прогрессивный процесс интернационализации жизни советских народов как ликвидацию национального своеобразия! Коммунисты отвергают буржуазную постановку вопроса, согласно которой интернациональное мыслится как голое отрицание всего национального. Интернациональное, говорил Ленин, не есть безнациональное.

«Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? — спрашивал В. И. Ленин. И отвечал — Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т. е. 9/10 *ее* населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больше всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что *эта* среда вызывала отпор из нашей среды, из среды великорусов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов...» Такова теоретическая основа нашего, советского патриотизма, возрастающего на революционных, демократических, подлинно народных традициях отечественной истории, на чувстве национальной гордости народа, совершившего величайшую в мире социалистическую революцию, первым в человеческой истории строящего коммунизм.

Что же касается отдельных ревнителей «национального духа» и патриархальной старины, то они выражают определенное пережиточное сознание. Именно таковы попытки приукрасить, обелить некоторых представителей буржуазного национализма, что обнаружилось в ряде публикаций об украинских буржуазных националистах, о грузинских меньшевиках, социал-федералистах, об армянских дашнаках. Именно за игнорирование четких классовых критериев в подходе к проблемам национального развития Закавказья Тбилисский горком КП Грузии вполне обоснованно подверг критике книгу У. Сидамонидзе «Историография буржуазно-демократического движения и победы социалистической революции в Грузии (1917—1921 гг.)», а партийная печать Армении — книгу А. Мнацаканяна «Ленин и решение национального вопроса в СССР».

Полезно всегда помнить, что опасность мелкобуржуазного национализма состоит в том, что он паразитирует на святом чувстве любви к своей отчизне, на высокой идее патриотизма, искажая ее до неузнаваемости. В итоге вместо национальной гордости получается национальное чванство, а патриотизм оборачивается шовинизмом.

Если смотреть на вещи реально, то вполне допустимо, что многие из тех взглядов, которые мы подвергли критическому разбору, в личном плане в какой-то мере можно было бы рассматривать как своеобразную субъективистскую реакцию на те или иные острые вопросы современности. Дело, однако, в том, как подчеркивал

В. И. Ленин в известном письме к А. М. Горькому, что конкретные политические результаты той или иной проповеди определяются в конечном счете не стремлением «сказать «доброе и хорошее», указать на «правду-справедливость», а объективным социальным содержанием высказанных взглядов, реальными обстоятельствами общественного бытия.

Мы знаем, ценим и любим многие художественные и публицистические произведения, пронизанные великой гордостью за свой народ, за его свершения, болью за его тяжкое прошлое и радостью за настоящее. Такие произведения близки каждому советскому человеку.

Отдельные же проявления антиисторизма, конечно, никак не колеблют устоев, принципов марксистско-ленинского анализа как прошлого, так и современности. Тем более они не могут заслонить тот благотворный процесс укрепления дружбы народов, великого завоевания революционного Октября, социалистического строя. Но сказать о них надо, дабы не запутались окончательно отдельные ревнители «национального духа».

И еще одно, так сказать, частное замечание. Некоторые статьи на темы, о которых мы вели речь, нельзя назвать бесталанными, они написаны не без страсти, полемически остры. Жаль только, что защищают они дело бесперспективное, самой жизнью обреченное, отвергнутое.

Коммунистическая идеология выражает, как известно, идеалы и чаяния рабочего класса, класса-интернационалиста по своей природе. Вот почему национализм несовместим с советским патриотизмом и пролетарским интернационализмом, глубоко враждебен им. Воспитание патриотизма мы рассматриваем прежде всего как воспитание патриотизма советского, воспитание великой гордости за ту социальную реальность, которая создана трудом и борьбой поколений революционеров.

Именно в марксизме-ленинизме как революционном учении пролетариата воплощены высочайшие человеческие духовные ценности. Что же касается прошлого, то нам дороги прежде всего подлинно демократические, революционные элементы и традиции в истории нации. Мы видим нравственный пример не в «житиях святых», не в приукрашенных биографиях царей и ханов, а в революционном подвиге борцов за народное счастье. Мы ценим все, что создали гений, ум и труд народа на протяжении веков, но особую нашу гордость вызывает наша сегодняшняя социалистическая действительность.

«Литературная газета», 15 ноября 1972 г.

При использовании этого материала ссылка на Лефт.ру обязательна